

Артур Кларк

ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Артур Кларк СВИДАНИЕ С РАМОЙ

БЕЛОРУССКО- АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО
"ДАЙДЖЕСТ.."

Совет учредителей:

Анатолий КУДРЯВЦЕВ
/президент/ ,

Литфонд Республики Беларусь,
"D'jamirze Family Enterprise"
(Australia),

Виктор ЛЯСКОВСКИЙ,
Сергей НЕСТЕРОВИЧ,
Владимир ШАРПИЛО,
Владимир ШЕЛК.

Впервые на русском языке!!!

И ТОЛЬКО У НАС

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

Жак Сюзан.

МАШИНА ЛЮБВИ.

(Сер. "Бестселлеры мира")

"Машина любви" — это история Робина Стоуна, великолепного мужчины, чувствительного и сурового, с загадочным характером, а также трех женщин, пытающихся покорить его.

Любовная коллизия разворачивается в жестоком, но внешне притягательном мире телевизионных шоу, мире, который Робин Стоун решил покорить.

Эта жажда победы заставляет его проникнуть туда, где царят деньги и власть. Но за этим внешним фасадом, модными ресторанами, шикарными кабинетами, личными самолетами прячется мир, неизвестный публике: мир сумасшедших оргий в Лондоне, вечеров гомосексуалистов в Голливуде, темных сделок, в которых любовь и секс хладнокровно используются как разменная монета.

Впервые на русском языке!!!

И ТОЛЬКО У НАС

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

Гарольд Роббинс

А В А Н Т Ю Р И С Т Ы

Он оторопел.

— И ты все еще хочешь за меня замуж?

— А почему бы и нет?

— Я тебя не понимаю.

— Ну и дурак! Ты же знаешь, что мне надо в жизни. До тебя меня никто не мог

удовлетворить.

Временами я занималась любовью

с тремя мужчинами без перерыва!

Мне уже казалось, что нет мужчины,
способного дать мне то, что я хочу.

Но я встретила тебя...

— И этого достаточно для брака?!

— Для меня — да!

Какие нужны еще условия, если
два человека могут чувствовать то,
что чувствуем мы,

когда соединяемся.

То, что нам казалось
безжизненным, ровным и
зеленым таило в себе
**СМЕРТЕЛЬНУЮ
ОПАСНОСТЬ.**

*С трудом космический
корабль высвобождался
из цепких объятий.*

В ярости огромные
ложноножки хлестали во
всех направлениях,
пытаясь ухватить добычу....

Чувство безутешности
и одиночества сжигало
Вэйнамонда среди звезд...

*Бессмертный Разум
взбунтовался
Его оттесняли к краю*

ГАЛАКТИКИ.

Город и звезды

Меркуриане НЕЛЕГАЛЬНО

запустили ракету.
*Они грубо и вероломно
нарушили космический
кодекс. Это была ракета с
гигатонной ядерной бомбой...*

Как выглядел
внеземной пришелец?
От узкого пояса на талии
кверху отходили три легких
стержня. На них держался
обруч, вдоль которого —
петли для трех рук...

Теперь корабль, делая более
двухсот тысяч километров в
секунду, приблизился к светилу.

З а ч е м?

*Неужели они достигли
такого развития, что могли
брать энергию прямо
из первоисточника?*

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**Артур
КЛАРК**

**СВИДАНИЕ
С РАМОЙ**

БЕЛОРУССКО-
АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО

"ДАЙДЖЕСТ.."

МИНСК
1992

ББК 84. 4Вл
К47

Серия основана в 1991 г.

Перевод с английского.

Составл. и предисл. С.В.Солодовникова, Г.Г.Ануфриева.

Художник В.Приешкин.

КЛАРК Артур. СВИДАНИЕ С РАМОЙ.

К47 А.Кларк. Свидание с Рамой: Фантастич. романы: Пер. с англ. Составление и предисловие С.В.Солодовникова, Г.Г.Ануфриева.— Мн.: Бел.-австрал. агентство “Дайджест”, 1992. — 432 с. — (Сер. “Шедевры мир. фантастики”).

ISBN 5 — 82840002 — 9

Всемирно известный фантаст А.Кларк, лауреат литературной премии “Хьюго”, в романе “Город и звезды” рассматривает различные варианты развития человечества, в частности, технократический. Такой путь может привести не только к отчуждению личности, но и к замкнутости всей цивилизации. Поиск выхода из тупика — вот основной лейтмотив произведения.

В романе “Свидание с Рамой” земляне встречают инопланетный космический корабль. Исследование его рождает немало загадок. И самая главная из них — о цивилизации, пославшей “летающую тарелку”. Как шел поиск? Автор в увлекательной форме знакомит читателя со всеми перипетиями установления истины.

ББК 84. 4Вл

© Издательство “Дайджест”, 1992.

© Составление и предисловие С.В.Солодовников, Г.Г.Ануфриев, 1992.

© Оформление и разработка серии В.Шелк, 1992.

К ЗВЕЗДНОМУ ОКЕАНУ

Стремительный прогресс науки и техники в последние два столетия привел к возникновению нового литературного жанра -- научной фантастики. Впрочем, как жанр она начала осознавать себя не так уж давно. Отталкиваясь от закономерностей развития технологической цивилизации, писатели-фантасты ввели в литературу не только новые темы, сюжеты, конфликты, но и новых героев. Сначала это были инженеры, изобретатели, ученые, затем роботы, мутанты, инопланетяне... Родилась тема тем научной фантастики -- контакт с Иным с Разумом. Тема контакта стала, пожалуй, доминирующей в творчестве английского писателя Артура Кларка.

...Артур Чарльз Кларк закончил лондонский Королевский колледж, отделение математики и физики. Во время второй мировой войны обслуживал первую экспериментальную систему радарного обнаружения и считался блестящим специалистом в области связи. В научных кругах широкую известность получила его идея об использовании стационарных спутников для радио- и телевизионной трансляции на дальние расстояния; доклад на эту тему был им прочитан, а затем и опубликован. Писатель не мог себе представить, что устройства такого рода выйдут на орбиту, когда ему еще не будет пятидесяти лет /А. Кларк родился в 1917 г./.

Логика "рождения" писателя-фантаста, можно сказать, "вычислена" достаточно точно. И у Кларка она просматривается почти образцово. Сначала "детское" увлечение доисторическими животными, динозаврами; далее возник интерес к астрономии /сохранившийся на всю жизнь/, открытие Ж.Верна и Г.Уэллса, чтение американских научно-фантастических журналов, интерес к научно-технической проблематике, практическая работа, "чувство науки" как таковой. В мышлении и сознании Кларка парадоксально уживаются технократ и романтик, философ, эрудит и поэт. Характерный пример -- "звездный лифт", описанный в романе "Фонтаны Рая". С одной стороны, изящная, "романтическая" идея, а с другой -- тщательно разработанные технические характеристики, свидетельствующие: проект осуществим!

Кларка довольно рано заинтересовали тенденции развития человечества. Это привело к тому, что он написал около десятка книг на тему возможного

будущего, вплоть до "конца мира". А в своем первом романе "Прелюдия к космосу" /1947/ он прогнозирует запуск первой ракеты на Луну на 1959 г. /"прямое попадание!"/, первые спутники с человеком на борту он отнес к 1970, а посадку на Луну -- к 1978 г. Системным анализом многих сторон жизнедеятельности технологической цивилизации с явно выраженным прогностическим аспектом стала книга "Черты будущего" /1962/.

Артур Кларк является писателем разносторонним. Мы его числим в основном по ведомству научной фантастики, однако у него много книг и сугубо реалистических, хотя и популяризаторского толка. Поселившись в 1956 г. на острове Цейлон /теперь Шри Ланка/, думая вначале пробыть на нем полгода, Кларк остался там на всю жизнь. И Восток вдохновил его написать такие книги, как "Рифы Тапробана", "Сокровище Большого Рифа", "Приключения в Индийском океане"... Восток и Цейлон нашли отражение в романах "Свидание с Рамой" и "Фонтаны рая", поселение Лиз из романа "Город и звезды" тоже явно навеяно жизнью острова.

Личность Кларка -- писателя, человека, ученого -- для нас представляет сейчас особый интерес. Ну взять хотя бы его предпринимательскую жилку! Ведь он так построил свою жизнь, что сумел заработать на всех своих занятиях, кроме разве что игры в настольный теннис.

Однако наиболее ярко и полно выразил себя Артур Кларк в научной фантастике. И главная тема, которую он разрабатывал -- это тема будущего цивилизации, будущего человека, как существа разумного. Если говорить о цивилизации, то писатель считает, что в основном определять облик нашего мира будут наука и техника, а не политика и экономика. В самом деле, если представить себе такое изобретение, как репликатор, рассматривавшийся в книге "Черты будущего", то, действительно, мир тогда будет изменен основательнее, чем это делала любая революция и, кстати, совершенно бескровно. /Речь идет о машине, способной превращать элементы, создавая из любого исходного материала любой заданный программой предмет/. Писатель предусмотрительно оговаривается о "столетиях интенсивных усовершенствований и открытий", но далее настанет эра, когда будут решены все материальные и продовольственные проблемы. При этом отпадет надобность почти во всякой промышленности, заводах и фабриках. Правда, писатель не говорит о том, какие изменения должны будут последовать в духовной жизни людей, что станет с нравственностью, какие ценности будут лежать в основе "эпохи репликаторов".

Излюбленной темой Кларка является тема космоса. Ей посвящены его самые сильные романы. А "внутри" этой темы -- и характеристика уровня земной цивилизации, и описания технических устройств, зачастую даваемые

в духе Жюль Верна, и выход на инопланетян, и, наконец, совершенствование разума как такового.

Роман "Свидание с Рамой" /1973/, завоевавший высшую премию научной фантастики на Западе, посвящен контакту с инопланетной цивилизацией, правда, контакту косвенному, а не прямому. Группа землян исследует громадный космический корабль, неизвестно откуда прилетевший и неизвестно куда летящий через Солнечную систему /этот мотив имеется и в романе "Фонтаны рая" /1978/, но завершается там появлением инопланетян, хозяев корабля/. Кларк выписывает ход исследования тщательно и скрупулезно, явно наслаждаясь этим процессом, представляя его вполне реальным, т.е. занимаясь своего рода художественным прогнозированием. /Последнее вообще свойственно поэтике научной фантастики/. Конечно, писатель идет в русле определенной традиции. Речь идет о путешествиях в незнакомые страны, перенесенных в литературу из реальной жизни. Вспомним странствия античных героев, путешествия в подземный мир. В рыцарских и приключенческих романах эта тема была главенствующей, а научная фантастика наполнила ее новым содержанием. А вообще Кларк не любит покидать Солнечную систему. Если его герои и выбираются в Галактику, то это скорее эпизоды.

В романе "Город и звезды" /1957/, одном из подлинных шедевров писателя, рядом можно поставить разве что "Конец детства", писатель создает два варианта утопий. Один -- технократический -- на примере города Диаспара, второй -- поселение Лиз. Здесь перед нами утопия руссоистского плана, красивая, лирическая и... неубедительная, особенно если учесть временную дистанцию в миллиард лет существования и Диаспара и Лиз. Вообще следует сказать, что Кларк довольно свободно обращается с временем, оперируя миллионами и миллиардами лет. Часто он переходит на конспект, на крупный мазок, если сделать сравнение из живописи, и на близком расстоянии этот мазок мешает воспринимать картину, но хорошо смотрится на расстоянии. Правда, в романе "Конец детства" он впадает в другую крайность: на появление нового вида разумного существа у него уходит одно поколение.

Город Диаспар представляет собой незаурядное решение действительно большинства, если вообще не всех, социальных проблем. Сам город сделан /слово "построен" тут явно не годится/ из самовозобновляющегося материала, а это значит, практически вечного. Управляется компьютером, который не только контролирует жителей города, но и является по существу их "родителем". Дело в том, что в модели утопии Кларка нет смерти как таковой. Сознание людей записывается в память компьютера и хранится вечно, а смерть, то есть исчезновение из мира живых, не более, чем длительный, в

тысячи лет, сон, а затем следует пробуждение -- рождение, и восстанавливается часть прежней памяти о бывших "воплощениях". Влияние индийской философии и мифологии здесь налицо, но оформлено все в технологические одежды, причем вполне убедительно. Но коль нет смерти, а есть "вечное возвращение", то не нужны и рождения. И никто не рождается "нормальным образом", у людей даже пупков нет, а плотская любовь является одним из видов наслаждения, не более. В селении Лиз все сохраняется по-старому, но у людей возникли новые качества, вроде телепатии, что за миллиард лет явно маловато.

Но в городе и селении живут в общем довольные собой люди. Равновесие нарушает появление Олвина, что, впрочем, тоже запрограммировано создателями города. Герой-одиночка, переворачивающий судьбу целой цивилизации, стал уже шаблоном для научной фантастики. Родословная его начинается в романтизме, а корни уходят в мифологию и рыцарский роман.

Но повествование все-таки держится не на герое-одиночке, а на теме космоса. Интересен экскурс в прошлое, сделанный теми самыми крупными конспективными мазками: человечество уже выходило в космос и многого достигло, ученые даже создали из самого пространства и времени нематериальный Разум, их творение выступило против жизни, оказалось "безумным", и в борьбе с ним Империя истощила силы, но заключила безумный мозг в "черное солнце" на краю Галактики. В противовес ему было создан еще один сверхмозг, тоже нематериальный, но изначально добрый и предназначенный для грядущей схватки с безумным мозгом.

Во всей этой картине ощущается какая-то мощь, сила, на глазах, можно сказать, творится мифология. Хороша, например, такая деталь: часть человечества вернулась на Землю и отвернулась от космоса, другая часть, услышав некий зов /!/, покинула галактику и умчалась в глубины Вселенной.

В книге "Черты будущего" есть замечательные слова: "...там, в море, зародилась жизнь, там продолжает по сей день обитать большинство живых существ нашей планеты, свершая бесчисленное число раз бесконечный и бессмысленный круг рождений и смертей. Только те существа, которые осмелились ступить на чужую, враждебную им сушу, оказались способными развить разум. Сейчас этот разум стоит перед неизбежностью нового, еще более грозного вызова. Может оказаться, что прекрасная наша Земля всего лишь место краткой передышки на пути между мировым океаном, где мы родились, и звездным океаном, куда мы устремили свои дерзания".

Геннадий Ануфриев,
Станислав Солодовников.

ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

1.

Сверкающей драгоценностью лежал этот город среди пустыни. Когда-то он знал перемен, перестраивался, однако теперь время обходило его стороной. Над пустыней ночь и день быстролетно сменяли друг друга, но улицы Диаспара не ведали тьмы -- они постоянно были озарены полднем. И пусть долгие зимние ночи припорошивали пустыню инеем -- это вымерзала последняя влага, еще остававшаяся в разреженном воздухе Земли, -- город не знал ни жары, ни холода. Он не соприкасался с внешним миром: он сам был вселенная, замкнутая в себе самой.

С той поры, как был построен этот город, земные океаны высохли и пески пустыни замели планету. Ветром и дождями были размолоты в пыль последние горы, и Земля оказалась слишком утомлена, чтобы извергнуть из своих недр новые. Городу не было до этого никакого дела; планета могла рассыпаться в прах, но Диаспар все так же защищал бы детей своих создателей, бережно унося их и все принадлежащие им сокровища по реке Времени.

Они многое забыли, но не понимали этого. Ко всему, что было вокруг них, они приноровились столь же превосходно, сколь и окружающие к ним, ибо и их проектировали как единое целое. То, что находилось за стенами города, их ничуть не интересовало: эта область бытия была вычеркнута из их сознания. Диаспар -- вот все, что существовало для них, все, что им требовалось, все, что они могли себе вообразить. Для них ровно ничего не значило, что когда-то человеку были подвластны звезды.

И все же время от времени древние мифы оживали, чтобы преследовать воображение жителей этого города, и людей пробиравал озноб, когда они припоминали легенды о временах Галактического Сообщества, -- Диаспар был тогда юн и пополнял свои жизненные силы тесным общением с миром множества солнц. Горожане вовсе не стремились вернуть минувшее -- им было так славно в их

вечной осени... Свершения Галактического Сообщества принадлежали прошлому и могли там и оставаться, поскольку всем понятно было, как встретило Сообщество свой конец, а при мысли о Пришельцах холод Космоса начинал сочиться в их кости.

И, страхнув наваждение, они снова погружались в жизнь и теплоту своего города, в нескончаемый золотой век, начало которого уже затерялось во времени, а завершение отстало на еще более невообразимый срок. Многие поколения мечтали об этом веке, но достигли его лишь они...

Так и существовали они в своем неменяющемся городе, ходили по его улицам, и улицы эти каким-то чудесным образом не знали перемен, хотя в небытие уже ушло более миллиарда лет.

...Им потребовалось несколько часов, чтобы с боем вырваться из Пещеры Белых Червей. Но сейчас у них не было уверенности, что некоторые из этих мертвенно бледных тварей перестали их преследовать.

Олвин оглянулся — убедиться, что никто из его товарищей не отстал. Алистра шагала вплотную за ним, держа шар холодного, немеркнувшего огня, который с самого начала их приключений в недрах Хрустальной горы вырывал из тьмы то немыслимые ужасы, то неподражаемую красоту. За Алистрой, побрякивая под тяжестью видеопроектора, двигались Нарилльян и Флоранус. Олвин мимолетно подивился, почему это проекторы сделаны такими тяжелыми, — ведь снабдить их гравитационными нейтрализаторами совсем несложно. Он постоянно задумывался и о таких вот вещах — даже в разгар самых отчаянных приключений. И когда его посещали подобные мысли, ему чудилось, что ткань действительности испытывает какой-то мгновенный трепет, и за пределами мира сиюминутных ощущений он схватывал проблеск иной, совсем не похожей на эту, действительности...

Коридор заканчивался стеной тупика. Но едва они приблизились к стене, скала начала крошиться в пыль. Поверхность ее пронизало какое-то тонкое вращающееся металлическое копьё, которое стремительно утолщалось,

превратившись в гигантский бурав. Олвин и его друзья отпрянули и стали ждать, пока неведомая машина пробьет себе путь в их пещеру. С оглушительным скрежетом металла по камню подземная капсула проломилась сквозь стену и стала. Открылась массивная крышка люка, в проеме показался Коллистрон и закричал им, чтобы они поспешили. "Почему вдруг Коллистрон?-- поразился Олвин.-- Он-то что тут делает?" Через несколько секунд они были уже в безопасности, и машина, кренясь, двинулась вперед -- в путь сквозь земные глубины.

Приключение завершилось. Скоро, как это случается всегда, они окажутся дома, и все чудеса, ужасы и волнения останутся позади. Они устали, но были довольны.

По наклону пола Олвин догадался, что капсула направляется куда-то вниз, в глубь земли.

-- Послушай-ка, Коллистрон,-- неожиданно нарушил молчание Олвин,-- а почему это мы движемся кверху? Ведь никто не видел Хрустальную гору снаружи. Вот чудесно было бы -- выйти на одном из ее склонов, поглядеть за землю и небо...

Еще не dokonчив фразы, он уже понял, что говорит что-то неладное. Алистра придушенно вскрикнула, внутренность капсулы как-то очень странно заколебалась -- так колеблется изображение, рассматриваемое сквозь толщу воды,-- и через металл стен Олвин на краткий миг снова увидел тот, иной мир... и тотчас же, совсем внезапно, все закончилось. На долю секунды у Олвина возникло ощущение какого-то разрыва, и от подземного путешествия не осталось и следа. Олвин снова очутился в Диаспаре, в своей такой знакомой комнате, и обнаружил, что покоится футак в двух над полом в невидимой колыбели гравитационного поля.

Он снова стал самим собой. Это и была реальность,-- и он совершенно точно знал, что произойдет вслед за этим.

Появилась Алистра. Поскольку она очень любила Олвина, то была не столько раздражена, сколько расстроена.

-- Ах, Олвин!-- жалобно воскликнула девушка, глядя на него с прозрачной стены, в толще которой она, как каза-

лось, материализовалась во плоти.— Такое захватывающее приключение! Ну зачем тебе понадобилось все испортить!

— Извини, я совсем не хотел...

Олвин искривил гравитационное поле, поднялся на ноги и шагнул к материализованному столу. На нем вдруг появилась ваза с какими-то фантастическими фруктами...— собственно Олвин собирался позавтракать вовсе не фруктами, но замешательство, в котором он пребывал, спутало его мысли. Не желая обнаружить перед Алистрой ошибку, он выбрал плод, который выглядел наименее подозрительно, и принялся осторожно высасывать мякоть.

— Так что же ты собираешься предпринять?— вымолвила наконец Алистра.

— Ничего не могу с собой поделаться,— насупившись, ответил он.

— По-моему, все эти правила просто глупы. Да и потом — как мне их помнить, если я в данный момент живу в Приключении? Я просто веду себя таким образом, чтобы все было естественно... А разве тебе самой не хотелось бы взглянуть на Гору со стороны?

Глаза Алистры расширились от ужаса.

— Но ведь для этого пришлось бы выйти наружу?— задыхаясь, произнесла она.

Олвин уже знал, что продолжать с ней разговор на эту тему нет смысла. Здесь проходил барьер, который отъединял его от всех остальных граждан Диаспара. Ему-то всегда хотелось выйти наружу — и в реальной жизни, и в призрачном мире приключенческих саг. А для любого и каждого в Диаспаре "наружу" означало совершенно переносимый кошмар... Если в разговоре можно было обойти эту тему, ее никогда не затрагивали: "наружу" означало нечто нечистое и исполненное зла. И даже Джизирак, его наставник, не хотел объяснить ему, в чем здесь дело.

Алистра все еще молча смотрела на него — с изумлением и нежностью.

— Тебе плохо, Олвин,— прозвучал ее голос.— А в Диаспаре никому не должно быть плохо. Позволь мне прийти...

Полагалось бы проявить галантность, но Олвин отрицательно мотнул головой. Он знал, к чему привел бы этот

визит, а ему как раз сейчас хотелось побыть в одиночестве. Разочарованная вдвойне, Алистра растаяла.

В городе с населением в десять миллионов, подумал Олвин, не найдется ни одного человека, с которым он мог бы поговорить по-настоящему. Эристон с Итанией по-своему любили его, но теперь, когда период их опекунства подходил к концу, они, пожалуй, даже радовались, что отныне он по собственному усмотрению станет выбирать себе развлечения и формировать свой собственный образ жизни. В последние годы по мере того, как его отклонение от царящих в городе стандартов становилось все более очевидным, он частенько ощущал какой-то холодок со стороны названных родителей. Холодок этот породила не обида на ничем не оправданное невезенье, в силу которого из всех миллионов горожан именно им по воле случая довелось первыми повстречать Олвина, когда в тот памятный день -- двадцать лет назад -- он вышел из Зала Творения.

Двадцать лет... Он помнил тот первый момент и самые первые, обращенные к нему слова: "Добро пожаловать, Олвин. Я -- Эристон, твой названный отец. А это Итания -- твоя мать". Тогда эти слова не означали для него ничего, но память запечатлела их с безупречной точностью. Он вспомнил, как оглядел тогда себя; теперь он подросток на пару дюймов, но, в сущности, тело его едва ли изменилось с момента рождения. Он пришел в этот мир почти совершенно взрослым, и когда -- через тысячу лет -- наступит пора покинуть его, он будет все таким же, разве только чуточку выше ростом.

А перед тем -- первым -- воспоминанием зияла пустота... Олвин снова обратил свои мысли к тайне своего рождения. Ему вовсе не казалось странным, что в некий неощутимо краткий миг он мог быть создан могуществом тех сил, что вызвали к жизни и все предметы повседневности, окружающие его. Нет, в этом-то как раз не было ничего таинственного. Настоящей загадкой, до разрешения которой он до сих пор так и не смог добраться, которую никто не хотел ему объяснить, была его непохожесть на других.

Не такой, как другие... Слова были странные, окрашенные печалью. И быть непохожим — тоже было и странно и грустно. Когда о нем так говорили, — а он частенько слышал, что о нем говорят именно так, полагая, что он не услышит, — то в этих словах звучал какой-то многозначительный оттенок, в котором содержалось нечто большее, нежели просто потенциальная угроза его личному счастью.

И названные родители, и его наставник Джизирак, и все, кого он знал, пытались уберечь его от правды, словно бы хотели навсегда сохранить для него неведение долгого детства. Скоро все это должно кончиться: через несколько дней он станет полноправным гражданином Диаспара, и ничто из того, что ему вздумается узнать, не сможет быть от него скрыто.

Почему, например, он не подходит для участия в сагах? В городе увлекались тысячами видов отдыха и развлечений, но популярней, чем саги, не было ничего. В сагах вы не просто пассивно наблюдали происходящее, как в тех примитивных развлечениях бесконечно далекого прошлого, которым иногда предавался Олвин. Вы становились участником действия и обладали — или это только казалось? — полной свободой воли. События и сцены, которые составляли основу приключений, могли быть придуманы давно забытыми мастерами иллюзии еще бог весть когда, но в эту основу было заложено достаточно гибкости, чтобы стали возможны самые неожиданные вариации. Отправиться в призрачные эти миры — в поиски тех волнующих ощущений, которые были недоступны в реальном Диаспаре, — вы могли даже с друзьями, и, пока длилось выдуманное бытие, не существовало способа, который позволил бы отличить его от действительности. Строго говоря, — кто мог быть уверен, что и сам Диаспар не был лишь сном?

И все же, у Олвина эти саги — хотя они, похоже, вполне удовлетворяли его товарищей — порождали ощущение неполноты. Да ведь саги, подумалось ему, в сущности, всегда бесплодны. Всякий раз они ограничены такими узкими рамками... Они никогда не могли предположить простора, открытых взору пейзажей, по которым томилась его душа.

И, наконец, ни в одной из саг не было и намека на громадность пространств, в которых совершались достижения людей древности — не было и следа этой мерцающей пустоты между звездами и планетами. Путешествия в сагах обязательно происходили лишь в тесных, замкнутых пространствах, в подземных пещерах или в крохотных долинах, окруженных горами.

Объяснение этому могло быть лишь одно. Давным-давно, быть может, еще до основания Диаспара, произошло нечто, что не только лишило Человека любознательности, честолюбивого порыва к неизведанному, но и отвратило его от Звезд — назад, к дому, искать убежища в замкнутом мирке последнего города Земли. Он отказался от Вселенной и возвратился в искусственное чрево Диаспара. Пылающее, неостановимое стремление, что вело его когда-то через бездны Галактики, сквозь тьму к островам туманностей за ее пределами, бесследно угасло. На протяжении неисчислимых эпох ни один космический корабль не появлялся в пределах Солнечной системы! Так, среди Звезд, потомки Человека все еще, быть может, возводили империи и разрушали светила... Земля ничего об этом не знала и не хотела знать.

Земле все это было безразлично. Олвину — нет.

2.

...Комната была погружена в темноту — кроме одной, светящейся изнутри стены, на которой, по мере того, как Олвин сражался со своими видениями, то отливали, то снова набирали силу разноцветные волны. Кое-что на рождающейся картине вполне его удовлетворяло: он прямо-таки сразу влюбился в стремительные очертания гор, вздымающихся из моря. И все же — что-то ускользало, хотя он никак не мог уразуметь — что же именно. Снова и снова пытался он запомнить зияющие провалы картины — хитроумный прибор считывал в его сознании теснящие друг друга образы и воплощал их на стене в цвете. Все впустую... Линии выходили расплывчатыми и робкими, от-

тенки получались грязноваты и скучны. Когда художнику неведома цель, отыскать ее не в состоянии даже самые чудесные инструменты.

Олвин оставил свое никуда не годное рисование и угрюмо вперился в пустой на три четверти прямоугольник, который ему хотелось заполнить Прекрасным. Прошла минута-другая... "Полное стирание", — приказал он машине.

Поток света опять залил комнату, и фосфоресцирующий прямоугольник, на который Олвин проецировал свои видения, слился с окружением, снова став просто стеной. Но стены ли это были? Для человека, никогда прежде не бывавшего в подобном помещении, комната и в самом деле представлялась удивительной. У нее не было ровно никаких примечательных черт, абсолютно никакой мебели, и поэтому даже казалось, что Олвин стоит в центре какой-то сферы. Именно такие комнаты были домом для большей части человечества на протяжении гигантского периода его истории. Олвину стоило только пожелать, и стены превращались в окна, выходящие, по его выбору, на любую часть города. Еще пожелание — и какие-то механизмы, которых он никогда не видел, наполняли комнату любыми предметами мебелировки. Были ли эти вещи "настоящими" или нет, эта проблема на протяжении последнего миллиарда лет мало кого интересовала. Конечно же, все эти кресла были не менее реальны, чем то, что так успешно скрывается под личиной "твердого", а когда нужда в них проходила, их можно было вернуть в призрачный мир городских Хранилищ Памяти. Как и все остальное в Диаспаре, они не изнашивались и никогда не изменялись, если только их матрицы, находившиеся на хранении, не уничтожались преднамеренно.

Олвин уже переформировал комнату, когда до его сознания дошел настойчивый сигнал, вроде позвякивания колокольчика. Сформировав мысленный импульс, Олвин позволил гостю появиться, и стена, на которой он только что занимался живописью, связала его с внешним миром. Как он и ожидал, в обрисовавшемся проеме стояли его родители, а чуть позади них — Джизирак. Присутствие наставника означало, что визит носит не просто семейный

характер. Иллюзия встречи с глазу на глаз была совершенна, и ничто не нарушило ее, когда Эристон заговорил.

— Олвин, исполнилось ровно двадцать лет, как твоя мать и я впервые повстречали тебя,— начал Эристон.— Тебе известно, что это означает. Нашему опекунству теперь пришел срок, и ты отныне волен жить, как тебе заблагорассудится.

— Я тебя понимаю,— ответил Олвин.— Спасибо вам за то, что вы опекали меня, и я буду помнить вас в течение всех моих жизней.— Такова была формула ответа. Ему приходилось слышать ее так часто, что она совсем потеряла смысл. И все же выражение "в течение всех моих жизней" было, если вдуматься, странным.

На миг ему показалось, что Итания тоже хочет что-то сказать. Она подняла было руку, приведя в волнение свешившуюся паутинку своего платья, но тотчас уронила ее. Потом с выражением беспомощности на лице повернулась к Джизираку, и только тут Олвин осознал, что его родители еще и чем-то встревожены.

Тем не менее Джизирак, похоже, чувствовал себя вполне в своей тарелке. Он бросил вопросительный взгляд на Эристона и Итанию, убедился, что им нечего больше сказать, и начал лекцию, к которой готовился так долго.

— Олвин,— молвил он,— ты был моим учеником двадцать лет, и я сделал все, чтобы научить тебя обычаям этого города, подвести тебя к наследию, тебе принадлежащему. Ты задавал мне множество вопросов, и не на все я мог дать ответ.

К постижению некоторых вещей ты еще не был готов, а кое-чего я и сам не понимаю. Теперь период твоего младенчества окончился, но детство еще только началось. Направлять тебя — все еще мой долг, если ты, конечно, нуждаешься в моей помощи.

Пройдет два столетия, Олвин, и ты, возможно, начнешь разбираться кое в чем, касающемся этого города, а также в какой-то степени познакомишься с его историей. Даже я, хотя уже и приближаюсь к окончанию своей нынешней жизни, видел менее четверти Диаспара и, вполне вероятно, не более тысячной части его сокровищ...

— Ответь мне, Олвин, — продолжал Джизирак, — спрашивал ли ты себя когда-нибудь — где ты был до своего рождения, до того момента, когда ты встретился лицом к лицу с Эристоном и Итанией?

— Я всегда считал, что меня просто не было нигде..., что я существовал всего лишь... ну, матрицей в электронном мозге города и ждал своей очереди быть сотворенным, — вот и все...

— Ты, разумеется, прав, — последовал отклик. — Но это только часть ответа и, в сущности, очень незначительная. До сих пор тебя окружали лишь дети твоего возраста, а они не осведомлены об истине. Все они вскоре вспомнят свое прошлое — они, но не ты. Поэтому мы должны подготовить тебя, чтобы ты смог посмотреть фактам в лицо... Ибо уже более миллиарда лет, Олвин, человеческая раса живет в этом городе. С тех пор, как пало Галактическое Сообщество, а Пришельцы вернулись на свои звезды, это — наш мир. За стенами Диаспара нет ничего, кроме пустыни...

Мы мало знаем о своих примитивных предках — только то, разве, что они были существами с очень коротким жизненным циклом и что они, как ни странно, могли размножаться без помощи электронных блоков и синтезаторов материи.

В ходе сложного и, по всей вероятности, неконтролируемого процесса ключевые начала всякого человеческого существа сохранялись внутри микроскопических клеточных структур, воспроизводимых в теле человека. Сам метод, однако, не имеет для нас никакого значения — потому, хотя бы, что от него отказались на заре самой Истории...

Человеческое существо, как и любой другой материальный объект, может быть описано матрично — в терминах его структуры.

Матрица любого человека, и особенно та матрица, которая точнейшим образом соответствует строению человеческого мозга, является невероятно сложной. И тем не менее природа умудрилась вместить эту матрицу в крохотную клетку, столь малую, что ее нельзя увидеть невооруженным глазом...

Все, что в состоянии совершить природа, может сделать и человек, хотя и на свой лад. Мы не знаем, сколько потребовалось времени, чтобы решить эту конкретную задачу. Быть может, на это ушло миллион лет, но что такое миллион лет? В конце концов наши предки научились анализировать и хранить информацию, которая в микроскопических деталях характеризует любое человеческое существо, и научились это использовать для того, чтобы воспроизводить оригинал...

Я знаю, Олвин, что все это тебе интересно, но я не в состоянии рассказать в подробностях, как это делается. Как именно хранится эта информация, не имеет значения, важна лишь она сама по себе. Она может сохраняться в виде слов, написанных на бумаге, в виде переменных магнитных полей или как определенным образом расположенные электрические заряды. Человек использовал все эти способы ее консервации, но также и многие другие. Достаточно сказать, что уже задолго до нас он умел сохранять себя или, если выражаться более точно, сохранять бесплотные матрицы, по которым ушедших людей можно было снова вызвать к существованию...

Все это ты знаешь. Именно таким способом наши предки даровали нам практическое бессмертие и вместе с тем избежали проблем, возникающих одновременно с устранением смерти... Прожить тысячу лет в оболочке одного и того же тела — срок достаточно большой для любого человека. В конце такого периода воспоминания стискивают разум и он жаждет только одного — отдохновения... либо возможности начать всё сызнова... Пройдет совсем немного времени, Олвин, и я стану готовиться к уходу из этой жизни. Я тщательно просею свои воспоминания, редактируя и вымарывая из сознания те, которые мне не захочется сохранить. Затем я войду в Зал Творения через ту дверь, которую ты еще не видел. Это дряхлое тело перестанет существовать — так же, как и само сознание. От Джизирака не останется ничего, кроме целой галактики электронов, замороженных в толщу какого-то кристалла...

Я буду спать, Олвин, спать сном без сновидений. И затем, однажды, быть может, через сто тысяч лет — я

осознаю себя в новом теле и повстречаю тех, кого изберут на роль моих опекунов. Они будут заботиться обо мне, как заботились о тебе Эристон и Итания, потому что сперва я ничего не буду знать о Диаспаре и мне неведомо будет, кем и чем я был прежде. Воспоминания об этом постепенно возвратятся к концу периода моего младенчества, и на их основе я начну возводить здание нового цикла своего существования...

Такова схема наших, сменяющих друг друга, жизней. Все мы уже побывали в этом мире много, много раз, хотя, поскольку периоды несуществования различаются, надо думать, в соответствии с законом случайных чисел, каждое нынешнее население города уже никогда не повторяется с совпадением на все сто процентов. У нового Джизирака будут и совсем другие новые друзья, и новые интересы... Однако старый Джизирак -- ровно такая его часть, какую мне заблагорассудится сохранить, -- все же будет существовать...

Я понимаю, Олвин, над чем ты сейчас задумался. Тебе хочется узнать, когда же и ты сможешь вызвать на поверхность памяти воспоминания о своих прежних жизнях, как это уже делают твои товарищи по играм...

Таких воспоминаний нет, Олвин, поскольку ты -- единственный в своем роде. Мы пытались скрывать это от тебя так долго, как только могли, чтобы ни единое облачко не затмило твоего младенчества, хотя я-то думаю, часть правды тобой, должно быть, уже угадана. Пять лет назад мы и сами не подозревали об этой правде, но теперь не осталось никаких сомнений...

Ты, Олвин, нечто такое, что наблюдалось в Диаспаре лишь несколько раз со времени основания города. Очень может быть, что твое "я" дремало в Хранилищах Памяти на протяжении всех этих эпох, но не исключено и то, что ты впервые был создан лишь два десятка лет назад в результате стечения каких-то случайных факторов. Быть может, создатели города запланировали твое появление на свет с самого начала, но возможно, что ты -- всего лишь порождение уже нашего времени, лишенного какого-либо сокровенного смысла...

Мы не знаем. Нам известно только, что ты — единственный из всей человеческой расы, кто никогда не жил прежде. В буквальном смысле слова — ты первый ребенок, родившийся на Земле за последние, по крайней мере, десять миллионов лет.

3.

...Когда Джизирак и родители растаяли в стене, Олвин долго еще лежал, стараясь не думать ни о чем. Он сомкнул комнату вокруг себя, чтобы никто не мог прервать его глубокой и серьезной задумчивости. Он, однако, не спал. Он просто не знал, что такое сон, ибо это состояние являлось принадлежностью другого мира — мира ночи и дня, а в Диаспаре царил только день.

Нового он выяснил мало. Почти обо всем, что сообщил ему Джизирак, он уже догадался раньше. Но одно дело догадаться, и совсем другое, когда твоя догадка подтверждается с полной неопровержимостью.

Как все это скажется на его жизни — и скажется ли вообще? Олвин ничего не знал наверное, и эта неопределенность была для него новым ощущением. Быть может, никаких перемен и не будет, если он не приспособится полностью к Диаспару в нынешней жизни, это может произойти в следующей... или в той, которая наступит за ней...

Мысль эта еще формировалась, а мозг Олвина уже отверг ее. Диаспар мог вполне устраивать остальную часть человечества, но не его. Олвин не сомневался, что человек мог бы прожить в Диаспаре тысячу жизней и не перечувствовать всех оттенков опыта бытия, которые предлагал ему город. Все это было доступно и ему. Но если он не может рассчитывать на большее, то никогда не познает удовлетворения...

Перед ним стояла только одна проблема. Что еще мог бы он совершить?

Этот безответный вопрос пробудил его от полузабытья. Он не в силах был далее оставаться здесь в таком взвин-

ченном состоянии, и в городе существовало только одно место, которое обещало ему успокоение.

Дрогнув, часть стены исчезла, когда он вошел в нее и ступил в коридор. Существовало много способов, с помощью которых он мог бы без труда добраться до цели, но он предпочел отправиться пешком. Его комната находилась почти на Главном Уровне города, и короткий проход привел Олвина на спиральный пандус, сбегавший на улицу. Движущимся тротуаром он пренебрег и ступил на узкий неподвижный, что, без сомнения, было причудой, поскольку ему предстояло преодолеть несколько миль. Но Олвину нравилось ходить пешком — движение успокаивало.

Все дороги Диаспара — и движущиеся и неподвижные — кончались у границ Парка — зеленого сердца города. Здесь, на круглом пространстве диаметром более трех миль, жила память о том, чем была Земля в те дни, когда пустыня еще не поглотила поверхность планеты, обойдя лишь Диаспар. Сначала шел широкий пояс луга, затем — низкорослые деревья, заросли которых становились все гуще по мере того, как человек углублялся под их кроны. В то же время уровень Парка постепенно понижался, так что для наблюдателя, вышедшего из узкой полосы леса, город совершенно пропадал из виду, скрытый за стеной деревьев.

Широкий поток, струившийся перед Олвином, назывался просто — Река. Кое-где Реку пересекали узкие мосты, и она текла по Парку, описывая геометрически правильное, замкнутое кольцо, время от времени прерываемое плесами. То обстоятельство, что Река эта с довольно быстрым течением могла впадать сама в себя после каких-то шести миль, никогда не поражало Олвина как нечто необычное. В Диаспаре можно было увидеть и куда более странные вещи.

С десяток девушек и юношей купались на мелководье одного из плесов, и Олвин остановился поглядеть. Лица большинства из них были ему знакомы, многих из них он знал по именам, и на какой-то момент ему захотелось принять участие в их забаве. Но затем тайна, которую он

нес в себе, взяла свое, и он удовлетворялся ролью наблюдателя. Постояв немного, Олвин пошел дальше, к центру Парка, ступая по едва намеченным кем-то тропинкам, которые, пересекаясь, вились сквозь низкорослый кустарник и время от времени ныряли в узкие расселины между огромными, обросшими лишайниками валунами.

Между тем поверхность почвы снова стала подниматься — Олвин приближался к небольшому холму, расположенному точно в центре Парка и, следовательно, самого города. Идти стало легче, и ему уже ясно была видна вершина холма и венчавшее ее здание простых очертаний. К тому моменту, когда юноша достиг цели, он несколько запыхался и был рад возможности прислониться к одной из розовых колонн, передохнуть и окинуть взглядом путь, которым он сюда добрался.

Существует несколько архитектурных форм, которые не подвержены изменениям, потому что являются собой совершенство. Усыпальница Ярлана Зея могла бы быть возведена строителями храмов самых первых из известных человечеству цивилизаций, хотя они даже отдаленно не могли бы себе представить, из какого материала она построена. Потолок усыпальницы раскрывался в небо, а единственный зал был выстлан плитами, которые только на первый взгляд казались вытесанными из камня. В течение многих геологических эпох люди истирали ногами этот пол и не оставили на нем ни малейшего следа.

Создатель этого огромного зеленого массива (а также, как утверждали некоторые, — строитель и самого города) сидел, слегка опустив глаза, словно бы изучая какие-то чертежи, расстеленные у него на коленях. Странное, ускользающее выражение его лица ставило в тупик людей на протяжении долгой череды поколений. Одни приписывали это всего лишь праздной причуде скульптора, но иным казалось, что Ярлан Зей улыбается какой-то своей тайной шутке... Да и само по себе это сооружение было окутано пеленой тайны, потому что в анналах города о нем нельзя было отыскать ни строчки.

Со своей удобной наблюдательной позиции Олвин мог поверх крон окинуть город взглядом. Ближайшие здания

отстояли от него почти на две мили, образуя вокруг Парка низкое кольцо. За ними, ряд за рядом, наращивая высоту, вздымались башни и террасы — они, собственно, и составляли город. Здания простирались миля за милей, медленно карабкались к небу, их формы усложнялись, они поражали монументальностью. Диаспар был спланирован как единство — это была одна могучая машина. И хотя уже и сам его облик ошеломлял сложностью, она, эта сложность, лишь намекала на скрытые чудеса техники, без которых все эти огромные и серые здания были бы лишь безжизненными гробницами.

Олвин пристально всматривался в пределы своего мира. Милях в двадцати — детали очертаний там уже скрадывались расстоянием — находились внешние ободы этой крепости, на которых, казалось, покоился уже сам небесный свод. За ним не было ничего — ровным счетом ничего, разве что тягостная пустота песков, в которой, как поговаривали, человек быстро сходил с ума...

Тогда почему же эта пустота влекла его так, как ни одного из окружающих его людей? Ответа не было. И вот в эти мгновения, когда сердце юноши тянулось к недоступному, Олвин принял решение.

Теперь он знал, чему посвятить жизнь.

4.

Джизирак оказался не слишком полезен, хотя и проявил большую готовность помочь. За долгую карьеру ментора Джизираку не раз уже задавали подобные вопросы, и ему как-то не верилось, что даже такой Неповторимый, как Олвин, мог бы сильно удивить его или поставить перед проблемами, которые он не сумел бы разрешить.

Правда, Олвин уже начал демонстрировать какие-то эксцентричные вещи, которые впоследствии могли бы потребовать коррекции. Он не принимал в должной мере участия в необыкновенно сложной социальной жизни города и в фантастических затеях своих товарищей. Он не высказывал большого интереса к горным высотам полета

мысли -- впрочем, в его возрасте это едва ли было чем-то необычным. Эти черточки характера мальчика не слишком тревожили Джизирака. От Неповторимого вполне можно было ожидать именно такого поведения, а в должный срок Олвин, конечно же, воспримет существующий в городе образ жизни.

-- Проблема, волнующая тебя, очень стара,-- говаривал Джизирак Олвину.-- Но ты удивишься, узнав, какое множество людей принимает этот мир как нечто само собой разумеющееся и до такой степени, что проблема эта не только никогда не тревожит их, но и в голову-то им не приходит! Верно, было время -- человечество занимало пространство бесконечно большее, чем этот город. Отчасти ты знаком с тем, чем была Земля до тех пор, пока не восторжествовала пустыня и не исчезли океаны. Видеозаписи, которые ты так любишь, -- они из самых ранних, какие только есть в нашем распоряжении. Они -- единственные, на которых Земля запечатлена в том виде, в каком она была до появления Пришельцев. Не могу себе представить, чтобы эти записи оказались известны заметному кругу людей. Ведь безграничные открытые пространства -- суть нечто для нас невыносимое и непостижимое...

Но, разумеется, наша Земля была лишь ничтожной песчинкой Галактического Сообщества. Какие они из себя, черные пространства между звездами,-- это кошмар, который ни один человек в здравом уме не станет даже и пытаться себе вообразить. Наши предки впервые покорили эти пространства на заре истории. И они снова пересекли Межзвездную пропасть -- в самый последний раз, когда Пришельцы отбросили их обратно на Землю.

Легенда повествует о том, что мы заключили с Пришельцами некий договор. Они могли забирать себе Вселенную, коль она так уж сильно была им нужна, а мы удовлетворялись миром, в котором родились. Мы соблюдали этот договор, предав забвению честолюбивые устремления своего детства. Люди, построившие этот город, создавшие общество, населяющее его, безраздельно повелевали силами человеческого разума. Они поместили внутри стен города все, что могло бы когда-либо понадо-

биться землянам, после чего постарались, чтобы мы никогда не покинули пределов Диаспара.

О, физические препятствия — они наименее существенны. Кто его знает, возможно, и есть пути, которые ведут за пределы города, но я не думаю, что по ним можно уйти далеко, даже если ты их и обнаружишь. Но пусть тебе и удастся эта попытка — что толку? Твое тело не сможет долго продержаться в пустыне, где город уже будет не в состоянии защищать и кормить тебя.

...В Диаспаре никто никогда не спешил, и даже Олвин редко нарушал это правило. Он тщательно осмысливал свою проблему на протяжении нескольких недель и тратил бездну времени в поисках ранних записей в Памяти города.

Их обнаружилось совсем немного. Было принято считать, хотя и никто не знал — почему, что где-то в промежутке между появлением Пришельцев и основанием Диаспара все воспоминания о тех примитивных временах были утрачены. Стирание общественной памяти было настолько полным, что невозможно было поверить, будто такое могло произойти благодаря какой-то случайности. Все, что было до Диаспара, называлось просто — Века Рассвета. В этой непостижимой временной пропасти буквально бок о бок существовали первобытные люди, только-только начавшие пользоваться огнем, и те, кто впервые высвободил атомную энергию; тот, кто первым выжег, выдолбил каноэ, воспользовавшись цельным стволом дерева, и тот, кто первым же устремился к звездам...

...Эту прогулку Олвин вознамерился было совершить, как и прежде, в одиночестве, однако уединиться в Диаспаре можно было далеко не всегда. Едва он вышел из комнаты, как встретил Алистру. В первое мгновение Олвин испытал раздражение — встреча напомнила ему о страстях, которые его больше не испепеляли. Но почти тотчас раздражение бесследно исчезло. Не существовало ровно никаких причин, по которым Алистра не должна была бы идти с ним, коли уж ей так этого хотелось.

Пока экспресс-тротуар выносил их за пределы наполненного людьми центра города, Алистра — что было как-то

необычно — не задавала никаких вопросов. Вместе они добрались до центральной, самой скоростной линии, не удосужившись и взгляда бросить на чудеса, расстилавшиеся у них под ногами. Инженер мира древности сошел бы с ума, пытаясь, к примеру, уразуметь, каким образом покрытие тротуара может быть неподвижно по краям, а ближе к середине двигаться со все увеличивающейся скоростью. Но для Олвина и Алистры существование вещества, обладающего свойствами твердого тела в одном направлении и жидкости — в другом, казалось совершенно естественным.

По мере того, как молодые люди выбрались из центра города к его окраине, число встречных на улице мало-помалу уменьшалось, и, когда тротуар плавно остановился у очень длинной платформы, сложенной из яркого мрамора, вокруг уже не было ни одной живой души. Они пересекли застывший водоворот, в котором очень уж странная субстракция струящегося тротуара возвращалась к истоку, и остановились перед стеной, пронизанной порталами ярко освещенных туннелей. Олвин без колебаний выбрал один из них и вступил в него. Алистра следовала за ним по пятам. Перистальтическое поле тотчас подхватило их и понесло, а они, откинувшись ни на что, — удобно полужалялись и разглядывали окружающее.

Просто не верилось, что туннель этот проложен где-то в глубочайших недрах города. Искусство, пользовавшееся всем Диаспаром как одним огромным холстом, проникло и сюда, и им казалось, что небо над ними распахнуто навстречу райским ароматным и свежим ветрам.

Вскоре невидимая сила мягко опустила их на пол огромного эллиптического зала, по всему периметру которого шли окна. Через них молодые люди могли охватить взором невыразимо манящий пейзаж — сады, горящие ярким, с просверками, пламенем цветов. Да, в Диаспаре были и сады — хотя бы вот эти, но они существовали только в воображении художника, который их создал. Вне всякого сомнения, таких цветов в природе не существовало...

— Нам дальше,— проговорил наконец Олвин.— Ведь это только начало...— Он прошел через одно из окон, и... ил-

люзия разрушилась. За пропустившим его стеклом не было никакого сада — только круговой проход, круто загибающийся кверху. Олвин все еще видел Алистру в нескольких шагах от себя, но знал, что для нее он уже невидим. Алистра, однако, не заставила себя ждать.

Пол медленно пополз вперед, словно бы в рабской готовности доставить их к цели путешествия. Они сделали по нему несколько шагов, но скорость пола стала столь большой, что уже не было никакой необходимости шагать еще и самим.

Проход все так же поднимался вверх и через сотню футов шел уже совершенно под прямым углом к первоначальному своему положению. Но постичь эту перемену можно было лишь логикой, чувства говорили, что движение происходит по безупречной горизонтали. Тот факт, что на самом деле они двигались вверх по стенке вертикальной шахты глубиной в несколько тысяч футов, совершенно ничем не тревожил этих молодых людей: отказ гравикомпенсаторного поля был немыслим.

Наконец коридор пошел с "наклоном" вниз, а потом опять изменил свое направление под прямым углом к вертикальной плоскости. Движение пола незаметно все замедлялось и замедлялось, наконец он совсем остановился в конце длинного зала, стены которого были выложены зеркалами, и Олвин понял, что уж здесь-то Алистру никак не поторопишь. Дело было не только в том, что некоторые черты женского характера без малейших изменений выжили со времен Евы, просто никто не смог бы не поддаться очарованию этого места. Ничего подобного ему, насколько было известно Олвину, в Диаспаре не существовало. Благодаря какой-то уловке художника, только некоторые из этих зеркал отражали мир таким, каким он был на самом деле. Порой в этом зазеркалье возникали другие люди, они двигались в разных направлениях, и Олвин несколько раз отмечал в толпе знакомые лица. Он отлично отдавал себе отчет в том, что это вовсе не были его друзья по нынешнему существованию. Глазами неизвестного художника он глядел в прошлое и видел предыдущие воплощения тех, кто населял мир сейчас. Напомнив о его

непохожести на других, пришла печальная мысль, что, сколько бы он ни ждал перед этими переменчивыми картинами, никогда ему не увидеть древнего эха самого себя...

— Знаешь, где мы?— спросил Олвин у Алистры, когда они уже миновали зеркальный зал.

— Наверное, где-то у самой окраины города,— беззаботно ответила девушка.

— Мы в башне Лоранна,— объяснил Олвин,— это одна из самых высоких точек Диаспара. Идем, я тебе покажу!

Он взял девушку за руку и вывел ее из зала. Они ступили в длинный, совершенно прямой туннель, в котором с постоянной силой дул ветер. Туннель простирался горизонтально на сотни футов в обоих направлениях, и окончания его представлялись очень крохотными светлыми кружочками.

— Не нравится мне здесь,— поежилась Алистра.— Тут холодно!

Возможно, ей еще ни разу в жизни не приходилось испытывать настоящего холода, и Олвин почувствовал себя виновато. Молча передал он ей свой плащ.

Ветер толкал их в спину, идти было даже приятно, и вскоре они добрались до конца туннеля. Широкая решетка из резного камня преградила им путь — и кстати, поскольку они стояли над пустотой. Огромное вентиляционное отверстие открывалось прямо на отвесной стене башни, и под ними зияла пропасть глубиной по меньшей мере в тысячу футов. Они находились высоко на внешнем обводе города, и Диаспар расстилался под ними — мало кто из их мира когда-либо видел его таким.

Им представилась картина, обратная той, что наблюдал Олвин в центре Парка. Теперь он сверху вниз смотрел на концентрические волны из камня и металла, многомильными дугами уходящие к сердцу города. Далеко-далеко, за силуэтами башен, виднелись лужайки, деревья и Река с ее вечным круговым течением. А еще дальше — к небу снова начинали карабкаться бастионы Диаспара.

Стоя рядом с Олвином, Алистра тоже глядела на открывшийся вид — глядела с удовольствием, однако без ма-

лейшего удивления. Ей и прежде приходилось видеть свой город с почти столь же высоких точек, но в обстановке куда более комфортабельной.

— Вот он, наш мир -- весь, целиком, -- проговорил Олвин. -- А теперь я хочу показать тебе еще кое-что...

Он повернулся спиной к решетке и двинулся навстречу далекому светлому пятнышку на противоположном конце туннеля.

Он прошагал немного, когда до него вдруг дошло, что Алистра так и не сдвинулась с места. Она стояла и смотрела на него, плащ, который он ей дал, трепетал на ветру, рука девушки застыла на полпути к лицу... Олвин видел, что губы ее шевелятся, но слова не долетали до него. Он оглянулся на нее сперва удивленно, потом с нетерпением и не без жалости. То, о чем говорил Джизирак, оказалось правдой: Алистра не могла следовать за ним! Она догадалась, что означал этот дальний кружок света, через который в Диаспар от века стремился поток воздуха. За ее спиной цвел знакомый ей мир, полный чудес, плывущий по реке Времени, подобно блистающему, но наглухо запаянному пузырьку. А впереди, на расстоянии каких-то шагов, простирались запустение и дикость -- мир пустыни, мир Пришельцев...

Олвин возвратился к девушке и удивился, обнаружив, что ее бьет дрожь.

— Чего ты испугалась?-- спросил он. -- Мы же все еще в Диаспаре, в безопасности! И раз уж мы выглянули в то окно, что позади нас, то, конечно, мы можем посмотреть и в это!..

Алистра глядела на него так, как если бы он был неведомым чудовищем.

— Ни за что я не смогу...-- прошептала она наконец. -- Стоит мне только подумать об этом, как меня мороз пробирает -- холодно делается почище, чем от этого ветра. Не ходи дальше, Олвин!..

— Но ведь в этом же нет никакой логики, -- укоризненно настаивал он.

— Ну что с тобой может приключиться, если ты дойдешь до того конца туннеля и выглянешь наружу! Конечно, ме-

сто там странное и пустынное..., но в нем нет ничего ужасного...

Алистра даже не захотела дослушать. Она резко повернулась на каблуках и побежала по длинному коридору, который вознес их прямо сюда сквозь пол вентиляционного туннеля. Олвин не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать ее. Это было бы вопиющим проявлением дурных манер -- навязывать другому человеку свою волю.

Он еще немного постоял, словно надеясь, что Алистра возвратится. Сама по себе реакция девушки его не удивила. И хотя ему было искренне жаль, что Алистра ушла, он все же не мог не подосадовать, что она не оставила ему плащ.

Идти наперекор ветру, вливающемуся в легкие города, было не только холодно, но и просто трудно. Олвину приходилось преодолевать не только сопротивление потока воздуха, но и ту силу, которая тянула его в город. Только добравшись до решетки и ухватившись за нее, он смог расслабиться. Промежутки в решетке были достаточно велики, чтобы он мог просунуть наружу голову, но все равно поле зрения оказалось ограниченным, потому что входное устье вентиляционной трубы было притоплено к стене.

И все же кое-что он мог видеть достаточно хорошо. Далеко-далеко внизу свет солнца убежал в пустыню. Почти горизонтальные лучи, проходя сквозь решетку, отбрасывали в глубину туннеля перемежающийся узор золота и черни. Слепящее сияние заставило Олвина сощуриться. Он стал пристально смотреть вниз на землю, по которой на протяжении неведомого числа веков не ступала нога человека. Ему представилось, что он разглядывает навсегда замерзшее море. Ибо миля за милей песчаные дюны волнами шли к западу и очертания их странно искажались в лучах заходящего солнца.

Там и сям непостижимые капризы ветра изваяли в песке какие-то водовороты и лощины, и порой трудно было поверить, что все это -- работа стихии, а не дело рук разумных существ. Где-то в дальней дали -- так далеко, что он часто не в силах был оценить расстояние, -- тянулась гряда слегка оглаженных холмов.

Солнце уже касалось их кромки, свет его, ослабленный сотнями миль атмосферы, был красен. На диске светила видны были два огромных черных пятна. Олвин знал из уроков, что это в порядке вещей, но подивился, что может, оказывается, наблюдать явление вот так, запросто. Пятна очень напоминали два глаза, уставившиеся на него, одинокого, скрючившегося на своем наблюдательном пункте, где ветер, не переставая, свистел в ушах.

Сумерки так и не наступили. Сразу за уходом солнца лужи черной тени, плескавшиеся меж дюн, стремительно слились в одно необозримое озеро темноты. Краски схлынули с неба, теплота киновари и золота истаяла, оставив после себя лишь ледяную голубизну, которая становилась все глубже и глубже, оборачиваясь черной синевой ночи. Олвин ждал того захватывающего душу мига, который из всего человечества был ведом только ему одному, — мига, когда самая первая звезда, дрожа, пробудится к жизни...

Много недель минуло с того дня, когда он стоял здесь в прошлый раз, и он знал, что рисунок ночного неба за это время должен был измениться. Но все равно он не был готов к первой встрече с Семью Солнцами.

Они не могли называться никак иначе, его губы непроизвольно прошептывали два этих слова. Семь Солнц составляли совсем небольшую, очень тесную и удивительно симметричную группу в небе, еще согретом дыханием зашедшего дневного светила. Шесть из них располагались несколько вытянутым эллипсом, который в действительности — Олвин был в этом уверен — являлся безупречной окружностью, только чуть наклоненной к лучу зрения. Все семь звезд сияли разными цветами: он мог разобрать красный, голубой, золотистый и зеленый — оттенки других не поддавались глазу. И точно в центре этого строя сверкал одинокий белый гигант — самая яркая звезда на обозримом небосклоне. Вся группа поразительно напоминала драгоценное ювелирное изделие. Казалось немыслимым, выходящим за рамки законов вероятности, что создать такое совершенство могла природа.

Холод, пронизывающий до костей, заставил вернуться обратно, в город. Олвин оторвался от решетки и принялся

растираться, чтобы восстановить кровообращение в озябших руках и ногах. Впереди, в том, дальнем, конце туннеля свет, струившийся из Диаспара, был так нестерпим, что на мгновение пришлось отвести глаза. За пределами города существовали и день, и ночь, но в его стенах зиял вечный полдень. По мере того как солнце садилось, небо над Диаспаром наполнялось рукотворным светом, и никто не замечал мига, когда исчезало естественное освещение. Люди изгнали тьму из своих городов еще до того, как научились обходиться без сна.

Олвин медленно двинулся в обратный путь через зеркальный зал. Его сознание все еще было занято картиной ночи и звезд. Он испытывал и необъяснимый подъем, и в то же время был подавлен. Он не находил ровно никакого способа, который помог бы ему скользнуть в эту огромную пустоту, да, собственно, не видел и никакой разумной причины так поступать. Джизирак сказал, что человек там, в пустыне, обречен на скорую гибель, и Олвин верил ему вполне. Быть может, наступит день и он отыщет способ покинуть Диаспар, но он знал, что даже в этом случае ему вскоре придется вернуться. Уйти в пустыню было бы забавной игрой, не более. Но игрой, которую он не сможет разделить ни с кем, и сама по себе она не даст ему ничего. И все же на это стоит пойти хотя бы только ради того, чтобы унять душевную тоску...

Словно не желая возвращаться в знакомый мир, Олвин бродил среди отражений прошлого. Он остановился перед одним из огромных зеркал и стал рассматривать изображения, которые то появлялись, то исчезали в его глубине. Неведомый механизм, управляющий этими образами, контролировался, видимо, самим присутствием Олвина и, до некоторой степени, его мыслями.

Было похоже, что он стоит в каком-то огромном открытом дворе, которого он никогда прежде не видел, но который, вполне вероятно, и существовал где-то в Диаспаре. Было похоже, что здесь происходило какое-то собрание. На приподнятой платформе двое мужчин вели вежливый спор, а их сторонники стояли внизу и время от времени бросали спорящие реплики. Полная тишина лишь добав-

ляла очарования происходящему: воображение медленно принялось восполнять отсутствующие звуки. "О чем они спорят?— думал Олвин.— Быть может, это вовсе не какая-то реальная сцена из прошлого?" Тщательно продуманная и сбалансированная расстановка фигур, слегка театральные движения — все это делало происходящее как-то слишком "причесанным" для настоящей жизни.

Люди в зазеркалье продолжали свой давно никому не нужный спор, не обращая ровно никакого внимания на Олвина, отражение которого недвижимо стояло среди них. В сущности, было очень не просто поверить, что сам он не был реальным участником происходящего, — так безупречна была иллюзия. Когда один из фантомов в зеркале прошелся за спиной Олвина, то фигура юноши перекрыла его, как это было в реальном мире. А когда кто-то из присутствующих переместился перед ним, то заслонил его, Олвина, своим телом...

Он уже хотел было уйти, когда обратил внимание на странно одетого человека, стоящего несколько в стороне от основной группы. Его движения, его одежда, — все в его облике казалось несколько не в стиле собравшихся. Он нарушал общий рисунок; как и Олвин, он казался среди остальных каким-то анахронизмом.

И уже совсем поразительно — он был реален, и он смотрел на Олвина со слегка насмешливой улыбкой...

5.

За свою короткую жизнь Олвин повстречался не более чем с какой-нибудь одной тысячной жителей Диаспара. Поэтому он ничуть не удивился, что сейчас перед ним стоял незнакомец. Олвин повернулся спиной к миру зазеркалья и оказался лицом к лицу с непрошеным гостем. Но прежде, чем он успел раскрыть рот, тот уже обратился к нему:

— Насколько я понимаю, ты — Олвин. Когда я обнаружил, что сюда кто-то приходит, мне следовало сразу же догадаться...

Замечание это, несомненно, было сделано без всякого намерения обидеть — это была просто констатация факта, и Олвин так его и воспринял. Он не удивился тому, что его узнали: нравилось ему это или нет, но уже сам факт непохожести его на других, его еще не раскрывшиеся, но подозревавшиеся возможности делали его известным каждому в городе.

— Я — Хедрон,— сказал незнакомец, словно бы все это объясняло.— Они называют меня Шутом.

Олвин непонимающе смотрел на него, и Хедрон пожал плечами с насмешливой покорностью:

— Вот она, слава! Хотя... ты еще юн и жизнь не выкидывала пока с тобой никаких своих штучек. Твое неведение извинительно.

Он был какой-то приятно-необычный, этот Хедрон. Олвин порывлся в памяти, пытаясь отыскать значение странного слова "шут". В очень сложной общественной жизни Диаспара в ходу было множество всяких титулов и прозвищ и, чтобы выучить их все, требовалось прожить жизнь.

— И часто ты приходишь сюда?— немного ревниво спросил Олвин.

— Нет,— ответил Хедрон.— Я не был здесь прежде ни разу. Но мне доставляет удовольствие узнавать о необычных происшествиях в городе, с тех пор, как некто посещал башню Лоранна, прошло уже очень много времени...

Олвин мимолетно подивился, откуда Хедрон мог узнать о его предыдущих визитах сюда, но быстро оставил эту мысль. Диаспар был полон ушей и глаз и других куда более тонких органов восприятия, которые информировали город обо всем, что происходило в его стенах. И если кому-то очень уж приспичило, он, без сомнения, мог найти способ присоединиться к соответствующим каналам информации.

— Даже если это и необычно; чтобы кто-то приходил сюда,— сказал Олвин, все еще словно бы защищаясь,— почему это должно тебя интересовать?

— Потому что все необычное в Диаспаре — моя прерогатива,— ответил Хедрон.— Я обратил внимание на тебя

очень давно, я знал, что однажды нам предстоит встретиться. Я ведь тоже — на свой лад — единственный в своем роде. О, совсем не в том смысле, в каком ты! — я тысячу раз выходил из Зала Творения. Но где-то давно, в самом начале, меня выбрали на роль Шута, а в каждый настоящий момент в Диаспаре живет только один Шут... Многие, впрочем, полагают, что и одного-то слишком много.

В голосе Хедрона звучала ирония, удивлявшая Олвина. Было не в лучших манерах задавать прямые личные вопросы, но, в конце концов, Хедрон сам затеял этот разговор.

— Прошу простить мне мое невежество,— проговорил Олвин,— но что такое — "шут" и чем он занимается?

— Ты спросил — "что?", поэтому я начну с ответа на невысказанный вопрос "почему?",— ответил Хедрон.— История эта длинная, но, мне представляется, тебе будет интересно.

— Мне все интересно,— ответил Олвин, и это была достаточно полная правда.

— Превосходно! Так вот, те люди — если они были людьми, в чем я порой сомневаюсь,— которые создали Диаспар, должны были решить невероятно сложную проблему. Диаспар — это не просто машина, ты знаешь — это живой организм, да еще и бессмертный к тому же. Мы настолько привыкли к нашему обществу, что и представить себе не можем, каким странным показалось бы оно нашим первым предкам. Так как же Диаспар достиг этой своей исключительной стабильности?

Олвину странно было, что кто-то может задаваться столь элементарным вопросом, и его надежды узнать что-нибудь новенькое стали тускнеть.

— Благодаря Хранилищам Памяти, естественно,— ответил он.— Диаспар всегда состоит из одних и тех же людей, хотя их сочетания и меняются по мере того, как создаются или уничтожаются их физические оболочки...

Хедрон покачал головой:

— Это всего лишь очень незначительная часть ответа. С теми же точно людьми можно построить множество модификаций общества. Я не могу доказать, потому что у меня

нет прямых свидетельств этого,— но я убежден, что так оно и есть. Создатели нашего города не только строго определили число его обитателей, они еще и установили законы, руководящие их поведением. Мы едва ли отдаем себе отчет в том, что эти законы существуют, но мы им повинемся. Диаспар — это замерзшая культура, которая не может выйти за свои весьма узкие рамки. В Хранилищах Памяти, помимо матриц наших тел и личностей, содержится еще так много всего другого... Они хранят формулу самого города, сохраняя каждый его атом точно на своем месте, несмотря на все изменения, которые может принести время...

— Но ведь были же и некоторые изменения,— возразил Олвин.— С тех пор, как город был построен, многие здания снесли, а на их месте возвели новые...

— Да, конечно, но только в результате стирания информации в Хранилищах Памяти и замещения ее новыми формулами... Как бы там ни было, я упомянул это просто в качестве примера работы механизма, с помощью которого город сохраняет свой физический облик. Мне же хочется подчеркнуть, что в то же самое время есть и механизмы, которые сохраняют нашу социальную структуру. Они следят за малейшими изменениями и исправляют их, прежде чем те станут слишком заметными. Как это делается? Не знаю — возможно, путем отбора тех, кто выходил из Зала Творения. Возможно, что-то перестраивает матрицы наших индивидуальностей... Мы склонны полагать, что обладаем свободной воли, но можем ли мы точно быть в этом уверены?..

В любом случае эта проблема была решена. Диаспар — это выдающееся достижение социальной инженерии, хотя, стоило ли всем этим заниматься — это совсем другой вопрос. Но стабильность — это еще не все. Она очень легко ведет к застою, а затем и к упадку. Создатели города предприняли строгие меры, чтобы избежать того и другого. Я, Хедрон-Шут, являюсь частью их сложного плана. Очень возможно — весьма незначительной частью. Мне, конечно, нравится думать, что это не так, но я не могу быть в этом уверен.

— И в чем же суть этой роли?— спросил Олвин, который все еще почти ничего не понимал.

— Ну, скажем, я вношу в жизнь города некоторое рассчитанное количество беспорядка. И объяснить мои действия — значит погубить их эффективность. Судите меня по моим делам, хоть их и не много, а не по словам, пусть они и избыточны...

Никогда прежде Олвин не встречал никого похожего на Хедрона. Шут оказался истинной личностью — человеком, который, насколько мог судить Олвин, на две головы возвышался над всеобщим уровнем однообразия, типичным для Диаспара.

Они вместе двинулись в обратный путь по коридорам башни Лоранна и вышли наружу неподалеку от пустынной движущейся мостовой.

Только когда они уже очутились на улицах города, Олвину пришло на ум, что Хедрон так и не поинтересовался у него, что же он делал там, на границе с неведомым.

Он подозревал, что Хедрон это знал, но удивлен не был. Что-то говорило Олвину, что удивить Хедрона чем бы то ни было очень нелегко. Они обменивались индексами, чтобы в любое время быть в состоянии вызвать друг друга.

— До следующей встречи,— проговорил Хедрон и тотчас же растаял. Олвина покорило. Принято было, если вы встречались с человеком, проецируя себя, а не во плоти, дать это понять собеседнику с самого начала.

Вполне возможно, что все это время Хедрон преспокойно сидел дома — где бы он ни был, его дом.

Пробираясь к центру города, Олвин все раздумывал над тем, что сказал ему Хедрон о Диаспаре и его социальной организации.

Странно было, что ему до сих пор не встретилось ни одного человека, который был бы неудовлетворен своим образом жизни.

Диаспар и его обитатели были созданы в рамках какого-то одного всеобъемлющего плана и существовали в совершенном симбиозе.

Джизирак неподвижно сидел среди вихря цифр.

Первая тысяча простых чисел, выраженных в двоичном коде, который использовали во всех арифметических операциях с тех самых пор, как был изобретен компьютер, в строгом порядке проходила перед ним. Джизирак не был математиком, хотя порой любил потешиться мыслью, что принадлежит к их числу. Все, что он мог, — это блуждать среди бесконечной череды математических загадок в поиске каких-то особых соотношений и правил, которые могли бы быть включены в более общие математические законы более талантливыми людьми. Он мог обнаружить, как ведут себя числа, но не мог объяснить — почему.

Он установил матрицу всех возможных чисел и запрограммировал свой компьютер так, что тот мог нанизывать на нее простые числа, подобно бусинам на пересечениях ячеек сети. Джизирак делал это уже не одну сотню раз и прежде, но так и не добился какого-нибудь интересного результата. Но он был заморожен тем, как простые числа были разбросаны — по-видимому, без какой-либо закономерности — по спектру целых чисел.

Когда раздался мелодичный звонок сигнала, стена чисел заколебалась, цифры расплылись и Джизирак вернулся в мир реальности. Он сразу узнал Хедрона и не слишком обрадовался его визиту. Джизираку не нравилось, когда его отвлекали от заведенного жизненного порядка, а Хедрон всегда означал что-то непредсказуемое. Тем не менее он вежливо приветствовал гостя.

— Мне бы хотелось поговорить с вами относительно Оливина. Насколько я понимаю, вы — его наставник... — начал Хедрон.

— Верно, — ответил Джизирак. — Я все еще вижусь с ним несколько раз в неделю — так часто, как ему этого хочется.

— И как по-вашему — он способный ученик?

Джизирак задумался: ответить на этот вопрос было не просто. Отношения между учеником и учителем считались

исключительно важными и, в сущности, были одним из краеугольных камней жизни в Диаспаре. Эристон и Итания посвящали воспитанию Олвина не более трети своего времени, и они сделали все, что от них зависело. В обязанности же Джизирака входили наиболее серьезные аспекты всего обучения Олвина. Считалось, что названные родители должны обучить ребенка, как вести себя в обществе, и познакомить его со все расширяющимся кругом друзей. Они отвечали за характер Олвина, Джизирак — за его интеллект.

— Мне довольно трудно ответить на ваш вопрос,— проговорил Джизирак.— Разумеется, с интеллектом у Олвина все в порядке. Но многие вещи, которые, казалось бы, должны его интересовать, полностью остаются за пределами его внимания. С другой стороны, он проявляет болезненное любопытство к моментам, которые мы обычно не обсуждаем между собой...

— Например, к миру за пределами Диаспара?

— Да... Но откуда вы знаете?

Хедрон мгновение колебался, размышляя, насколько он может довериться Джизираку.

— Это догадка,— сказал он.

Джизирак устроился поудобнее в глубине материализованного им кресла. Ситуация была интересна, и ему хотелось проанализировать ее со всей возможной полнотой. Ему бы стоило предвидеть, что в один прекрасный день Олвин познакомится с Шутом, и все предсказуемые последствия этого знакомства.

— Будет полезно,— молвил Джизирак,— если мы станем откровенны друг с другом. Мы оба знаем, что Олвин — Неповторимый, что он никогда прежде не существовал в жизни Диаспара.

Очень может быть, что вам легче, чем мне, догадаться о последствиях этого факта. Я сомневаюсь, что хоть что-то из происходящего в городе может быть абсолютно не запланировано, поэтому и в сознании Олвина должна заключаться какая-то цель. Достигнет ли он один этой цели, какова бы она ни была, мне неизвестно. Не знаю я и того, хороша она или дурна...

-- Допустим, она касается чего-то, что лежало за пределами города?..

Джизирак терпеливо улыбнулся: Шут-милу пошутил, что от него и ожидалось.

-- Я уже рассказал ему, что там... Он знает, что за пределами Диаспара нет ничего, кроме пустыни. Отведите его туда, если можете. Вдруг вам известен путь наружу... Когда он увидит реальность, это, наверное, позволит излечить некоторые странности его сознания...

-- А скажите-ка мне, Джизирак,-- неожиданно задал вопрос Шут,-- знает ли Олвин, что он -- не первый Неповторимый?

Казалось, что Джизирак был поражен услышанным и даже уязвлен.

-- Мне следовало бы догадаться, что уж вам-то это известно,-- печально ответил он.-- Сколько Неповторимых было за всю историю Диаспара? Десять?

-- Четырнадцать,-- тотчас ответил Хедрон.-- Не считая Олвина.

-- У вас информация богаче, чем у меня,-- криво усмехнулся Джизирак.-- И вы можете сказать мне, что именно стало с теми Неповторимыми?

-- Они исчезли...

-- Благодарю. Это мне известно. Именно поэтому я почти ничего не сообщил Олвину о его предшественниках: знание о них едва ли помогло бы ему в его нынешнем состоянии... Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

-- В настоящий момент -- да. Мне хочется самому изучить Олвина. Загадки всегда завораживали меня, а в Диаспаре их так мало... Кроме того, мне кажется, что судьба, возможно, готовит нам такую шутку, по сравнению с которой все мои шутовские усилия будут выглядеть куда как скромно... И в этом случае я хочу быть уверен, что буду присутствовать, когда грянет гром... У нас впереди, знаете ли, несколько очень и очень интересных столетий.

...Олвин не тратил времени зря и немедленно принялся узнавать о Хедроне все, что можно. Как всегда, основным

источником его информации был Джизирак. Старый наставник дал ему строго фактический отчет о своей встрече с Хедроном и добавил то небольшое, что ему было известно об образе жизни Шута. В той мере, в какой это вообще было возможно в Диаспаре, Хедрон вел уединенный образ жизни: никто не знал ни где он живет, ни каковы его привычки. Последняя по времени шутка, которую он отмочил, была, в сущности, совсем детской проказой, повлекшей за собой полный паралич всего городского транспорта. Было это пятьдесят лет назад. Столетием раньше он пустил гулять по городу очень уж противного дракона, который слонялся по улицам и жадно пожирал все работы, выставленные модным в тот момент скульптором. Сам скульптор, справедливо встревоженный, когда разборчивость чудовища по кулинарной части стала очевидной, предпочел спрятаться и не появляться до тех пор, пока дракон не исчез столь же загадочным образом, как и появился.

Из всей этой информации было ясно одно: Хедрон, должно быть, досконально знал функции всех устройств и сил, которые управляли жизнью города, и мог заставить их повиноваться своей воле в такой степени, которая не была доступна никому другому. И надо полагать, что существовал еще один, более высокий уровень контроля, где предотвращались любые попытки слишком уж изобретательных шутов причинить постоянный и неустрашимый ущерб структуре Диаспара.

Олвин должным образом усвоил все это, но не предпринял никаких попыток к тому, чтобы увидеться с Хедроном. Ему хотелось обрушить на Шута целый ворох вопросов, но непреклонное стремление до всего доходить самому — быть может, наиболее неповторимая черта его уникального характера — укрепляло решимость выяснить все, что можно без помощи со стороны.

Подобно путешественнику стародавних времен, который стирал с карты белые пятна неведомых земель, Олвин приступил к систематическому исследованию Диаспара. Дни и недели проводил он, бродя лабиринтами покинутых башен на границах города в надежде, что найдет где-ни-

будь выход на той стороне. Он успел исследовать менее чем одну сотню зданий внешнего пояса, когда пришел к выводу, что тратит время зря. Это не было результатом нетерпения — думать так заставлял просто здравый смысл. Он увидел достаточно, чтобы убедиться, что, если выход из города где-то и есть, его так просто не обнаружить. Он мог бы потратить столетия в бесплодных поисках, вместо того чтобы обратиться к помощи более сведущего человека.

Джизирак прямо сказал ему, что не знает пути, ведущего из Диаспара, и что сам сомневается в его существовании. Информационные устройства, когда Олвин задал им этот вопрос, тщетно обшаривали свою практически безграничную память. Они могли ему поведать мельчайшие детали истории города, вплоть до самого начала периода, записанного в Центральном Компьютере, до барьера, за которым, навечно скрытые от человека, лежали Века Рассвета. Но либо информаторы были не в состоянии дать ответ на незатейливый вопрос Олвина, либо какой-то высший авторитет запретил им отвечать.

Ему необходимо было снова повидаться с Хедроном.

7.

— А ты не торопился,— сказал Хедрон.— Впрочем, я знал, что рано или поздно ты придешь.

— Я пытаюсь найти выход из города,— без обиняков выпалил Олвин.— Ведь должен же быть хотя бы один... и мне думается, помочь найти его можете вы!

Несколько секунд Хедрон сидел в полном молчании. Пожелай он — у него еще было время свернуть с пути, что простерся перед ним в будущее, лежащее за пределами всех его способностей к предвидению. Быть может, никакой опасности и не существовало и ничто не могло потревожить преемственную неизменность Диаспара. Но если он существовал — самый малейший риск чего-то странного и неизведанного, грозящего этому миру, то сейчас у Хедрона был последний шанс предотвратить грядущее.

Порядок вещей, каким он был, вполне устраивал Хедрона. Верно, время от времени он мог слегка расстраивать этот порядок, но только едва ощутимо. Он был критиком, а не революционером. На поверхности ровно текущей Реки Времени он стремился вызвать лишь легкую рябь. От мысли, что можно изменить само течение, у него мурашки бежали по коже. Стремление испытать какое-нибудь приключение, кроме тех, что были возможны в сагах, было вытравлено из его сознания так же тщательно и продуманно, как и у всех остальных жителей Диаспара.

И все же в нем еще теплилась — едва-едва — искорка того любопытства, что было когда-то величайшим даром Человека. И Хедрон был готов пойти на риск.

В юности он ничем не отличался от товарищей. Только когда он повзрослел и пробудившиеся воспоминания о прежних существованиях нахлынули на него, только тогда он принял роль, для которой был предназначен давным-давно. Порой в нем все восставало против того, что великие умы, которые с таким же вот бесконечным искусством создали Диаспар, в состоянии даже теперь, спустя века и века, заставить его дергаться марионеткой на выстроенной ими сцене. И вот у него — кто знает? — появился шанс осуществить давно откладываемую месть... Появился новый актер, который, возможно, в последний раз опустит занавес над пьесой, действие за действием все идущей и идущей на сцене жизни.

Сочувствие к тому, чье одиночество должно быть куда более глубоким, чем его собственное, скука, порожденная веками повторений, и проказливое стремление к крупному озорству — таковы были противоречивые факторы, подтолкнувшие Хедрона к действию.

— Быть может, я в состоянии помочь тебе, — ответил он Олвину. — А быть может, и нет... Мне не хочется пробуждать несбыточных надежд. Встретимся через полчаса на пересечении Третьего радиуса и Второго кольца. Я, по крайней мере, могу обещать тебе хорошую прогулку — один не смогу сделать ничего большего.

Олвин пришел за десять минут до срока. Он нетерпеливо ждал, глядя, как бесконечный поток тротуаров несет

мимо него довольных и скучных жителей города, стремящихся куда-то по своим, не имеющим ровно никакого значения делам. Наконец вдалеке показалась высокая фигура Хедрона, и несколькими мгновениями спустя Олвин впервые очутился в обществе Шута во плоти, а не его электронного изображения. Они сомкнули ладони в древнем приветствии — да, Шут оказался вполне реален.

Хедрон уселся на одну из мраморных баллюстрад и принялся разглядывать Олвина.

— Интересно,— протянул он,— отдаешь ли ты себе отчет в том, на что замахнулся?.. И еще мне интересно, что бы ты сделал, если бы твое желание исполнилось? Неужели ты в самом деле воображаешь, что сможешь покинуть город, если найдешь выход?

— В этом я уверен,— ответил Олвин достаточно храбро, но Хедрон уловил в голосе юноши некоторые колебания.

— Тогда разреши мне сказать тебе кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Видишь вон те башни?— Хедрон простер руку к двойному пику Центральной Энергетической и Зала Совета, которые смотрели друг на друга, разделенные пропастью глубиной в милю.— Теперь представь, что я положил между этими башнями абсолютно жесткую доску.— шириной всего в шесть дюймов. Смог бы ты по ней пройти?

Олвин, ошеломленный, медлил.

— Не знаю,— наконец прошептал он.— Мне что-то и пробовать не хочется...

— Я совершенно уверен, что тебе не удалось бы по ней пройти — ни за что на свете. Закружится голова, и ты рухнешь вниз, не сделав десятка шагов... Но если бы та же доска была укреплена лишь на ладонь над поверхностью, ты прошел бы по ней без малейших затруднений...

— Ну и что?..

— Мысль очень проста. В этих двух предложенных мной экспериментах доска, заметь, одной и той же ширины. Какой-нибудь из этих роботов на колесах, которых мы порой встречаем, прокатился бы по ней между башнями с такой же легкостью, что и по земле. А мы — нет, поскольку нам свойственна боязнь высоты. Да, она иррациональна, но

слишком уж сильна, чтобы ее игнорировать. Она встроена в нас, мы с ней рождены.

Так вот, точно таким же образом нам свойственна боязнь пространства. Покажи любому в Диаспаре дорогу, которая, возможно, ничуть не отличается от этой вот мостовой, и он по ней далеко не уйдет...

— Но почему,— запротестовал Олвин.— Ведь было же, наверное, когда-то время...

— Знаю, знаю,— улыбнулся Хедрон.— Когда-то человек путешествовал по всему миру и даже к звездам. Но... Что-то изменило его и вселило в него страх, с которым он теперь и рождается. Ты — единственный, кто воображает, будто этот страх ему несвойствен. Что ж, посмотрим. Я поведу тебя в Зал Совета...

Так называлось одно из величайших зданий города, почти полностью предоставленное в распоряжение машин, которые и являлись настоящей администрацией Диаспара. Ближе к вершине здания находилось помещение, в котором встречались члены Совета в тех редких случаях, когда возникала проблема, требующая обсуждения.

Широкий вход поглотил их, и Хедрон уверенно вступил в золотистый полумрак. Олвин никогда прежде не бывал в Зале Совета. Это не запрещалось, в Диаспаре вообще мало что запрещалось, но, как и все остальные, он испытывал перед Советом чувство какого-то почти мистического благоговения. В мире, где не знали богов, Зал Совета был наиболее близким подобием храма.

Хедрон без малейших колебаний вел Олвина по коридорам и пандусам, которые, судя по всему, предназначались не для людей, а для колесных роботов. В конце концов они остановились перед дверью, которая тотчас же медленно заскользила в сторону, а затем снова задвинулась за ними. Впереди была еще одна дверь, которая, однако, при их приближении не отворилась. Хедрон не сделал ни малейшей попытки коснуться ее, он просто остановился. Через короткое время прозвучал тихий голос: "Будьте добры, назовите ваши имена".

— Я — Хедрон-Шут. Мой спутник — Олвин.

— По какому вы делу?

-- Да так, любопытствуем...

К удивлению Олвина дверь тотчас открылась.

Они не встретили больше никаких препятствий, но Олвин подозревал, что их подвергли множеству тайных проверок. Короткий коридор внезапно вывел их в огромное круглое помещение с притопленным полом, и на плоскости этого пола возвышалось нечто до такой степени удивительное, что от изумления Олвин на несколько секунд потерял дар речи. Он смотрел сверху... на весь Диаспар, распростертый перед ними, и самые высокие здания города едва доставали ему до плеча.

Он так долго выискивал знакомые места, так пристально изучал неожиданные ландшафты, что не сразу обратил внимание на остальную часть помещения. Его стены были покрыты микроскопическим рисунком из белых и черных квадратиков. Сама эта мозаика была совершенно лишена какой-то системности, но когда Олвин быстро повел по ней взглядом, ему представилось, что стены стремительно мерцают, хотя рисунок не изменился ни на йоту. Вдоль этой круговой стены через короткие интервалы были расположены машины с ручным управлением и каждая была оборудована экраном и креслом для оператора. Хедрон позволил Олвину вдосталь налюбоваться этим зрелищем. Затем он ткнул рукой в уменьшенную копию города:

-- Знаешь, что это такое?

Олвина так и подмывало ответить: "Надо полагать, макет", но такой ответ был настолько очевидным, что он просто решил промолчать. Поэтому он только неопределенно покачал головой и стал ждать, чтобы Хедрон сам ответил на свой вопрос.

-- Помнишь, я как-то рассказывал тебе, как наш город поддерживается в неизменном состоянии, как в Хранилищах Памяти навечно запечатлен его облик... Эти Хранилища теперь повсюду вокруг нас. Со всем их неизмеримо огромным объемом информации, полностью описывающей город, как он есть в настоящий момент. Каждый атом в Диаспаре с помощью сил, о которых мы все позабыли, каким-то образом связан с матрицами, заключенными в этих стенах.

Шут повел рукой в сторону безупречного, бесконечно детального изображения Диаспара, которое распростерлось перед ними:

— Это не макет. То, что ты видишь,— неосвязаемо. Это просто электронное изображение, совершенно идентичное с самим городом. А вот эти мониторы позволяют увеличить на этом экране любой нужный участок Диаспара, посмотреть на него в натуральную величину или под еще большим увеличением. Их используют, когда нужно внести какие-либо изменения в конструкцию города, хотя никто не брался за это уже бог знает сколько времени.

— Как замечательно!— воскликнул Олвин.— И сколько людей знают о существовании этого места?

— О, весьма многие, но все это редко кого интересует. Время от времени сюда приходит Совет — ни одно изменение в городе не может произойти, если члены Совета не присутствуют здесь в полном составе. Но даже и этого недостаточно, если Центральный Компьютер не одобрит предполагаемое изменение. Словом, я сомневаюсь, что кто-то бывает здесь чаще, чем два-три раза в год.

— Очень может быть, что предмет твоих поисков просто не существует,— снова заговорил Хедрон.— Но если он все-таки есть, то отыскать его можно только отсюда. Дай-ка, я покажу тебе, как управляться с мониторами.

Весь следующий час Олвин просидел перед одним из аппаратов, принаравливаясь к нему. Он мог по желанию выбрать какую угодно точку города и исследовать ее при любом увеличении. По мере того, как он менял координаты, на экране перед ним мелькали улицы, башни, движущиеся тротуары, стены... Похоже было, что он стал всевидящим, бесплотным духом, который мог безо всяких усилий парить над Диаспаром, не затрачивая на это ни малейшего физического усилия.

Он нашел башню Лоранна и быстро пробежался по ее коридорам и проходам, уже известным ему. Когда перед его глазами возникло изображение каменной решетки крупным планом, он почти ощутил холодный ветер, что дул сквозь нее непрерывно на протяжении, возможно, половины всей истории человечества. Он "подошел" к ре-

шетке.., выглянул наружу -- и не увидел ровно ничего. Мгновенный шок был настолько силен, что Олвин почти усомнился в собственной памяти: уж не во сне ли он смотрел на пустыню?

Затем он понял, в чем дело. Пустыня ни в коей мере не была частью Диаспара, и поэтому в призрачном мире, который он сейчас исследовал, не было и ее изображения. В реальной жизни за пределами решетки могло лежать все, что угодно, но экран монитора был здесь бессилён.

И все же он мог показать Олвину кое-что из того, чего не видел никто из живущих. Олвин переместил точку зрения через решетку на наружную сторону -- в пустоту за границей города. Он повернул ручку настройки, которая контролировала направление обзора таким образом, что теперь "глядел" в ту сторону, с которой "пришел". И там, впереди, лежал Диаспар, увиденный снаружи.

Для компьютеров, цепей памяти и всех бесчисленных механизмов, создавших изображение, на которое сейчас смотрел Олвин, это была просто проблема перспективы. Они "знали" формы города, поэтому могли показать их и так, как они выглядят со стороны. И все же, хотя Олвину и был понятен способ, которым все это осуществлялось, зрелище ошеломило его. Ведь если не физически, то духовно он выскользнул из города! Ему казалось, что он висит в пространстве в нескольких футах от отвесной стены башни Лоранна. Несколько секунд он смотрел на ровную серую поверхность перед его глазами. Затем тронул ручку управления, и стена перед ним помчалась вверх.

Теперь, когда он знал возможности этого чудесного инструмента, план действий был ясен. К чему было тратить месяцы и годы, осматривая Диаспар изнутри? С этой превосходной новой позиции он мог, словно на крыльях, облететь полностью внешний периметр города и сразу же обнаружить любое отверстие, ведущее в пустыню, и лежащий за ним мир...

...Олвин оторвал руки от панели управления, обесточил все цепи, и изображение на экране угасло. Несколько секунд он сидел совершенно неподвижно, уставившись на

пустой прямоугольник дисплея, целиком занимавший его сознание на протяжении всех этих долгих недель. Он совершил кругосветное путешествие вокруг своего мира. По этому экрану проплыл каждый квадратный дюйм внешней стены Диаспара. Он знал теперь свой город лучше любого его гражданина, за исключением, возможно, Хедрона, но знал и то, что выхода сквозь стены не существует...

Он встал из кресла и подошел к изображению города, которое почти заполнило помещение. Город распростерся у его ног. Он смотрел на него, как бог, и едва замечал, перебирая в уме один за другим шаги, которые теперь следовало предпринять. Он снова ощутил в положении, когда ему требовалась помощь, когда только своими силами он был не в состоянии продвинуться вперед. Ему не хотелось в этом признаваться самому себе, но он был достаточно честен и осознал этот неприятный факт. И мысли его с неизбежностью обратились к Хедрону.

...Они договорились встретиться в маленьком круглом дворике неподалеку от Зала Совета. В городе было множество таких вот уединенных местечек, частенько расположенных всего лишь в нескольких шагах от оживленной магистрали, но совершенно изолированных от людской толчеи.

Дворик оказался едва ли более пятидесяти шагов в поперечнике и находился внутри какого-то большого здания. Низкие стены, высотой в половину человеческого роста, разорванные через неправильные интервалы с тем, чтобы через них можно было пройти, создавали достаточное впечатление замкнутости, без чего никто в Диаспаре не мог чувствовать себя совершенно в своей тарелке.

Когда появился Олвин, Хедрон внимательно разглядывал как раз одну из секций стены. Она была выложена хитроумной мозаикой из глазурованных плиток, и узор оказался таким фантастически сложным, что Олвин даже и пытаться не стал читать его.

— Посмотри на эту мозаику, Олвин,— сказал Шут.— Не замечаешь ли ты в ней какой-нибудь странности?

— Нет,— бегло взглянув на рисунок, признался Олвин.— Да мне, собственно, все равно...

Хедрон пробежался пальцами по разноцветным плиткам.

— Ты не слишком наблюдателен,— укоризненно проговорил он.— Взгляни-ка вот на эти кромки, видишь, как они закруглены, какую приобрели мягкую форму? Это нечто такое, Олвин, что в Диаспаре можно увидеть крайне редко. Это — изношенность. Я помню те времена, когда рисунок был совсем новым — это было всего восемьдесят тысяч лет назад, в мою предыдущую жизнь. И если я вернусь сюда через десяток перевоплощений, от этих плиток уже мало что останется...

Хедрон ухитрился отколоть осколок позолоченной плитки и, казалось, был очень доволен этим актом малозначительного трогательного вандализма. Он бросил крохотную чешуйку наземь:

— Теперь роботам-уборщикам будет над чем потрудиться!

Олвин понял, что это урок. Станный инстинкт, известный под именем интуиции, приводивший к цели напрямик, неподвластный логике, тотчас сказал ему об этом. Он уставился на золотистую блеску, лежащую под ногами, чтобы как-то связать ее с проблемой, занимавшей сейчас его сознание.

Найти ответ было несложно, коль скоро ему стало очевидно, что ответ этот существует.

— Я понимаю, что именно вы пытаетесь мне втолковать,— сказал он Хедрону.— Это значит, в Диаспаре есть объекты, не зафиксированные в ячейках памяти. Поэтому я и не мог их найти с помощью мониторов в Зале Совета. Пойди я туда и нацелься на этот дворик, мне бы и следа не увидеть этой вот стены, на которой мы сейчас сидим...

— Ну, я думаю, стену -то ты бы обнаружил.. Но вот мозаику на ней...

— Да-да, я понимаю..,— почти не слушая, продолжал Олвин, слишком занятый сейчас своими мыслями, чтобы обращать внимание на такие тонкости... — И точно таким же образом могут существовать целые районы города.., они не отражены в его вечной памяти, они еще не износились.., они существуют... Нет, я все-таки как-то не вижу,

чем это может мне помочь, я же знаю, что внешняя стена стоит, как скала, и что в ней нет проходов...

— Возможно, из этого положения, действительно, нет выхода,— проговорил Хедрон.— Во всяком случае, я ничего не могу тебе обещать. Но все же думаю, что мониторы способны научить нас еще очень и очень многому., если Центральный Компьютер им разрешит. А он, похоже, относится к тебе... м-м... доброжелательно.

На пути к Залу Совета Олвин раздумывал над этими словами Шута. До сих пор он полагал, что доступ к мониторам ему обеспечило единственно влияние Хедрона. Ему и в голову не приходило, что это стало возможным в силу каких-то качеств, внутренне присущих именно ему самому.

...Ничуть не изменившийся электронный слепок города все так же занимал центр зала, в котором Олвин провел эти долгие недели. Он смотрел на него теперь с новым чувством понимания: ведь все, что он видел здесь, перед собой, существовало в действительности, но... могло быть и так, что не весь Диаспар отражен в этом безупречном зеркале.

— Я попытался это сделать много лет назад,— нарушил молчание Хедрон, усаживаясь в кресло перед одним из мониторов.— Но управление этой штукой никак мне не давалось. Возможно, теперь будет все иначе...

Сначала медленно, а потом со все возрастающей уверенностью — по мере того, как в памяти оживали давным-давно забытые навыки,— пальцы Хедрона побежали по панели управления, лишь на мгновение задерживаясь на некоторых ее точках.

Экран монитора осветился, но вместо изображения, которое ожидал увидеть Олвин, появилась несколько обескураживающая надпись: "Регрессия начнется, как только вы установите градиент убывания".

— Экая я бестолочь,— прошептал Хедрон.— Ведь все сделал правильно, а самое важное забыл... — Теперь его пальцы двигались по панели уже совершенно уверенно, и, когда надпись на экране растаяла, он развернул кресло так, чтобы видеть изображение города в центре зала.

-- Смотри внимательно, Олвин,-- сказал он.-- Мне думается, что мы оба узнаем сейчас о Диаспаре кое-что новенькое.

Олвин терпеливо ждал, но ничего не происходило. Изображение города по-прежнему стояло перед его глазами во всем своем великолепии и красоте. Он уже хотел было спросить Хедрона, а на что, собственно, ему смотреть, как вдруг какое-то внезапное движение приковало его внимание. Это был всего лишь какой-то краткий миг, что-то на мгновение сверкнуло, и он так и не успел заметить, что же было причиной этой вспышки. Ничто не изменилось: Диаспар оставался точно таким же, каким он его знал. Переведя взгляд на Хедрона, он увидел, что тот наблюдает за ним с сардонической усмешкой, и снова уставился на город. И теперь это произошло прямо у него на глазах.

Одно из зданий на периферии Парка неожиданно исчезло и на его месте мгновенно появилось другое, совершенно иной архитектуры. Превращение это было столь стремительно, что, мигни Олвин именно в этот момент, и он ничего бы не заметил. В изумлении смотрел он на слегка изменившийся город, но даже в эту минуту потрясения от увиденного мозг его искал объяснений. Ему вспомнились слова, появившиеся на экране: "Регрессия начнется..." -- и он тотчас осознал, что же, собственно, такое происходит.

-- Таким город был много тысяч лет назад,-- сказал он Хедрону.-- Мы словно бы движемся назад по Реке Времени...

-- Весьма красочный, но вряд ли самый точный способ отразить то, что здесь сейчас происходит,-- ответил Шут.-- На самом деле монитор вспоминает ранний облик города. Когда производились какие-то модификации, ячейки памяти не просто освобождались. Содержавшаяся в них информация тут же передавалась для хранения во все ее вспомогательные цепи, чтобы, по мере надобности, ее можно было вызывать снова и снова. Я настроил монитор на анализ именно этих узлов -- со скоростью тысяча лет в секунду. Сейчас мы с тобой видим Диаспар, каким он был полмиллиона лет назад. Но, чтобы заметить существ-

венные перемены, нам придется отодвинуться во времени на куда большее расстояние... Я увеличу скорость...

Теперь монитор вскрывал пласты своей памяти гораздо быстрее. Изображение Диаспара проваливалось в прошлое на миллион лет в минуту, и перемены совершались столь стремительно, что глаз не мог уследить за ними.

Основной рисунок города, однако, не менялся. Здания возникали и исчезали, но расположение улиц представлялось вечным, а Парк все так же оставался зеленым сердцем Диаспара. Олвин прикинул, насколько далеко может простираться память монитора. Могут ли они вернуться к самому основанию города и проникнуть сквозь занавес, определяющий непреложно известную историю от мифов и легенд Начала?..

Они погрузились в прошлое уже на пятьсот миллионов лет. За пределами Диаспара лежала совсем иная Земля, неизвестная мониторам. Возможно, там шумели океаны и леса, быть может, существовали и иные города, еще не покинутые человеком в его долгом-долгом отступлении к своему последнему пристанищу...

8.

Минуты текли -- и каждая была целой эпохой в крохотной вселенной мониторов. Олвину подумалось, что скоро они достигнут самого раннего из доступных уровней памяти и бег в прошлое прекратится. И хотя все происходящее представлялось ему захватывающе интересным, он никак не мог понять, каким образом это поможет ему вырваться из Диаспара.

...Резким, беззвучным скачком город сократился до незначительной части своей нынешней величины. Парк исчез. В мгновение ока словно и не бывало, испарилась ограничивающая город стена, составленная из циклопических башен. Этот новый город был открыт всем ветрам, его радиальные дороги простирались к границам объемного изображения, не встречая никакого препятствия.

— Дальше пути нет,— сказал Хедрон и показал на экран. Там появилась надпись: "Регрессия завершена". — Должно быть, это самый первый облик города, запечатленный в памяти машин. Сомневаюсь, чтобы ячейки памяти использовались в период, когда здания подвергались разрушительному действию стихий.

Хедрон несколько раз прогнал монитор назад и вперед по короткому отрезку истории, которая была свидетельницей трансформации. Переход от маленького, открытого городка к куда большему по размерам, но уже совершенно отъединенному от мира, занял немногим более тысячи лет. За это время, должно быть, и были созданы машины, которые и посейчас так верно служат Диаспару, а в их память было вложено знание, обеспечивающее выполнение ими своих задач. В этот же период в ячейки памяти города должны были поступить электронные копии всех живущих ныне людей, готовые по первому сигналу Центрального Компьютера обрести плоть и, заново рожденными, выйти из Зала Творения.

Олвин понимал, что в некотором смысле он тоже существовал в древнем мире. Хотя, конечно, было возможно, что он оказался продуктом чистого синтеза, — вся его личность, целиком и полностью, была создана инженерами-художниками, которые здесь пользовались инструментами непостижимой сложности, ради какой-то ясно осознаваемой ими цели... И все же ему представлялось куда более вероятным, что он был плоть от плоти тех, что когда-то жили на Земле и путешествовали по ней.

Когда был создан новый город, от старого Диаспара мало что осталось. Парк почти полностью скрыл изначальное поселение, а также то, с чего, собственно, начинался и сам-то этот древний город. Казалось, в центре Диаспара от века существовало крохотное зеленое местечко, к которому стекались все радиальные улицы.

Впоследствии его размеры увеличились вдесятеро, стерев множество улиц и зданий. Усыпальница Ярлана Зея появилась как раз в это время, заменив собой какую-то очень большую круглую конструкцию, которая возвышалась на месте слияния улиц. Олвин никогда, в сущности,

не верил легендам и непостижимой древности усыпальницы, но теперь ему стало ясно, что легенды, похоже, говорили правду.

— Но ведь мы..,— Олвин был просто поражен внезапно пришедшей ему на ум мыслью,— ведь мы можем изучать это изображение в деталях, точно так же, как разглядывали современный нам Диаспар?..

Пальцы Хедрона порхнули над панелью управления, и экран тотчас ответил на вопрос Олвина. Город, давным-давно исчезнувший с лица земли, стал расти у него на глазах, по мере того, как его взгляд погружался в лабиринт странных узких улочек.

Он не знал, что это ему даст и поможет ли его исканиям. Не важно. Было захватывающе интересно вглядываться в прошлое и видеть мир, который существовал еще в те времена, когда человек путешествовал среди звезд. Он указал на низкое, круглое здание, стоящее в самом центре городка:

— Давайте начнем отсюда. Это место ничуть не хуже всякого другого, чтобы приступить к поиску...

Быть может, это оказалось чистой удачей. Или подала голос какая-то древняя генная память. А может быть, элементарная логика. Это не имело значения, поскольку рано или поздно он все равно добрался бы до этого места — точки, от которой начинались все радиальные улицы города.

Ему потребовалось всего минут десять, чтобы сделать открытие: улицы соединялись здесь вовсе не только из соображений симметрии. Всего десять минут, чтобы понять — долгий его поиск вознагражден.

9.

Алистре было совсем не трудно последовать за Олвином и Хедроном так, чтобы они и понятия об этом не имели. Оба, казалось, очень спешили — что уже само по себе было в высшей степени необычно — и ни разу не оглянулись. Забавная игра — преследовать их на движущихся

тротуарах, прячась в толпе, не спускать с них глаз... В конце концов цель, к которой они стремились, стала для Алистры очевидной. Раз уж они оставили улицы и углубились в Парк, то могли направляться только к усыпальнице Ярлана Зея. В Парке не было никаких иных зданий, а люди, спешащие так, как спешили Олвин и Хедрон, явно не собирались любоваться ландшафтами.

Поскольку на последних десятках метров перед усыпальницей укрыться было решительно негде, Алистра дождала, пока преследуемые не углубились в ее мраморный полумрак. Как только они скрылись из виду, девушка поспешила вверх по травянистому склону.

Усыпальница состояла из двух концентрических колоннад, ограждающих круглый дворик. Колонны эти -- за исключением одного сектора, отчасти перекрывая друг друга, полностью прятали от взоров центр всего сооружения. Алистра осторожно миновала первое кольцо колонн, убедилась, что в поле зрения никого нет, и на цыпочках подобралась ко второй колоннаде. Между колоннами ей был виден Ярлан Зей, устремивший взгляд к входу в усыпальницу и дальше -- через Парк, созданный им, -- на город, за которым он следил столько тысячелетий.

И его мраморное уединение не нарушала ни одна живая душа. Усыпальница была пуста...

В эти самые секунды Олвин и Хедрон находились в метрах тридцати под поверхностью земли, в тесной, напоминающей ящик, клетушке, стены которой, казалось, струились вверх. Это было единственным признаком того, что клетушка движется. Не ощущалось ни малейшей вибрации, которая указывала бы на то, что они постепенно погружаются в недра земли, приближаясь к цели, о которой ни тот, ни другой теперь не имели ни малейшего представления.

Все оказалось до смешного просто, потому что искомый путь был прямо-таки подготовлен для них. (Кем?-- думалось Олвину.-- Центральным Компьютером? Или самим Ярланом Зеєм, когда он преображал город?)Экран монитора показал им глубокую вертикальную шахту, уходящую в недра, но они спустились по ней не слишком глубоко --

экран погас. Это означало, что они затребовали информацию, которой монитор не располагал.

Олвин едва успел додумать эту мысль, как экран ожил снова. На нем появилась короткая надпись, напечатанная упрощенным шрифтом, которым машины пользовались для общения с человеком с тех самых пор, как они достигли интеллектуального равенства: "Встаньте там, куда смотрит статуя, и подумайте: "ДИАСПАР НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ".

Последние пять слов были напечатаны прописными буквами, и суть этого послания сразу же была понята Олвином. Произнесенные им в уме кодовые фразы столетия использовались для того, чтобы открывать двери или включать машины. Что касается выражения "встаньте там, куда смотрит статуя", то, в сущности, это было уже совсем просто.

У них не было никакой уверенности, что механизмы все еще способны откликнуться на кодовый импульс. Когда они добрались до усыпальницы, им потребовалось всего ничего времени, чтобы обнаружить ту единственную плиту в полу, на которую был устремлен взгляд Ярлана Зея. Лишь не слишком внимательному наблюдателю могло показаться, будто статуя смотрит вдаль, на город. Стоило стать прямо перед ней, и сразу можно было убедиться, что глаза Зея опущены как раз на плиту, расположенную у самого входа в усыпальницу.

Как только секрет был раскрыт, сомнений уже не оставалось. Огромная глыба камня, на которой они стояли, плавно понесла их в глубину.

Глубокое окно над их головами внезапно пропало. Шахта не была теперь зияющей. Опасность, что кто-нибудь случайно ступит на нее, перестала существовать. Ни Олвин, ни Хедрон не проронили ни слова, пока стены медленно скользили мимо них.

Олвину не было страшно — он был слишком возбужден. Он испытывал то же чувство, что и в башне Лоранна, когда взглянул на нетронутую пустыню и увидел звезды, взявшие в полон небо. Тогда он едва кинул взгляд на неведомое. Теперь он приближался к нему...

Стены прекратили движение. На одной из них появилось пятно света, оно становилось все ярче и ярче и внезапно обернулось дверью. Они ступили в нее, сделали несколько шагов по коридору и вдруг очутились в огромной камере-каверне, стены которой плавно сходились в трехстах футах у них над головами.

Олвин разглядывал стены пещеры, отодвинутые от того места, где они стояли с Хедроном, более чем на сотню метров. Пронизывая их в равных интервалах, зияли жерла огромных туннелей -- двенадцать общим числом, -- радикально расходящихся по всем направлениям, в точности по рисунку движущихся улиц там, на поверхности. Приглядевшись, можно было заметить, что туннели имеют небольшой уклон вверх. Олвин тотчас же узнал и знакомую серую поверхность движущегося полотна, но это были лишь руины когда-то великих дорог. Станный материал, который давал им жизнь, теперь был неподвижен. Когда наверху был разбит Парк, ступица этого огромного колеса была похоронена под землей. Но ее не разрушили.

Олвин направился к ближайшему туннелю. Он прошел всего несколько шагов, когда осознал, что с поверхностью пола у него под ногами что-то происходит. Пол становится прозрачным! Еще несколько метров, и ему стало казаться, что он стоит прямо в воздухе, без какой-либо видимой поддержки. Он остановился и вгляделся в пропасть, развернувшуюся перед ним.

-- Хедрон!-- позвал он,-- подойдите, взгляните-ка на это чудо.

Шут присоединился к нему, и они вместе стали разглядывать фантасмагорию под ногами. На неопределенной глубине, едва видимая, простиралась чудовищных размеров карта -- сложнейшая сеть линий на ней сходилась точно в центре зала. Некоторое время они смотрели молча. Затем Хедрон тихо произнес: "Понимаешь, что это?"

-- Думаю, что -- да,-- так же тихо отозвался Олвин.-- Это карта всей транспортной системы, а те вон маленькие кружки -- это, должно быть, другие города Земли... Я вижу, что возле них написаны какие-то названия, только вот ничего не могу разобрать...

— В прежние времена там было, наверное, внутреннее освещение,— задумчиво проговорил Хедрон. Он внимательно проследил линии под ногами, отходящие к стенам каверны.

— Я так и думал!— воскликнул он.— Ты обратил внимание, что эти радиальные линии тянутся к маленьким туннелям?

Олвин тоже заметил, что помимо огромных арок движущихся дорог, были в стенах еще и бесчисленные туннели поменьше, тоже ведущие куда-то в неизвестность, но только уклон в них был не вверх, а вниз.

А Хедрон продолжал, не ожидая ответа:

— Более простую схему трудно себе представить! Люди сходили с движущихся дорог, выбирали по карте направление к месту, которое хотелось посетить, и все, что им оставалось делать,— это просто следовать определенной линии по карте...

Олвин направился в сторону и пошел вокруг центральной колонны, в теле которой они прибыли сюда. Внезапно Хедрон услышал его голос — несколько искаженный отголосками от стен этой огромной полости, — и двинулся на зов.

Глубоко под ногами виднелась вторая половина карты, слабые ее штрихи расходились наподобие "розы" на катушке компаса. Здесь, однако, далеко не все надписи были различимы, потому что одна из линий -- о, только одна!— была ярко освещена. Сияющая стрела указывала на один из меньших туннелей, ведущих куда-то вниз. Вместо острия у стрелы был маленький кружок, возле которого светилось единственное слово: "Лиз". И это было все.

Шут и Олвин долго смотрели на этот золотой символ. Для Хедрона это был вызов, которого ему — он-то это знал! — никогда не принять, и который, если уж на то пошло, лучше бы вовсе и не существовал. Но Олвину надпись намекала на возможность исполнения всех его заветных мечтаний! И хотя слово "Лиз" было для него пустым звуком, он перекачивал его во рту — немного звенящее, — наслаждался им, как каким-то экзотическим плодом дивного вкуса. Кровь билась у него в венах, щеки пылали

лихорадочным румянцем. Он блуждал взглядом по этой огромной подземной пустоте, пытаясь представить, что происходило здесь в древности, когда воздушному транспорту уже пришел конец, но города Земли еще поддерживали контакт друг с другом... Он думал о бессчетном числе миллионов лет, которые канули куда-то с тех пор, о том, что с каждым таким миллионом движение здесь все сокращалось и сокращалось, а огни на огромной карте угасали один за другим, пока не осталась вот эта единственная линия. Как долго, мнилось ему, сияет она здесь, среди своих погасших товарок, в ожидании человека, которого нужно направить и которого все нет и нет?.. И, наконец, Ярлан Зей вообще запечатал движущиеся пути и отрезал Диаспар от мира...

А было это миллиард лет назад. Уже тогда Лиз, видимо, потерял контакт с Диаспаром. Казалось невозможным, чтобы Лиз выжил. Могло случиться, в конце концов, что эта карта уже не имела ровно никакого значения...

Хедрон прервал его размышления. Видно было, что Шут нервничает и чувствует себя неуютно.

-- Не думаю, что нам надо двигаться куда-то дальше,-- проговорил Хедрон.-- Это может быть... небезопасно, если мы., если мы не будем подготовлены лучше...

Известная мудрость в этом, конечно, была, но Олвин расслышал в голосе Хедрона лишь нотку страха.

-- Я пошел по этому туннелю,-- упрямо заявил он, словно бы даже провоцируя Хедрона оставить его.-- Хочу посмотреть, куда он ведет... -- Олвин решительно зашагал вперед, и, поколебавшись какое-то мгновение, Шут двинулся за ним вдоль сияющей стрелы, что пылала у них под ногами.

Войдя в туннель, они сразу же почувствовали знакомую тягу перистальтического поля и, спустя миг, оно уже без малейшего усилия вносило их в глубь земли. Все путешествие продолжалось едва ли более минуты. Когда поле освободило их, они оказались в конце длинного и узкого помещения полуцилиндрической формы. На другом, дальнем конце его, два слабо освещенных туннеля уходили куда-то в бесконечность.

Представители едва ли не всех без исключения цивилизаций, которые только существовали на Земле со времен Начала, нашли бы и эту вот обстановку совершенно обычной, но для Олвина и Хедрона это был взгляд в абсолютно иной мир. Например, назначение этой вот длинной, стремительных очертаний машины, которая — столь похожая на снаряд — покоилась вдоль стены помещения, было, в общем-то, очевидно, но менее загадочной она от этого не становилась. Верхняя часть ее была прозрачна, и, глядя сквозь стенки, Олвин видел ряды удобно расположенных кресел. Признаков какого-либо входа не было. Машина парила на высоте примерно одного фута над незатейливым металлическим рельсом, который простирался вдаль, исчезая в одном из туннелей. Несколько метрами дальше другой такой же рельс вел еще в один туннель, с той лишь разницей, что над ним не было такой машины. Олвин знал — как если бы ему об этом сказали, — что где-то под далеким и неведомым ему Лизом еще одна такая же машина в таком же помещении, как это, ждет своего часа.

Олвин был поглощен разглядыванием этого диковинного снаряда, нетерпеливо пытаясь найти выход. Если машина управлялась центрально или просто устным кодовым признаком, ему бы ни за что не удалось заставить ее повиноваться и до конца его жизни она оставалась бы сводящей с ума загадкой.

...Беззвучно раскрывающаяся дверь застала его врасплох. Не прозвучало ни малейшего шороха, не было никакого предупреждения, когда целая серия корпуса просто истаяла и безупречная красота интерьера предстала перед ним, готовая его принять.

Настал момент выбора. До этого рубежа он всегда мог повернуть назад, стоило ему только захотеть. Но ступи он в эту гостеприимно распахнутую дверь, и можно было уже не сомневаться в том, что произойдет после этого, хотя Олвин и не представлял, куда именно его приведут.

Он не колебался ни мгновения. Он боялся промедлить, боялся, что, если станет раздумывать слишком долго, этот

момент никогда уже больше не повторится, -- у него не хватит решимости отдаться стремлению познать неведомое. Хедрон раскрыл было рот в энергичном протесте, но, прежде чем он произнес хотя бы слово, Олвин уже переступил комингс. Он повернулся к Хедрону, который стоял в обрамлении едва видимого прямоугольника дверного проема, и между ними воцарилось напряженное молчание, когда каждый ждал, что первым заговорит другой.

Решение было принято за них. Что-то призрачно мигнуло, и корпус машины снова сомкнулся. И не успел Олвин руки поднять в таком прощальном приветствии, как длинный цилиндр тихонько пошел вперед. Еще не втянувшись в туннель, он уже двигался быстрее бегущего человека...

...Алистра обошла усыпальницу раз десять (хотя вполне хватило бы и одного) -- спрятаться здесь было решительно негде. После первого приступа изумления она стала сомневаться: а были ли те, кого она преследовала по Парку, Олвином и Хедроном во плоти или же она гналась всего лишь за их электронными фантомами? Впрочем, мысль была не из умных, потому что свой фантом можно было сразу же проявить в любом месте, которое захотелось посетить. Ни один человек в здравом рассудке не заставил бы свое изображение отшагать пару миль, затратив полчаса, когда на место можно было прибыть мгновенно.

Следовательно, где-то здесь должен быть тайный ход. А пока она ждет их возвращения, почему бы его и не поискать?..

Так уж получилось, что возвращение Хедрона она прозевала, потому что как раз в этот момент изучала одну из колонн позади статуи, а Шут появился с противоположной стороны. Она услышала его шаги, повернулась к нему и сразу же поняла, что он один.

-- Где Олвин?-- закричала она.

Прошло некоторое время, прежде чем Шут ответил. Он выглядел изможденным и словно бы в воду опущенным, и Алистре пришлось повторить вопрос, прежде чем он вообще обратил на нее внимание. Казалось, он ничуть не был удивлен, увидев ее здесь.

— Я не знаю,— ответил, наконец, Хедрон.— Могу только сказать, что сейчас он на пути к Лизу. Ну вот... теперь ты знаешь ровно столько же, сколько и я...

10.

Когда дверь затворилась, Олвин рухнул в ближайшее кресло. Ему почудилось, что у него внезапно отказали ноги. Наконец-то он познал тот ужас перед неизвестным, который преследовал всех его сограждан. Каждая клеточка в нем тряслась от страха, глаза застлала пелена. Сумей он вырваться из этой, набиравшей скорость, машины, он сделал бы это с радостью, даже ценой отказа от мечты...

Смял его не только страх, но еще и чувство невыразимого одиночества. Все, что он любил и знал, осталось в Диаспаре. Даже если ему и не грозит опасность, он — как знать? — может никогда больше не увидеть своего мира. Как ни один человек на протяжении миллионов лет, он почувствовал, что это значит — навсегда оставить дом.

...Шли минуты. Подавленность медленно истаявала. Темные тени покинули мозг. Олвин начал мало-помалу обращать внимание на окружающее и, в силу своего разума, разбираться в устройстве невообразимо древнего экипажа, в котором ему довелось путешествовать. И тут-то он впервые заметил индикаторное табло, составляющее часть переборки. На нем горела короткая, но такая ободряющая надпись: "Лиз. 35 минут".

Пока он смотрел на надпись, число сменилось и стало — "34". По крайней мере, это была полезная информация — хотя, поскольку он не имел ни малейшего представления о скорости машины, она ничуть не прояснила для него вопрос о том, сколько же километров до неведомого города. Стены туннеля сливались в однородную, серую пелену, и единственным признаком движения была совсем слабенькая вибрация.

Его воображение стремглав уносило к Лизу, словно торопясь прибыть туда ранее тела. Что это будет за город? Как ни пытался Олвин, он мог представить себе лишь

уменьшенную копию Диаспара. 'Да и существует ли он еще?'— думалось ему... Но он быстро убедил себя, что, будь иначе, машина не несла бы его с такой стремительностью сквозь пласты земли.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем наступило почти неощутимое изменение в характере вибрации. Теперь на табло значилось: "Лиз. 1 минута".

Она казалась самой длинной в жизни Олвина. Медленно., еще медленнее двигалась машина... Она останавливалась!

Плавно, в абсолютной тишине удлинённый цилиндр выскользнул из туннеля в помещение, которое могло бы сойти за двойника того, что простиралось под Диаспаром. Несколько мгновений сильнее волнение мешало Олвину что-нибудь разглядеть. Двери давно уже были открыты, но он не сразу осознал, что может покинуть свой экипаж. Торопливо выходя из машины, он в последний раз бросил взгляд на табло. Надпись на нем изменилась и смысл ее оказался бесконечно ободряющ: "Диаспар. 35 минут".

...Когда Олвин занялся поисками выхода из помещения, он увидел первый намек на то, что, возможно, находится теперь в стране цивилизации, отличающейся от его собственной. Выход на поверхность -- это было ясно -- лежал через низкий и широкий туннель в торцевой стороне станции, и пол в этом туннеле представлял собой лестницу! В Диаспаре лестницы встречались чрезвычайно редко. Архитекторы города строили пандусы. Это был отголосок той эпохи, когда роботы передвигались на колесах и ступеньки были для них препятствием.

Лестничный пролет оказался очень коротким и кончился перед дверями, которые при приближении Олвина автоматически растворились. Он ступил в небольшую комнатку, схожую с той, что опустила его из-под фигуры Ярлана Зейя, и совсем не удивился, когда через несколько минут двери снова растворились, открыв глазу сводчатый коридор, полого поднимающийся к арке, полукругом которой обрамлялся кусочек неба. Олвин поспешил к залитому

солнечным светом выходу, торопясь скорее увидеть, что же лежит перед ним, и позабыл обо всех своих страхах.

Он очутился на срезе низкого холма, и на какое-то мгновение ему даже почудилось, что он снова в центральном Парке Диаспара. Быть может, это и в самом деле был парк, но разум отказывался охватить его размеры. Города, который он ожидал увидеть, не было. Насколько хватало глаз, вокруг не было ничего, кроме леса и ровных пространств, поросших травой.

Олвин перевел взгляд к горизонту, и там, над кромкой деревьев, простираясь справа налево огромной дугой, темнела каменная гряда, по сравнению с которой самые гигантские сооружения Диаспара показались бы карликами. Гряда эта лежала так далеко, что детали ее скрадывались расстоянием, но все-таки точно угадывалось в ее очертаниях нечто такое, что до глубины души поразило Олвина. Наконец его глаза приноровились к расстояниям необъятного пейзажа, и он понял, что эти каменные исполины были возведены не человеком.

Время поработило далеко не все. Земля все еще была обладательницей гор, которыми она могла гордиться.

Олвин долго стоял в устье туннеля, медленно привыкая к этому странному миру. Он почти лишился дара речи — такое впечатление произвели на него уже сами размеры окружающего его пространства. Это кольцо прячущихся в дымке гор могло бы заключить в себе десяток таких городов, как Диаспар. Но, как ни вглядывался Олвин, он не мог обнаружить никаких следов присутствия человека. Тем не менее дорога, сбегавшая с холма, была ухожена. Ему ничего не оставалось, как довериться ей.

У подножья холма дорога исчезла среди огромных деревьев, почти скрывающих солнце.

Станный букет запахов и звуков встретил Олвина, когда он ступил под их кроны. Ему и раньше знаком был шорох ветра в листьях, но здесь звенела еще и целая симфония каких-то слабых звуков, значения которых он не угадывал. Неведомые ароматы охватили его — ароматы, даже память о которых была утрачена человеком. Это тепло, это обилие запахов и звуков и невидимое присутствие

миллионов живых существ обрушились на него с почти ощутимой силой.

Встреча с озером оказалась почти неожиданностью. Деревья справа внезапно кончились, и он очутился перед огромным водным пространством, усыпанным крохотными островками. Никогда в жизни Олвин не видел такой воды. По сравнению с этим озером самые обширные бассейны Диаспара казались не более, чем лужами. Он медленно спустился к кромке воды, зачерпнул ладонями теплую влагу и стал смотреть, как она струйками стекает у него меж пальцев.

Огромная серебряная рыба, которая внезапно появилась из колеблющегося леса водорослей, стала первым живым существом, отличным от человека, которое Олвин увидел в своей жизни. Рыба висела в зеленоватой пустоте, и плавники ее были размыты стремительным движением, — она была живым воплощением скорости и силы. Претворенные в линии тела, продолжали жить изящные очертания огромных кораблей, что когда-то владели небом Земли. Эволюция и наука пришли к одному и тому же ответу, но произведение Природы просуществовало дольше.

Наконец Олвин освободился от очарования озера и продолжил путь по извивающейся дороге. Лес снова сомкнулся вокруг него, но не надолго. Дорога внезапно кончилась — огромным пустым пространством шириной в полмили и вдвое больше длиной.

Пространство это было застроено низкими двухэтажными зданиями, выкрашенными в мягкие тона. Большинство строений были ясных, простых пропорций, но некоторые были возведены в сложном архитектурном стиле, с использованием витых колонн и изящной резьбы по камню. Все было незнакомо. Даже воздух здесь был иным — неощутимо пронизанным биением неведомой жизни. А золотоволосые люди, двигавшиеся между строениями с непринужденной грацией, совершенно очевидно были совсем другими, нежели жители Диаспара.

Они вовсе не обращали внимания на Олвина, и это было странно. Только когда Олвин уже углубился в поселок,

люди Лиза отреагировали на его присутствие, да и то их реакция приняла несколько необычную форму. Двери одного из строений выпустили группу из пяти человек, которая направилась прямо к нему, выглядело это так, как если бы они, в сущности, ожидали его прихода.

Делегация остановилась в нескольких шагах от Олвина. Ее предводитель улыбнулся, протягивая руку в старинном жесте дружелюбия.

— Мы решили, что будет лучше всего встретить вас здесь,— проговорил он.— Наш дом всегда отличен от Диаспара, и путь пешком от станции дает возможность гостю... несколько акклиматизироваться.

Олвин принял протянутую руку, но некоторое время молчал, так как был слишком взволнован, чтобы отвечать. Теперь ему стало понятно, почему все остальные не обращали на него никакого внимания.

— Вы знали, что я к вам иду?— спросил он после молчания.

— Конечно,— последовал ответ.— Нам всегда становится известно, что вагон начал двигаться. Скажите — как вы нашли путь? С момента последнего посещения минуло так много времени, что мы уже стали опасаться безвозвратной утраты секрета...

Говорящего прервал один из его спутников:

— Мне думается, что нам пока следует сдерживать любопытство, Джирейн. Сирэйнис ждет.

Джирейн пожал плечами с видом насмешливой покорности судьбе.

— Хорошо,— улыбнулся он.— У Сирэйнис не так уж много привилегий — не буду лишать ее хотя бы этой.

Они двигались тесной группой, все дальше углубляясь в селение, и Олвин разглядывал окружающих его людей. Они казались добрыми и интеллигентными, но это были добродетели, которые он на протяжении всей своей жизни принимал как нечто само собой разумеющееся, и теперь он искал черты, которые отличали бы их от диаспаровцев. Отличия существовали, но описать их было бы довольно затруднительно. Все местные были несколько более высокого роста, чем Олвин. Кожа у всех была коричневого цве-

та, а движения, казалось, прямо-таки излучали здоровье и энергию.

Теперь жители селения с открытым любопытством наблюдали, как Олвин шагает среди своих сопровождающих. Внезапно из-под крон деревьев справа раздались пронзительные крики, и стайка крохотных, оживленно голдящих созданий, вырвавшись из леса, быстро побежала и сгрудилась вокруг Олвина. Он остановился, пораженный, не веря своим глазам. Перед ним было нечто, утраченное его миром столь давно, что уже относилось к области мифологии. Вот так когда-то начиналась жизнь... Эти ни на что не похожие шумные создания были человеческими детьми!

Олвин разглядывал их удивленно и с недоверием. И еще с каким-то чувством, которое щемило ему сердце, но подобрать название которому он не мог. Диаспар заплатил втридорога за свое бессмертие...

Вся группа остановилась перед самым большим зданием. Оно стояло в центре поселка, и на флагштоке над его куполом легкий ветерок полоскал зеленое полотнище.

Когда он ступил внутрь, все, кроме Джирейна, остались снаружи. Внутри было тихо и прохладно. Солнце, проникая через полупрозрачные стены, озаряло интерьер мягким сиянием. Пол, украшенный мозаикой тонкой работы, оказался гладким и немного упругим. На стенах какой-то изумительно талантливый художник изобразил ряд сцен, происходящих в лесу. В одной из стен был виден притопленный экран -- вероятно, это был приемник видеофона.

Вместе с Джирейном они поднялись по недлинной винтовой лестнице, которая вывела их на плоскую крышу здания. Отсюда было видно почти все селение. Лес вдалеке расступался, кольцом охватывая широкие луга, где паслись незнакомые Олвину животные. Олвин и вообразить себе не мог, чем бы они могли быть. Большинство из животных принадлежали к четвероногим, но некоторые, похоже, передвигались на шести и даже на восьми конечностях.

Сирэйнис ожидала его в тени башни. Олвин спросил себя -- сколько же лет этой женщине? Ее длинные солнеч-

ного цвета волосы были тронуты серебром, что, как он догадался, должно было каким-то образом указывать на возраст. Присутствие детей — со всеми вытекающими отсюда последствиями — совсем его запутало. Там, где существовало рождение, несомненно, должна была существовать и неотвратимая смерть, и весь период жизни здесь, в Лизе, видимо, сильно отличалась от того, что наблюдалось в Диаспаре. Он не мог решить, было ли Сирэйнис пятьдесят лет, пятьсот или пять тысяч, но, встретив ее взгляд, он почувствовал ту же мудрость и глубину опыта, которые он порой ощущал в присутствии Джизирака. Она указала ему на низкое сиденье. Хотя глаза ее и улыбались приветливо, она не произнесла ни слова, пока Олвин не устроился поудобнее — или, по крайней мере, так удобно, как только мог под этим дружелюбным, но пристальным взглядом. Затем она вздохнула и низким, нежным голосом обратилась к гостю:

— Это случай, который представляется не часто, поэтому извините меня, если я, возможно, не все делаю по правилам. Но у гостя — даже гостя неожиданного — существуют определенные права. Поэтому, прежде чем мы здесь начнем разговаривать, я хочу вас предупредить кое о чем... Я, видите ли, в состоянии читать ваши мысли. Вас это совсем не должно тревожить. Ни одно из прав не соблюдается у нас так свято, как право на уединение сознания. Я могу войти в ваше мышление только в том случае, если вы мне позволите. Однако скрывать от вас сам факт было бы нечестно, и заодно это объяснит вам, почему мы находим устную речь до некоторой степени утомительной и медленной. Ею здесь пользуются нечасто.

— Не знаю, что привело вас из вашего мира в наш, — продолжала Сирэйнис, — но коль вы искали живых существ, ваш поиск завершен. Если не считать Диаспара, то за кольцом наших гор, кроме пустыни, ничего нет.

— Расскажите мне о Лизе, — попросил Олвин. — Почему вы так долго были отъединены от Диаспара? Хотя, похоже, вы знаете о нас так много...

Сирэйнис улыбнулась его нетерпению.

-- Да, расскажу я, все расскажу,-- почти пропела она,-- но сначала я хотела бы узнать кое-что о вас лично. Прошу вас.., как вы нашли дорогу к нам?.. И -- почему вы пришли?

Несколько запинаясь поначалу, но потом все более и более уверенно Олвин поведал свою историю. Только много позже он осознал, что, кроме Сирэйнис, его рассказ слушало еще огромное число людей.

Когда Олвин закончил, на некоторое время воцарилось молчание. Теперь, когда он рассказал свою историю, он ждал, чтобы и эта женщина выполнила уговор. Сирэйнис поднялась и стала прохаживаться по крыше.

-- Я знаю, о чем вы собираетесь спрашивать,-- начала она. -- На некоторые из этих вопросов я могу дать ответ, но делать это с помощью слов было бы слишком утомительно. Если вы откроете мне свое сознание, я сообщу вам все, что вам хочется узнать. Можете мне довериться: без вашего разрешения я не прочту ни мысли.

-- Что я должен сделать?-- осторожно спросил Олвин.

-- Настройтесь на то, чтобы получить мою помощь,-- смотрите мне в глаза и забудьте обо всем,-- скомандовала Сирэйнис.

Что затем произошло, Олвин так и не понял. Все его чувства, казалось, полностью выключились, и, хотя он так никогда потом и не смог припомнить, как же это случилось, но, вслушавшись в себя, он вдруг с изумлением обнаружил, что ему известно все.

Он видел прошлое -- правда, не совсем отчетливо, -- как человек, стоящий на вершине горы, мог бы видеть скрытую дымкой равнину. Он понял, что люди не всегда жили в городах и что с тех пор, как машины освободили их от тяжелого труда, начался спор между двумя различными типами цивилизаций. В течение столетий и столетий периода Начала существовали тысячи городов, но большая часть человечества предпочитала жить сравнительно небольшими поселениями. Внеземный транспорт и мгновенные средства связи давали людям возможность устанавливать контакты с остальным миром, и они не испытывали ни малейшей необходимости ютиться в тесноте городов.

Лиз в те давние времена мало чем отличался от сотен других поселений. Но постепенно, по мере того как проходили столетия, он создал независимую культуру. По большей части она была основана на использовании психической энергии и именно это обстоятельство отъединило Лиз от остального человечества, которое все больше и больше полагалось на использование механизмов.

Эпохи сменяли одна другую, и, по мере того, как эти два типа цивилизаций продвигались вперед по своим столь разнящимся путям, пропасть между Лизом и остальными городами все расширялась. Она становилась преодолимой лишь в периоды серьезных потрясений. Когда Луна стала падать на Землю, разрушили ее именно ученые Лиза. Так же обстояли дела и с защитой Земли от Пришельцев, которых отбросили после решающей битвы у Шалмирейна...

Это гигантское усилие истощило человечество. Города стали один за другим приходить в упадок, и пустыня накатывалась на них. По мере того, как численность населения падала, человечество стало мигрировать, в результате чего Диаспар и остался последним — самым большим — из всех городов.

— Такова, вкратце, наша история,— сказала Сирэйнис. — Вы видите, что даже в эпоху Начала у нас было очень много общего с городами, хотя их жители часто посещали наши земли. Мы им никогда не препятствовали, поскольку многие из наших величайших умов были пришельцами извне, но, когда города стали умирать, мы не захотели оказаться вовлеченными в их падение. Диаспар поразил нас. Мы ожидали, что и его постигнет судьба других городов, но вместо этого он сумел развить стабильную культуру, которая, по всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока существует сама Земля. Мы не в восхищении от этой культуры и до некоторой степени рады, что те, кто стремится ускользнуть от нее, смогли это сделать. Куда больше людей, чем вы можете себе представить, предприняли подземное путешествие, и почти всегда они оказывались людьми выдающимися, которые, приходя в Лиз, приносили с собой нечто ценное...

Голос сошел на нет. Паралич чувств у Олвина постепенно проходил, и он снова становился самим собой. Он с удивлением обнаружил, что солнце опустилось за деревья, а небо на востоке уже напоминало о наступлении ночи. Олвин понял, что слегка дрожит -- не от первого встречного холодка, а от благоговения и изумления перед всем тем, что ему довелось узнать. Ему вдруг остро захотелось снова увидеть своих друзей, снова оказаться среди знакомого окружения Диаспара.

-- Я должен вернуться,-- сказал он.-- Хедрон... мои родители... они будут меня ждать...

Сирэйнис задумчиво посмотрела на него.

-- Боюсь, что это не так просто,-- проговорила она.

-- Что вы имеете в виду?-- спросил Олвин.-- Разве машина, которая привезла меня сюда, не в состоянии отправить и обратно?

Сирэйнис, похоже, почувствовала некоторую неловкость.

-- Если вы вернетесь в Диаспар, то о нашем существовании узнает весь город. Даже если вы обещаете никому не рассказывать, вы все равно не сможете сохранить наше существование в тайне.

-- А зачем хранить его в тайне?-- удивился Олвин.-- Я уверен, что для обоих наших народов будет только хорошо, если они снова смогут встретиться и начать сосуществовать...

Сирэйнис, казалось, была чем-то недовольна:

-- Мы так не считаем. Стоит воротам открыться, как нашу землю наводняют праздные, любопытствующие искатели сенсаций...

-- Это не так!-- возразил Олвин.-- Я убежден, что во всем Диаспаре не найдется ни одного человека, который бы покинул город -- если б даже и захотел, даже если бы он знал, что ему есть куда направляться. Если вы разрешите мне вернуться, на Лизе это никак не скажется...

-- Это не мое решение,-- объяснила Сирэйнис.-- И вы недооцениваете возможностей и сил человеческого сознания, если полагаете, что барьеры, держащие жителей Диаспара в границах города, невозможно устранить. Тем не

менее у нас нет ни малейшего желания задерживать вас здесь против вашей воли, но если вы собираетесь вернуться домой, мы будем вынуждены стереть из вашей памяти все воспоминания о нашей земле.

Перед Олвином стоял выбор, который он отказывался делать. Ему хотелось исследовать Лиз, узнать все его тайны, открыть те стороны, которыми он отличался от его родины, но в то же самое время он был преисполнен решимости возвратиться в Диаспар, чтобы и доказать своим друзьям, что он вовсе не праздный мечтатель.

— Вы, конечно, не ожидаете, что я приму решение немедленно,— сказал он.— Не могу ли, прежде чем сделать выбор, немного познакомиться с вашей страной?

— Ну, конечно,— немедленно отозвалась Сирэйнис.— Оставайтесь у нас столько, сколько захочется, и в конце концов вы сможете все же вернуться в Диаспар, если не передумаете. Но если бы вы приняли решение в течение следующих нескольких дней, это бы упростило дело. Вам ведь не хочется, чтобы ваши друзья волновались, а чем дольше вы у нас пробудете, тем труднее для нас будет сделать соответствующие поправки.

Это Олвин мог оценить. Ему бы только хотелось знать, что это за "поправки". По всей вероятности, кто-то из Лиза войдет в контакт с Хедроном — о чем Шут и подозревать не будет, — и займется его сознанием. Сам факт отсутствия Олвина скрыт быть не может, но вот информация, которую они с Хедроном обнаружили, окажется уничтожена. И по мере того, как будут проходить столетия, имя Олвина станет в один ряд с именами тех Неповторимых, которые загадочным образом исчезли без следа и были забыты.

Здесь было множество тайн, и он, похоже, совсем не приблизился к разгадке хотя бы одной из них. Не было ли какой-то цепи за этими странными односторонними отношениями Лиза и Диаспара, или же это просто проявлялась некая историческая случайность? Кто и что были эти Неповторимые, и если жители Лиза могли проникать в Диаспар, то почему же тогда они не отключили те цепи Хранилищ Памяти, где содержалась информация, дающая

ключ к их обнаружению? Это был, видимо, единственный вопрос, на который Олвин мог дать более или менее правдоподобный ответ. Центральный Компьютер оказался слишком неподатливым для такого рода шуток, и вряд ли даже с помощью самых тонких приемов парапсихологии можно было подобрать к нему отмычку.

Он оставил все эти проблемы в стороне. Возможно, у него и появится шанс ответить на них, когда он узнает побольше. Что толку заниматься бесплодными размышлениями, возводя пирамиды догадок на песке неосведомленности...

— Что ж, хорошо,— сказал он. Сказал, может быть, не совсем вежливо, потому что все еще был раздражен этим неожиданным препятствием.— Как только смогу — сразу же дам вам ответ, если вы покажете мне, какова же она, ваша земля.

— Вот и прекрасно!— воскликнула Сирэйнис, и на этот раз в ее улыбке Олвин не усмотрел никакой скрытой угрозы.

11.

Как Алистра ни пыталась, никаких больше сведений выудить у Хедрона ей не удалось. Шут быстро оправился от первоначального потрясения и той паники, которая вытолкнула его на поверхность, когда он остался в полном одиночестве глубоко под усыпальницей Зея. Кроме того он стыдился своей трусости и в то же время спрашивал себя — достанет ли у него духу в один прекрасный момент вернуться в пещеру движущихся дорог и расходящихся по всему миру туннелей. Хотя он и понимал, что Олвином двигал не столько здравый смысл, сколько нетерпение, если не глупость, ему, в сущности, не верилось, что ему угрожает опасность. В свое время он возвратится. В этом Хедрон был убежден. Ну, почти убежден: сомнений оставалось ровно настолько, чтобы понудить его соблюдать осторожность.

Будет мудро, решил он, пока суть да дело, распространяться обо всем этом как можно меньше и представлять все случившееся просто как еще одну свою проделку.

К несчастью, для этого превосходного плана Хедрон не смог скрыть чувства, обуревавшие его, когда по возвращении на поверхность перед ним предстала Алистра. Она увидела в его глазах страх и тотчас же истолковала его в том смысле, что Олвину грозит опасность. Напрасными оказались все заверения Хедрона — Алистра злилась на него все больше и больше, когда они вместе возвращались через Парк.

К тому времени, когда они достигли первых зданий города, Хедрону стало ясно, что его тактика увиливания от ответов полностью провалилась и ситуация самым драматическим образом вышла из-под контроля. Впервые в жизни тут Шут растерялся и не нашел способа справиться с проблемой.

Они расстались в каменном молчании, когда дошли до кольцевой магистрали, опоясывающей Парк. Хедрон глядел девушке вслед, пока она не исчезла из виду, и устало думал о том, какие же еще планы могут созреть сейчас в этой юной головке.

Что же касается Алистры, то она действовала быстро и без озарения. Она не стала тратить время на розыски Эристана и Итании. Родители Олвина, с ее точки зрения, были не более чем милыми заурядностями, к которым она относилась не без приязни, но решительно безо всякого уважения.

Джизирак выслушал ее рассказ, не проявляя ровно никаких чувств. Если он и был взволнован или удивлен, то хорошо это скрывал — настолько хорошо, что Алистра была разочарована. Когда она окончила повествование, Джизирак задал ей несколько вопросов и тут же намекнул, не выразив это словами, что она, возможно, просто ошиблась. Какие же у нее причины полагать, что Олвин и в самом деле покинул город? Может быть, над ней просто подшутили... То обстоятельство, что во всем этом был замешан Хедрон, делало такое предположение в высшей степени неправдоподобным...

И нет никакой необходимости сеять панику по поводу инцидента, который, возможно, разьяснится в ближайшие несколько часов.

Алистра ушла от Джизирака в состоянии, близком к отчаянию. Доведись ей увидеть, что он предпринял сразу же после ее ухода, она была бы довольна куда больше.

У Джизирака были друзья в Совете. За свою долгую жизнь он и сам бывал в его составе и мог стать им снова, если бы ему вдруг не повезло. Словом, он связался со своими тремя наиболее влиятельными коллегами и осторожно возбудил их интерес. Собеседники сразу же согласились, что первое, что необходимо предпринять, это войти в контакт с Хедроном и потребовать объяснений. В этом великолепном плане был только один изъян: Хедрон предвидел такой поворот событий и найти его оказалось невозможным.

Если в положении Олвина и заключалась какая-то двойственность, то его хозяева были достаточно осмотрительны и не показывали ему всего этого. В Эрли -- маленьком поселке, где правила Сирэйнис, -- он был волен ходить, где ему заблагорассудится. Он выяснил, что Лиз разделен на бесчисленные поселки, и Эрли является типичным. Однако, в известном смысле, типичных примеров просто не существовало: Олвина заверили, что каждый такой поселок старается быть как можно более непохожим на своих соседей.

Хотя Эрли был очень маленьким и в нем жило меньше тысячи человек, сюрпризов было немало. Все здесь, решительно все отличалось от Диаспара. Различия распространялись даже на такие фундаментальные вещи, как человеческая речь. Голосами своими пользовались только ребятишки. Взрослые же редко обращались друг к другу со словами, и, спустя некоторое время, Олвин пришел к выводу, что они делают это только из вежливости к нему. Но пришло время и Олвин с изумлением обнаружил, что жители Лиза очень любят петь и вообще являются поклонниками музыки во всех ее видах.

Эти люди постоянно были чем-то заняты, их время и внимание поглощали задачи и проблемы, для Олвина аб-

солютно непостижимые. А когда он все-таки догадывался о том, что именно делает тот или иной житель Лиза, многое из этих трудов представлялось ему совсем ненужным... Значительная часть употребляемой здесь пищи самым натуральным образом выращивалась, а не синтезировалась по технологии, выработанной еще столетия назад. Когда Олвин заговорил об этом, ему терпеливо объяснили, что людям Лиза нравится наблюдать за ростом живого, нравится выполнять сложные генетические эксперименты и разрабатывать все более и более тонкие оттенки вкуса и аромата.

Сперва он задался вопросом: не забыли ли жители Лиза те силы и машины (если они когда-либо обладали ими), которые он принимал как нечто само собой разумеющееся и на которых зиждилась вся жизнь в Диаспаре. Вскоре он, однако, обнаружил, что вопрос поставлен некорректно. В Лизе были и необходимые орудия, и умение их применять, но вот прибегали к ним лишь в том случае, когда это было уже совершенно необходимо. Наиболее разительный пример в этом смысле являла собой транспортная система -- если ее можно было почтить таким вот названием. На короткие расстояния люди ходили пешком и, казалось, им это вполне по душе. Если же они спешили или нужно было перевезти небольшой груз, то использовали животных, которые были предназначены именно для этого. Тяжеловозы были низкорослыми шестиногими монстрами, очень послушными, сильными и умственно не слишком развитыми. Быстрые на ногу животные были совсем иными. Обычно они двигались на четырех конечностях, но когда им нужно было развить любую скорость, то пользовались только задними. Весь Лиз они могли пересечь за несколько часов, и пассажир при этом располагался в шарнирном седле, крепко притороченном к спине животного. Ничто в целом свете не заставило бы Олвина рискнуть отправиться в такого рода прогулку, а вот среди местных молодых людей это был весьма популярный вид спорта. Их скакуны превосходных кровей были аристократами животного мира и хорошо это понимали. В их распоряжении имелся довольно-таки обширный лексикон, и

Олвину нередко случалось подслушать, как они хвастаются друг перед другом прошлыми и грядущими победами. Когда Олвин пытался проявить дружелюбие и присоединиться к беседе, скакуны делали вид, что не понимают его, а если он был настойчив, убегали от него с видом оскорбленного достоинства.

Эти два вида животных в полной мере удовлетворяли все обычные нужды Лиза и доставляли владельцам огромное удовольствие, которого, конечно, никак нельзя было ожидать от машин. Но когда требовалась особенно высокая быстрота или нужно было перевезти очень уж значительный груз, то на помощь приходили машины и ими пользовались без малейшего колебания.

Если Олвин изучал Лиз, то и Лиз не оставлял его своим вниманием, и не был разочарован тем, что ему удалось выяснить. Гость находился в Эрли уже три дня, когда Сирэйнис предположила, что он, возможно, захочет познаться с внутренними районами страны. Он без особых колебаний принял это предложение при условии, что от него не будут требовать, чтобы он путешествовал верхом на одном из лучших рысаков поселка.

— Могу вас заверить, — с редкой для нее вспышкой чувства юмора ответила Сирэйнис, — что никому здесь и в голову бы не пришло рискнуть одним из своих драгоценных животных. Поскольку случай особый, я предоставлю вам такое средство транспорта, в котором вы будете чувствовать себя более привычно. Хилвар будет вашим гидом, но, разумеется, вы можете отправиться в любое место, которое вас интересует. Он оценил жест Сирэйнис, когда она предложила в гиды своего сына, хотя, несомненно, Хилвар и получил детальные инструкции присматривать за тем, чтобы Олвин не попал в какую-нибудь переделку. Они покинули Эрли вскоре после рассвета в небольшом экипаже, который Хилвар называл мобилем и который, очевидно, работал на том же принципе, что и машина, доставившая Олвина сюда из Диаспара. Экипаж парил над поверхностью всего в нескольких дюймах, и Хилвар пояснил, что такие машины в состоянии двигаться только по определенным маршрутам.

Хилвар отдал много сил организации экспедиции и — это было заметно — с нетерпением ждал, когда же можно будет отправиться в путь, так же, впрочем, как и Олвин. Он спланировал маршрут, имея в виду некоторые свои личные интересы, потому что естественная история была его всепоглощающей страстью, а в сравнительно мало заселенных районах, которые им предстояло посетить, он надеялся найти новые виды насекомых. Он собирался забраться на юг настолько далеко, насколько позволит мобиль, а уж остальную часть этого пути они должны были проделать пешком. Не совсем отдавая себе отчет в том, что это может для него означать на практике, Олвин не возражал.

В этом путешествии компанию им составил еще и Криф — наиболее поразительный из многочисленных любимцев Хилвара. Криф отдыхал, его шесть полупрозрачных крыльев, сложенные, покоились вдоль тела, а оно сверкало сквозь них, будто осыпанный драгоценными камнями скипетр. Но стоило ему чем-то встревожиться, как он мгновенно взмывал в воздух этаким сверкающей стрелой, слабо жужжа крыльями-невидимками. Это огромное насекомое, хотя и могло возвращаться по зову человека и даже понимало некоторые простые слова, было совершенно безмозглым. И, тем не менее, оно, без всякого сомнения, было личностью на свой лад, и по каким-то неведомым причинам с явным подозрением относилось к Олвину, чьи спорадические попытки завоевать его доверие кончились ничем.

Это путешествие через Лиз представлялось Олвину каким-то волшебным сном. Их экипаж, беззвучный, точно призрак, скользил по слегка холмистым равнинам, лавировал среди деревьев леса, ни на дюйм не отклоняясь от своей невидимой колеи.

Они миновали множество селений, некоторые из них были большими, куда обширнее Эрли, но почти все они были выстроены на тех же самых принципах. Олвин с интересом отметил незначительные, но говорящие о многом различия в одежде и даже физическом облике людей разных поселков. Цивилизация Лиза состояла из тысяч отли-

чающихся друг от друга культур, каждая из которых вносила в общее дело что-то свое.

Самая долгая стоянка случилась у них в крохотной деревушке, почти пропавшей в зарослях высокой золотистой травы, метелки которой трепетали где-то у них над головами и, колеблемые ленивым ветерком, казались чуть ли не живыми. В небольшой толпе, которая, по-видимому, собралась еще до того, как они прибыли в селение, стояла застенчивая темнокожая девушка, которую Хилвар представил как Няру. Было нетрудно догадаться, что эти двое были страшно рады увидеться, и Олвин испытал нечто вроде зависти, наблюдая чужое счастье от короткой встречи. Хилвар просто разрывался между необходимостью исполнять роль гида и желанием не видеть рядом никого, кроме Няры, и Олвин тотчас избавил его от мук, отправившись на прогулку в одиночестве. В деревушке оказалось не так уж много интересного, но он добросовестно убивал время.

К моменту, когда они снова тронулись в путь, у него накопилась к Хилвару целая куча вопросов. Он никак не мог себе представить, на что может быть похожа любовь в обществе, где люди в состоянии читать мысли друг друга, и после паузы, продиктованной вежливостью, он прямо спросил об этом. Хилвар с готовностью принялся отвечать, хотя Олвин и подозревал, что заставил друга прервать долгое и нежное прощание.

Прояснилось, что в Лизе любовь начинается с мысленного контакта, и порой могли пройти месяцы, а то и годы, прежде чем пара встречалась, так сказать, во плоти. При этом, как объяснил Хилвар, в принципе не могло возникнуть каких-либо неправильных представлений друг о друге, и злоупотребление доверием тоже было совершенно исключено. Двое, чьи мысли были открыты второму "я", не могли иметь секретов. Даже если бы один из любящих и попытался создать из чего-либо тайну, другой тотчас бы обнаружил, что от него что-то скрывают.

Такую открытость и чистоту могли позволить себе только очень зрелые и хорошо сбалансированные умы. И только любовь, основанная на полнейшем самоотречении,

могла выжить в таких условиях. Олвин хорошо понимал, что такая любовь должна быть глубже и богаче всего, что было известно его народу.

Если вдуматься, то она могла подняться до таких высот совершенства, в существование которых просто трудно было поверить. И Олвин не без грусти решил про себя, что ему никогда не достичь ни с кем той степени взаимопонимания, которую эти счастливые люди сделали самой основой своего бытия.

Когда мобиль пересек саванну — кончившуюся столь внезапно, как если бы существовала черта, за которой трава просто не могла расти, перед ним встала гряда низких, сплошь поросших лесом холмов. Мобиль остановился в узкой затененной долине, которая, впрочем, пока все еще была согрета теплотой и светом садящегося солнца. Хилвар посмотрел на Олвина своими широко распахнутыми, простодушными глазами, в которых, можно было поклясться, не светилось ни намек на вероломство.

— А вот отсюда мы двинем пешком, — весело произнес он, принимаясь выкидывать из мобиля их снаряжение. — Дальше не проедешь.

Олвин смотрел на окружающие холмы, оценивая их, а затем перевел взгляд на комфортабельное сиденье, которое так славно принимало его во время поездки.

— И нет никакого окольного пути? — спросил он без особой надежды.

— Есть-то он, конечно, есть, — ответил Хилвар, — но только мы им не пойдем. Нам нужно на самый верх — там знаешь как интересно! А мобиль я переведу в автоматический режим, так что он нас будет ждать с той стороны, когда мы спустимся снова.

Полный решимости не сдаваться без борьбы, Олвин сделал последнюю попытку:

— Скоро будет совсем темно. До заката нам ни за что не осилить всего пути...

— Точно! — согласился Хилвар, с невероятным проворством рассортировывая многочисленные пакеты и свертки. — Поэтому мы проведем ночь на вершине, а закончим путешествие утром.

На этот раз Олвин вынужден был признать свое поражение.

Снаряжение, которое они несли, было очень объемисто, но не весило, практически, ничего. Все было упаковано в компенсаторные контейнеры, нейтрализовавшие весь вес, поэтому иметь дело приходилось только с массой и, следовательно, с силой инерции. Пока Олвин двигался по прямой, он совершенно не ощущал, что за плечами у него есть какой-то груз. И все же обращение с этими контейнерами требовало некоторой сноровки, потому что, стоило изменить направление движения, как поклажа немедленно проявляла твердокаменное упрямство и прямо-таки из себя, казалось, выходила, только бы сохранить Олвина на прежнем курсе — до тех пор, пока он не преодолевал инерцию.

Тем не менее идти все вверх и вверх, чувствовать, как солнце мягко пригревает плечи, любоваться новыми и новыми пейзажами, разворачивающимися перед глазами, — все это казалось весьма приятным. Они двигались по почти заросшей тропинке, которая время от времени пропадала совсем, но Хилвар каким-то чутьем умудрялся не сбиваться с нее даже тогда, когда Олвин совершенно терял ее из виду.

Они поднимались уже, должно быть, с полчаса, когда Олвин впервые обратил внимание на слабый, чужь вибрирующий шепот. Источника его он никак не мог установить, потому что звук исходил как бы отовсюду. Он слышался непрерывно, и по мере того, как ландшафты перед ними распахивались все шире и шире, звук этот становился громче. Он бы непременно спросил Хилвара, что это такое, но оказалось, что дыхание следует беречь для более существенных целей. Хилвар сжалился над ним, когда они одолели почти две трети подъема, и они немного отдохнули, подставив натруженные тела ласковому солнышку. Пульсирующий звук — уже не звук просто, а гром — слышен был теперь куда яснее, и Олвин спросил о нем, но Хилвар уклонился от ответа. По его словам, это испортило бы приятную неожиданность, коли Олвин узнает, что там — в конце этого подъема.

Теперь они двигались уже против солнца и, по счастью, заключительный участок пути оказался довольно гладким и отлогим. Деревья, которыми так густо поросла нижняя часть холма, теперь поредели, словно бы они тоже изнемогли в битве с земным тяготением, и на последних нескольких сотнях метров землю полностью покрывала лишь жестковатая короткая трава, шагать по которой было приятно. Когда показалась вершина, Хилвар словно бы взорвался энергией и устремился вверх по склону чуть ли не бегом. Олвин решил не принимать вызова, да, в сущности, ничего другого ему и не оставалось. Его вполне устраивало медленное, размеренное продвижение вперед, и когда наконец он поравнялся с Хилваром, то повалился рядом в блаженном изнеможении.

Только когда дыхание его успокоилось, он смог в полной мере оценить ландшафт, расстилавшийся перед ними, и увидеть источник нескончаемого грома, наполнявшего воздух. Земля впереди круто падала от вершины холма — настолько круто, что на протяжении какого-нибудь десятка метров превращалась уже в вертикальную стену. И, далеко простираясь от этого обрыва, лежала могучая полоса воды. Прихотливо петляя по плоской поверхности плато, она вдруг рушилась на скалы, зловеще торчащие в тысяче футов вниз. Там она пропадала в сверкающем тумане мельчайших брызг, и из этой-то глубины и поднимался непрестанный, пульсирующий рев, протяжное эхо которого отражалось от склонов холмов по обеим сторонам водопада.

Большая часть этого низвергающегося потока находилась в тени, но солнечные лучи, прорывающиеся между вершинами гор, еще освещали неповторимый пейзаж, добавляя к нему свои прощальные волшебные мазки: подрагивая, стояла у подножья водопада последняя на Земле радуга — неуловимо прекрасная.

Хилвар повел рукой, и этот жест обьял весь горизонт.

— Отсюда,— почти прокричал он, чтобы его можно было услышать в гуле водопада,— виден весь Лиз!..

Олвин не поверил. К северу от них миля за милей простирались леса, перемежающиеся полянами, протяженны-

ми полями, изрезанные ниточками сотен речушек. Где-то среди этой необъятной панорамы прятался Эрли, но нечего было и думать отыскать его. Еще дальше к северу и леса, и просветы в них терялись в сплывленном воедино зеленом покрове, кое-где приподнятом очертаниями холмов. А уж за ними, на самой кромке поля зрения, словно гряда далеких облаков, громоздились горные цепи, отделявшие Лиз от пустыни.

Картина на западе и на востоке мало чем отличалась от того, что наблюдали они на севере, но вот на юге -- там горы, казалось, отстояли всего на несколько миль. Олвин видел их очень ясно и в полной мере осознал, насколько эти горы выше той вершинки, на которой они сейчас находятся. От гор их отделяло пространство куда более девственное и дикое, чем то, которое они только что преодолели. Неизвестно почему -- он, по крайней мере, не мог бы сказать почему, -- оно представлялось покинутым и пустынным, как если бы человек не жил здесь в течение многих и многих лет.

Хилвар ответил на невысказанный вопрос Олвина:

-- Когда-то эта часть Лиза была обитаема. Не знаю, почему ее оставили... Может быть, снова наступит день, когда мы ее займем. А теперь здесь только животные водятся.

Солнце садилось за горную стену Лиза. На краткий миг далекие вершины охватило золотое пламя. Но вслед за этим земля, которую они охраняли, погрузилась в тень, и на нее пала ночь.

-- Надо было нам раньше за это приняться, -- заметил практичный Хилвар, когда начал разбирать снаряжение. -- Через пять минут темнотища будет -- глаза выколи, да и похолодает...

Трава стала принимать на себя странные на вид части каких-то аппаратов. Из стройного треножника выдвинулся штырь с утолщением на конце, напоминающим по форме грушу. Хилвар все удлинял и удлинял этот штырь, пока тот не вознесся над их головами. После этого юноша дал какую-то мысленную команду, которую Олвин отметил, но не понял. И тотчас же их маленький бивак оказался зали-

тым потоком света, разогнавшим тьму. "Груша" излучала не только свет, но и тепло — Олвин это сразу же ощутил.

Держа в одной руке треножник, а в другой — рюкзак, Хилвар стал опускаться вниз по склону, и Олвин поспешил за ним, прилежно стараясь не выходить из круга света. В конце концов Хилвар выбрал место для ночевки в небольшом углублении, несколькими сотнями ярдов ниже вершины холма, и тотчас же принялся приводить в действие оставшуюся часть снаряжения.

Первым появилось большое полушарие из какого-то твердого и почти прозрачного материала, которое полностью укрыло их, защитив от холодного ветра, что задувал вверх по склону. По-видимому, этот купол генерировался небольшим прямоугольным ящичком, который Хилвар поместил прямо на земле и больше уже не обращал на него ровно никакого внимания — до такой степени, что, в конце концов, даже завалил его какими-то другими принадлежностями. Очень может быть, что этот же самый ящичек произвел для них и удобные полупрозрачные койки, на одну из которых Олвин с радостью и облегчением провалился. Это был первый случай, когда он увидел в Лизе материализацию мебели.

Ужин, состряпанный Хилваром с помощью уже другого аппарата, тоже был первой синтетикой, которую Олвину привелось отведать с тех пор, как он прибыл в Лиз. Они принялись за еду, когда ночь уже полностью вступила в свои права и на небо высыпали звезды. Было так спокойно и хорошо, и Олвин испытывал полное удовлетворение. Некоторое время они лежали и толковали о том, что им сегодня встретилось, о тайне, которая витала над всем происходящим, о многих различиях двух разных культур, к которым каждый из них принадлежал. Хилвар был зачарован волшебством Хранилищ Памяти, вырвавших Диаспар из цепких объятий Времени, и тут Олвин обнаружил, что на некоторые вопросы Хилвара ответ отыскать исключительно трудно.

Так они разговаривали и спорили, пока Хилвар, наконец, не сказал:

— Что-то я устал... А ты что — не собираешься спать?

Олвин потерял свои все еще гудящие от усталости ноги.

— Да хорошо бы,— признался он.— Но я не знаю — смогу ли... Для меня сон — все еще очень странный обычай... Джизирак, мой наставник, спал раз или два после того, как долго занимался очень уж утомительной умственной работой. А так... хорошо спроектированное тело не должно испытывать потребности в таких периодах отдыха. Мы покончили с этим миллионы лет назад...

Еще произнося эти несколько отдающие хвастовством слова, он уже опровергал сам себя. Усталость такая, какой он никогда не испытывал, навалилась на него. В этом привычном ощущении не было ничего неприятного — скорее наоборот. Хилвар наблюдал за ним с улыбкой, и Олвин еще успел подумать — не испытывает ли его друг на нем свою способность к внушению?

Хилвар сбросил одежду, и Олвин впервые увидел, насколько разнятся две ветви человечества. Более всего его поразило странное углубление на животе Хилвара. Когда, спустя несколько дней, он вдруг вспомнил об этом, то потребовались долгие объяснения. К тому времени, как Хилвар сделал для него функцию пупка совершенно понятной, он уже вынужден был произнести несколько тысяч слов и нарисовать стопку диаграмм.

И оба — Хилвар и Олвин — сделали огромный шаг в понимании основ культуры Диаспара и Лиза.

12.

Глубокой ночью Олвин проснулся. Что-то тревожило его — какой-то шепот или что-то вроде этого проникал в сознание, несмотря на нескончаемый рев падающей воды. Он сел и стал напряженно вглядываться в окутанные тьмой окрестности, прислушиваться к пульсирующему грому водопада и более мягким тайным звукам, производимым ночными созданиями. Ничего не было видно. Свет звезд оказался слишком слаб, чтобы осветить многомиллионные пространства, лежащие в сотнях футов внизу. Только иззубренная линия еще более беспросветной черноты, за-

тмевающая звезды, напоминала о горных кряжах на южном горизонте. Олвин услышал, как в темноте купола его товарищ завозился и тоже сел в постели. Две пары глаз уставились в тайну ночи. Внезапно Хилвар схватил Олвина за руку.

— Гляди!— прошептал он.

Далеко к югу светилась какая-то одинокая точка, расположенная слишком низко к горизонту, чтобы быть звездой. Она была ослепительно белой с едва уловимым фиолетовым оттенком, и, по мере того, как они следили за ней, точка эта стала менять цвет по всему спектру, одновременно набирая яркость, пока глазам не стало больно смотреть.

Затем она взорвалась — казалось, что где-то за краем света рванула молния. На краткий миг горы обрисовались огнем на фоне черного неба. Докатился звучный отголосок далекого взрыва.

Второй раз в своей жизни Олвин испытал страх. Это был не тот страх перед непосредственной угрозой для его "Я", который навалился на него в пещере движущихся дорог. На сей раз это было, скорее, благоговение и изумление перед чем-то неведомым и грандиозным. Он глядел в лицо неизвестности, и ему показалось, что он понял: там, у гор, есть нечто, что он просто обязан увидеть.

— Что это было?— спросил он после долгого молчания.

Пауза оказалась столь длинна, что он повторил вопрос.

— Пытаюсь выяснить,— коротко ответил Хилвар и снова умолк. Олвин догадался, чем он сейчас занят, и не стал мешать молчаливому поиску друга.

Наконец Хилвар разочарованно вздохнул.

— Спят все,— сказал он.— Не нашлось никого, кто смог бы объяснить, что это такое. Надо подождать до утра, если только мне не удастся разбудить ни одного из моих друзей. А мне, честно говоря, не хотелось бы этого делать...

Олвин заинтересовался про себя, что именно Хилвар считал крайним случаем. И только он собрался предположить — не без сарказма,— что увиденное ими вполне стоит того, чтобы кого-то и разбудить, как Хилвар заговорил снова:

-- Я вспомнил... Я здесь давно не был и не уверен... Но это, должно быть, Шалмирейн.-- Тон у него был извиняющийся.

Шалмирейн! Для этих детей двух рас, так сильно различающихся историей и культурой,-- название было исполнено волшебства. За всю долгую историю Земли не было эпоса более великого, чем оборона Шалмирейна от захватчика, покорившего Вселенную. Хотя истинные факты давным-давно растворились в тумане, окутывающем Века Рассвета, легенды продолжали жить и будут жить столь же долго, как и сам Человек.

В темноте снова зазвучал голос Хилвара:

-- Люди с юга расскажут нам больше. У меня там есть несколько друзей. Утром я с ними поговорю.

Олвин почти не слышал его. Он был глубоко погружен в собственные мысли, стараясь припомнить все, что ему приходилось слышать о Шалмирейне. Вспоминать было почти нечего. По прошествии столько невообразимо долгого времени никто не мог бы отсечь правду от вымысла. С уверенностью можно было говорить только о том, что битва при Шалмирейне ознаменовала рубеж между победами Человека и началом его долгого упадка.

Где-то в этих горах, думалось Олвину, могут лежать ответы на те загадки, которые мучали его на протяжении всех этих долгих лет.

-- А сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до крепости?-- спросил он Хилвара.

-- Я там никогда не был, но это куда дальше, чем я намеревался пройти. За день нам туда вряд ли дошагать...

-- А если использовать мобиль?

-- Не получится. Путь туда идет через горы, а машина для этого не приспособлена.

Олвин поразмыслил над этим. Усталость скрутила его, ноги горели, мышцы бедер все еще ныли от непривычного усилия. Соблазн плюнуть на путешествие к крепости до следующего раза был слишком велик. Но следующего раза могло и не быть...

Под призрачным светом бледнеющих звезд -- немало их погасло с тех пор, как отгремела битва при Шалмирей-

не,— Олвин боролся с собой и наконец принял решение. Ничто не изменилось. Горы снова стали на караул над спящей землей. Но поворотный пункт истории пришел и прошел, и человечество двинулось к своему странному новому будущему...

В эту ночь Хилвар с Олвином уже не заснули и с первыми же лучами солнца свернули лагерь.

...Солнце стояло уже высоко, когда они оказались перед горной стеной, ограждающей Лиз. Прямо перед ними поверхность земли круто поднималась к небу обрывами совершенно непреодолимых скал. Река, вдоль которой они сюда пришли, заканчивалась здесь столь же живописно, как и начиналась там, у водопада: прямо по ее руслу земля расступилась и воды реки с грохотом валились в тьму глубокой расселины.

Несколько секунд Хилвар стоял, глядя на водоворот и на изломанные скалы за ним. Затем он кивнул в сторону скалистого прохода:

— Шалмирейн лежит вон в том направлении.

Олвин не стал спрашивать, откуда ему это известно. Он принял как должное, что Хилвар в течение некоторого времени поддерживал контакт с кем-то из друзей за много миль от них и ему при полном молчании передали необходимую информацию.

До прохода в скалах они добрались довольно быстро, а когда миновали его, то вышли на весьма любопытное плато, полого снижающееся по краям. Теперь Олвин уже не испытывал ни усталости, ни страха — только жадное чувство предвкушения волнующих событий возбуждало его.

Нижняя часть склона плато состояла из пористого вулканического камня, собранного там и сям в огромные валы. Здесь же, повыше, грунт внезапно превратился в твердые стеклистые плиты, совершенно гладкие, как если бы когда-то горные породы бежали здесь по склону расплавленной рекой.

Кромка плато оказалась едва ли не у самых их ног. Хилвар первым дошагал до нее, а спустя несколько секунд и Олвин, лишившись дара речи, уже стоял рядом. Он был

ошеломлен, потому что оба они оказались на краю вовсе не какого-то там плато, как им представлялось поначалу, но огромной чаши глубиной в полмили и диаметром мили в три. Поверхность впереди резко понижалась, медленно выравниваясь на дне долины и снова поднимаясь -- все более и более круто к противоположному краю. Самая низкая часть чаши была занята круглым озером, зеркало которого непрерывно трепетало, словно терзаемое непрекращающимся ветром.

Хотя вся картина была залита беспощадным сиянием солнца, огромная эта язва на теле Земли подавляла своим глубоким черным цветом. Ни Олвин, ни Хилвар не имели ни малейшего представления, из какого материала сложен кратер, но он был черен, как скалы мира, который никогда не знает солнца. Но и это было еще не все, ибо ниже того места, где они стояли, опоясывая весь кратер, шла металлическая, без единого шва полоса шириной в несколько сот футов, потускневшая от непостижимо долгих тысячелетий, но без малейших признаков коррозии.

-- Как замечательно!-- ахнул Олвин.-- Но только.., что же это такое?

-- Похоже на какой-то рефлектор...

-- Но он такой черный!..

-- Только для наших глаз, помни об этом. Мы же не знаем, какой вид излучения они использовали...

-- Но ведь должно же быть и что-то еще! Где, например, сама крепость?

Хилвар протянул руку по направлению к озеру.

-- Посмотри внимательно,-- сказал он.

Олвин уставился на дрожащую поверхность воды, пытаясь проникнуть в тайны, которые она скрывала в своих глубинах. Сначала он ничего не мог разобрать, затем на мелководье возле берега он разглядел едва заметное чередование света и тени. Ему удалось проследить этот рисунок вплоть до самой середины озера, где глубина уже скрывала детали.

Это темное озеро и поглотило крепость. Там, внизу, лежали руины того, что когда-то было мощными зданиями, ныне поверженными временем. И все же не все они по-

грузились в глубину, потому что на дальней стороне кратера Олвин теперь разглядел груды изломанных каменных блоков и огромные гранитные глыбы, из которых были когда-то сложены массивные стены. Волны плескались вокруг них, но еще не поднялись настолько высоко, чтобы довершить свою победу.

— Давай обогнем озеро,— предложил Хилвар, и голос его был тих, как если бы величественность этих руин наполнила его душу благоговением.— Может, что-нибудь и найдем в тех развалинах...

Первые несколько сот ярдов стены кратера были такими крутыми и гладкими, что на них трудно было удержаться стоя, но вскоре друзья достигли более пологого склона и теперь могли передвигаться без всякого труда. У самой воды аспидно-черная поверхность кратера была скрыта тонким слоем почвы, должно быть, нанесенной сюда ветрами.

В четверти мили от них циклопические каменные блоки громоздились друг на друге, будто непомерные кубики, брошенные каким-то гигантским младенцем. Вот тут еще можно было узнать секцию массивной стены... Там — пара изъеденных временем обелисков отмечала место, которое когда-то было грандиозными воротами... Повсюду рос мох и какие-то ползучие растения, крохотные карликовые деревья... Даже ветра здесь не чувствовалось.

Так Олвин и Хилвар пришли к развалинам Шалмирейна. Силы, которые могли потрясти мир и обратить его в прах, обернулись пламенем и громом и потерпели сокрушительное поражение, натолкнувшись на эти стены и на эту энергию, которая ждала за ними своего часа. Когда-то это мирное небо полыхало огнем, вырванным из самого сердца звезд, и горы Лиза, должно быть, стонали, будто живые существа, на которые обрушивается вся ярость их хозяина.

Ошеломленные величием этих колоссальных развалин, Олвин и Хилвар приближались к ним в молчании. Они ступили в тень разрушенной стены и углубились в своего рода каньон. Озеро лежало перед ними совсем рядом, и вот они стали у самой кромки воды, волны плескались у их

ног... Крохотные волны... высотой не более нескольких дюймов, они бесконечной чередой разбивались об узкую полосу берега.

Хилвар первым нарушил молчание, и в голосе его звучала нотка неуверенности, которая заставила Олвина взглянуть на друга с удивлением.

-- Что-то тут не так... Ничего не могу понять,-- медленно проговорил Хилвар.-- Ветра-то нет, а что же морщит воду? Ей бы надо быть совершенно спокойной...

Прежде чем Олвин продумал ответ, Хилвар резко присел на корточки, нагнулся, склонил голову и плечи и погрузил в воду все свое правое ухо. Олвин понял: Хилвар прислушивался. Преодолевая себя, потому что эта мертвая на вид вода выглядела как-то особенно неприветливо, он последовал примеру друга.

Холод воды мешал всего несколько мгновений. А потом Олвин услышал слабый, но отчетливый, упорный и ритмичный пульсирующий звук. Было похоже, что в глубинах озера бьется гигантское сердце.

Они страхнули капли воды с волос и остолбенело уставились друг на друга. Ни тому, ни другому не хотелось первым высказать поразившую его догадку, что озеро живое.

-- Лучше всего порыться в развалинах, а от озера давай-ка держаться подальше,-- решил наконец Хилвар.

-- Думаешь, там, внизу, кто-то есть?-- спросил Олвин, кивнув на загадочные волны, которые все так же разбивались у его ног.-- Это может быть опасно?

-- Ничто, если у него есть сознание, не представляет опасности,-- ответил Хилвар (Так ли это?-- подумалось Олвину.-- А Пришельцы?)-- Я не могу там обнаружить ни малейшего присутствия мысли, но почему-то убежден, что мы здесь не одни. Очень странно...

Они медленно двинулись назад к руинам крепости, и каждый нес в памяти звук этой приглушенной, непреходящей пульсации. Олвину представилось, что здесь тайна громоздится на тайну и что, несмотря на все его усилия, он все больше и больше отдаляется от какого-либо понимания истины, поисками которой занялся.

В нескольких ярдах от озера, среди мелких обломков, они обнаружили небольшое чистое пространство. Его покрывали сорняки — почерневшие и спекшиеся от невообразимого жара, при первом приближении людей они стали рассыпаться в пыль, пачкая им ноги угольно-черными полосами. В центре пустого пространства стоял металлический треножник, плотно укрепленный в грунте. Треножник этот нес на себе кольцо, несколько наклоненное на оси, так что она упиралась в неведомую точку небосвода где-то на полпути от горизонта и до зенита. На первый взгляд казалось, что кольцо это ничего в себе не заключало. Но затем, приглядевшись внимательнее, Олвин увидел, что пространство внутри кольца заполнено слабым туманом, который сильно утомлял зрение, а его и без того нужно было напрягать, чтобы заметить этот туман,— так близко свет его находился у самого конца видимого спектра. Светилась энергия, и, вне всякого сомнения, именно этот аппарат и произвел взрыв, который тут же привлек всех в Шалмирейн.

Не решаясь подойти ближе, они остановились и стали наблюдать за странным устройством с безопасного, как им представлялось, расстояния. Мы на верном пути, билось в голове у Олвина. Теперь оставалось только выяснить — кто или что установило здесь этот аппарат и какой цели он может служить. Это наклоненное кольцо...— ясно было, что оно нацелено в космос. Не являлась ли вспышка, которую они наблюдали, своего рода сигналом? От этой догадки захватывало дух, стоило только поразмыслить о последствиях.

— Олвин,— вдруг раздался голос Хилвара, и в этом тихом возгласе звучала безошибочная нотка предостережения.— У нас гости.

Олвин резко обернулся и обнаружил перед собой треугольник глаз, начисто лишенных век. Таково, по крайней мере, было первое впечатление.

Секундой позже за этими пристально глядящими глазами он рассмотрел очертания небольшой, но, по-видимому, сложной машины. Она висела в воздухе в нескольких футах над поверхностью земли и ничем не напоминала ни

одного робота из тех, которые когда-либо встречались Олвину.

Когда первое изумление прошло, он вполне почувствовал себя хозяином положения. Всю жизнь он отдавал приказания машинам, и то обстоятельство, что эта вот была ему не знакома, не имело ни малейшего значения. В конце концов, ему приходилось сталкиваться лишь с несколькими процентами всех разновидностей роботов, которые в Диаспаре обслуживали его повседневные нужды.

"Ты умеешь говорить?"— спросил он

Ответом было молчание.

"Кто-нибудь тебя контролирует?"

Снова молчание.

"Уйди... Подойди... Поднимись...Опустись..."

Ни одно из этих привычных мысленных приказаний не возымело никакого эффекта. Машина оставалась совершенно безответной. Это предполагало две возможности. Либо машина была слишком низкоорганизованной, чтобы понимать его, либо, в сущности, слишком уж интеллектуальной и обладала собственными представлениями о целесообразности того или иного выбора, поскольку в нее был заложен принцип свободы воли. В таком случае он должен обращаться к роботу, как к равному.

Хилвар не мог удержаться от смеха, глядя на очевидную тщетность усилий Олвина. Он как раз собрался предложить свои услуги по установлению контакта с роботом, когда слова замерли у него на губах. Тишина Шалмирейна была нарушена многозначительным и безошибочно знакомым звуком — мокрым шлепанием какого-то большого тела, выходящего из воды.

Во второй раз с тех пор, как он покинул Диаспар, Олвин пожалел, что он не дома. Затем он сообразил, что идти навстречу приключению с таким настроением не годится, и медленным шагом, но решительно, направился к озеру.

Существо, которое появилось из темной воды, выглядело, как чудовищная, выполненная из живой материи, пародия на робота, по-прежнему молча и очень пристально разглядывающая их. Расположение глаз в вершинах равностороннего треугольника -- как и у парящего робота --

никак не могло быть совпадением. То же можно было сказать и о щупальцах, и о маленьких суставчатых конечностях. На этом, однако, сходство заканчивалось. У робота не было -- они ему, очевидно, просто не требовались -- нежных перьев какой-то бахромы, которая в однообразном ритме била по воде, не было великого множества ног, похожих на обрубки, не было и вентиляционных отверстий, которые с натугой сипели в разреженном воздухе.

Большая часть этого существа оставалась в воде. Только головные десять футов или около того проникли в среду, которая, похоже, была для животного враждебной. Все существо имело в длину футов пятьдесят, и даже человек, совершенно незнакомый с биологией, мог бы догадаться, что с ним что-то неладно. Для облика существа был характерен налет импровизационного -- и не слишком поэтому удачного -- конструирования, как если бы части его тела лепили без особых раздумий и приставляли одну к другой по мере того, как в этом возникала необходимость.

Несмотря на устрашающие размеры существа и свои первоначальные сомнения, ни Олвин, ни Хилвар ничуть не встревожились, едва разглядели получше этого обитателя озера. Животное было как-то трогательно неловко, и эта неловкость не позволяла считать его серьезной угрозой, даже если бы и возникли подозрения, что оно может оказаться опасным. Люди давным-давно преодолели детский ужас перед тем, что выглядело ни на что не похожим. Этот страх просто не мог выжить после первого же контакта с дружественными внеземными цивилизациями.

-- Дай-ка, я с ним пообщаюсь,-- тихонько сказал Хилвар.-- Я привык обращаться с животными.

-- Но ведь это не животное,-- прошептал в ответ Олвин.

Я убежден, что оно разумно, а этот робот принадлежит ему...

-- Может случиться, что как раз оно-то и принадлежит роботу. Во всяком случае, у него какие-то странные умственные способности. Я все еще не могу обнаружить ни малейшего признака мышления... Эй! Что это делается?..

Чудовище ни на йоту не переменило своего положения у кромки воды, хотя поддерживало оно его, похоже, из

последних сил. Но в центре треугольника, образованного глазами, начала формироваться полупрозрачная мембрана — она пульсировала, трепетала и в конце концов стала издавать вполне различные звуки. Это было низкое глухое уханье, никаких слов разобрать было невозможно, хотя ясно было, что неведомое существо пытается что-то сказать. Было больно наблюдать эту отчаянную попытку вступить в контакт. Несколько минут существо понапрасну пыталось добиться какого-нибудь эффекта. Внезапно оно, видимо, осознало, что совершает ошибку. Пульсирующая мембрана уменьшилась в размерах, а издаваемые ею звуки поднялись в тоне на несколько октав, пока не уложились в звуковой спектр нормальной человеческой речи. Стало формироваться что-то похожее на слова, хотя они все еще перемежались невразумительным бормотанием.

Хилвар пытался помочь всем, что было в его силах.

— Теперь мы можем вас понимать, — произнес он, медленно и раздельно выговаривая слова. — Чем мы можем быть вам полезны? Мы заметили свет, который вы произвели. Он и привел нас сюда из Лиза.

При слове "Лиз" существо как-то поникло — как если бы оно испытало жесточайшее разочарование.

— "Лиз", — повторило оно. Звук "з" вышел у него слишком удачным, и слово прозвучало больше похожим на "Лид". — Всегда из Лиза... А больше никто сюда не приходит... Мы называем их Великими, но они не слышат...

— Кто это — Великие? — спросил Олвин, живо подавшись вперед.

Нежные, безостановочнодвигающиеся щупальцы рывком взметнулись к небу.

— Великие... — повторило существо. — С планет Вечного Дня... Они придут... Мастер обещал нам...

Ситуацию это ничуть не прояснило. Прежде чем Олвин смог продолжать свой допрос, Хилвар вмешался снова. Вопросы, которые он задавал, были так терпеливы, он говорил с таким участием и в то же время с такой настойчивостью и убедительностью, что Олвин решил ни в коем случае не прерывать его, хотя его так и подмывало вступить в разговор.

Существо, похоже, откликнулось. Его речь стала более разборчивой, и если сначала это странное создание отвечало столь кратко, что выходило это чуть ли не грубо, то, по мере того, как развивалась беседа, оно стало отвечать на вопросы более подробно и даже само сообщало какую-то информацию, о которой его и не просили.

Хилвар терпеливо, по кусочкам, складывал мозаику невероятной истории, и Олвин совсем потерял ощущение времени. Всей правды они выяснить так и не смогли — для догадок и предположений оставалось места сколько угодно.

По мере того, как существо все более и более охотно отвечало на вопросы, его внешний вид начал меняться. Оно сползло обратно в озеро и его ноги-чурбачки, казалось, растворились в теле.

Внезапно произошла вещь еще более невероятная: три огромных глаза медленно закрылись, стянулись в крохотные точки и бесследно исчезли. Выглядело это так, словно существо увидело все, что ему хотелось увидеть, и теперь глаза ему стали просто не нужны.

Олвин никак не мог поверить, что разум может существовать в такой нестабильной оболочке, однако впереди его ждал сюрприз еще больший. Было очевидно, их собеседник — внеземного происхождения, но прошло некоторое время, прежде чем даже Хилвар с его куда более обширными познаниями в биологии уразумел, с каким типом организма они имеют дело. В течение всей беседы существо называло себя "мы", и, в сущности, это и была целая колония независимых существ, организованных и контролируемых неизвестными силами.

Олвину суждено было никогда не забыть этой необычайной встречи и того, как Хилвар медленно реконструировал историю Мастера, в то время как изменчивый полип судорожно искал полузабытые слова, а темное озеро плескалось о руины Шалмирейна и трехглазый робот не мигая наблюдал за происходящим.

...Мастер вынырнул на Земле в хаосе Переходных Столетий, когда Галактическое сообщество уже рушилось, но маршруты, связывающие звезды, еще не были прерваны окончательно. Был он человеческого происхождения, хотя дом его находился на планете, кружащейся вокруг одного из Семи Солнц. Еще в ранней молодости он был вынужден покинуть родной ему мир. Причиной изгнания он считал происки врагов, но истина состояла в том, что он страдал от неизлечимой болезни, которая, похоже, из всех носителей разума во Вселенной поражала только представителей гомо сапиенс. Эта позорная болезнь была религиозной манией.

На протяжении ранней стадии исторического развития человечество извергло из своей среды неисчислимое количество всякого рода пророков, ясновидцев, мессий и евангелистов, которые убеждали своих последователей и себя, что тайны Вселенной открыты им одним и никому больше. Кое-кому из них случалось основать религии, которые ухитрились выжить в течение многих поколений и оказали влияние на миллиарды людей. Другие забыли еще до их смерти.

Расцвет науки, которая с непреложной регулярностью отвергала космогонические построения этих болтунов и дарила людям чудеса, о которых ясновидцы и мессии и помыслить-то были не в состоянии, в конце концов не оставил от всех этих верований камня на камне. Наука не уничтожила благоговейного изумления, почтения и сознания своей незначительности, испытываемого всеми разумными существами, когда они размышляют о необъятности Вселенной. Но она ослабила, а потом и вообще отбросила в небытие бесчисленные религии, каждая из которых с невероятным высокомерием провозглашала, что именно она является провозвестницей истины.

И все же, хотя изолированным культам уже никогда не суждено было обладать какой-то реальной властью, как

только человечество в целом достигло самого элементарного уровня цивилизованности, они все же время от времени появлялись на протяжении многих столетий, и, как бы фантастически ни звучали их неумные символы веры, привлечь какое-то число последователей им все же удавалось. В особенности они процветали в периоды неразберихи и беспорядка, и было совсем неудивительно, что и Переходные Столетия стали свидетелями вспышки иррационального.

Так вот, этот Мастер, даже если он был изгнан из своего собственного мира, вовсе не покинул его таким сиротой-сиротинушкой. Семь Солнц являлись центром галактической власти и науки, а он, должно быть, имел очень влиятельных друзей. Он бежал на маленьком скоростном корабле, о котором поговаривали, что это был самый быстрый космический корабль из когда-либо построенных. И еще он прихватил с собой в изгнание самый совершенный продукт галактической науки — робота, который, спустя столько времени, всплыл неизвестно откуда перед изумленными Олвином и Хилваром у Шалмирейна.

Никто так до конца и не исчерпал все таланты и функции этой машины. В сущности, робот до некоторой степени стал вторым "Я" Мастера. И, не будь его, вера в "Великих", по всей вероятности, благополучно почил бы после смерти Мастера. Вдвоем они довольно продолжительное время блуждали зигзагообразным курсом среди звездных облаков, и курс этот привел их — ясно, что не случайно, — назад, к тому миру, из которого вышли предки Мастера.

В чем, собственно, состоял смысл догмы Мастера, ни Олвин, ни Хилвар так и не смогли разобраться. Огромный полип отчаянно старался посвятить их в суть дела, но многие из его слов не содержали ровно никакого смысла и, кроме того, у него была привычка повторять предложения и даже целые пассажи в такой стремительной и совершенно механической манере, что за мысль невозможно было уследить. И вскоре Хилвар приложил все силы, чтобы увести разговор от этих топких теологических болот и сосредоточиться на достоверных фактах.

...Мастер и горстка его самых верных адептов прибыли на Землю в те дни, которые предшествовали падению городов, а порт Диаспара еще был открыт для пришельцев из других звездных систем. Была ли догма Мастера принята на Земле с терпимостью, оставалось неясным. Но, по крайней мере, она не встретила бурной оппозиции, и после долгих блужданий эти фанатики нашли себе окончательное пристанище среди лесов и гор Лиза.

На закате своей долгой жизни Мастер вновь обратил мысли к дому, из которого был изгнан, и попросил вынести его из помещения на воздух, чтобы он мог смотреть на звезды. Теряя последние силы, он подождал восхода Семи Солнц и под самый занавес жизни набормотал еще много такого, что должно было в будущем вызвать к существованию новые груды книг с толкованиями. Снова и снова он распространялся о "Великих", которые сейчас временно покинули эту Вселенную, но которые в один прекрасный день, несомненно, вернутся, и обязал своих фанатиков приветствовать их по возвращении. Это были его последние более или менее разумные слова. После этого он уже не отдавал себе отчета в окружающем, но перед самым концом произнес еще одну фразу, которая пережила столетия, гвоздем засев в головах тех, кому довелось ее услышать: "Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света!" После чего и умер.

По смерти Мастера многие из его последователей плюнули на догму, но кое-кто остался ей верен. По мере того, как проходили столетия, она все усложнялась. Сначала верили, что эти "Великие", кем бы они ни были, скоро вернутся, но время шло и надежда на это все тускнела и тускнела. В этом месте рассказ полипа стал очень путанным -- похоже было, что правда и мифы переплелись уже нерасторжимо.

Огромный полип стал последним учеником Мастера по весьма тривиальной причине: он был бессмертен. Миллиарды индивидуальных клеток, из которых состояло его тело, естественно, умирали, но прежде чем этому произойти, они воспроизводили себе подобных. Через длительные интервалы чудовище распадалось на мириады клеток, кото-

рые начинали жить автономно и размножались делением, если окружающая среда оказывалась для них подходящей. В такие периоды полип уже не существовал как разумное существо-единство. В должное время какая-то загадочная биологическая сила снова собирала вместе рассеянные компоненты огромного тела и полип начинал новый цикл существования.

Вера в "Великих" на ее поздних стадиях стала отождествляться с поклонением Семи Солнцам. "Великие" упрямо отказывались появляться, и были сделаны попытки послать сигналы на их далекую родину. Уже и в незапамятные времена эта сигнализация стала всего лишь бессмысленным ритуалом, а теперь ею занималось животное, да еще робот, не умевший забывать.

...Когда непостижимо древний голос затих в спокойном воздухе, Олвин понял, что охвачен жалостью. Преданность не к месту, верность, от которой никому не было никакого проку, в то время, как многочисленные солнца и планеты рождались и умирали...-- он никогда не поверил бы такой истории, если бы непреложные свидетельства в ее пользу не находились у него перед глазами. Собственное невежество сильнее, чем когда-либо прежде, опечалило его. На некоторое время для него высветили крохотный кусочек прошлого, но теперь тьма снова сомкнулась.

История Вселенной должна состоять из массы таких вот несвязанных ниточек, и никто не мог бы сказать, какая из них важна, а какая -- тривиальна. Фантастическая легенда о Мастере и "Великих" была, по-видимому, просто еще одной из бесчисленных легенд, которые каким-то странным образом сохранились с Начала. И все же само существование огромного полипа и каменно молчаливого робота не позволяло Олвину отбросить всю эту историю как просто волшебную сказку, построенную на самообмане и чистом безумии.

Его интересовала связь между роботом и полипом, между этими двумя сущностями, которые, отличаясь друг от друга по всем статьям, на протяжении целых эпох поддерживали свое невероятное партнерство. Почему-то ему верилось, что из этих двоих робот был более важен. Он

был наперсником Мастера и, должно быть, до сих пор хранил все его секреты.

Олвин кинул взгляд на таинственную машину, которая по-прежнему пристально его разглядывала.

-- Почему твой робот не хочет с нами разговаривать?-- обратился он к полипу, когда Хилвар на какую-то секунду замешкался с очередным вопросом. В ответ он услышал именно то, что почти ожидал услышать:

-- Мастер не желал, чтобы робот говорил с любым другим голосом, а голос самого Мастера теперь молчит...

-- Но тебе-то он станет повиноваться?

-- Да. Мастер оставил его в нашем распоряжении. Мы видим его глазами, куда бы он ни направился. Он наблюдает за механизмами, которые поддерживают существование этого озера, содержит его воду в чистоте. И все же будет правильнее назвать его нашим партнером, а не слугой...

Над этим Олвин задумался. Некая идея, совсем еще туманная, полуоформившаяся, стала зарождаться в его мозгу.

-- Уверены ли вы,-- медленно выговаривая слова, обратился он к полипу, хотя адресовался и к роботу,-- что, оставаясь здесь, вы в самом деле исполняете волю Мастера? Ведь он хотел, чтобы мир узнал о его учении, а пока вы скрываетесь здесь, в Шалмирейне, оно было утеряно... Мы нашли вас по чистой случайности, а ведь могут быть многие другие, кто хотел бы услышать о Великих"...

Хилвар метнул на него быстрый взгляд. Он не понял намерения Олвина. Полип же, казалось, взволновался, и ритмичная пульсация его дыхательных органов дала мгновенный сбой. Затем последовал ответ -- голосом далеко не бесстрастным:

-- Мы обсуждали эту проблему много лет. Но мы не можем покинуть Шалмирейн, поэтому мир сам должен прийти к нам, какого бы времени это ни потребовало...

-- У меня возникла куда лучшая идея,-- живо сказал Олвин.-- Это верно, что вы должны оставаться здесь, в озере. Но ведь нет никаких причин к тому, чтобы с нами не отправился ваш компаньон. Он может вернуться, как только

сам этого захочет или как только понадобится вам. С тех пор, как умер Мастер, многое изменилось, произошли события, о которых вам следует знать, но о которых вы никогда не узнаете и которых не поймете, если останетесь здесь...

Робот не шелохнулся, но полип, в агонии нерешительности, полностью ушел под воду и оставался там несколько минут. Вполне возможно, что в это время у него происходил беззвучный диалог с его партнером.

Наконец полип снова появился из озера. Он стал значительно меньших размеров, а движения его приобрели какой-то хаотический характер. Прямо на глазах у Олвина и Хилвара изрядный пласт этого сложного полупрозрачного тела оторвался от целого и тотчас вслед за этим рассыпался на дюжину комочков, которые быстро рассеялись. Создание начало распадаться.

Когда оно снова заговорило, его голос был уже неустойчив и понимать его стало куда трудней, чем прежде.

-- Начинается следующий цикл,-- выдохнуло оно каким-то дрожащим шепотом.-- Не ожидали его так скоро...осталось всего несколько минут... стимулирование слишком сильно...долго нам вместе не продержаться...

Олвин сообразил, что действовать нужно быстро, иначе представившаяся возможность пропадет, быть может, всего на несколько лет, но, вполне возможно, и на столетия.

-- Так что же вы решили?-- жадно спросил он.-- Робот отправится с нами?

Наступила мучительная пауза, в течение которой полип пытался заставить свое расползающееся тело повиноваться.

Речевая диафрагма затрепетала, но никакого явственного звука не последовало. Затем, словно в отчаянном жесте прощания, существо очень слабо шевельнуло своими дрожащими щупальцами и снова уронило их в воду, где они немедленно оторвались и уплыли. Через какие-то минуты трансформация закончилась. Не осталось ни одного кусочка величиной более дюйма. А вода кишела крохотными зеленоватыми точками, которые, казалось, жили и

двигались по своему разумению и быстро исчезали в пространстве озера.

Олвин был подавлен поражением, даже если и не до конца представлял себе цель, к которой стремился. Была упущена, и вряд ли теперь повторится, ошеломляющая возможность... Он печально глядел на озеро, и прошло некоторое время, прежде чем его сознание восприняло сигнал извне -- это, оказывается, Хилвар нашептывал что-то ему на ухо.

-- Слушай, мне кажется, что в этом споре ты выиграл...

Олвин стремительно обернулся. Робот, который до сих пор празднично висел в воздухе, не приближаясь к друзьям более чем на два десятка футов, беззвучно переместился и теперь парил где-то в ярде над головой Олвина. Неподвижные глаза, полем зрения которых была, по-видимому, вся передняя полусфера, ничем не выдавали, на что направлен его интерес. Но Олвин не сомневался, -- почти не сомневался, -- что внимание робота было сосредоточено именно на нем.

Робот ждал следующего его шага. Наконец-то он был теперь под контролем Олвина! Он мог последовать за ним в Лиз, а может, и в Диаспар, если не передумает... Ну, а пока именно он, Олвин, был его временным хозяином!

14.

Возвращение в Эрли заняло у них три дня -- отчасти потому, что Олвин, в силу собственных причин, не торопился. Физическое исследование страны отступило теперь на второй план, вытесненное более важным и волнующим проектом: медленно, но верно, он находил общий язык с этим странным, одержимым интеллектом, который стал теперь его спутником. Олвин подозревал, что робот попытается использовать его в своих собственных целях. Он не мог до конца разгадать его мотивы, поскольку робот по-прежнему упорно отказывался заговорить с ним.

Тем не менее, в других сферах он проявлял большую склонность к сотрудничеству. Он повиновался любому ко-

мандам, которые не требовали выдачи какой-нибудь информации. Спустя некоторое время Олвин обнаружил, что может повелевать этим устройством с такой же легкостью, как и роботами в Диаспаре — одними мысленными приказаниями. Это был огромный шаг вперед. А немного спустя это создание — о нем трудно было думать, как просто о машине, еще больше ослабило свою настороженность и позволило Олвину пользоваться своими тремя глазами. Словом, оно не возражало против любых пассивных форм общения, но решительно пресекало все попытки сойтись поближе.

Хилвара оно совершенно игнорировало. Оно не повиновалось ни единой из его команд и мозг его был глухо запечатан для всех попыток Хилвара проникнуть в него. Только позже Олвин осознал, какое это преимущество — иметь слугу, не подчиняющегося более никому в мире.

Когда мобиль всплыл в Эрли, Сирэйнис уже ждала их.

Она казалась чем-то обеспокоенной и более неуверенной, чем когда-либо, и Олвин припомнил выбор, перед которым они его и поставили. В треволнениях последних нескольких дней он почти забыл о нем. Ему не хотелось тратить силы на решение проблем, время которых еще не пришло. Но теперь срок подступил вплотную: ему предстояло принять решение, в каком из двух миров он хочет жить.

— Олвин, — начала Сирэйнис. — Есть много такого, о чем я вам еще не рассказывала, но теперь вам придется это узнать, чтобы понять наши действия.

Давным-давно, Олвин, Человек мечтал о бессмертии и, наконец, добился своего. Но люди забыли, что мир, отрицавший смерть, должен отринуть и жизнь.

Способность продлить свое существование до бесконечности может принести удовлетворение отдельному индивидууму, но она же приносит застой сообществу людей. Много столетий назад мы принесли наше бессмертие в жертву развитию, но Диаспар все еще тешится ложной мечтой.

Вот почему наши пути разошлись — и вот почему нам уже никогда не соединиться...

Хотя Олвин почти ожидал именно этих слов, удар, тем не менее, был силен. И все же он отказывался признать крушение своих планов, как бы смутны они ни были, и теперь воспринимал слова Сирэйнис только частью сознания. Он понимал и фиксировал в памяти все, что она говорила, а сам в это время мысленно снова возвращался в Диаспар, пытаясь представить себе все препятствия, которые могут быть воздвигнуты на его пути.

В комнате было очень тихо, так тихо, что Олвину слышны были странные жалостные звуки, издаваемые в полях за поселком какими-то неведомыми животными. Наконец почти шепотом он произнес:

-- Чего же вы хотите от меня?

-- Мы надеялись, что сможем предоставить вам выбор -- остаться здесь или вернуться в Диаспар. Но теперь это невозможно. Произошло слишком многое, чтобы мы могли теперь оставить решение в ваших руках. Даже на то короткое время, что вы пробыли здесь, у нас, ваше влияние на умонастроение людей оказалось в высшей степени дестабилизирующим. Нет-нет, я вас не упрекаю. Я совершенно уверена, что вы не имели в виду нанести нам ущерб. Но было бы куда лучше предоставить создания, которые встретились вам в Шалмирейне, их собственной судьбе...

-- А что касается Диаспара...-- Сирэйнис раздраженно пожала плечами.-- О том, куда вы отправились, там знает слишком много людей. Мы не успели вовремя предпринять необходимые действия. И, что уже совсем серьезно, -- человек, который помог вам открыть Лиз, исчез. Ни ваш Совет, ни наши агенты не смогли обнаружить его, так что он остается потенциальной угрозой нашей безопасности. Возможно, вы удивлены, что я все это вам рассказываю, но, видите ли, я делаю это без малейшей опаски. Боюсь, Олвин, что теперь перед вами выбора нет -- мы просто должны отослать вас в Диаспар с искусственным набором воспоминаний. Они сконструированы для вас с огромной тщательностью, и, когда вы возвратитесь домой, вы не будете помнить о нас ровным счетом ничего. Вы будете убеждены, что испытали скучные, но опасные приключе-

ния в каких-то пещерах, где своды постоянно обрушивались за вашей спиной и вы остались живы только потому, что питались какими-то малоаппетитными сорняками, а воду с трудом добывали из редких подземных ключей. Таким образом будет устранена тайна, которая могла бы привлечь новых исследователей. Они будут думать, что о нашей земле они знают уже все, что только можно узнать.

Сирэйнис посмотрела на Олвина умоляющими глазами:

— Мы очень сожалеем, что это необходимо, и просим у вас прощения, пока вы нас еще помните. Вы можете не принять наш вердикт и нашу логику, но ведь нам известно множество фактов, которые вам неведомы... По крайней мере, у вас не будет никаких сожалений, потому что вы будете верить, что открыли все, что можно было обнаружить.

Так ли это?— подумал Олвин. Он сильно сомневался, что сможет снова погрузиться в рутину городского существования, даже если и убедит себя, что за стенами Диаспара нет ничего, достойного внимания. И, более того, у него не было ни малейшего желания подвергать себя такого рода эксперименту.

— Когда вы намереваетесь произвести со мной эту... операцию?— спросил он.

— Немедленно. Вы уже готовы. Откройте мне свое сознание, как вы это уже делали прежде, и вы ничего не почувствуете до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Некоторое время Олвин молчал, потом тихо произнес:

— Я хотел бы попроситься с Хилваром.

Сирэйнис кивнула:

— Да, я понимаю.

Она прошла к лестнице, что вела вниз, внутрь дома, и оставила их на крыше одних.

Олвин заговорил со своим другом не сразу. Он испытывал огромную грусть и в то же время самую непоколебимую решимость не позволить, чтобы все его надежды пошли прахом. Еще раз взглянул он на поселок, в котором обрел известную долю счастья, на поселок, который ему, возможно, уже не увидеть снова, если те, кто стоит за

Сирэйнис, все-таки добьются своего. Мобиль все еще парил над травой у одного из раскидистых деревьев, а бесконечно терпеливый робот висел над ним. Несколько ребятшек сгрудились вокруг этого странного пришельца, но из взрослых никто, казалось, не проявлял ни малейшего любопытства к экзотическому аппарату.

-- Хилвар,-- прервав молчание, сказал Олвин,-- мне очень жаль, что все так получается...

-- Не вини мать, она только выполняет то, что ее попросили сделать,-- ответил Хилвар.

-- Тогда скажи мне вот что. Как твои люди могут меня остановить, если бы я попытался уйти от вас с нетронутой памятью?

-- Это будет нетрудно. Если бы ты попытался уйти, они бы овладели твоим сознанием и заставили бы тебя вернуться...

Именно этого Олвин и ожидал и это его не обескуражило. Ему страшно хотелось довериться Хилвару, который -- это было ясно -- расстроился от предстоящего расставания, но он не решился подвергнуть риску свой план. Очень тщательно, выверяя каждую деталь, он снова прокрутил в уме единственный путь, который мог привести его обратно в Диаспар на условиях, которые его устраивали.

Он протянул Хилвару руку, тот крепко сжал ее, но не мог, казалось, вымолвить ни слова.

-- Пойдем, встретим Сирэйнис внизу,-- предложил Олвин. -- Я бы хотел еще повидать кое-кого из жителей Эрли, прежде чем уйти от вас...

Хилвар молча последовал за ним в прохладу дома, а потом и на улицу, в кольцо из цветного стекла, окружавшее дом. Сирэйнис ждала их там, и вид у нее был спокойный и решительный. Она знала, что Олвин попытается что-то утаить от нее, и снова мысленно перебирала в памяти все предусмотренные ею меры предосторожности.

-- Вы готовы, Олвин?-- спросила она.

-- Совершенно готов,-- отозвался Олвин, и в голосе у него прозвучало нечто такое, что заставило ее внимательно посмотреть на юношу.

Он повернулся к Хилвару и быстрым шепотом, который Сирэйнис не могла услышать, произнес:

— До свиданья, Хилвар! Не тревожься... я вернусь...

И снова обратился к Сирэйнис:

— Я не возмущаюсь тем, что вы собираетесь совершить. Вы, несомненно, верите, что это лучший выход из положения, но, с моей точки зрения, вы ошибаетесь. Диаспар и Лиз не должны оставаться навечно разобщенными. Придет, думаю, день, когда они отчаянно будут нуждаться в помощи друг друга. Вот поэтому-то я и направляюсь домой со всем тем, что мне удалось узнать, и я не думаю, что вам удастся меня остановить.

Он не стал дожидаться ответа и правильно сделал. Сирэйнис даже не шевельнулась, но он тотчас же почувствовал, что его тело перестает ему повиноваться. Сила, столкнувшаяся с его волей, оказалась куда более могущественной, чем он ожидал, и это навело его на мысль, что Сирэйнис помогало огромное число людей. Беспомощно двинулся он обратно к дому, и на какой-то ужасный момент ему даже подумалось, что великолепный его план провалился.

Но как раз в это время сверкнул металл кристаллических глаз руки робота мягко сомкнулись вокруг него. Земля ушла у него из-под ног, и на мгновение он увидел Хилвара, застывшего в изумлении, с глуповатой улыбкой на лице.

Робот перенес его на несколько десятков футов гораздо быстрее, чем человек смог бы пробежать это расстояние. Сирэйнис потребовалось всего лишь мгновение, чтобы понять его ход, и он перестал извиваться в руках своего робота, когда она сняла контроль над его телом. Но она еще не была побеждена, и тотчас же наступило то, чего Олвин боялся и с чем приготовился сражаться изо всех сил.

В его мозгу боролись теперь две совершенно различные сущности. Одна из них умоляла робота отпустить его на землю. Настоящий Олвин, у которого перехватило дыхание, ждал, лишь вяло сопротивляясь силам, которых — он знал — ему не одолеть. Это был азартный расчет: невозможно было заранее предсказать, что робот, этот его

ненадежный союзник, станет исполнять те сложные приказы, которые он ему отдал. Он сказал роботу, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не повиновался его, Олвина, командам, пока они не очутятся в безопасности, в Диаспаре. Такова была его воля. Если она окажется выполненной, то это означало бы, что Олвин вручил свою судьбу силам, которым не страшно вмешательство человека.

Без малейшего колебания робот устремился вдоль тропы, которую Олвин так тщательно нанес на карту в его памяти. Часть сознания юноши все еще гневно умоляла, чтобы его освободили, но он уже понимал, что спасен. И тотчас это поняла и Сирэйнис, потому что конфликтующие силы в его мозгу перестали бороться друг с другом.

15.

...Олвин не успокоился до тех пор, пока вокруг него снова не оказались стены пещеры движущихся дорог. Его возвращение стало ничем не примечательным повторением путешествия в Лиз. Через сорок минут после того, как он покинул станцию отправления, он оказался в усыпальнице Ярлана Зея.

Слуги Совета, задрапированные в официальные черные одеяния, которые были их формой на протяжении столетий, уже ждали его. При виде этого Комитета "по встрече" Олвин ничуть не удивился и почти не испытал тревоги. К этому времени он преодолел уже такое количество всевозможных препятствий, что еще одно не меняло дела... С тех пор, как он оставил Диаспар, он узнал столько всего, что с этим огромным знанием пришла и уверенность, граничащая с высокомерием.

Кроме того, теперь у него был могущественный, хотя и не совсем надежный союзник. Лучшие умы Лиза не смогли противостоять его планам.

Трудно сказать почему, но он считал, что и у Диаспара дела пойдут не лучше.

-- Олвин,-- обратился к нему предводитель городских прокторов,-- у нас есть приказ следовать за тобой, куда

бы ты ни направлялся до тех пор, пока Совет не выслушает твое дело и не вынесет свой вердикт.

-- И в чем же меня обвиняют?-- спросил Олвин. Он все еще переживал волнение, связанное с побегом, и как-то не мог всерьез воспринимать новый поворот событий. А по поводу того, что Шут выдал его тайну, он испытал лишь мимолетное раздражение.

-- Никаких обвинений не выдвинуто,-- последовал ответ.-- Если это окажется необходимым, то обвинение будет сформулировано после того, как тебя выслушают.

-- И когда это случится?

-- Очень скоро, я полагаю.-- Проктор, по всей видимости, испытывал неловкость и не был уверен, как именно ему следует выполнить свою малоприятную миссию. Он разговаривал с Олвином то как со своим товарищем-согражданином, то вдруг вспоминал о долге стража и напускал на себя преувеличенную отчужденность.

Пока они шли через Парк, эскорт при этом держался в почтительном отдалении и переговаривался взволнованным шепотом,-- Олвин взвешивал свой следующий шаг. Первое, что он должен сделать, это выяснить в точности, что же произошло здесь за время его отсутствия.

Ему пришлось признать, что наблюдение за ним велось весьма деликатно. К тому времени, как он добрался до своей комнаты, он почти забыл о существовании прокторов. Он полагал, что ему не помешают свободно передвигаться до тех пор, пока он и сам не вознамерится снова покинуть Диаспар, но сейчас такого намерения у него не было. В сущности, он был твердо убежден, что возвратиться в Лиз прежним маршрутом будет уже невозможно. Подземная транспортная система уже, без сомнения, выведена из строя Сирэйнис и ее коллегами.

Прокторы не пошли за ним в комнату. Им было известно, что выход из нее только один, и они расположились снаружи. Не имея инструкций касательно робота, они позволили ему сопровождать Олвина.

У них не было ни малейшего желания связываться с этой машиной, чужеземное происхождение которой было так очевидно.

Как только стена за ним сомкнулась, Олвин материализовал свой любимый диван и бросился на него. Комната была пуста, если не считать этого дивана, на котором он развалился, да робота, по-прежнему глядящего на него широко раскрытыми глазами неизмеримой глубины.

Действуя по внезапному наитию, Олвин вызвал номер, который Хедрон дал ему еще тогда, давно, в башне Лоранна. Ответа он, само собой, не ожидал, но всегда сохранялась вероятность, что Хедрон оставил для него весточку.

Догадка оказалась справедливой. Но вот содержание послания было потрясающе неожиданным.

...Стена растворилась, и перед ним оказался Хедрон. Шут выглядел усталым и нервничающим, это уже был не тот, уверенный в себе, слегка циничный человек, что направлял Олвина по тропе, ведущей в Лиз. В глазах у него таилось выражение загнанного зверя, а голос звучал так, словно времени на разговоры у него уже не оставалось.

— Это запись, Олвин,— начал он.— Ее можешь просмотреть только ты, и я разрешаю тебе использовать то, что сейчас узнаешь, так как тебе заблагорассудится. Мне уже все равно.

Когда я возвратился в усыпальницу Ярлана Зея, то обнаружил, что Алистра следила за нами. Надо думать, она сообщила Совету, что ты покинул Диаспар и что я тебе в этом помог. Очень скоро прокторы кинулись меня искать, и я решил уйти в подполье. Я к этому привык, мне уже приходилось поступать точно так же, когда некоторые мои шутки не встречали понимания... (Вот он, старый Хедрон!— подумал Олвин). Им бы не найти меня и за тысячу лет, но я чуть не попался кому-то постороннему. В Диаспаре есть чужаки, Олвин! Они могли прийти только из Лиза и они ищут меня. Не знаю, к чему бы, но мне все это как-то не нравится. То обстоятельство, что они меня чуть не сцапали — это в городе-то, где все для них, казалось бы, должно быть необычно и чуждо,— свидетельствует, что они вооружены телепатическими способностями. Я мог бы схватиться с Советом, но тут передо мной какая-то непостижимая угроза, и противостоять ей я не решаюсь.

Ты, конечно, уже догадался, что я последовал обратно, в Зал Творения, в безопасный мир Хранилищ Памяти. Что бы ни случилось, я целиком и полностью доверяюсь Центральному Компьютеру и силам, которые ему подвластны во имя процветания Диаспара. Если что-то нарушит работу Центрального Компьютера, крышка всем нам. Ну, а если нет, то мне нечего опасаться.

Я никогда не понимал тебя, хотя было время — я был достаточно тщеславен, чтобы думать, что понимаю. Правду знает только Центральный Компьютер, и он же знает правду о тех Неповторимых, которые время от времени, на протяжении минувших тысячелетий, появлялись и бесследно исчезали.

Вот и все. Не знаю, что мне еще сказать...

Какое-то мгновение Хедрон-Шут, которого больше не существовало, если не принимать во внимание калейдоскоп электрических зарядов в ячейках Памяти города,— еще смотрел на Олвина — с неприязнью и, похоже, с грустью. После чего экран опустел.

Когда изображение исчезло, Олвин долго еще оставался недвижим. Хедрона он не любил. Эксцентричная натура Шута не располагала к более личностным отношениям, даже если бы Олвин и стремился к ним. И все же, размышляя сейчас над прощальными словами Хедрона, он был буквально ошеломлен внезапно пробудившимися угрызениями совести. Шуту пришлось бежать в будущее именно из-за него, Олвина!

Кому еще в Диаспаре он навредил, кого опечалил? Он подумал о Джизираке, своем наставнике, который был так терпелив с ним — своим, должно быть, самым трудным учеником. Он припомнил все самые малейшие знаки доброты, которые высказывали ему его родители все эти годы. Теперь все это представлялось ему конечно куда более значительным, чем в свое время... И еще он подумал об Алистре. Она любила его, а он то принимал, то отвергал ее любовь — по прихоти. Быть может, откажись он от нее совсем, она была бы хоть чуть-чуть счастливее?

Его раздумья прервал мелодичный звонок стенного экрана. Тембр подсказал ему, что кто-то лично явился наве-

стить его. Он дал сигнал впустить гостя и через несколько мгновений оказался лицом к лицу с Джизираком.

Наставник выглядел суровым, но враждебности в нем не чувствовалось.

-- Меня попросили привезти тебя в Совет, Олвин,-- сказал он.-- Совет ждет, он хочет выслушать тебя.-- Тут Джизирак заметил робота и принялся с любопытством его разглядывать.-- Это, значит, и есть тот самый спутник, которого ты привез с собой! Я полагаю, ему лучше отправиться с нами.

Это как нельзя более устраивало Олвина. Робот однажды уже вызволил его из опасной ситуации и, возможно, придется снова прибегнуть к его помощи...

Алистра ждала их на пандусе, сбегавшем к улице. Даже если бы Олвину и хотелось взвалить на нее вину за ту роль, которую она сыграла в обнаружении его тайны, у него не хватило бы на это духу. Ее отчаяние было слишком очевидно, а когда она метнулась к нему навстречу, глаза у нее были полны слез.

-- Ах, Олвин!-- всхлипывала она.-- Что им от тебя нужно?..

Он взял ее ладони в свои с нежностью, которая удивила их обоих.

-- Не волнуйся,-- проговорил он.-- Все будет хорошо. В конце концов, даже в самом худшем случае Совет может всего лишь отправить меня снова в хранилища Памяти, но мне как-то в это не верится...

Осторожно опустив руку девушки, он повернулся и следом за Джизираком направился к Залу Совета.

В приемной они подождали всего несколько минут, но Олвину этого хватило, чтобы подивиться, почему, если ему не страшно, он ощущает эту странную слабость в ногах. Ощущение было знакомо -- по тем временам, когда в Лизе он с трудом заставлял себя взбираться по склону холма, с которого Хилвар показал ему водопад и с вершины которого они увидели взрыв света, приведший их в Шалмирейн. Что-то сейчас поделявает Хилвар, подумал он, и суждено ли им встретиться снова? И тотчас же ему стало страшно важно, чтобы это оказалось возможным.

Огромные двери уплыли в стороны, и вслед за Джизираком он ступил в Зал Совета. Все двенадцать его членов уже сидели вокруг своего, сделанного в виде полумесяца стола, и Олвину польстило, что он не увидел ни одного не занятого места. Возможно, впервые за много столетий Совет собрался в полном составе.

Большинство членов Совета Олвин знал в лицо, и вид такого числа знакомых придал ему уверенности. Как и Джизирак, эти люди не казались настроенными враждебно, они были просто изумлены и сгорали от нетерпения. В конце концов это были носители здравого смысла. Они могли испытывать раздражение от того, что кто-то доказал им, что они ошибаются, но в том, что они затаили против него недоброжелательство, Олвину не верилось. Когда-то такой вывод мог оказаться чересчур поспешным, но человеческая природа в некоторых смыслах изменилась к лучшему.

Они выслушают безо всякой предвзятости, но вся штука была в том, что их мнение не имело решающего значения. Его судьей будет не Совет. Им будет Центральный Компьютер.

16.

Не было никаких формальностей. Председатель объявил заседание открытым и повернулся к Олвину.

-- Мы бы хотели, Олвин,-- произнес он достаточно благожелательно,-- чтобы ты рассказал нам, что произошло с тобой с того времени, как ты исчез десять дней назад.

Употребление слова "исчез" означало очень многое, подумалось Олвину. Даже сейчас Совету не хотелось признавать, что кто-то побывал за пределами Диаспара. Он подумал -- а знают ли эти люди о том, что в городе бывают чужие, и, в общем, усомнился в этом. Будь это так, они показали бы куда больше тревоги.

Он рассказал свою историю ясно и ничуть не драматизируя. Только в одном месте он отошел от строгого фактического изложения событий и ни слова не сказал о том,

каким образом ему удалось ускользнуть из Лиза. Казалось более чем вероятно, что к этому методу ему придется прибегнуть снова.

Было очень интересно наблюдать, как отношение членов Совета к его рассказу мало-помалу менялось. Сначала за столом сидели скептики, отказывающиеся примириться с отрицанием, по сути дела, всего, во что они верили, с разрушением их сокровеннейших предрассудков. Когда Олвин поведал им о своем страстном желании исследовать мир, лежащий за пределами города, и о своем ни на чем, в сущности, не основанном убеждении, что такой мир в действительности существует, они смотрели на него, как на какое-то диковинное существо. С их точки зрения, так оно и было. Но в конце концов им пришлось допустить, что он оказался прав, а они ошибались. Им могло очень и очень не нравиться то, что рассказал Олвин, но они более не в состоянии были закрывать глаза на эти факты. Если у них и появилось такое искушение, то стоило только кинуть взгляд на молчащего спутника Олвина, чтобы от этого искушения избавиться.

-- Мне представляется большой трагедией,-- говорил Олвин,-- что две сохранившиеся ветви человечества оказались разобщенными на такой огромный отрезок времени. Возможно, он и наступит, тот день, когда мы узнаем, почему это произошло, но сейчас куда более важно поправить дело и принять все меры к тому, чтобы впредь такого не случилось. Когда я был в Лизе, то протестовал против мнения, что они превосходят нас. У них может оказаться много такого, чему они в состоянии нас научить, но и мы можем дать им многое. Если же мы будем считать, что нам нечего почерпнуть друг у друга, то разве не очевидно, что неправы будут и те, и другие?-- Он выжидательно посмотрел на полукольцо лиц и с воодушевлением продолжил:-- Наши предки построили общество, которое достигло звезд. Люди передвигались между этими мирами как им заблагорассудится, а теперь их потомки носа не высунут за стены своего города. Хотите, я скажу вам -- почему?-- Он сделал выжидательную паузу. В огромном пустом помещении никто не шелохнулся.-- Да потому, что

мы боимся — боимся чего-то, что случилось на заре истории. В Лизе мне сказали правду, хотя я и сам давно об этом догадывался. Неужели же мы должны вечно, как трусы, отсиживаться в Диаспаре, делая вид, что кроме него ничего больше не существует, и только потому, что миллиард лет назад Пришельцы снова загнали нас на Землю?

Председатель, нахмурившись, посмотрел на него:

— У тебя есть еще что-нибудь, что ты хотел бы сказать? Прежде чем мы начнем обсуждение того, что именно следует предпринять...

— Только одно. Я хотел бы отвезти этого робота к Центральному Компьютеру.

— Но зачем? Ты же знаешь, что Компьютеру уже известно все, что произошло в этом зале...

— И все-таки я считаю это необходимым,— вежливо, но упрямо проговорил Олвин.— Я прошу разрешения у Совета и у Компьютера.

Прежде чем Председатель смог ответить, в зале раздался голос — ясный и спокойный. Никогда раньше, за всю свою жизнь, Олвин не слышал его, но он знал, чей это голос.

— Пусть он придет ко мне,— произнес Центральный Компьютер.

Олвин перевел взгляд на Председателя. Надо отдать ему должное, он не пытался торжествовать свою победу. Он просто спросил:

— Вы разрешите мне покинуть вас?

Председатель оглядел Зал Совета, не увидел ни малейшего движения несогласия и ответил несколько беспомощно:

— Очень хорошо...Прокторы пойдут с тобой, а когда мы закончим обсуждение, приведут тебя обратно...

Олвин слегка поклонился в знак признательности, огромные двери снова раздвинулись перед ним, и он не торопясь вышел из зала. Джизирак двинулся вслед за ним. По длинному коридору они направились прочь от Зала Совета, а их эскорт терпеливо следовал в отдалении.

...Эти пространства не были предназначены для человека. Под пронзительным сиянием голубых огней — столь

ослепительных, что больно было глазам,— длинные и широкие коридоры простирались, казалось, в бесконечность. Роботы Диаспара, должно быть, скользили по этим проходам с незапамятных времен, но стены здесь еще ни разу не отзывались эхом на звук человеческих шагов.

Здесь раскинулся подземный город — город машин, без которых Диаспар не мог существовать. В нескольких сотнях ярдов впереди коридор переходил в круглое помещение, диаметром более чем в милю, весь свод которого поддерживали огромные колонны.

Это было помещение Центрального Компьютера. Здесь он размышлял над судьбой Диаспара.

Олвин оглядывал помещение. Оно оказалось даже более обширным, чем он решался себе представить, но где же был сам Компьютер? Почему-то он ожидал увидеть одну огромную машину, хотя и понимал, что такое представление наивно. Величественная и совсем лишенная смысла панорама, распахнувшаяся перед ним, заставила его застыть в изумлении, сдобренном значительной долей неуверенности.

Коридор, по которому они пришли сюда, обрывался высоко в стене, замыкавшей это огромное пространство, самую гигантскую пещеру, когда-либо вырытую человеком. По обе стороны устья коридора длиннейшие пандусы полого спускались вниз, к далекому полу. И все это, залитое нестерпимым светом место покрывали сотни огромных белых структур, таких неожиданных по формам, что какое-то время Олвину казалось, будто он видит необыкновенный огромный подземный город. Это впечатление было поразительно живым, оно осталось в памяти Олвина на всю жизнь. И нигде глаз его не встречал того, что он ожидал увидеть,— не было знакомого блеска металла, этой от века непрременной принадлежности любого машинного слуги человека.

Здесь находились продукты конечной стадии эволюционного процесса, почти столь же долгого, как и эволюция самого человечества. Его начало терялось в тумане Веков Рассвета, когда люди впервые научились использовать энергию и пустили по городам и весям свои лязгающие

машины. Пар, воду, ветер -- все запрягли они в свою упряжку на некоторое время, а затем отказались от них. На протяжении столетий энергия горения давала жизнь миру, но и она оказалась превзойдена, и с каждой такой переменой старые машины предавались забвению, а их место занимали новые. Очень медленно, в течение тысячелетий, люди приближались к идеальному воплощению машины -- воплощению, которое когда-то было мечтой, затем -- отдаленной перспективой и наконец -- стало реальностью: НИ ОДНА МАШИНА НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДВИЖУЩИХСЯ ЧАСТЕЙ.

Это был идеал. Чтобы достичь его, человеку, возможно, потребовалось сто миллионов лет, и в момент своего триумфа он навсегда отвернулся от машины. Она достигла логического завершения и отныне сама могла вечно поддерживать собственное существование, служа человеку.

Не очень представляя себе, куда же теперь направиться, Олвин смотрел вниз, на огромные пологие дуги пандусов и все, что простиралось за ними. Центральный Компьютер должен знать, что он уже здесь, как он знал обо всем, что происходило в Диаспаре. Ему оставалось только ждать от него инструкций.

Уже знакомый, но по-прежнему вызывающий благоговение голос был так тих и раздался так близко от него, что Олвину даже показалось, что Джизирак ничего не слышит.

-- Спуститесь по левому пандусу,-- сказал голос.-- Там я дам вам новые инструкции.

Олвин медленно двинулся по покатой плоскости, и робот по-прежнему реял над ним. И Джизирак, и прокторы остались на своих местах. Интересно, подумал Олвин, получили ли они команду оставаться наверху или же решили, что им и отсюда будет отлично видно и не к чему утомлять себя долгим спуском?

Пандус кончился, и тихий голос дал Олвину новое направление. Он выслушал и двинулся по широкой улице между спящими титаническими фигурами. Голос еще трижды говорил с ним, и наконец он понял, что достиг цели.

Машина, посреди которой он теперь стоял, размерами была поменьше, чем все остальные вокруг нее, но все равно, стоя перед этим сооружением, Олвин ощущал себя карликом. Пять уровней с их стремительно льющимися горизонтальными линиями напоминали какое-то затаившееся перед прыжком животное. Примерно в трех футах от пола по всему "фасаду" структуры шла прозрачная панель. Олвин прижался лицом к гладкому, странно теплому материалу и стал всматриваться внутрь. Сначала он ничего не мог разобрать. Потом, прикрыв ладонями глаза, чтобы загородиться от льющегося с боков ослепительного сияния, он различил тысячи слабо светящихся точек, которые висели в пустоте. Они образовывали решетку -- столь же непонятную для него и лишенную всякого смысла, какими для древних были звезды. Несколько минут он неотрывно глядел на этот узор и не заметил, чтобы цветные огоньки меняли свои места или яркость.

Мир действительно далеко ушел с тех пор, как первые пещерные люди час за часом терпеливо оббивали куски неподатливого камня, делая наконечники для стрел и ножи...

-- Изложите вашу проблему,-- раздался у самого уха все тот же тихий голос. Было странно, что это огромное скопление машин может выражать свои мысли столь негромко.

Было совсем нелегко разговаривать с чем-то, что заполняло пространство вокруг тебя. Слова, казалось, умирали, едва Олвин их произносил.

-- Что я такое?-- спросил он.

Если бы он задал этот вопрос одной из информированных машин в городе, он бы заранее знал, каков будет ответ. В общем-то он частенько так и поступал, и они всегда отвечали: "Вы -- человек". Но теперь он имел дело с разумом совершенно иного порядка и не было никакой необходимости в семантической тщательности. Центральный Компьютер должен был знать, что именно имеет в виду вопрошающий, однако это вовсе не значило, что он ответит на вопрос.

И в самом деле, ответ оказался именно таким, какого опасался Олвин:

-- На этот вопрос я не могу отвечать. Сделать так -- значило бы открыть цель моих создателей и, тем самым, аннулировать ее.

-- Значит, моя роль была спланирована, еще когда город только создавался?

-- Это можно сказать о каждом.

Он понял, что относительно тайны своего рождения ему здесь больше ничего не узнать. Бессмысленным было бы даже попытаться заманить в ловушку это гигантское создание и надеяться, что оно само выдаст информацию, которую ему приказано хранить в глубочайшей тайне. Олвин не стал убиваться от разочарования. В глубине души он чувствовал, что ему уже удастся приближение к истине, да и в любом случае цель его прихода сюда состояла вовсе не в этом.

Он взглянул на робота, которого привел из Лиза, и задумался, как же сделать свой следующий шаг. Знай робот, что именно он планирует предпринять, он мог бы прореагировать -- и бурно. Поэтому было существенно, чтобы он не подслушал то, что Олвин намеревался сообщить Центральному Компьютеру.

-- Можешь ты создать зону безмолвия?-- обратился он к Компьютеру.

В тот же самый миг он испытал то самое, безошибочное "мертвое" ощущение -- результат полного исчезновения самых малейших звуков, которое наступало, когда человек оказывался в такой зоне. Голос Компьютера, теперь странно тусклый и зловеющий, обратился к нему:

-- Теперь нас никто не слышит. Говорите, что вы хотели мне сообщить.

Олвин посмотрел на робота. Тот не стронулся со своей позиции.

-- Ты слышал, как я встретил этого робота,-- начал Олвин.-- Он должен, как мне представляется, обладать бесценным знанием о прошлом, которое восходит к тем дням, когда наш город еще не существовал таким, каким мы его знаем. Он, возможно, даже может рассказать нам о других, кроме Земли, мирах, постольку сопровождал Мастера в его странствиях. К сожалению, его речевой канал забло-

кирован. Не знаю, насколько эффективна эта блокада, но я прошу тебя снять ее.

— Просьба порождает две проблемы,— отозвался Компьютер.— Одна из них моральная, другая — техническая. Этот робот был сконструирован с тем, чтобы повиноваться приказам определенного человека. Какое право я имею отменить эту установку, даже если бы и был в состоянии сделать это?

Олвин предвидел такой вопрос, и у него было припасено несколько ответов.

— Нам неизвестно, какую конкретную форму приняли запреты Мастера,— сказал он.— Если ты сможешь заговорить с роботом, то, вероятно, сумеешь убедить его, что обстоятельства, при которых был поставлен блок, теперь изменились...

Это, разумеется, был самый очевидный подход. Олвин и сам пытался прибегнуть к этой стратегии безо всякого успеха, но он надеялся, что Центральный Компьютер с его бесконечно более обширными интеллектуальными ресурсами сможет совершить то, что не удалось ему.

— Все это полностью зависит от характера блокировки,— последовал ответ.— Вполне возможно создать такую блокировку, которая, если попытаться ее снять, сотрет содержимое цепей памяти. Я, впрочем, не считаю, что Мастер обладал достаточными навыками, чтобы сделать это: здесь требуется специфичная техника. Я спрошу твою машину, была ли установлена стирающая цепь в ее блоках памяти.

— Но предположим,— сказал Олвин с внезапной тревогой,— что даже вопрос о существовании стирающих цепей приведет к уничтожению памяти...

— Для таких случаев существует стандартная процедура, и я буду ей следовать. Я выставлю вторичные условия, приказав роботу игнорировать мой вопрос, если такие условия существуют. После этого уже совсем несложно обеспечить ситуацию, в которой машина будет вовлечена в логический парадокс, когда, и отвечая мне, и отказываясь отвечать, она будет вынуждена нарушить данные ей инструкции. В таких случаях все роботы действуют одинаково, стремясь к самозащите. Они освобождают вход-

ные цепи, по которым к ним извне поступают сигналы, и ведут себя так, словно никакого вопроса им вообще не задавали.

Олвин уже испытывал угрызения совести от того, что затронул эту тему, и после некоторой внутренней борьбы признал, что тоже принял бы именно эту тактику и сделал вид, что просто не расслышал вопроса. В одном, по крайней мере, он был теперь уверен: Центральный Компьютер был совершенно готов иметь дело с любыми ловушками, какие только могут быть установлены в блоках памяти робота. У Олвина не было ни малейшего желания видеть своего слугу превращенным в груды лома. Он скорее бы добровольно вернул его в Шалмирейн со всеми его тайнами.

Собрав все свое терпение, он ждал, покуда два молчаливых интеллекта общались между собой неощутимо для окружающих. Это был диалог двух созданий, каждое из которых было создано человеческим гением в давным-давно угасший золотой век его самых замечательных достижений. А теперь ни тот, ни другой вовсе не могли быть полностью поняты кем бы то ни было из живущих на Земле.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем пустой, незвучный голос Центрального Компьютера раздался снова.

— Я установил частичный контакт,— произнес этот голос.— По крайней мере, теперь мне известен характер блокировки, и я думаю, что знаю, по какой причине она была предусмотрена. Снять ее можно только одним способом: этот робот не заговорит снова до тех пор, пока на Землю не явятся какие-то "Великие"...

— Но это же нелепость!— запротестовал Олвин.— Адепты Мастера верили в них и один даже пытался объяснить нам, что такое эти "Великие"... По большей части это было что-то совершенно невразумительное. Эти самые "Великие" никогда не существовали и никогда существовать не будут!..

Поражение представлялось полным, и Олвин испытал горькое и беспомощное разочарование. Между ним и Ис-

тиной встал человек, который помимо того, что был сумасшедшим, еще и умер миллиард лет назад.

— Возможно, вы и правы,— откликнулся Центральный Компьютер,— когда говорите, что "Великих" не было. Но это совсем не значит, что их не будет...

Наступила долгая пауза; во время которой Олвин размышлял над смыслом этого замечания, а две мыслящие машины снова вошли в контакт друг с другом.

И внезапно, без всякого предупреждения, Олвин очутился в Шалмирейне.

17.

...Все здесь оставалось точно таким, как тогда. Огромная черная чаша пила солнечный свет и ни крупинки его не отражала. Олвин стоял среди руин крепости, глядя на озеро, чьи спокойные воды говорили о том, что гигантский полип стал теперь не более чем рассеянным облаком живых клеток, ничего общего не имеющих с разумным существом, организованным в определенные формы.

Робот по-прежнему висел рядом, но Хилвара не было. Олвину некогда было размышлять, что бы все это значило, или проявлять беспокойство по поводу отсутствия друга, потому что почти тотчас же произошло нечто столь фантастическое, что напрочь выветрились у него из головы все посторонние мысли.

Небо стало раскалываться надвое. Тонкая полоска черноты протянулась от горизонта к зениту и стала медленно расширяться, как если бы тьма и хаос обрушивались на Вселенную. Неумолимо эта полоса становилась все шире и шире, пока не охватила четверть небесной сферы. Несмотря на все свои знания о реальных астрономических фактах, Олвин не мог отделаться от ошеломляющего впечатления, что кто-то извне вламывается в его мир через огромный голубой купол неба...

Крыло ночи перестало расти. Силы, породившие его, теперь смотрели вниз на игрушечный мир, который они обнаружили здесь, и, быть может, советовались -- стоит ли

этот мир их внимания. Олвин не испытывал ни тревоги, ни страха. Он почему-то знал, что находится лицом к лицу с такой силой и мудростью, перед которыми человек может испытывать только благоговение, а никак не страх.

И теперь силы эти пришли к решению: они потратят несколько ничтожно малых частиц вечности на Землю и ее обитателей. Они стали спускаться через окно, пробитое в небесах.

Словно искры какого-то небесного горна, они падали вниз, на Землю. Все гуще становился этот поток, пока с высоты не полилась целая река огня, растекающаяся по поверхности земли лужами жидкого света. Олвин не нуждался в словах, которые теперь звучали у него в ушах как благословение:

"Великие пришли..."

Пламя подобралось к нему, но оно не жгло. Повсюду пылало оно, наполняя циклопическую чашу Шалмирейна золотым сиянием. В изумлении глядя на все это великолепие, Олвин отметил, что поток света вовсе не был аморфен, он обладал и формой, и структурой. Жидкий огонь стал принимать определенные очертания, собираясь в отдельные яростные пламявороты. Вихри эти принялись вращаться все быстрее и быстрее, и центры их стали подниматься, вырастая в колонны, внутри которых можно было разглядеть какие-то очень загадочные формы. От этих сверкающих тотемных столбов исходила едва слышная музыкальная нота, бесконечно чуждая и чарующая.

"Великие пришли"...

На этот раз последовал и ответ. Когда Олвин услышал слова: "Слуги Мастера приветствуют вас. Мы вас ждали", он понял, что все барьеры рухнули. И в тот же самый миг и Шалмирейн, и его странные гости исчезли, и он снова очутился перед Центральным Компьютером в глубинах Диаспара.

Все это оказалось иллюзией, не более реальной, чем фантастический мир саг. Но как она была создана? Откуда взялись эти странные видения, представившиеся ему?

-- Проблема оказалась необычной,-- прозвучал тихий голос Центрального Компьютера.-- Я предполагал, что у ва-

шего робота должна быть какая-то зрительная концепция "Великих". Если бы я мог убедить его, что чувственные представления, полученные им, совпадают с этими зрительными образами, остальное было бы уже просто.

-- И как это тебе удалось?

-- В основном я расспрашивал робота, на что были похожи "Великие", а затем перехватил образ, сформированный его сознанием. Рисунок оказался весьма неполным; и многое мне пришлось дополнить, импровизируя. Раз или два картина, которую я создавал, начинала было резко расходиться с концепцией робота, но уже в самые первые мгновения я успевал отметить его растущее недоумение и менял образ, прежде чем он становился подозрительно непохожим. Вам, конечно, понятно, что я в состоянии задействовать сотни своих вычислительных цепей, тогда как в его распоряжении лишь одна, и переключаться с одной на другую достаточно быстро, чтобы перемена не была воспринята. Это был своего рода фокус: я мог насытить сенсорные цепи робота и в то же время подавить его способность к критическому восприятию. То, что вы увидели, было всего лишь окончательной -- правильной -- картиной, наиболее полно приближающейся к тому, что представлял себе этот самый Мастер. Она не отличалась той тонкостью, но оказалась вполне сносной.

Робот был убежден в ее подлинности достаточно долгое время, чтобы можно было снять блокировку, и в этот момент я обеспечил абсолютный контакт с его сознанием. Он ответит теперь на любой вопрос, какой вы пожелаете ему задать.

Голова у Олвина все еще шла кругом. Яркое зрительное "эхо" внезапного апокалипсиса еще горело перед его внутренним взором, а он и вида не подал, что полностью понимает объяснения Центрального Компьютера. Но это не имело значения. Чудо исцеления свершилось, и двери в храм знания широко распахнулись перед ним, маня войти в них.

Зона безмолвия была снята -- никакой нужды в секретности больше не было. Наступил, наконец, момент, которого Олвин так долго ждал. Он повернулся к роботу и

задал ему вопрос, преследовавший его с тех пор, как он услышал историю о похождениях Мастера.

И робот ответил.

Джизирак и прокторы терпеливо ждали, когда он снова присоединится к ним. На верхней части пандуса, прежде чем войти в коридор, Олвин оглянулся, чтобы опять окинуть взглядом помещение Центрального Компьютера, и впечатление оказалось еще более сильным. Под ним лежал мертвый город, состоящий из странных белых зданий, залитый яростным светом, не предназначавшийся для человеческих глаз. Быть может, он и был мертв, этот город, поскольку никогда и не жил, но в нем билась энергия более могущественная, чем та, что когда-то привела в движение живую материю. До тех пор, пока все еще будет существовать мир, эти безмолвные машины останутся здесь, ничем не отвлекаясь от мыслей, вложенных в них гениями человечества столь непомерное время назад.

...Улицы Диаспара купались в свете, но после сияния машинного города он казался бледным и беспомощным. Олвин едва замечал окружающее. Он не обращал теперь ровно никакого внимания на знакомую красоту огромных башен, проплывающих мимо, и на любопытствующие взгляды сограждан. На протяжении всего пути он устанавливал все более и более близкий контакт с роботом. Тот уже давно мог принимать его мысли, но прежде Олвин никогда не мог быть уверенным, что он станет повиноваться всем его приказаниям. Теперь эта неуверенность исчезла. Он мог беседовать с роботом, как беседовал бы с любым человеком, хотя, поскольку они были не одни, он велел ему не пользоваться речью, а обходиться зрительными образами. Раньше ему порой не нравилось, что роботы могут довольно свободно общаться между собой на телепатическом уровне, в то же время как человеку это недоступно,— за исключением жителей Лиза. Что ж, это была еще одна способность, которую Диаспар утратил — если не намеренно отказался от нее.

Он все еще продолжал этот неслышимый и несколько односторонний разговор, пока они ждали в приемной пе-

ред Залом Совета. Нельзя было не сравнить его нынешнее положение с тем, в котором он оказался в Лизе, когда Сирэйнис с коллегами пыталась подчинить его своей воле. Он надеялся, что не будет никакой необходимости еще в одном конфликте, но если бы такой конфликт и возник, он был теперь подготовлен к нему несравненно лучше.

Уже первый взгляд, брошенный на лица членов Совета, сказал Олвину, каково их решение. Он не был ни удивлен, ни особенно разочарован и не высказал никаких чувств, которые могли ожидать от него советники, когда слушал, как Председатель подводит итоги.

-- Мы всесторонне изучили ситуацию, которая порождена твоим открытием, Олвин,-- начал Председатель,-- и пришли к следующему единогласному решению. Поскольку никто не желает каких-либо изменений в нашем образе жизни и поскольку только раз в несколько миллионов лет рождается кто-то, кто способен покинуть Диаспар, даже если средства к этому существуют для каждого из нас, то туннельная система, ведущая в Лиз, не является необходимой и, очень возможно, даже опасна. Вот почему вход в нее ныне закрыт.

Мы обсудили также, какие действия должны быть приняты -- если они вообще необходимы -- в отношении тебя.

Принимая во внимание твою юность и своеобразные обстоятельства твоего появления на свет, существует всеобщее ощущение, что порицать тебя за то, что ты сделал, нельзя. В сущности, раскрыв потенциальную опасность для нашего образа жизни, ты оказал городу услугу, и мы зафиксировали наше одобрение этого... Председатель выжидающе посмотрел на Олвина. Возможно, он надеялся, что тот выразит ответное понимание и воздаст Совету за то, что с ним обошлись столь милостиво. Он, однако, был разочарован.

-- Можно мне задать вам всего один вопрос?-- обратился к нему Олвин.

-- Конечно.

-- Насколько я понимаю, Центральный Компьютер одобрил ваши действия?

В обычных условиях спрашивать о таком не полагалось. Было не принято признавать, что Совет должен как-то оправдывать свои решения или же объяснять, каким образом он к ним пришел. Но Олвин сам был облечен доверием того Центрального Компьютера по причинам, известным только тому. И оказался в привилегированном положении.

Было совершенно очевидно, что вопрос породил известную неловкость, и ответ последовал несколько неохотно:

-- Естественно, мы проконсультировались с Центральным Компьютером... Он сказал, чтобы мы поступали так, как сочтем нужным...

Олвин этого и ожидал. В те самые минуты, когда электронное сознание города разговаривало с ним, оно, должно быть, совещалось и с Советом в тот же, в сущности, момент, когда заботилось еще и о миллионе самых разных вещей в Диаспаре. Компьютер, как и Олвин, понимал, какое бы решение ни принял сейчас Совет, оно не будет иметь ровно никакого значения. Будущее совершенно ускользнуло из-под контроля Совета в тот самый миг, когда он в своем неведении решил, что благополучно справился с кризисом, порожденным ненасытной любознательностью Олвина...

Покидая Совет, Олвин размышлял о том, были ли они удивлены его покорностью и отсутствием раздражения по поводу того, что дорога в Лиз теперь закрыта. Прокторы не сопровождали его -- он уже не находился под наблюдением -- в открытую, по крайней мере. Вместе с ним из Зала Совета на улицы, сияющие красками и заполненные народом, вышел только Джизирак.

-- Ну что ж, Олвин,-- сказал он.-- Ты вел себя как нельзя лучше, но меня-то тебе не провести! Что ты задумал?

Олвин улыбнулся.

-- Так я и знал, что ты что-то заподозришь. Если ты пойдешь со мной, я покажу тебе, почему подземный путь в Лиз не имеет больше никакого значения. Есть и еще один эксперимент, который мне хотелось бы провести. Он не причинит тебе никакого вреда, но может не прийтись по вкусу...

— Отлично. Подразумевается, что я все еще твой наставник, но похоже, что роли теперь переменялись... Куда ты меня поведешь?

— В башню Лоранна — я хочу показать тебе мир за стенами Диаспара.— Джизирак побледнел, но остался верен своему решению. Словно опасаясь, что слова могут его выдать, он сдержанно кивнул и вслед за Олвином ступил на плавно движущийся тротуар.

Он не проявил ни малейшего страха, когда они шли по туннелю, через который дул вечно холодный ветер. Туннель теперь уже не совсем тот: каменная решетка, преграждавшая доступ во внешний мир, исчезла. Она не служила никакой конструктивной цели, и Центральный Компьютер по просьбе Олвина убрал ее, не задавая вопросов. Позже он может дать мониторам инструкцию снова вспомнить про эту решетку и восстановить ее. Но сейчас жерло туннеля, ничем не огражденное и никем не охраняемое, зияющим отверстием выходило прямо на внешнюю стену города. Джизирак подошел почти к самому краю пропасти, когда, наконец, осознал, что внешний мир — вот он, перед ним. Он смотрел на расширяющийся круг неба, и шаги его становились все более и более неуверенными, пока, наконец, ноги не отказались ему служить. Олвин вспомнил, что на этом же самом месте Алистра повернулась и убежала, и подумал — сможет ли он уговорить Джизирака пройти дальше?

— Я прошу тебя только взглянуть,— умолял он его,— а не выходить из города. Уж это-то ты, конечно, можешь!

В Эрли, во время своего краткого пребывания там, Олвин видел однажды, как мать учила своего малыша ходить. Увлекая Джизирака по коридору, он не мог не усмотреть аналогии и делал поощряющие замечания по мере того, как его наставник одну за другой переставлял неповинующиеся ему ноги, потихоньку продвигаясь вперед. В отличие от Хедрона, Джизирак не был трусом. Он был готов бороться со своим предубеждением, но это была борьба отчаяния. Когда Олвину удалось привести наставника к

точке, откуда он мог видеть всю ширь пустыни, Олвин был измучен почти так же, как и его пожилой спутник.

Тем не менее, оказавшись почти у края, Джизирак был захвачен красотой пейзажа, столь непохожего на все, что ему приходилось видеть на протяжении всех жизней. Огромное пространство, покрытое перекатывающимися дюнами, ограниченное по горизонту древними холмами, покорило его.

— Я попросил тебя прийти сюда, поскольку понимаю — у тебя больше, чем у кого-либо другого, прав увидеть, куда привели меня мои блуждания,— сказал Олвин, произнося слова быстро, как если бы он был не в силах сдерживать нетерпение.— Мне хотелось, чтобы ты увидел пустыню, а кроме того, я хочу, чтобы ты был свидетелем,— пусть свет узнает, что я сделал!

Как я и сказал Совету, этого робота я привел из Лиза в надежде, что Центральный Компьютер сумеет убрать блокировку, установленную на его памяти человеком, известным по прозвищу Мастер. С помощью уловки, которой я до сих пор не понимаю, Компьютер это сделал. Теперь у меня есть доступ ко всему объему памяти этого робота и ко всем способностям, которые в него встроены. И вот сейчас одну из этих способностей я хочу использовать. Смотри!

По беззвучному приказу робот выплыл из отверстия туннеля, набрал скорость и через несколько секунд превратился всего лишь в далекий, отсвечивающий металлом солнечный блик. Он летел низко над пустыней — над ее дюнами, лежащими, словно застывшие волны, покрывшие пустыню косой сеткой гребней.

У Джизирака возникло безошибочное впечатление, что робот что-то ищет, — но вот что именно, он представить себе не мог. И вдруг с пугающей внезапностью сверкающая крупинка метнулась вверх и замерла в тысяче футов над поверхностью. Олвин испустил вздох облегчения. Он кинул на Джизирака быстрый взгляд, как бы говоря: «Вот оно!» Нет ничего более ужасного, чем внезапное движение там, где, как предполагается, движения уже не может быть никогда.

И тем не менее ни страх, ни удивление не поразили громом Джизирака, когда дюны стали расступаться. Что-то шевелилось над поверхностью пустыни, неведомый исполин просыпался ото сна, и почти тотчас же донесся гром низвергающейся земли и пронзительный вопль скал, раздираемых неодолимой, исполинской силой. Внезапно гигантский песчаный гейзер взметнулся на тысячу футов и скрыл землю...

Песок стал медленно оседать в рваную рану, зияющую на лице пустыни. Но Джизирак и Олвин по-прежнему пристально всматривались в небо, в пустоте которого только что висел лишь крохотный робот. Кора приставшей земли и камней лишь отчасти скрывала гордые очертания корабля, который медленно вздымался из недр разодранной пустыни. Джизирак внимательно наблюдал, как корабль неспешно развернулся в их сторону, превратившись в аккуратный кружок. Затем, столь же нетерпеливо, этот кружок начал увеличиваться в размерах.

Олвин заговорил — быстро, словно времени у него уже не оставалось:

— Этот робот был разработан, чтобы стать компаньоном и слугой Мастера. И, кроме того, пилотировать его корабль. Прежде чем сесть в Лизе, он опустился в порту Диаспара, который сейчас лежит там, среди песков. Даже в то время порт в общем-то был уже заброшен. Думаю, что корабль Мастера был одним из последних, прилетевших на Землю. Перед тем как отправиться в Шалмирейн, Мастер некоторое время жил в Диаспаре — в те времена путь, наверное, был еще открыт для всех. Но корабль ему никогда уже больше не понадобился и все эти тысячелетия ждал, погребенный под песками. Как сам Диаспар, как этот робот, как все, что строители прошлого считали действительно важным, он сохранялся с помощью своих собственных электронных схем вечности. До тех пор, пока у него есть источник энергии, он не может износиться или быть уничтожен...

Теперь корабль, направляемый роботом к башне, был уже совсем близко. Внезапно их обдало пылью, посыпались камешки — это одна из секций корпуса откинулась наружу, и Джизираку удалось бросить взгляд на малень-

кую голую каморку шлюза, в дальнем конце которой виднелась дверь. Корабль висел в воздухе в каком-нибудь футе от жерла воздушного туннеля, к которому он приблизился с крайней осторожностью — будто чувствующее, живое существо.

— До свидания, Джизирак,— проговорил Олвин.— Я не могу вернуться в Диаспар, чтобы попрощаться с друзьями. Сделай это за меня, пожалуйста. Передай Эристону и Итани, что я надеюсь скоро вернуться. Если же не вернусь, я благодарен за все, что они для меня сделали. И тебе я благодарен, если даже ты не одобряешь того, как я пользовался твоими уроками... Что же касается Совета — скажи им, что пути, которые были когда-то открыты, нельзя закрыть, приняв резолюцию!..

...Корабль был теперь только темным пятном на фоне неба, а мгновение спустя Джизирак и вообще потерял его из виду. Он не заметил никакого движения, но внезапно с неба обрушилась лавина самых потрясающих звуков из всех, когда-либо сотворенных человеком, — это был долгий гром падающего воздуха: миля за милей он обрушивался в туннель вакуума, в мгновение ока просверленный в небе.

Джизирак не мог двинуться с места, даже когда последние отголоски этого грома замерли, рассеявшись в пустыне.

Он думал о мальчике, который ушел от него,— для Джизирака Олвин навсегда оставался ребенком. Солнце уже склонилось низко к горизонту, и над пустыней потянул леденящий ветер.

Но Джизирак все еще ждал, борясь со своим страхом. И внезапно — впервые в жизни — увидел звезды.

18.

... Даже в Диаспаре Олвин не встречал такой роскоши, которая открылась его взору, когда внутренняя дверь воздушного шлюза скользнула в сторону. Что бы он там ни представлял собой, но уж аскетом-то Мастер не был.

Нигде не было видно никаких приборов управления, но огромный овалный экран, полностью занимавший дальнюю переборку, указывал, что это помещение не просто жилая комната. Дугой перед экраном расположились три низких кресла. Остальное пространство комнаты занимали два столика и несколько мягких стульев — некоторые из них, совершенно очевидно, предназначались отнюдь не для гуманоидов.

Удобно устроившись перед экраном, Олвин огляделся в поисках робота. К его изумлению, тот исчез. Но затем все-таки обнаружил его в маленьком углублении под закругляющимся потолком — робот уютно устроился в этой нише. Для пробы Олвин подал ему команду, и огромный экран, затрепетав, ожил. Перед ним была башня Лоранна, странным образом укороченная и, судя по всему, лежащая на боку. Еще несколько команд — и он увидел небо, город и огромное пространство пустыни.

— Перенеси меня в Лиз! — это была команда из простых, но как мог корабль повиноваться ей, если сам Олвин не имел ни малейшего представления о том, в каком направлении лететь? Олвин сначала не подумал об этом, но, когда сообразил, корабль уже мчался над пустыней на огромной скорости. Он пожал плечами, с благодарностью принимая то обстоятельство, что теперь в его распоряжении находится слуга, больше знающий, чем он сам.

Ровная линия горизонта стала вскоре изламываться, прорисовались горы, которые, едва он их увидел, уже мчались под ним. Корабль стал замедляться, опускаясь к земле по гигантской пологой дуге длиной в сотни миль. И затем под ним оказался Лиз, его леса и бесконечные реки, образующие ландшафт такой несравненной красоты, что некоторое время Олвин был просто не в состоянии двигаться дальше. На востоке земля была уже затенена и обширные озера стояли лужами еще более темной ночи. Но в направлении на запад воды плясали, струились, сверкали острыми бликами, посылая глазам цвета такой яркости, чистоты, о существовании которых Олвин и не подозревал.

Найти Эрли оказалось нетрудно — и это было к счастью, потому что дальше робот уже не мог вести корабль.

Олвин ожидал этого и был даже несколько обрадован, что обнаружил изъян во всемогуществе его слуги. Было маловероятно, что роботу когда-то приходилось пилотировать корабль с Мастером в Эрли, и поэтому месторасположение поселка не было закреплено в его памяти.

С нескольких попыток Олвин приземлил корабль на склоне того самого холма, с вершины которого впервые увидел Лиз. Управлять кораблем оказалось совсем просто — нужно было лишь в самых общих чертах сформулировать свое желание, а уж робот сам прорабатывал все детали.

Олвин был абсолютно уверен, что никто не мог видеть его прибытия. Он считал это обстоятельство достаточно важным, поскольку не испытывал ни малейшего желания снова вступать в телепатическую схватку с Сирэйнис. Планы его все еще были несколько туманны, но он не подвергался никакому риску, пока у него сохранялись дружеские отношения с обитателями Лиза. Робот мог действовать в качестве посла, в то время как он сам оставался бы в безопасности корабля. На дороге в Эрли роботу не встретилось ни одной живой души.

Странно это было — сидеть в неподвижном космическом корабле, в то время как поле зрения без малейших усилий с его стороны скользило по знакомой тропе, а в ушах звучал шепот леса. Он все еще не умел полностью отождествить себя с роботом, и усилия по управлению им приходилось затрачивать немалые. Почти стемнело, когда Олвин «достиг» Эрли, маленькие дома которого словно бы плавали в озерцах света. Робот держался затененных мест и уже почти доплыл до дома Сирэйнис, когда его обнаружили.

Раздался сердитый, высокий жужжащий звук, и поле зрения оказалось закрыто мельтешением крыльев. Олвин невольно отпрянул, но тотчас понял, что, собственно, произошло. Это Криф выражал свою неприязнь ко всему, что летало, не имея крыльев.

Не желая причинить вреда прекрасному, хотя и безмозглому существу, Олвин остановил робота и, как мог, терпел удары, которые градом сыпались на него. Несмотря на то, что он в полном комфорте сидел в миле от места про-

исшествия, он все-таки поеживался и очень обрадовался, когда из дома вышел Хилвар, чтобы посмотреть, что происходит.

Увидев приближающегося хозяина, Криф отступил, все еще угрожающе жужжа. Некоторое время Хилвар просто стоял и глядел на робота. Затем улыбнулся.

— Привет, Олвин,— сказал он.— Рад, что ты вернулся. Или ты еще в Диаспаре?

Уже не в первый раз Олвин с завистью подивился быстроте и точности мышления Хилвара.

— Да нет,— ответил он.— Я здесь неподалеку. Но пока останусь на месте.

Хилвар засмеялся:

— Думаю, что это правильно. Сирэйнис-то тебя простила, но вот Ассамблея... впрочем, это уже совсем другая история. Тут, знаешь, происходит конференция...первая, которая созвана в Эрли...

— Ты хочешь сказать, что ваши советники пожаловали сюда лично?— спросил Олвин.— А я полагал, что личные встречи — с вашими-то телепатическими способностями— совсем необязательны...

— Они происходят редко. Бывают такие случаи, когда общее мнение склоняется к тому, что стоит собраться. Мне неизвестна точная природа нынешнего кризиса, но трое сенаторов уже здесь, а остальные вот-вот придут.

Олвин не мог не улыбнуться над тем, до какой степени события в Диаспаре повторялись и здесь.

— Мне кажется, будет совсем не плохо обратиться к этой вашей Ассамблее. Если только я смогу это сделать, не подвергая себя опасности.

— Даже если ты поженуешь сюда во плоти, это будет вполне безопасно, коли Ассамблея даст обещание не пытаться овладеть твоим сознанием,— ответил Хилвар.— А нет, так я бы на твоём месте оставался там, где ты сейчас. Я отведу твоего робота к сенаторам... ох, и расстроятся они, когда его увидят!

Олвин испытал радостное чувство возбуждения и радости, когда последовал за Хилваром в дом. Дверь комнаты, где происходила конференция, была заперта, и прошло некоторое время, прежде чем Хилвару удалось привлечь

внимание находящихся внутри. Сенаторы, казалось, были настолько поглощены своими проблемами, что пробиться в их раздумья представлялось едва ли не безнадежным делом. Но вот стены скользнули в стороны, и Олвин быстро вдвинул своего робота в комнату.

Трое сенаторов застыли в креслах, когда робот подплыл к ним, но на лице Сирэйнис промелькнул лишь едва уловимый след удивления. Возможно, Хилвар уже послал ей предупреждение, а может быть, она и сама ожидала, что рано или поздно Олвин вернется.

— Добрый вечер, — вежливо произнес Олвин, словно такое необычное появление было самым что ни на есть привычным пустяком. — Я решил возвратиться.

Что и говорить, их изумление превзошло все ожидания. Один из сенаторов — молодой еще человек с седеющими волосами — первым пришел в себя.

— Как вы сюда попали? — Он едва мог двигать языком — так был поражен.

Причина такой реакции на появление Олвина была очевидна. Как и Диаспар, Лиз, должно быть, вывел из строя свою сторону подземной дороги.

— Я вернулся, — сказал Олвин, — по своей доброй воле и в связи с тем, что у меня есть для вас кое-какие важные новости. Тем не менее, помня о наших былых расхождениях, я сейчас остаюсь вне досягаемости. Если я появлюсь здесь лично — обещаете ли вы не пытаться снова задержать меня?

Некоторое время все молчали, и Олвину было страшно интересно, какими мыслями обменивались сейчас в этой тишине. Затем от имени всех заговорила Сирэйнис:

— Мы не станем пытаться снова контролировать вас... впрочем, не думаю, что прошлый раз мы достигли в этом больших успехов...

— Вот и хорошо, — ответил Олвин. — Я прибуду в Эрли как можно быстрее.

Он дождался робота. Затем тщательнейшим образом проинструктировал его и заставил все повторить. В том, что Сирэйнис не нарушит слова, он был убежден и, тем не менее, хотел обеспечить себе путь к отступлению.

Воздушный шлюз беззвучно закрылся за ним, когда он покинул корабль. Секундой позже раздалось еле слышное шипение — будто кто-то изумленно вздохнул. Несколько мгновений темная тень еще закрывала звезды, и корабль исчез.

И только теперь Олвин с неудовольствием подумал, что допустил досадный просчет. Он упустил из виду, что чувства робота куда более обострены, чем у него самого, а ночь оказалась темнее, чем он ожидал. Не раз и не два он совершенно сбивался с тропы, едва не расшибая себе лоб о стволы деревьев. В лесу царила крошечная тьма, и в один из моментов что-то большое двинулось на него по кустарнику. Он услышал осторожное потрескивание сучьев, и вот уже на уровне его живота появились и усталились на него два изумрудных глаза. Он негромко позвал животное, и чей-то невероятно длинный язык лизнул ему руку. Секунду спустя могучее тело уже доверчиво и нежно терлось об него и вдруг беззвучно исчезло. Он и понятия не имел, кто бы это мог быть...

Наконец между деревьями впереди заискрились огни поселка. И снова Хилвар встретил его за порогом дома и опять представил Сирэйнис и сенаторам. Они приветствовали его с вымученным уважением.

— Я искренне сожалею, что мне пришлось покинуть ваш край таким экстравагантным образом,— начал Олвин.— Может быть, вам будет интересно узнать, что вырваться из Диаспара оказалось не легче.— Он сделал паузу, чтобы они могли в полной мере осознать смысл сказанного, и затем быстро добавил:

— Я рассказывал своим согражданам все о вашей стране и очень старался, чтобы создать у них о вас самое благоприятное впечатление. Но... Диаспар не хочет иметь с вами ничего общего. Что бы я им ни говорил, они просто одержимы стремлением избежать осквернения низшей культурой.

Ах, как приятно ему было наблюдать реакцию сенаторов! Даже сдержанная, всегда такая воспитанная Сирэйнис слегка порозовела.

— Почему вы вернулись в Лиз?— спросила она.

— Потому что мне хочется убедить вас так же, как и Диаспар, что вы совершаете ошибку.— Он не стал распространяться о другой причине: здесь у него жил единственный друг, в котором он мог быть уверен и на помощь которого рассчитывал.

Сенаторы пребывали в молчании, ожидая расположения. Олвин отлично сознавал, что за всем, что происходит в этой комнате, смотрит огромное число людей. Он был представителем Диаспара, и весь Лиз судит теперь о таинственном городе по тому, что он, Олвин, говорит, по тому, как он ведет себя, по тому, как он мыслит. Это была неимоверная ответственность, и он чувствовал себя перед нею таким маленьким... Он собрался с мыслями и заговорил.

Его темой был Диаспар. Он рисовал город таким, каким увидел его в последний раз. Он описывал город, дремлющий на груди пустыни, возводил его башни, подобно пойманным радугам сверкающие на фоне неба. Из волшебного сундучка памяти он извлекал песни, сложенные в честь Диаспара поэтами прошлого, рассказывал о легионе людей, потративших долгие жизни, чтобы приумножить красоту города... Некоторое время он подробно живописал чудеса, созданные жителями Диаспара. Он старался заставить своих слушателей хоть чуть-чуть почувствовать те красоты, которые были созданы художниками прошлого к вечному поклонению человека.

Они дослушали его до конца, не перебивая и не задавая вопросов. Было уже очень поздно, когда он кончил рассказ, и он испытал такую усталость, что хоть с ног вались. Напряжение и все тревожения долгого дня наконец сказались, и неожиданно Олвин уснул.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит в какой-то незнакомой комнате. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что находится не в Диаспаре. С тихим, мелодичным звуком одна из стен стала подниматься, сворачиваясь при этом столь сложным образом, что сознание было не в силах охватить его. Через образовавшийся проем в комнату ступил Хилвар. Он смотрел на Олвина с выражением удовольствия и озабоченности.

— Ну, раз уж ты проснулся,— начал он,— то, может, ты хоть мне, наконец, скажешь, как тебе удалось вернуться сюда и что ты собираешься делать дальше? Сенаторы как раз отправляются смотреть на подземку. Они никак не могут взять в толк, как это тебе удалось использовать ее для возвращения... Ты что — в самом деле приехал по ней?

Олвин прыгнул с постели и сладко потянулся.

— Наверное, их лучше перехватить,— сказал он.— Мне не хочется, чтобы они попусту тратили время. Ну, а что касается твоего вопроса, то я скоро дам тебе м-м... ответ.

Они дошли почти до самого озера, прежде чем догнали троих сенаторов.

— Боюсь, что вчера вечером я ввел вас в заблуждение,— весело обратился к ним Олвин.— В Лиз я вернулся вовсе не старым маршрутом, так что ваши старания запечатать его оказались совершенно ненужными. Откровенно говоря, Совет в Диаспаре тоже закрыл этот путь со своего конца — и с таким же успехом...

— Но как же тогда... как же вы здесь очутились?— задал вопрос предводитель. Внезапно в глазах у него пробудилась догадка. Уж не перехватил ли сенатор ту мысленную команду, которую я послал туда, к горной гряде?— подумал Олвин. Он, однако, не произнес ни слова и только молча указал рукой на северную часть неба.

Глаз едва смог уследить за тем, как серебряная игла света прочертила дугу над вершинами гор, оставив за собой многомильный свет инверсии.

В двадцати тысячах футов над Лизом она остановилась. Ей не понадобилось торможением гасить свою колоссальную скорость. Она остановилась мгновенно, и глаз, следовавший за ней, по инерции прочертил еще дугу по четверти небосклона.

С высоты обрушился чудовищный удар грома — это взревел воздух, смятый силой движения корабля. Прошло еще немного времени, и сам корабль, празднично сверкая в солнечном свете, опустился на склон холма в какой-нибудь сотне футов от них.

Трудно было сказать, кого это поразило больше, но Олвин пришел в себя первым. Вместе с Хилваром он вступил в раскрывшийся шлюз и обернулся к застывшим сенато-

рам. Его интересовало, о чем они сейчас думают, о чем, в сущности, думает сейчас весь Лиз. Выражение лиц сенаторов, однако, было таким, что, казалось, им в этот момент вообще не до того, чтобы над чем-то размышлять.

— Я отправляюсь в Шалмирейн и возвращусь в Эрли примерно через часок,— сказал Олвин.— Но это только начало, и, пока я буду там, мне хотелось бы, чтобы вы поразмыслили над одним обстоятельством.

Дело в том, что это не обычный флайер, на которых люди когда-то путешествовали в пределах своей планеты. Это космический корабль, один из самых быстрых, которые когда-либо были построены. Если вам интересно узнать, где я его обнаружил, то вы можете найти ответ в Диаспаре. Но для этого вам придется отправиться туда самим, потому что Диаспар никогда не придет к вам первым.

Он повернулся к Хилвару и подтолкнул его к внутренней двери. Тот колебался всего какое-то мгновение, потом, полюбовернувшись, кинул прощальный взгляд на холм, на траву, на небо — все такое знакомое — и пошел внутрь.

Сенаторы не отрывали глаз от корабля, пока он на этот раз достаточно медленно, поскольку путь предстоял близкий, не исчез на юге. Затем сидящий молодой человек, который предводительствовал группе, с видом философского смирения пожал плечами и повернулся к одному из своих коллег:

— Вы всегда были против того, чтобы мы стремились к каким-то переменам. И до сих пор последнее слово всегда оставалось за вами. Но теперь — я не думаю, что будущее за какой-то одной из наших фракций... И Лиз, и Диаспар — они оба завершили некий этап развития, и вопрос заключается в том, как наилучшим образом воспользоваться создавшейся ситуацией.

— Боюсь, вы правы,— последовал угрюмый ответ.— Мы вступили в полосу кризиса, и Олвин знал, что говорит, когда настаивал, чтобы мы отправились в Диаспар. Им теперь известно о нашем существовании, так что таиться больше нет никакого проку. Мне представляется, что нам лучше войти в контакт с нашими двоюродными братьями.

Весьма возможно, что мы найдем их стремящимися к сотрудничеству куда более, чем прежде...

— Но ведь подземка закрыта с обоих концов!..

— Мы можем распечатать наш. И пройдет не так уж много времени, прежде чем Диаспар сделает то же самое...

Сенаторы и те, кто находился в Эрли, и остальные, рассеянные по всей территории Лиза, взвесили его предложение и всей душой невзлюбили его. Но иного выхода, похоже, не было.

Росток, высаженный Олвином, начал расцветать быстрее, чем можно было надеяться.

...Горы еще зябли в тени, когда корабль достиг Шалмирейна. С высоты, на которой они находились, огромная чаша крепости выглядела совсем крохотной. Казалось просто невероятным, что когда-то от этого вот черного, как ночь кружка зависели судьбы Земли.

Как только Олвин приземлил корабль среди развалин на берегу озера, ледящая душу атмосфера одиночества и заброшенности охватила его. Он открыл шлюз, и тотчас мертвая тишина этого места просочилась внутрь корабля. Хилвар, который за все путешествие едва вымолвил больше десятка слов, негромко обратился к другу: "Почему ты снова пришел сюда?"

Олвин молчал, пока они не добрались до кромки воды. Только тут он ответил:

— Мне хотелось показать тебе, что это за корабль... И еще я надеялся, что полип, возможно, снова существует... У меня такое ощущение, что я перед ним в долгу, и мне очень хочется рассказать ему, что я открыл.

— В таком случае тебе придется подождать,— отозвался Хилвар.— Ты вернулся слишком рано.

Олвин был готов к такому повороту дела. Возможность того, что полип жив, была слишком слаба, и Олвин не очень огорчился тем, что его ожидания обмануты. Воды озера лежали совершенно спокойно, в них больше не бился тот напряженный пульс, что так поразил их в первое посещение.

Олвин снова опустился возле воды на колени и стал глядываться в холодную темную глубину.

Крохотные полупрозрачные колокольчики, за которыми тянулись почти невидимые щупальцы, медленно передвигались в разных направлениях под самой поверхностью. Он опустил руку в воду и зачерпнул один такой колокольчик. И тут же выплеснул его обратно, ойкнув: колокольчик его стрекнул.

Придет день — возможно, через несколько лет, а то и столетий — и эти безмозглые кусочки протоплазмы снова соберутся вместе и снова народится огромный полип, его сознание пробудится к существованию и память возвратится к нему.

Было бы интересно узнать, как примет это существо все, что ему, Олвину, удалось установить...

Быть может, ему не слишком приятно услышать правду о Мастере...

В сущности, оно, возможно, даже не захочет признать себе в том, что все эти столетия и столетия терпеливого ожидания прошли совершенно бесцельно...

Но бесцельно ли?

Хотя это существо и было обмануто, но его столь долгое бдительное терпение оказалось теперь вознаграждено.

Чуть ли не чудом оно спасло из прошлого знание, которое иначе было бы безвозвратно утрачено.

Теперь оно, распавшееся на клетки, сможет, наконец, отдохнуть, а его символ веры отправится туда, где почтили миллионы других верований, полагавших себя вечными...

19.

...Олвин ничего не делал для управления машиной. И все же они поднимались и поднимались, пока весь Лиз не распростерся под ними — зеленый остров в охряном море. Никогда раньше Олвин не забирался так высоко. Когда, наконец, корабль замер, внизу под ними лежала вся Земля. Лиз теперь был совсем крохотным — изумрудное пятнышко на ржавом лице пустыни. А далеко, у самого закругления этого полуосвещенного шара, что-то сверкало,

будто рукотворный драгоценный камень. Таким Хилвар впервые увидел Диаспар.

Они долго сидели, наблюдая, как Земля поворачивается под ними. Олвину хотелось бы показать властителям в Лизе и Диаспаре весь этот мир таким, каким он его видел сейчас.

— Хилвар,— наконец выговорил он.— А ты уверен, что то, что я делаю, правильно?

— На мой взгляд, ты прав,— медленно сказал Хилвар.— Наши два народа были разделены слишком долгое время...— Это правда, подумалось ему, хотя он и понимал, что личные его ощущения все еще противоречат такому ответу.

С уверенностью, которая выходила за пределы логики, Олвин знал, что благополучие народа требовало сосуществования двух культур. В этом случае индивидуальное счастье окажется на втором плане. На момент человечество ясно представилось ему чем-то куда более драгоценным, нежели просто фон его собственного бытия.

Мир под ними продолжал свое бесконечное вращение. Чувствуя настроение друга, Хилвар молчал, пока, наконец, Олвин сам не нарушил застоявшуюся тишину.

— Когда я в первый раз ушел из Диаспара, я понятия не имел — а что же я надеюсь найти?— сказал он.— Тогда меня вполне мог удовлетворить Лиз, и он меня порадовал, но теперь все на Земле кажется таким маленьким... Каждое сделанное мною открытие порождало все более серьезные вопросы, открывало более широкие горизонты... Где, где все это кончится?

— Робот сказал мне, что этот корабль может достичь Семи Солнц,— продолжал Олвин.— Как ты считаешь — отправиться мне туда?

— А ты что же — полагаешь, что мне удастся тебя отговорить?— вопросом негромко ответил Хилвар.

Олвин улыбнулся:

— Это не ответ. Кто знает, что лежит там, в пространстве? Может, Пришельцы и покинули Вселенную, но в ней могут оказаться и другие разумные существа, враждебные Человеку...

— С какой же стати им быть враждебными?— удивился Хилвар.— Этот вопрос наши философы обсуждали на протяжении веков. По-настоящему разумная раса просто не может быть враждебной разуму.

— Отправишься со мной?— спросил он, отлично сознавая, чего именно он просит.

Хилвар пристально посмотрел на него.

— Мог бы и не спрашивать,— ответил он.— Я сообщил маме и всем друзьям, что улетаю с тобой, и это было добрый час назад!

Они находились очень высоко, когда Олвин кончил отдавать роботу последние распоряжения. Корабль к тому времени почти остановился, и Земля лежала в тысяче миль под ним, едва не закрывая все небо. Вид у нее был какой-то неуютный.

Пауза затянулась, как если бы робот тщательнейшим образом проверял органы управления и многочисленные электрические цепи, которыми не пользовались на протяжении целых геологических эпох. Затем раздался какой-то очень слабый звук — первый, который Олвин услышал от этой машины. Это было едва различимое пение, оно быстро меняло тон — от октавы к октаве, забираясь все выше и выше, и вот уже ухо было не в состоянии его воспринимать. Они не почувствовали никакого изменения в движении корабля, но внезапно Олвин обратил внимание, что звезды поплыли по экрану. Снова появилась Земля — и откатилась назад... появилась опять, но уже в другом ракурсе. Корабль охотился за своим курсом, крутясь в космосе, как крутится стрелка компаса, когда она ищет север. Несколько минут небеса рыскали вокруг них, пока, наконец, корабль не остановился — гигантский снаряд, нацеленный на звезды. В самом центре экрана во всем своем радужном великолепии лежали Семь Солнц.

От Земли теперь остался лишь самый краешек — тонкий серпик месяца, отороченный золотом и пурпуром заката.

Ни звука не раздалось, когда произошел этот внезапный рывок, который на миг замутил зрение, но Земля исчезла, словно чья-то гигантская рука просто смела ее с небосвода. Они оказались одни в космосе — только они и

звезды, да странно съжившееся Солнце. Земля пропала, как будто ее никогда и не было.

Снова такой же рывок, но на этот раз послышался и едва уловимый звук, как будто бы только сейчас генераторы корабля отдали более или менее заметную долю своей энергии. И все же какую-то секунду казалось, что ничего не произошло. Но почти тотчас Олвин осознал, что исчезло и Солнце, а звезды медленно ползут назад вдоль корпуса корабля. Он обернулся на мгновение — и ничего не увидел. Все небо в задней полусфере просто исчезло, сметенное тьмой. Он успел заметить, как звезды срываются в эту тьму и гаснут, будто искры, падающие в воду. Корабль двигался со скоростью куда большей, чем скорость света, и Олвин понял, что родной мир Земли и Солнца им уже не принадлежит.

Когда этот внезапный головокружительный толчок произошел в третий раз, сердце у него почти остановилось. Странное затемнение зрения теперь было очевидно: на какой-то момент все окружающее, казалось, до неузнаваемости изменило свои очертания.

И в этот момент шепот генераторов корабля превратился в рев потрясающей силы. Звук этот был в особенности страшен, потому что генераторы корабля зашлись в крике протеста в первый раз. Почти тотчас же все кончилось, и внезапно наступившая тишина звенела в ушах. Устройства, приводившие корабль в движение, сделали свое дело: теперь они не понадобятся до самого конца путешествия. Звезды впереди сияли бело-голубым огнем и пропадали в ультрафиолете. И все же, благодаря какому-то чуду природы или науки, Семь Солнц видны были по-прежнему, хотя их расположение и цвет несколько изменились. Корабль стремглав неся к ним сквозь туннель тьмы, за пределами пространства, за пределами времени, и скорость его была слишком громадной, чтобы человеческий ум мог ее оценить.

Было трудно поверить, что их вышвырнуло из Солнечной системы со стремительностью, которая, если ее не обуздать, скоро пронесет корабль через самое сердце Галактики и выбросит в неимоверно пустынные и мрачные пространства за ее пределами. Именно Хилвар вслух вы-

разил их общую мысль при виде того, как Семь Солнц впереди исподволь набирали яркость.

— А ведь такое расположение звезд не может быть естественным, — задумчиво проговорил он.

Олвин кивнул:

— Я думал над этим много лет, но сама мысль об этом все еще кажется фантастической.

— Возможно, эту систему создали и не люди, — согласился Хилвар, — но все-таки она должна быть творением разума. Природе никогда бы не создать такое совершенное кольцо из звезд равной яркости. И в видимой части Вселенной нет ничего, похожего на центральное светило.

— Но... зачем же это понадобилось?..

— О, можно придумать сколько угодно причин! Вдруг это сигнал, чтобы любой корабль, проникающий в нашу Вселенную, знал, где искать жизнь?.. Или указание на центр галактической администрации? Или, может быть — и я почему-то склоняюсь именно к этому, — просто самое величественное из всех произведений искусства? Хотя, — что толку размышлять об этом сейчас... Через несколько часов мы все равно узнаем истину...

«Узнаем истину»... Очень может быть, подумал Олвин, — но какую ее часть? Казалось странным, что сейчас, когда он покидал Диаспар — а в сущности, и саму Землю, — со скоростью, выходящей за пределы самого смелого воображения, его разум обращался не к чему-нибудь, а к самой тайне его происхождения.

Но, возможно, это было не так уж и удивительно. Ведь с тех пор, как он впервые попал в Лиз, он действительно узнал очень многое, но у него и минуты свободной не было, чтобы спокойно предаться размышлениям.

А сейчас ему ничего не оставалось, кроме как сидеть и ждать. Его непосредственное будущее было в руках чудесной машины — без сомнения, одного из высших достижений инженерной мысли во все времена, — которая несла его в центр Вселенной.

Момент для размышлений и анализа, хотел он того или нет, наступил именно теперь. Но сначала он расскажет

Хилвару обо всем, что произошло с ним с момента его успешного отбытия двумя днями раньше...

Хилвар выслушал одиссею без всяких комментариев и не требуя разъяснений. Ясно было, что он немедленно схватывает все, что говорит ему Олвин, и он не выказал ни малейшего удивления, даже когда друг рассказал ему о своей встрече с Центральным Компьютером и о той операции, которую мозг города произвел над сознанием робота.

— Ясно, что Центральный получил насчет тебя какие-то специальные инструкции — еще когда его только построили, — сказал он, едва Олвин закончил свое повествование. — Теперь-то ты должен бы уже догадаться почему.

— Мне кажется, я знаю. Часть ответа сообщил мне Хедрон, когда объяснил, каким образом люди, разработавшие концепцию Диаспара, предусмотрели все, чтобы предотвратить его упадок.

— Ты считаешь, что и ты сам, и другие Неповторимые, которые были еще до тебя, все вы — часть социального механизма, который предотвращает полный застой. Так что, если Шуты — это кратковременные корректирующие факторы, то ты и тебе подобные должны работать на долгую перспективу.

Хилвар выразил эту мысль лучше, чем мог бы сам Олвин, и все же это было совсем не то, что пришло ему в голову.

— Да нет, я убежден, что истина куда более сложна. Очень уж похоже, что, когда город еще строился, произошло столкновение между теми, кто хотел отгородить его от остального мира, и теми, кто выступал за некоторые контакты Диаспара с ним. Победила первая группировка, но те, другие, не захотели признать своего поражения. И вот, мне кажется, что Ярлан Зей был, должно быть, одним из их лидеров, но он был недостаточно могущественен, чтобы выступить в открытую. Он сделал все, что мог, оставив подземку в рабочем состоянии и предусмотрев, что через длительные промежутки времени кто-то будет выходить из Зала Творения с психологией человека, ни в малейшей степени не разделяющего страхов своих сограждан. В сущности, мне вот что интересно... может быть, я и есть Ярлан Зей? Это, знаешь, вполне возможно...

Он мог внести матрицу своей личности в Хранилища Памяти, возложив на нее задачу взломать форму Диаспара, прежде чем она закостенеет. Придет день, когда я должен буду выяснить, что же случилось с предыдущими Неповторимыми. Это поможет стереть множество белых пятен в общей картине...

— И Ярлан Зей — или кто бы это ни был — также проинструктировал Центральный Компьютер оказывать Неповторимым помощь, когда бы они ни появлялись, — задумчиво произнес Хилвар, следуя его логике.

— Вот именно! Ирония в том, что я мог получить всю необходимую информацию от Центрального Компьютера и мне не нужно было бы потрошить бедного Хедрона. Мне-то Центральный сообщил бы гораздо больше, чем когда-либо рассказывал Шуту. Но все-таки Хедрон сэкономил для меня бездну времени и научил многому, до чего я сам никогда бы не додумался...

И так они спорили и мечтали, в то время как час за часом Семь Солнц расплывались в стороны, пока их кольцо не обрисовало внешние обводы этого странного туннеля тьмы, в котором мчался корабль. Затем одна за другой звезды кольца исчезли на грани черноты и, наконец, в центре экрана осталось только среднее солнце Семерки. Яркость его увеличивалась с каждой минутой, пока, наконец, оно из точки не превратилось в крохотный диск. И теперь этот жемчужный диск начал расти.

Раздалось кратчайшее из кратких предупреждений: на какое-то мгновение корабль завибрировал глубокой, колокольного тона нотой.

И снова взорвались жизнью гигантские генераторы и с внезапностью, которая почти ослепила, на небе появились все звезды. Корабль снова выпал в пространство, снова возник во Вселенной солнц и планет, в естественном мире, где ничто не может двигаться быстрее света.

Они оказались уже внутри системы Семи Солнц — огромное кольцо разноцветных шаров теперь безраздельно царило в черноте космоса. Но разве можно было назвать это чернотой! Звезды, которые были им знакомы, все привычные созвездия куда-то исчезли. А Млечный Путь теперь уже не рисовался слабой полоской тумана на одной

стороне небосвода. Он гордо пролегал теперь в самом центре мироздания и его широкое полотно делило Вселенную надвое.

Корабль все еще очень быстро двигался в направлении Центрального Солнца, а шесть остальных звезд системы были, словно разноцветные маяки, расставленные на небе. Неподалеку от ближайшей из них виднелись крохотные искорки планет — должно быть, планеты эти были невероятных размеров, если их было видно с такого расстояния.

— Ну, Олвин, у нас с тобой достаточно миров, чтобы сделать выбор,— засмеялся Хилвар.— Или ты надеешься исследовать их все?

— К счастью, в этом не будет необходимости. Если мы только сможем войти где-то в контакт, то получим всю нужную нам информацию. Логично будет направиться к самой большой планете Центрального Солнца...

...Почти потерявшись в сиянии Центрального Солнца, лежала бледная искорка, вокруг которой поблескивали совсем крохотные миры. Необъятное путешествие приближалось к концу. Через короткое время Олвину и Хилвару станет известно, не проделали ли они его впустую.

20.

Планета, к которой приближался корабль, находилась теперь от них всего в нескольких миллионах миль — красивый шар многоцветных огней. На ее поверхности нигде не могло быть темноты, потому что, по мере того как планета поворачивалась под Центральным Солнцем, по ее небу чередой проходили все другие светила системы. Теперь Олвин понял значение слов умиравшего Мастера: "Как славно смотреть на цветные тени на планетах вечного света!" Они были уже так близко, что различали континенты; океаны и слабенькую вуаль атмосферы. В очертаниях суши и водоемов тревожило что-то непонятное, и они тотчас же осознали, что границы тверди слишком уже правильны.

— Да это вовсе и не океаны!— внезапно воскликнул Хилвар.— Смотри, на них видны какие-то отметки...

Только когда планета совсем приблизилась, Олвин сумел ясно разглядеть, что имел в виду его друг. Он заметил слабые полосы, какие-то штрихи вдоль границ континентов, далеко в глубине того, что он принял за океаны. Он пригляделся и внезапно исполнился сомнением, потому что значение таких вот линий было ему слишком хорошо известно.

Он уже видел их раньше — в пустыне за стенами Диаспара, и теперь они сказали ему, что путешествие оказалось напрасным...

— Она такая же сухая, как и Земля! — упавшим голосом сказал Олвин.— Вся ее вода исчезла... вон те черточки — это полосы соли, там испарялись моря...

— Они никогда бы этого не допустили,— отозвался Хилвар.— Полагаю, что в конце концов мы опоздали...

Разочарование было столь горьким, что Олвин просто не решался заговорить снова, боясь, что голос выдаст его, и только молча смотрел на огромный мир, расстилающийся впереди. С поражающей воображение медлительностью поворачивалась планета под кораблем, ее поверхность величественно поднималась им навстречу. Теперь уже были видны и здания — крохотные белые инкрустации всюду, кроме дна океанов.

Когда-то этот мир был центром Вселенной. Теперь он умер, его воздушное пространство пустовало и на его поверхности не было видно спешащих точек, которые свидетельствовали бы о том, что здесь кипит жизнь.

Наконец корабль остановился, как если бы робот внезапно нашел в памяти то, что нужно, добравшись до самых ее глубин. Под ними высилась колонна снежно-белого камня, рвущаяся вверх из самого центра амфитеатра невероятных размеров. Олвин немного подождал. Корабль оставался неподвижным, и он приказал роботу приземлится его у подножья колонны. Даже до сих пор Олвин втайне еще надеялся обнаружить на этой планете жизнь. Надежда исчезла, едва был открыт воздушный шлюз. Никогда раньше, даже в уединении Шалмирейна, не охватывала их такая вот всепоглощающая тишина. На Земле всегда

можно было уловить шорох голосов, шевеление живых существ или, на худой конец, вздохи ветра. Здесь ничего этого не было и уже не будет никогда...

— Почему ты привел нас именно к этому месту?— спросил Олвин робота.

— Мастер покинул планету из этой точки,— ответил робот.

— Именно такого объяснения я и ждал,— сказал Хилвар.— Неужели до тебя не доходит ирония происходящего? Он бежал из этого мира всеми оплеванный — а теперь взгляни на мемориал, который воздвигли в его честь!

Каменная колонна, возможно, в сотню раз превышала рост человека и стояла в центре металлического кольца, слегка приподнятого над уровнем равнины. Она была совершенно гладкая, без каких бы то ни было надписей. Сколько же времени, подумалось Олвину, собирались здесь околпаченные этим Мастером, воздавая ему почести? Знали бы они, что он умер в изгнании на далекой Земле...

Все это теперь не имело никакого значения. И сам Мастер, и его паства были погребены вечностью.

Хилвар пытался вывести Олвина из подавленного состояния: "Мы же половину Вселенной пересекли, чтобы увидеть это место. Уж по крайней мере ты мог бы сделать над собой усилие и выйти наружу".

Против своего желания Олвин улыбнулся и вслед за Хилваром миновал шлюз. Впрочем, когда он оказался снаружи, настроение его стало мало-помалу подниматься. Даже если этот мир и был мертв, в нем должно найтись немало интересного, такого, что позволит ему раскрыть некоторые загадки прошлого.

Воздух был какой-то затхлый, но вполне пригодный для дыхания. Несмотря на множество солнц на небе, жары не чувствовалось. Заметное тепло источал только белый диск Центрального Солнца, но и оно, казалось, теряло свою силу, проходя сквозь туманную дымку вокруг звезды. Другие же солнца давали свою долю света, но никак не тепла.

Понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что обелиск ни о чем им не поведает. Упрямый материал, из которого он был сделан, ясно демонстрировал отмети-

ны, оставленные временем. Кромки каннелюр округлились, а металл, на котором он покоился, был истерт миллионами ног тьмы поколений пилигримов и просто любопытствующих. Странно было думать, что они двое, возможно, являются последними из миллиардов человеческих существ, когда-либо стоявших на этом месте. Хилвар уже хотел было предложить вернуться на корабль и перелететь к ближайшему из расположенных в окрестностях обелиска зданий, когда Олвин заметил длинную, узкую трещину в мраморном полу амфитеатра. Они прошли вдоль нее на значительное расстояние, и трещина все время расширялась. Наконец она стала так широка, что уже нельзя было встать, поставив ноги на ее края.

Еще несколько секунд ходьбы — и они оказались возле того, что ее породило. Поверхность амфитеатра здесь была расколота и разворочена, образуя огромное углубление длиной более чем в милю. Не требовалось ни особой догадливости, ни сильного воображения, чтобы установить причину. Столетия назад — хотя, несомненно, уже много времени спустя после того, как этот мир был покинут, — какая-то огромная цилиндрическая форма некоторое время покоилась здесь, а затем снова ушла в пространство.

Кто они были? Откуда пришли? Олвин мог только смотреть и догадываться. Ответа ему не узнать, поскольку он разминутся с этими ранними посетителями на тысячу, а то и на миллион лет...

В молчании они двинулись обратно к своему кораблю. Каким малюткой выглядел бы он рядом с тем, чудовищных размеров межзвездным скитальцем, который когда-то лежал здесь!

Медленно заскользил корабль над всей этой местностью, пока не приблизился к самому удивительному из зданий, рассеянных по ней. Когда они приземлились перед изукрашенным входом, Хилвар указал на то, что Олвин заметил и сам:

— Не очень-то эти здания безопасны! Погляди, сколько тут попадало камней — да это чудо, что они еще стоят! Будь на этой планете бури, здания уже столетия назад сравнялись бы с землей... Не думаю, что будет мудро — входить в какое-то из них...

— А я и не собираюсь. Пошлем робота — он движется куда быстрее нас, ни за что не зацепится и не обрушит на себя крышу...

Хилвар такую предосторожность одобрил, но настаивал и еще на одной, которой Олвин не предусмотрел. Прежде чем робот отправился в разведку, Олвин приказал записать в память искусственного мозга корабля полный набор команд для возвращения на Землю, если бы что-то стряслось с их пилотом.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что этот мир ничего не в силах им предложить. Сидя перед экраном, они милю за милей наблюдали пустынные, обросшие пылью коридоры и проходы, которые проплывали перед ними по мере того, как робот исследовал эти безлюдные лабиринты.

Все здания, построенные разумными существами, какой бы формы они ни были, должны соответствовать определенным законам, и спустя некоторое время даже самые чужеродные архитектурные формы перестают вызывать удивление, мозг словно бы гипнотизируется бесконечными повторениями. Здания на планете, похоже, предназначались исключительно для жилья, и существа, некогда обитавшие здесь, по своим размерам приблизительно соотносились с человеком. Очень может быть, что они и были людьми. Верно, что в зданиях было очень много комнат и помещений, проникнуть в которые могли только летающие существа, но это вовсе не означало, что сами строители зданий были крылатыми. Они могли пользоваться индивидуальными гравитационными устройствами, которые когда-то были широко распространены, но от которых сейчас в Диаспаре не осталось и следа.

— Мы можем потратить миллионы лет, исследуя эти здания, — очнулся, наконец, Хилвар. — Ясно же, что их не просто бросили — их скрупулезнейшим образом освободили от всего ценного, что они могли содержать. Мы только зря тратим время.

— А что ты предлагаешь?

— Хорошо бы осмотреть еще два или три района планеты и убедиться, что все они один к одному — как я ожидаю. Потом нам следует так же быстро ознакомиться с

другими планетами, приземляясь только в том случае, если мы заметим что-нибудь необычное. И это все, что мы можем сделать, если только не собираемся оставаться тут до конца наших дней...

Это было достаточно разумно. Они намеревались войти в контакт с мыслящими существами, а вовсе не археологическими раскопками заниматься.

Первую задачу можно было выполнить за несколько дней — если она вообще была выполнима. Последняя потребовала бы столетий труда целых армий людей и роботов.

Двумя часами позже, покружив над планетой и ничего не обнаружив, они покинули ее пределы и были рады, что так поступили. Олвин решил, что даже в те времена, когда она еще цвела жизнью, мир бесконечных зданий был достаточно гнетущ. Они не встретили ни следа парков или открытых пространств, на которых могла произрастать какая-нибудь растительность. Это был абсолютно бесплодный мир и им трудно было представить себе психологию существ, которые его населяли. Олвин решил, что если следующая планета очень уж похожа на эту, он, скорее всего, тут же свернет поиски.

Она не была очень похожей. Более того — контраст разительнее трудно было бы и представить.

Эта планета находилась ближе к солнцу и даже из космоса выглядела знойной. Часть ее покрывали низко летящие облака, что указывало на обилие воды, но океанов и следа не было. Не отмечалось и никаких признаков разумной жизни; они дважды облетели планету и не увидели ни единого создания рук человеческих. Весь ее шар — от полюсов до экватора — был покрыт ковром яркой зелени.

— Думаю, что здесь нам надо быть очень и очень осторожными, — заметил Хилвар. — Это живой мир, и мне совсем не нравится цвет здешней растительности. Разумнее всего будет оставаться в корабле и совсем не открывать шлюз...

— И даже не высылать робота на разведку?

— Вот именно. Ты просто не знаешь, что такое болезни, и, хотя мой народ и умеет с ними бороться, мы уж больно далеко от дома. Кроме того, здесь могут встретиться и та-

кие опасности, о которых мы просто не подозреваем... Знаешь, мне кажется, что это мир, который сошел с ума... Когда-то, возможно, он весь был большим садом или парком, но потом его забросили и природа снова взяла свое. Он просто не мог быть таким, как сейчас, когда вся эта звездная система была обитаема.

В правоте Хилвара Олвин не сомневался. Было что-то зловещее и враждебное всему порядку и правильности, на которых зиждились Лиз и Диаспар, в этой биологической анархии внизу. Миллиард лет здесь ярилась непрекращающаяся битва. И было бы проявлением мудрости опасаться тех, кто в ней выжил.

Осторожно пробирались они в своем корабле вдоль обширного, ровного плато, такого однообразного, что это немедленно поставило перед ними загадку. Плато оказалось обрамлено более приподнятой местностью, сплошь поросшей деревьями, о высоте которых можно было только догадываться — стояли они так тесно и были так погружены в подлесок, что стволов просто не было видно. В верхней части крон роилось огромное число каких-то крылатых существ. Но они двигались так быстро, что определить, кто это — птицы или насекомые, или не то и не другое, — было невозможно.

То тут, то там какой-нибудь лесной исполин ухитрялся вскарабкиваться на несколько десятков футов над соперничающими с ним соседями, которые немедленно образывали короткое сотрудничество с тем, чтобы свалить его и уничтожить набранное нахалом преимущество. Это была безмолвная война и велась она слишком медленно, чтобы быть заметной глазу, но понимание, что здесь непрерывно идет безжалостный, жесточайший конфликт, было ошеломляющим.

По сравнению с лесом плато казалось скучным, не обремененным никакими событиями. Оно было плоским, если не считать нескольких дюймов перепада по высоте между одним краем и другим, и простиралось до самого горизонта. Было похоже на то, что оно заросло редкой, напоминающей проволоку травой. Они опустились над ним до высоты в пятьдесят футов, но не разглядели никаких признаков животной жизни, что, по мнению Хилвара, бы-

ло несколько странно. Они висели над самой поверхностью, пока Олвин пытался убедить Хилвара, что открыть воздушный шлюз совсем безопасно, а тот терпеливо объяснял ему, что такое вирусы, бактерии и грибки, и Олвин не мог их себе вообразить и еще меньше был способен понять, какое они имеют к нему отношение. Спор длился уже несколько минут, когда они не без любопытства отметили, что экран, который только что исправно показывал им панораму леса, стоящего стеной впереди, погас...

— Это ты его выключил?— спросил Хилвар, как обычно, на мгновение опередив Олвина.

— Да нет,— ответил Олвин, и мурашки побежали у него по спине, как только в голову ему пришло единственно возможное объяснение.— А ты не выключал?— обратился он к роботу.

— Нет,— эхом его слов прозвучал ответ.

Со вздохом облегчения Олвин отбросил мысль о том, что робот мог начать действовать по собственному разумению, что машина подняла мятеж на борту корабля.

— Так почему же экран не работает?— спросил он.

— Рецепторы изображения оказались закрыты.

— Не понимаю,— бросил Олвин, забыв в эти мгновения, что робот способен действовать только по прямому указанию и отвечать только строго в рамках заданного ему вопроса. Он быстро поправился:

— Чем закрыты?

— Мне неизвестно.

Точная краткость работа порой может привести в отчаяние не менее глубокое, чем многословие некоторых людей. Прежде чем Олвин собрался с силами, чтобы продолжить допрос, в бесплодный разговор вмешался Хилвар.

— Скажи ему, чтобы он поднял корабль, но медленно,— посоветовал Хилвар, и в голосе у него прозвучала нота настойчивости.

Олвин повторил команду. Как всегда, они не ощутили движения. Изображение медленно опять появилось на экране, хотя некоторое время еще оставалось расплывшим-

ся и искаженным. Но они увидели достаточно, чтобы закончить спор о воздушном шлюзе.

Ровное плато уже не было ровным. Прямо под ними сформировалась чудовищная выпуклость, разодранная на самой вершине — в том месте, где корабль выпрастался из цепких объятий. Огромные ложноножки в ярости хлестали во всех направлениях над провалом, пытаясь вновь ухватить добычу, которая только что ускользнула из их объятий. Глядя на все это с изумлением, к которому примешивалась и немалая доля страха, Олвин успел заметить какое-то пульсирующее алое отверстие, возможно — ротовое, обрамленное хлыстообразными щупальцами, которые бились в унисон, отправляя все, что к ним попадало, в зияющую пасть.

Лишившись своей жертвы, неведомое существо медленно погружалось в землю, и только теперь Олвин понял, что плато внизу оказалось всего лишь тонкой ряской на поверхности загнившего моря.

— Что это за штука?— едва вымолвил он.

— Вряд ли я смогу дать точный ответ,— деловито сказал Хилвар.— Это, может статься, какая-то форма примитивной жизни, что-нибудь вроде родственника нашего друга в Шалмирейне. Я ничуть не сомневаюсь, что это совершенно безмозглая тварь, иначе бы она не решилась сожрать космический корабль.

Олвина трясло, хотя умом он и понимал, что опасность им не угрожает. Он некоторое время пофантазировал о том, кто еще может жить там, внизу, под этой невинной ряской, которая так и звала опуститься на нее и пробежаться по ее упругой поверхности.

— Я мог бы провести здесь время с немалой пользой,— заявил Хилвар, совершенно зачарованный тем, что он только что увидел.— Эволюция, надо думать, пришла в этих условиях к очень интересным результатам. И не только эволюция, но и обратный ей процесс деволюции — когда высшие формы жизни начали деградировать после того, как планета была оставлена разумными обитателями. Сейчас здесь, должно быть, достигнуто равновесие и... Ты не собираешься улетать немедленно?— голос его, по мере

того, как ландшафт внизу становился все мельче и мельче, звучал особенно жалостливо.

— Вот именно — собираюсь, — ответил Олвин. — Я видел мир, на котором не было никакой жизни, и мир, где ее слишком много, и я не знаю, какой из них не понравился мне больше...

В пяти тысячах футов над поверхностью плато планета преподнесла им последний сюрприз. Они встретили целую флотилию огромных мешковатых пузырей, плывших по ветру. Из каждого полупрозрачного мешка свешивались щупальцы, образуя своего рода перевернутый лес. Некоторые растения в попытке избежать смертоубийственных конфликтов на поверхности планеты приноровились жить в воздухе! Благодаря какому-то чуду адаптации, они научились производить водород и запасать его в пузырях, что позволило им подняться в совершенно безопасные слои нижней части атмосферы.

И все же безопасность эта полной не была. Их перевернутые стволы и ветви буквально кишели целыми выводками каких-то паукообразных животных, которые, должно быть, всю свою жизнь проводили в воздухоплавании, продолжая всеобщую битву за существование на своих изолированных воздушных островах. Весьма вероятно, что время от времени у них случается контакт с Землей. Олвин увидел, как один огромный пузырь внезапно лопнул и стал падать, причем разъехавшаяся оболочка действовала как грубое подобие парашюта. Мимолетно он задался вопросом — случайность ли это или же какая-то стадия жизненного цикла странных созданий.

...На пути к следующей планете Хилвар вздремнул. По какой-то причине, которую робот никак не мог объяснить, корабль двигался медленно — по крайней мере по сравнению с той скоростью, с которой он пронзал Вселенную. Им понадобилось почти два часа, чтобы достичь того мира, который Олвин выбрал для третьей остановки, и он был несказанно удивлен, что простое межпланетное путешествие потребовало такого срока.

Хилвара он разбудил, когда они уже погрузились в атмосферу.

— Ну и как тебе это нравится? — Он указал на экран.

Под ними простирался унылый пейзаж, окрашенный в серые и черные тона, нигде не было видно ни малейших признаков растительности или других прямых свидетельств существования жизни. Свидетельства были косвенными: низкие холмы и неглубокие долины несли на себе прекрасно сформированные полусферы, многие из которых располагались по сложным симметричным линиям.

Предыдущая планета научила их осторожности. Поэтому, тщательно взвесив все возможные последствия, они остались висеть в атмосфере, а вниз на расследование послали робота. Его-то глазами они и увидели, когда одна из биосфер начала приближаться, пока робот не завис всего в нескольких футах над ее абсолютно гладкой поверхностью, на которой глазу не за что было зацепиться.

Не виднелось и следа чего-нибудь похожего на вход, ничто и намек не давало на цель, которой должно служить это сооружение. Оно оказалось достаточно велико — более сотни футов в высоту. Другие из полусфер были еще выше.

После некоторого колебания Олвин приказал роботу двинуться дальше и прикоснуться к куполу. К его несказанному изумлению робот отказался повиноваться приказу. Уж это-то, действительно, был мятеж — по крайней мере, так показалось сначала.

— Почему ты не выполняешь мой приказ?— спросил Олвин, когда немного опомнился от изумления.

— Запрещено,— последовал ответ.

— Кем запрещено?

— Я не знаю.

— Тогда как же... Нет, можешь не отвечать. Был ли этот запрет встроен в тебя?

— Нет.

Это устраняло одну из возможностей. Строители куполов могли оказаться создателями робота и включить табу в число фундаментальных принципов аппарата.

— Когда ты воспринял этот запрет?

— Когда приземлился.

Олвин повернулся к Хилвару. Свет новой надежды блистал в его глазах:

— Здесь есть разум! Ты его не чувствуешь?

— Нет, — ответил Хилвар. — Эта планета представляется мне такой же мертвой, как и первая.

— Я выйду и присоединюсь к роботу! Что бы это ни было — то, что говорит с ним, оно может поговорить и со мной...

Хилвар не стал спорить, но на лице у него не отразилось ни малейшего энтузиазма по поводу этой идеи. Они посадили корабль в сотне футов от купола, поближе к роботу, и открыли шлюз.

Олвин отлично знал, что шлюз не может быть открыт до тех пор, пока мозг корабля не убедится в том, что атмосфера за бортом пригодна для дыхания. Какое-то мгновение ему казалось, что мозг ошибся: слишком разрежен был воздух, слишком мало кислорода доносил он до легких. Затем, вздохнув поглубже, Олвин обнаружил, что кислорода вполне достаточно, чтобы продержаться несколько минут, — на большее его не хватит.

Тяжело дыша, они подошли к роботу у закругляющейся стены загадочного купола. Шаг..., еще шаг — и они разом остановились, будто настигнутые внезапным ударом. В мозгу каждого, как гулкий гром гигантского колокола, прозвучала единственная фраза: "Опасно! Не подходить!"

И все. Это были не слова, а чистая мысль. Олвин был уверен, что любое существо, каков бы ни был уровень его развития, получит здесь то же самое предупреждение в том же самом неизменном виде — прямо в сознание.

Это было предупреждение, а не угроза. И Хилвар, и Олвин каким-то образом поняли, что оно не направлено против них, более того, служит их защите. Оно как бы говорило: здесь находится нечто невообразимо опасное, и мы, его создатели, полны желания никому не причинять вреда... Молодые люди отошли на несколько шагов и посмотрели друг на друга: каждый ждал, чтобы другой сказал первым, о чем он сейчас думает. Хилвар подытожил:

— Я оказался прав. Никакой разумной жизни здесь нет. А предупреждение это — автоматическое, оно включилось самим нашим присутствием, когда мы приблизились к дозволенной границе.

Олвин кивнул, соглашаясь:

— Но интересно, а что они защищают? Под этими куполами могут оказаться дома, все, что угодно...

Нам никак этого не узнать, если у каждого купола нас будут просить отойти. Но ведь как интересно — я про все эти различия между тремя планетами! Они все забрали с первой... Они оставили вторую, не позаботившись о ней ни на вот столько... Но тут они озаботились сверх всякой меры!.. Может и так быть, что они надеялись в один прекрасный день возвратиться и хотели, чтобы к возвращению было все готово...

— Но ведь они так и не вернулись, а было это все так давно...

— Может, они передумали...

Странно, пришло в голову Олвину, как оба они — и Хилвар, и он сам — бессознательно стали пользоваться этим словом... Кто бы и что бы «они» ни были, их присутствие сильно ощущалось на той, первой планете и еще более сильно — здесь. Перед ними находился мир, который тщательнейшим образом упакован и отложен про запас, пока не понадобится снова...

— Пошли к кораблю, — предложил Олвин. — Я и дышать-то здесь толком не могу!

Как только шлюз за ними закрылся и они снова почувствовали себя в своей тарелке, наступило время обсудить дальнейшие шаги. Детальное исследование планеты предполагало проверку огромного числа куполов в надежде, что удастся найти такой, который не станет предупреждать об опасности и в который можно будет проникнуть.

Если эта попытка провалится, тогда... Впрочем, Олвин и думать не захотел о такой возможности, пока обстоятельства не заставят его смириться с неизбежным.

С этими самыми обстоятельствами он столкнулся менее чем через час и куда более драматическим образом, чем ему могло представиться. Они послали робота более чем к десятку куполов — всякий раз с тем же результатом, — пока не натолкнулись на сцену, которая в этом аккуратном, тщательно запечатанном мире не лезла буквально ни в какие ворота. Перед ними предстала широкая долина, там и сям испятнанная этими дразнящими, непроницаемыми куполами. В центре ее был виден — перепутать это было не-

возможно ни с чем — шрам огромного взрыва, который разметал обломки во всех направлениях на многие мили и прожег в поверхности планеты глубокий кратер. И рядом с этим кратером валялись останки космического корабля.

21.

Они приземлились совсем рядом с местом этой древней трагедии, щадя дыхание, двинулись к гигантскому остовам, возвышающемуся над ним. Лишь одна короткая секция — может быть, это была корма — осталась от корабля, все остальное, надо полагать, было уничтожено взрывом. Когда они приблизились к тому, что осталось от катастрофы, у Олвина сформировалась догадка, постепенно перешедшая в уверенность.

— Послушай, Хилвар,— сказал он, думая, как же это трудно здесь — идти и разговаривать в одно и то же время,— мне кажется, это тот самый корабль, который приземлялся на первой планете, там, у обелиска...

Не желая тратить дыхание, Хилвар только кивнул. Ему в голову пришла та же мысль. Это был прекрасный предметный урок для неосторожных посетителей, подумалось ему. Он надеялся, что Олвин этот урок усвоит.

Они подошли к корпусу корабля и стали разглядывать его обнаженные внутренности. Это было все равно, что смотреть внутрь огромного здания, грубо разваленного надвое. Полы, стены, потолки, вскрытые ножом взрыва, являли глазу изуродованный план поперечного сечения. Какие странные существа, думал Олвин, лежат в обломках, там, где застигла их смерть?

— Непонятно...— внезапно произнес Хилвар.— Эта вот часть страшно повреждена, но, в сущности, не затронута взрывом. А где же все остальное? Он что — переломился еще в космосе и эта секция рухнула сюда?

Ответ они узнали не прежде, чем послали робота снова заняться исследованиями, да и сами внимательно изучили пространство вокруг обломка. На небольшой возвышенности неподалеку от корпуса корабля Олвин обнаружил ли-

нию холмиков, каждый из которых был длиной не более десяти футов.

— Выходит, они опустили и пренебрегли предупреждением,— задумчиво сказал Хилвар.— Их распырало любопытство, как и тебя. И они попытались вскрыть один из куполов...

Он указал на противоположную стену кратера, на гладкую, по-прежнему ничем не отмеченную скорлупу купола, внутри которой создатели этого мира запечатали свои сокровища. Но это уже не было куполом. Теперь это была уже почти полая сфера, потому что грунт из-под нее вымело взрывом.

— Они погубили свой корабль и многие из них были убиты. И все же, несмотря на это, они умудрились подремонтироваться и снова улететь, отрезав эту вот секцию и забрав из нее все более или менее ценное. Какой же это, должно быть, труд!

Олвин почти не слышал его. Он пристально разглядывал странное сооружение, которое, собственно, и привлекло его сюда. Это был высокий столб, пронзавший горизонтальный круг, расположенный на трети его высоты, считая от вершины. Как ни странно, как ни незнакомо было это устройство, что-то в Олвине отзывалось на него.

Под этими камнями, если бы он потревожил покой спящих там, находился ответ по меньшей мере на один из его вопросов. Но ему предстояло остаться неотвеченным. Кто бы ни были эти существа, они заслужили право покоиться в мире.

Хилвар едва расслышал слова, которые Олвин прошептал, когда они медленно возвращались к своему кораблю:

— Надеюсь, они добрались до дома,— сказал его друг.

— И куда же теперь?— спросил Хилвар, когда они снова очутились в космосе.

Прежде чем ответить, Олвин долго в задумчивости смотрел на экран.

— Ты что — считаешь, что нам надо возвращаться?— вопросом на вопрос ответил он.

— Это было бы только разумно. Удача нам теперь может изменить, и кто знает, какие еще сюрпризы подготовили нам другие планеты?

Это был голос рассудка и осторожности, и Олвин теперь был склонен придавать ему куда больше значения, чем несколькими днями раньше. Но слишком уж долгий путь лежал за его спиной и он всю жизнь ждал этого момента. Он не мог повернуть вспять, когда оставалось увидеть еще столь многое.

— Отныне мы будем оставаться в корабле. И нигде не станем приземляться,— сказал он.— Уж это-то будет достаточно безопасно, и говорить нечего...

На этот раз перед ними лежал двойной мир — колоссальных размеров планета со спутником, обращающимся вокруг нее. Сама планета, казалось, была двойняшкой той, второй, на которой они уже побывали, — и ее покрывала такая же ядовитая зелень. Садиться здесь не было никакого смысла.

Олвин опустил корабль поближе к поверхности спутника. Ему не потребовалось предупреждения механизма защиты, чтобы понять, что атмосферы здесь нет.

Все тени обрисовывались резко и не было никакого перехода от ночи к дню. Это был первый мир, на котором они увидели какое-то подобие ночи, потому что в том месте, где они легли на круговую орбиту, над горизонтом стояло только одно из наиболее удаленных солнц. Пейзаж был залит унылым красным светом.

Миля за милей летели они над вершинами гор, которые оставались столь же островерхими, как и в далекие времена своего рождения. Это был мир, в котором не существовали такие понятия, как эрозия и перемены, который никогда не подвергался разрушению ветрами или потоками дождевой воды.

Здесь не требовалось Хранилищ Памяти, чтобы все элементы этой первозданной планетки сохранились нетронутыми. Но если здесь не было воздуха, то, значит, не было и жизни? Или же она все же могла существовать?

— Конечно, в этой идее, с точки зрения биологии, нет ничего абсурдного,— сказал Хилвар, когда Олвин задал ему этот вопрос.— Жизнь не может возникнуть в безвоздушном пространстве, но она в состоянии развиться в формы, способные в нем выжить.

Надо думать, во Вселенной это происходило многие миллионы раз, когда обитаемые планеты теряли вдруг свою атмосферу.

— Значит, по-твоему, в вакууме могут существовать и разумные формы жизни? Но разве они сумеют обезопасить свою планету от потери воздуха?

— Сумеют, если это произойдет — я имею в виду катастрофу с атмосферой — уже после того, как они достигнут достаточно высокой стадии развития, чтобы предотвратить такое. Но если атмосфера испарится, когда они еще примитивны, им придется либо приспособиться, либо исчезнуть. После адаптации они могут достигнуть весьма высокой стадии интеллектуального развития. В сущности, это неизбежно: они станут исключительно изобретательными...

Ну, а если говорить об этой вот планете, то это аргумент чисто абстрактный, решил Олвин. Не было видно ни малейшего доказательства того, что когда-то здесь существовала жизнь — разумная или какая иная. Но в таком случае, каково же предназначение этого мирка? Вся множественная система Семи Солнц — теперь он был в этом совершенно убежден — была искусственного происхождения, и этот вот мир тоже должен быть частью великого замысла. По правде сказать, планетка могла служить и чисто украшательским целям — просто, чтобы обеспечить луну в небе своего гигантского «хозяина». Но даже в этом случае представлялось вероятным, что ей придумали бы и еще какую-нибудь функцию.

— Посмотри-ка! — воскликнул Хилвар, указывая на экран. — Вон там, справа...

Олвин изменил курс корабля, и пейзаж накренился. Освещенные красным скалы словно бы размывались скоростью. Затем изображение стабилизировалось. И они увидели, что внизу проносилось неопровержимое свидетельство чьей-то разумной деятельности.

Неопровержимое — и в то же время обманчивое. На этот раз оно явилось им в виде редкого ряда стройных колонн, каждая из которых находилась от соседней футов в сотне, а высотой была вдвое больше. Колонны уходили вдаль, перспектива гипнотически уменьшала их все силь-

нее и сильнее, пока, наконец, горизонт не поглощал их совершенно.

Олвин бросил корабль вправо, и они помчались вдоль линии колонн. Он напряженно размышлял, для чего же они могли предназначаться. Все они были абсолютно одинаковой конструкции и непрерывной линией шагали через нагромождения скал и долины, и не было никаких признаков того, что они когда-то поддерживали. Они были гладкими и скучными и к вершине чуть сужались.

Неожиданно череда этих столбов вдруг изменила направление под прямым углом. Олвин проскочил несколько миль, прежде чем среагировал и смог положить корабль на новый курс.

Колонны тянулись все тем же непрерывным забором, перечеркивая пейзаж, все на том же расстоянии одна от другой. Затем, милях в пятидесяти от первого поворота, они снова резко свернули под прямым углом. Если дело и дальше так пойдет, подумал Хилвар, то скоро мы очутимся там, откуда начали...

Бесконечная череда колонн так заворожала друзей, что, когда ей пришел конец, они оказались уже во многих милях от этой последовательности. Только тогда Хилвар закричал и заставил Олвина, который ничего не заметил, повернуть назад. Они медленно снизились, и, пока кружили над тем, что обнаружил Хилвар, у каждого в уме стала оформляться фантастическая догадка. И сначала ни тот, ни другой не решались высказать ее вслух.

Пара колонн была сломана у самого основания. Они лежали там же, где стояли. Но и это было еще не все: две колонны, граничащие с образовавшимся просветом, были согнуты в наружном направлении какой-то неодолимой силой...

От вывода, который внушал трепет, просто некуда было деться. Теперь Олвин понял, над чем они летели. В Лизе такие вещи он видел достаточно часто, но до сих пор поразительная разница в масштабах мешала ему узнать очевидное.

— Хилвар... ты знаешь, что это такое?— спросил он, все еще с трудом пытаясь выразить свою мысль словами.

— Слушай, в это, конечно, трудно поверить, но... мы летели по периметру загона... Эти колонны — загородка, которая здесь вот не оказалась достаточно надежной...

— Люди, которые держат домашних животных, должны позаботиться, чтобы загоны были крепкими,— назидательно молвил Олвин, стараясь нервным смешком прикрыть замешательство.

Хилвар никак не отозвался на вымученную шутку. Насупив в раздумье брови, он глядел на сломанную ограду.

— Нет, не понимаю!— очнулся он наконец.— Откуда на такой планете, как эта, оно могло добывать себе пищу? И почему оно вырвалось на свободу?

Эх, много бы я дал, чтобы только узнать, что же это за животное...

— Может, его здесь забыли и оно вырвалось на свободу, потому что проголодалось,— предположил Олвин.— Или что-то могло вывести его из себя...

— Давай-ка снизимся,— предложил Хилвар.— Мне хочется одним глазом взглянуть на грунт.

Они снижались до тех пор, пока корабль едва не коснулся голых скал, и только тогда заметили, что плато было испятнано бесчисленным множеством мелких дырочек диаметром не более дюйма или двух. Снаружи загона, однако, поверхность была свободна от этих загадочных отметин. Они исчезали сразу же за линией колонн.

—Ты прав, оно было голодно,— согласился Хилвар.— Но это было не животное. Правильнее будет назвать его растением. Оно выело все питательное в своем загоне и ему понадобилось искать новое пастбище. Должно быть, оно двигалось очень медленно. Может быть, ему потребовались годы, чтобы сломать эти столбы...

Воображение Олвина быстро дополнило эту картину деталями, которых он доподлинно знать не мог. Он не сомневался, что анализ Хилвара, в основном, был правильным и что этот ботанический монстр,двигающийся, возможно, слишком медленно, чтобы его движение могло быть отмечено взглядом, выиграл неспешную, но бескомпромиссную схватку с барьером, который встал на его пути.

Он и сейчас мог быть еще жив, блуждая, где ему заблагорассудится, по поверхности планеты. Искать его, впрочем, было бы безнадежной задачей, потому что в его распоряжении были многие миллионы квадратных миль. Безо всякой надежды на успех они прочесали поверхность в пределах нескольких квадратных миль неподалеку от проема в загородке и обнаружили всего-навсего огромное круглое пятно там, где это существо, по всей видимости, останавливалось покормиться, — если только можно было приложить это выражение к организму, который извлекал необходимые ему питательные вещества из монолитной скалы.

Когда они снова поднялись в пространство, Олвин почувствовал, как его охватывает странная усталость. Увидеть столь многое, а узнать так мало... На всех этих планетах изобилие чудес, но то, что он искал, покинуло их в незапамятные времена.

Он понимал, что лететь к другим мирам Семи Солнц — дело безнадежное. Даже если во Вселенной и существовала еще разумная жизнь, где теперь было ее искать? Он глядел на звезды, пылью рассыпанные по экрану корабля, и его мучила мысль, что время, оставшееся в его распоряжении, не позволяет ему исследовать их все.

Чувство одиночества и подавленности, какого он до сих пор не испытывал, затопило его. Теперь ему стал понятен ужас Диаспара перед непомерными просторами Вселенной, ужас, заставляющий его сограждан тесниться в микрокосме их города. Трудно было смириться с тем, что в конечном счете правы оказались они...

Он повернулся к Хилвару, ища поддержки. Но Хилвар стоял, крепко сжав кулаки, и в глазах у него застыло какое-то неживое выражение. Голова была склонена на сторону; казалось, он прислушивается к чему-то, напрягая все свои чувства, пытаясь проникнуть разумом в пустоту, простирающуюся вокруг них.

—Что это с тобой?— с тревогой спросил Олвин. Ему пришлось повторить вопрос, и только тогда Хилвар выказал признаки того, что слышал Олвина. Но, даже отвечая другу, он все еще смотрел в никуда.

— Что-то приближается,— медленно проговорил он.— Что-то такое, чего я никак не могу понять...

Олвину показалось, что в корабле внезапно похолодало. Ужас перед Пришельцами вынырнул откуда-то из глубин мозга и на миг затуманил сознание. Усилием воли, на которое потребовалась вся его энергия, он подавил в себе горячую волну паники.

— Они... дружелюбны?— спросил он.— Или нам следует немедленно бежать на Землю?

Хилвар не ответил на первый вопрос — только на второй. Голос его был очень слаб, но в нем не звучало и малой тревоги или страха. В голосе, скорее, были любопытство и изумление, как если бы ему встретилось нечто удивительное, что теперь просто недосуг откликаться на тревогу Олвина.

— Ты опоздал,— сказал он.— Это уже здесь...

... Не раз и не два повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Вэйнамонд осознал себя. Он мало помнил о тех давних-предавних временах и о созданиях, которые пестовали его, но до сих пор в памяти осталось чувство безутешности, которое он испытал, когда они ушли и оставили его одного среди звезд... И вот на протяжении веков и веков, прошедших с тех пор, он блуждал от звезды к звезде, исподволь развивая и обогащая свои способности. Когда-то он мечтал о том, чтобы снова отыскать тех, кто позаботился о нем при рождении. И хотя сейчас эта мечта и потускнела, он все еще не хотел отказываться от нее совсем.

На бесчисленных планетах нашел он останки, в которые обращалась жизнь, но разум обнаружил только однажды. От Черного Солнца он в ужасе бежал... А Вселенная была громадна, и поиск его едва начался!

И хотя далеко это было — и в пространстве, и во времени, — гигантский поток энергии, истекающий из самого сердца Галактики, взывал к Вэйнамонду через пропасти световых лет. Он резко отличался от радиации звезд и появился в поле сознания так же неожиданно, как неожиданно прочерчивает небо планеты бог весть откуда взявшийся метеор. По пространству и по времени двигался Вэйнамонд навстречу ему, к последнему моменту его

существования, снимая с него — он знал, как это делать, — мертвый, неизменяемый рисунок прошлого.

... Длинная металлическая форма с бесконечно сложной структурой, которую он никак не мог постичь, потому что она была столь чужда ему, как почти все объекты физического мира... Вокруг нее все еще витал призрак силы, которая влекла его через Вселенную, но теперь это ему было неинтересно. Осторожно, с оглядкой дикого зверя, который в случае опасности готов немедленно обратиться в бегство, он потянулся к двум созданиям, которых обнаружил.

И тотчас понял, что его долгие поиски закончились.

... Олвин схватил Хилвара за плечи и бешено затряс, пытаясь пробудить друга к действительности.

— Что там такое, скажи мне! — умолял он. — Что я должен делать?

Потустороннее, отвлеченное выражение постепенно уплывало из глаз Хилвара.

— Я все еще не совсем понимаю... — сказал он. — Но пугаться не надо — в этом-то я убежден. Что бы это ни было, оно не причинит нам вреда. Похоже, что оно просто... заинтересовалось...

Олвин уже собирался что-то сказать, когда внезапно его охватило ощущение, не похожее ни на что, что ему приходилось испытывать прежде. Теплая, слегка покалывающая волна распространилась по всему телу. Ощущение это длилось лишь несколько секунд, но когда оно исчезло, он уже был не просто Олвином. Что-то еще, внешнее, разделяло его сознание, накладывалось на него, как один круг может лечь на другой. Он также отдавал себе отчет в том, что рядом сознание Хилвара, тоже связанное с тем самым созданием, которое им повстречалось. Ощущение не было неприятным, скорее просто новым, и оно позволило Олвину впервые понять, что такое настоящая телепатия. Способность, которая в его народе ослабилась настолько, что теперь ею можно было пользоваться только для того, чтобы отдавать приказы машинам.

Когда Сирэйнис пыталась овладеть его сознанием, Олвин немедленно взбунтовался, но вот этому вторжению в свой разум он сопротивляться не стал. Во-первых, он чув-

ствовал, что это было бесполезно. А во-вторых, это создание, чем бы оно не являлось, недружественным не было. Он расслабился, безо всякого сопротивления воспринимая вторжение интеллекта бесконечно более высокого, чем его собственный. Но, тем не менее, он был не совсем прав.

Вэйнамонд сразу же увидел, что одно из этих двух существ более восприимчиво и относится к нему с большей теплотой, чем к другому. Он чувствовал удивление обоих по поводу его присутствия и это его несказанно поразило. Трудно было поверить в то, что они забыли. Забывчивость, как и смертность, находилась за пределами разума Вэйнамонда. Общаться было очень нелегко. Многие из мысленных представлений этих разумных существ были ему в новинку настолько, что он едва мог осознать их. Он был поражен и немного испуган отголосками страха перед Пришельцами. Этот страх напомнил ему о его собственных эмоциях, когда Черное Солнце впервые появилось в поле его внимания.

Но эти двое еще ничего не знали о Черном Солнце, и теперь он уже слышал их вопрос, обращенный к нему: "Что ты такое?"

Он дал единственный ответ, на который был способен: "Я — Вэйнамонд".

Последовала пауза (как много времени требовалось им, чтобы сформировать мысли!), и после нее вопрос повторили. Они не поняли! Это было так странно... ведь это такие же, как они, дали ему его имя, которое и сохранилось в памяти о его появлении в этом мире... Этих первых воспоминаний было очень немного и все они странным образом начинались лишь в какой-то определенный момент времени, но были кристально ясны.

И снова их короткие мысли пробились в его сознание: "Где люди, которые создали Семь Солнц?" «Что с ними случилось?»

Он не знал. Они едва могли ему поверить, и их разочарование донеслось до него во всей своей ясности через пропасть, отделяющую их от него. Но они оказались терпеливыми, и он рад был помочь им, потому что их поиск

был сродни его собственному, а они были первыми его товарищами за всю жизнь.

Олвин был убежден, что сколько бы он ни прожил, никогда уже не испытать ему ничего более странного, чем этот беззвучный разговор. Трудно было поверить, что он может стать чем-то большим, чем просто наблюдателем, а все потому, что ему не хотелось допускать, что мозг Хилвара во многих отношениях куда более развит, чем его собственный. Он мог только ждать и изумляться, и у него голова чуть не кругом шла от потока мыслей, которые находились за пределами его понимания.

Наконец Хилвар, напряженный и бледный, прервал контакт и повернулся к своему другу:

— Тут что-то странное, Олвин, — устало сказал он. — Ничего не могу понять...

Эта новость не способствовала сохранению самообладания. По лицу Олвина Хилвар, наверное, понял, что тот сейчас переживает, потому что внезапно понимающе улыбнулся:

— Я не могу понять, что такое этот... Вэйнамонд. Это создание, обладающее непостижимо громадными знаниями, но, похоже, что разума-то у него — кот наплакал. Разумеется, — добавил он, — его разум может быть несколько отличен от нашего и даже настолько отличен, что мы просто не в состоянии его осознать..., и все-таки мне кажется, что правильное — первое объяснение.

— Ну, ладно, а что ты все-таки узнал? — несколько нетерпеливо спросил Олвин. — Известно ему что-нибудь о Семи Солнцах?

Мысли Хилвара, казалось, витали где-то очень далеко.

— Они были созданы множеством рас, включая и человеческую, — рассеянно ответил он. — Вэйнамонд в состоянии сообщить мне такие вот факты, но как-то не похоже, чтобы он сам понимал их значение. И мне кажется, что, хоть он и отдает себе отчет в происшедшем, но вот интерпретировать его не способен. В его сознании как-то ужасно перепутано все, что когда-либо происходило...

Секунду-другую он размышлял, затем лицо его просветлело:

— Нам остается только одно: так или иначе мы должны доставить Вэйнамонда на Землю, чтобы наши философы могли его изучить.

— А это не будет опасно?

— Нет,— ответил Хилвар, подумав, насколько не характерна для Олвина эта ремарка.— Вэйнамонд — друг, он, похоже, относится к нам прямо-таки с нежностью...

И тут мысль, которая все это время блуждала где-то на задворках сознания Олвина, выкристаллизовалась со всей ясностью. Он припомнил Крифа и всех тех мелких животных, которые все время убегали — к неудовольствию или тревоге Хилвара. И он припомнил — как давно, казалось, это было! — зоологическую цель их путешествия в Шалмирейн.

Хилвар просто нашел себе нового любимца.

22.

... Насколько немислимой, думал Джизирак, была бы эта конференция всего каких-то несколько дней назад. Шестеро гостей из Лиза сидели лицом к лицу с членами Совета вдоль дополнительного стола, поставленного у разомкнутой стороны подковы в Зале Совета. Какая ирония билась в воспоминаниях о том, как совсем недавно Олвин стоял на этом же самом месте и внимал постановлению Совета о том, что Диаспар должен быть закрыт и будет закрыт для остального мира. Теперь же этот мир вломился к ним — и не только мир Земли, но и вся Вселенная.

Да и сам Совет был уже не тот. Не хватало по крайней мере пяти его членов. Они оказались не в состоянии принять на себя ответственность и взяться за решение проблем, которые встали перед ними, а посему последовали по пути Хедрона. Это служит доказательством, что Диаспар не выдержал испытания, если так много его граждан не смогли принять первый — за миллионы лет! — реальный вызов жизни, подумал Джизирак. Многие тысячи их уже бежали в короткое забытие Хранилищ Памяти, в на-

дежде, что, когда они пробудятся, кризис будет преодолен и Диаспар снова станет самим собой, таким знакомым и привычным. Их ожидает разочарование.

Джизирака кооптировали на одно из вакантных мест в составе Совета. Хотя над ним, благодаря его положению наставника Олвина, в известной степени нависала туча, присутствие его в Совете было настолько существенно (и это было очевидно для всех), что игнорировать его не решились. Он сидел у одного конца подковообразного стола, что давало ему ряд преимуществ. Он не только мог наблюдать в профиль за гостями Диаспара, но ему также видны были и лица почти всех его коллег, и выражение их лиц говорило о многом. В том, что Олвин оказался прав, не было ни малейших сомнений, и Совет медленно обвыкался с этой неудобоваримой истиной.

Делегаты из Лиза оказались в состоянии мыслить куда стремительнее, чем самые светлые умы Диаспара. И это было их не единственное преимущество. Они еще и демонстрировали необычайно высокую координацию мышления, что Джизирак относил за счет их телепатических способностей. Его интересовало, читают ли они мысли советников, но при размышлении решил, что они вряд ли бы рискнули нарушить торжественное обещание, без которого эта встреча оказалась бы невыносимой.

Джизирак не считал, что эта конференция достигла большого прогресса. Строго говоря, он не видел, как такой прогресс может быть достигнут. Совет, который с таким трудом принял существование Лиза, все еще не казался способным осознать, что же все-таки произошло. Но ясно было, что советники напуганы, и точно так же, считал Джизирак, были напуганы и гости, хотя им и удавалось лучше скрывать свое состояние.

Сам же Джизирак вовсе не был столь уж испуган, как он ожидал сначала. Его страхи, разумеется, оставались при нем, но он, наконец, научился их обуздывать. Какая-то доля безрассудства Олвина — или, может быть, это была отвага? — воспринятая им, стала менять его взгляды, раскрывая перед ним новые горизонты. Ему все еще не верилось, что когда-нибудь он сможет ступить за пределы Диаспара, но зато теперь он понимал причины, которые

заставили Олвина пойти на это. Вопрос председателя застал его врасплох, но он быстро собрался с мыслями.

— Полагаю,— сказал он, — что такая ситуация в прошлом ни разу не возникала по чистой случайности. Нам известно, что существовало четырнадцать Неповторимых и что за их созданием стоял какой-то план. Этот план, я убежден, заключался в том, чтобы Диаспар и Лиз не оставались разобщенными навечно. Олвин понял это, но он совершил также нечто такое, что, по моему мнению, вовсе не содержалось в первоначальном замысле. Может ли Центральный Компьютер подтвердить это?

Безличный голос отозвался сейчас же:

— Советнику известно, что я не могу комментировать инструкции, данные мне моими создателями.

Джизирак принял этот мягкий укор и продолжил:

— Какова бы ни была причина, мы не можем оспаривать факты. Олвин отправился в космос. Когда он возвратится, вы можете помешать ему снова сделать это, хотя и сомневаюсь, что кому-нибудь это удастся, ведь к тому времени он познает чрезвычайно многое. И если то, чего вы боитесь, произошло, то мы уже просто не в состоянии что-то предпринять. Земля совершенно беспомощна — какой и была на протяжении миллионов столетий.

Джизирак сделал паузу и оглядел оба стола. Никто не пришел в восторг от его слов, да он этого и не ждал.

— И все же причин для тревоги я не вижу. Земля сейчас в опасности не большей, чем она была все это время. Чего бы это двум человеческим существам в небольшом космическом корабле вдруг снова навлечь на Землю гнев Пришельцев? Если мы будем честны сами с собой, мы должны признать, что Пришельцы могли уничтожить наш мир уже бог знает когда...

Стояла недоброжелательная тишина. Это была ересь — и Джизирак помнил времена, когда он сам предал бы такие взгляды анафеме.

Сердито нахмурившись, председатель прервал его:

— Разве не существует легенды, по которой Пришельцы предоставили Землю самой себе только на том условии, что Человек никогда больше не выйдет в космос? И разве мы не нарушаем этого условия?

— Легенда — да, — ответил Джизирак. — Существует множество вещей, которые мы принимаем некритично, и эта легенда — одна из них. У нее нет никаких доказательств, и мне трудно поверить, что что-то такой вот важности не было бы зафиксировано в памяти Центрального Компьютера, а ведь ему, тем не менее, об этом факте ничего не известно. Я обращался к нему — хотя только через информационные машины. Быть может, Совет озабочится задать ему этот вопрос прямо?

Джизирак не видел причин, почему он должен напрашиваться на вторичное порицание, ступая на запретную территорию, и стал ждать ответа председателя. Ответа так и не последовало, потому что именно в этот момент гости из Лиза вздрогнули, а на лицах у них застыло выражение недоверчивого недоумения и тревоги. Казалось, они прислушиваются к какому-то далекому голосу, нашептывающему им что-то на ухо.

Советники Диаспара ждали, и их собственная тревога росла от минуты к минуте по мере того, как продолжался этот беззвучный разговор. Но вот глава делегации очнулся от транса и с извиняющимся выражением повернулся к председателю.

— Мы только что получили из Лиза весьма тревожные и странные новости, — сказал он.

— Олвин возвратился на Землю? — спросил председатель.

— Не только Олвин... Там что-то еще...

Когда Олвин привел свой верный корабль на плато Эрли, он не мог не подумать о том, что едва ли за всю историю человечества какой-либо корабль привозил на Землю такой груз — если, конечно, Вэйнамонда можно было считать помещенным в пространство корабля. На всем протяжении обратного путешествия он ничем не обнаружил своего существования. Хилвар полагал — насколько он мог уловить из контакта с этим странным существом, — что о положении в определенном пространстве можно было говорить только применительно к сфере внимания Вэйнамонда. Физически же он не существовал нигде и, возможно, никогда. Когда друзья вышли из корабля, Сирэйнис и пятеро сенаторов уже ждали их. Одного из этих

сенаторов Олвин встречал еще во время первого посещения Лиза. Остальные двое участников той первой встречи, как он понял, находились сейчас в Диаспаре. Его очень интересовало, каковы успехи этой делегации и как отнесся его город к первому вторжению извне за столько миллионов лет.

— Похоже, Олвин, что вы просто-таки гений по части розыска всяких удивительных существ,— сухо произнесла Сирэйнис после того, как поздоровалась с сыном.— И все же, мне кажется, пройдет еще немало времени, прежде чем вам удастся превзойти нынешнее свое достижение.

Настала очередь Олвина изумляться.

— Так, значит, Вэйнамонд прибыл?

— Да, много часов назад. Он каким-то образом ухитрился проследить траекторию вашего корабля по пути туда — само по себе поразительное достижение, которое поднимает ряд интересных философских проблем. Есть свидетельство того, что он достиг Лиза в тот самый момент, когда вы его обнаружили. А это означает, что он способен развивать бесконечную скорость. Но и это еще не все. За последние несколько часов он передал нам такой объем знаний по истории, который превышает все, что, как мы предполагали, могло существовать.

Олвин глядел в нее в ошеломлении. Затем до него дошло: ему было нетрудно представить себе влияние присутствия Вэйнамонда на этих людей — так тонко чувствующих, да еще с их переплетающимися сознаниями. Они отреагировали с удивительной быстротой, и он представил себе Вэйнамонда — возможно, несколько испуганного — в окружении жадных до знаний интеллектуалов Лиза.

— Вы установили, что он такое?— поинтересовался Олвин.

— Да. Хотя мы и до сих пор не знаем его происхождения. Вэйнамонд — это так называемый чистый разум, и знания его представляются безграничными. Но он просто ребенок, и это слово я употребляю в буквальном смысле.

— Ну конечно же!— возопил Хилвар.— Как же это я не догадался!

Олвин был совершенно ошеломлен, и Сирэйнис стало его жалко.

— Я хочу сказать, что, хотя Вэйнамонд обладает колоссальным, возможно, и безграничным умом, он еще незрел и неразвит. Его истинная разумность вполуполу меньше разумности человеческого существа, хотя вот мыслительные процессы у него идут гораздо быстрее и научается он очень быстро. У него есть также целый ряд способностей, которых мы пока просто не понимаем. Одну из них он и использовал, чтобы вашим путем прийти на Землю.

Олвин молчал. Наконец-то хоть что-то его совершенно поразило. Теперь он понял, насколько прав был Хилвар, предложивший привезти Вэйнамонда именно в Лиз. И еще он понял, до какой степени ему повезло тогда, когда он перехитрил Сирэйнис. Второй раз это ему не удастся.

— Вы хотите сказать, что Вэйнамонд только что родился?

— По его меркам — да. Его истинный возраст невероятно велик, хотя он, очевидно, и моложе Человека. Самое удивительное, что, по его утверждению, это мы создали его. Вот почему я не сомневаюсь, что его происхождение как-то связано с тайнами прошлого.

— А что с ним сейчас? — спросил Хилвар, и в голосе его явно прозвучала ревнивая нотка хозяина.

— С ним беседуют историки из Гриварна. Они пытаются составить себе более или менее целостную картину прошлого, но эта работа займет годы. Вэйнамонд в состоянии описывать прошлое в мельчайших подробностях, но, поскольку он не понимает того, что видит, работать с ним совершенно не просто.

Олвину было интересно узнать, откуда все это известно Сирэйнис. Но тут он вспомнил, что едва ли не каждый в Лизе был свидетелем этого неподражаемого расследования. Он испытывал гордость оттого, что сделал так много для Лиза и для Диаспара, но к этой гордости все же примешивалось и чувство беспомощности. Перед ним было нечто такое, что он никогда не будет в состоянии полностью понять или разделить: прямой контакт между человеческими созданиями был для него такой же загадкой, как

музыка для глухого или цвет для слепого от рождения. А люди Лиза теперь обменивались мыслями даже с этим невообразимо чуждым существом, которое он, Олвин, правда, привел на Землю, но обнаружить которое с помощью имеющихся в его распоряжении чувств никогда бы не смог.

Здесь он был чужим. Когда с вопросами и ответами закончат, ему сообщат результат. Он отворил ворота в бесконечность и теперь испытывал благоговение — даже страх — перед тем, что сделал. Ради своего собственного спокойствия ему следует возвратиться в Диаспар, искать у него защиты, пока он не преодолеет свои мечты и честолюбивые устремления. Здесь таилась насмешка: тот же самый человек, который оставил свой город для попытки отправиться к звездам, возвращался домой, как бежит к матери испуганный чем-то ребенок...

23.

Диаспар от лицезрения Олвина в восторг не пришел. Город еще переживал стадию, так сказать, ферментации и напоминал гигантский муравейник, в котором грубо пово рошили палкой. Он все еще с превеликой неохотой глядел в лицо реальности, но у тех, кто отказывался признавать существование Лиза и всего внешнего мира, уже не было места, где они могли бы спрятаться, — Хранилища Памяти отказывались их принимать. Те, кто все еще цеплялся за свои иллюзии и пытался найти убежище в будущем, тщетно входил теперь в Зал Творения.

Растворяющее, холодное пламя больше не приветствовало их там. Им уже не суждено было снова проснуться спустя сотню тысяч лет ниже по реке Времени. Обращаться к Центральному Компьютеру тоже было без толку, да он и не объяснял причины своих действий. Потенциальные беженцы печально возвращались в город, чтобы лицом к лицу встретиться с проблемами своего века.

Олвин и Хилвар приземлились на окраине Парка, неподалеку от Зала Совета. До самого последнего момента Ол-

вин не был уверен, что ему удастся провести корабль в город, проникнув через силовые экраны, прикрывавшие его небо. Защита Диаспара, как и все в городе, обеспечивалась машинами. Ночь с ее звездными напоминаниями обо всем, что казалось утраченным человеком, никогда не простирала своих крыльев над городом. Защищен он был и от бурь, которые иногда бушевали над пустыней, застилая небеса движущимися песчаными стенами.

Однако невидимые часовые позволили Олвину пройти, и когда Диаспар распростерся под ним, он понял, что вернулся домой. Как бы ни призывала его Вселенная со всеми своими тайнами, именно здесь он родился и именно здесь было его место. Он всегда будет им недоволен и всегда станет сюда возвращаться... Ему нужно было добраться до центра Галактики, чтобы уяснить себе эту простую истину.

Толпы собрались еще до приземления корабля, и Олвин призадумался над тем, как встретят его сограждане. Он довольно легко читал по их лицам на экране — прежде чем открыть шлюз — обуревавшие их чувства. Преобладающим, похоже, было любопытство — нечто само по себе новенькое в Диаспаре. Вместе с тем на лицах было и беспокойство, а кое у кого можно было заметить и выражение страха. Олвин печально подумал, что никто искренне не радовался его возвращению.

С другой стороны Совет просто-таки приветствовал его прибытие — хотя вовсе не из чувства дружеской приязни. Пусть он и был причиной нынешнего кризиса, он единственный мог сообщить факты, на которых следовало строить будущую политику. Его слушали с глубоким вниманием, когда он описывал полет к Семи Солнцам и встречу с Вэйнамондом. Затем он ответил на множество вопросов с терпением, которое, возможно, поразило его интервьюеров. Преобладающим в их мыслях, как он скоро понял, был страх перед Пришельцами, хотя никто ни разу не упомянул этого имени и все чувствовали себя прямо-таки как на иголках, когда он сам прямо, без экивоков, коснулся этой темы.

— Если Пришельцы все еще находятся в нашей Вселенной, тогда я, вне всякого сомнения, встретил бы их в са-

мом ее центре,— сказал Олвин членам Совета.— Но вокруг Семи Солнц нет разумной жизни. Мы догадались об этом еще до того, как это подтвердил нам Вэйнамонд. Я убежден, что Пришельцы убрались много столетий назад. Вне всякого сомнения, Вэйнамонд, который по меньшей мере ровесник Диаспара, ничего не знает о Пришельцах.

— У меня есть предположение,— раздался внезапно голос одного из советников.— Вэйнамонд может оказаться потомком Пришельцев и быть в некотором отношении за пределами нашего сегодняшнего понимания. Он забыл о своем происхождении, но это вовсе не означает, что в один прекрасный день он снова не станет опасным.

Хилвар, который присутствовал в роли простого наблюдателя, не стал дожидаться разрешения вступить в разговор. Олвин впервые видел его рассерженным.

— Вэйнамонд читал мои мысли, а мне удалось прикоснуться к его сознанию,— сказал он.— Мой народ уже многое узнал о нем, хотя мы еще и не установили, что же он такое. Но одно не подлежит сомнению: он настроен дружелюбно и был рад нас найти. Ждать от него угрозы не приходится.

После этой вспышки наступило долгое молчание, а Хилвар снова расслабился с выражением некоторой неловкости на лице. Было заметно, что напряжение в Зале Совета несколько разрядилось, словно бы уплыло прочь облако, затенявшее кураж присутствующих. Во всяком случае, председатель не сделал попытки выразить Хилвару порицание за вмешательство в обсуждение.

Олвин слушал дебаты, и ему было ясно, что определились три мнения. Консерваторы, которые были в меньшинстве, все еще надеялись, что стрелки часов можно будет отвести назад и как-то восстановить старые порядки. Противу всякого здравого смысла они цеплялись за надежду, что можно будет принудить Диаспар и Лиз снова забыть о существовании друг друга.

Прогрессисты тоже составляли незначительное меньшинство. Но тот факт, что они вообще оказались в Зале Совета, порадовал и удивил Олвина. Не то чтобы они приветствовали вторжение внешнего мира, но зато были преисполнены решимости воспользоваться этим самым

наилучшим образом. Некоторые из них зашли так далеко, что даже предположили, что может существовать возможность пробиться сквозь психологический барьер, который так долго запечатывал Диаспар даже эффективнее, чем барьеры физические.

Большинство же членов Совета, верно отражая царившие в городе настроения, заняли позицию осторожного выжидания, помалкивая до того момента, пока рисунок будущего каким-то образом не проявится. Они отдавали себе отчет в том, что не могут разработать никакого определенного общего плана политических действий, пока буря не уляжется.

Когда заседание закончилось, Джизирак присоединился к Олвину и Хилвару. Похоже было, что он переменялся со времени последней встречи в башне Лоранна, когда пусыня простиралась перед ними. Перемена эта была не того свойства, которую ожидал увидеть Олвин, но зато она была распространенной: в ближайшие же дни Олвину предстояло сталкиваться с этим новым умонастроением все чаще и чаще.

Джизирак казался моложе, словно бы огонь жизни в нем обрел новую пищу и стал более живо гореть в его крови. Несмотря на свой возраст, он был одним из тех, кто приготовился принять перемены, принесенные Олвином в Диаспар.

— А у меня для тебя новости, Олвин, — сказал он. — Мне кажется, ты знаешь сенатора Джирейна...

Сначала Олвин задумался, потом вспомнил:

— Ну, конечно! Он был одним из первых, кого я встретил в Лизе. Он ведь, кажется, входит в их делегацию?

— Да. Мы с ним хорошо узнали друг друга. Это блестящий ум и в человеческой душе он разбирается куда глубже, чем я вообще считал возможным, хотя и говорит, что, по стандартам Лиза, его нужно считать только начинающим... Так вот, пока он здесь, он начинает одно предприятие, которое тебе придется очень и очень по душе. Он, видишь ли, надеется проанализировать те побудительные мотивы, которые заставляют нас оставаться в пределах города, и он убежден, что, как только ему станет ясно, каким образом они были нам... м-м... предписаны, он сможет их

устранить. Нас — тех, кто с ним сотрудничает, — уже человек двадцать.

— И ты один из них?

— Да,— ответил Джизирак и при этом был так близок к смущению, чего Олвин никогда еще за ним не замечал.— Это нелегко и уж, во всяком случае, мало приятно, но, знаешь, это стимулирует, стимулирует...

— А как он работает?

— Он взял за основу наши саги. Ему сконструировали целую серию, и он изучает наши реакции, когда мы в эти саги погружаемся. Вот уж никогда не думал, что в своем-то возрасте снова займусь развлечениями детства!

— Что такое — саги?— спросил Хилвар.

— Воображаемые миры мечты,— ответил Олвин.— По крайней мере, большинство — воображаемые, потому что некоторые основаны на исторических фактах. Их миллионы, записанных в Хранилищах Памяти города. Ты можешь выбрать себе по вкусу любое приключение, и оно будет представляться тебе совершенно реальным, пока соответствующие импульсы будут поступать в мозг.— Он повернулся к Джизираку:

—В какие же саги приглашает вас Джирейн?

— Большая их часть, как ты мог бы предположить, касается выхода из Диаспара. Некоторые из них переносят нас в самые ранние существования — так близко к основанию города, как только мы можем добраться. Джирейн, понимаешь ли, убежден, что чем ближе он станет к источнику этих побудительных причин, тем легче ему будет преодолевать их...

Олвина эта новость сильно приободрила. Его труд был бы завершен только наполовину, открой он крепостные ворота Диаспара лишь для того, чтобы убедиться, что пройти через них охотников нет.

— И вы действительно хотите обрести способность выйти за стены города?— проницательно спросил Хилвар.

— О нет!— без колебаний ответил Джизирак.— Меня при одной мысли об этом в дрожь бросает. Но, видите ли, я отдаю себе отчет в том, что мы были неправы, неправы абсолютно, когда считали Диаспар миром, вполне достаточным для человека, и логика подсказывает мне, что что-

то должно быть сделано, чтобы исправить ошибку. Но на эмоциональном уровне я все еще не способен покинуть город. Возможно, таким я и останусь навсегда... Джирейн же считает, что сможет добиться, чтобы многие из нас посетили Лиз, и я полон решимости помочь ему в его эксперименте... даже если половину времени я и тешу себя надеждой, что у него ничего не выйдет!

Олвин взглянул на своего старого наставника с новым уважением. Сам-то он уже не отвергал силу внушения и верно оценивал мотивы, которые могут заставить человека действовать в защиту логики. И не мог не сравнивать холодное мужество Джизирака с паническим бегством в будущее Хедрона, хотя теперь, когда он лучше стал понимать человеческую натуру, он больше не решался осуждать Шута за его поступок.

Он не сомневался, что задуманное удастся Джирейну. Быть может, Джизирак и окажется слишком стар, чтобы переломить пожизненную привычку — как бы ему ни хотелось начать все сначала. Но это уже не имело значения, потому что успех ждал других, направляемых талантливыми психологами Лиза. А как только несколько человек вырвутся из своей миллиарднолетней раковины, последуют ли за ними остальные, станет только вопросом времени.

Он задумался над тем, что же произойдет с Диаспаром и Лизом, когда барьеры рухнут полностью. Лучшие элементы культуры обоих должны быть сохранены и спаяны в новую, более здоровую. Это была задача устрашающих масштабов и для ее разрешения требуется вся мудрость и все терпение, на которые окажутся способны оба общества.

Некоторые из трудностей этого предстоящего притирания друг к другу были уже очевидны. Гости из Лиза — очень вежливо — отказались жить в домах, которые им предоставил город. Они раскинули свое временное жилье в Парке, среди обстановки, напоминающей им родину. Единственным исключением стал Хилвар; хотя ему не слишком по душе было жить в доме с неопределенными стенами и эфемерной мебелью, он отважно воспользовался гостеприимством Олвина, успокоенный обещанием, что они останутся тут недолго.

Никогда в жизни Хилвар не испытывал одиночества, но в Диаспаре он это состояние познал. Город оказался для него еще более странным и чужим, чем Лиз для Олвина, его подавляла бесконечная сложность общения множества совершенно незнакомых людей, которые, казалось, заселяли каждый дюйм пространства вокруг него. В Лизе он знал каждого независимо от того, встречал он человека лично или нет. Но, проживи он и тысячу жизней, он не смог бы перезнакомиться со всеми в Диаспаре, и хотя и отдавал себе отчет в том, что чувство этой непреодолимости иррационально, оно все-таки подавляло его. Только преданность другу удерживала его в этом мире, не имеющем ничего общего с его собственным.

Он часто пытался анализировать свое отношение к Олвину. Эта дружба, как он понимал, возникла из того же источника, который питал его сочувственное отношение ко всем слабым и борющимся существам. Это могло бы удивить тех, кто думал об Олвине, как о человеке сильной воли, упрямом эгоцентристе, не нуждающемся ни в чьей нежности и не способным ответить ею.

Хилвар же знал Олвина куда глубже. С самого начала он инстинктивно почувствовал, что Олвин — исследователь, а все исследователи ищут что-то такое, что ими утеряно. Они редко это находят и еще реже достижение цели приносит им радость большую, чем сам поиск.

Хилвар сначала не знал, что же именно ищет Олвин. Им руководили силы, приведенные в движение в незапамятные времена гениями, которые спланировали Диаспар с таким извращенным мастерством, или же еще более талантливymi людьми, противостоящими первым. Как и любое человеческое существо, Олвин до известного предела был машиной, его действия были предопределены наследственностью. Это, конечно, не отменяло потребности в понимании и добром к нему отношении, и в равной степени не давало ему иммунитета против одиночества и отчаяния. Для собственного народа он был настолько непредсказуем, что его сограждане порой забывали, что он живет теми же чувствами, что и они. Понадобился Хилвар — человек совсем иных жизненных обстоятельств, чтобы разгадать в Олвине просто еще одно человеческое существо.

В течение первых нескольких дней в Диаспаре Хилвар повстречал людей больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, но ни с кем не сблизился. Живя в такой скученности, обитатели города выработали известную сдержанность по отношению друг к другу, преодолеть которую было нелегко. Единственное уединение, которое им было ведомо, это уединение мысли, и они упорно оберегали его, даже занимаясь сложными и нескончаемыми общественными делами Диаспара. Хилвару было жаль их, хотя он и понимал, что они не испытывают ни малейшей нужды в сочувствии. Они не осознавали, чего лишены, им было неведомо теплое чувство общности, связывающее всех и каждого в телепатизированном обществе Лиза. Более того, большинство из тех, с кем ему случалось поговорить, сами смотрели на него с жалостью — как на человека, ведущего беспросветно скучную и никчемную жизнь, хотя все они были достаточно вежливы, чтобы не показать ему и вида, что они думают именно так.

К Эристону и Итании — опекунам Олвина — Хилвар быстро потерял всякий интерес, увидев, что это хорошие люди, но поразительно пустые. Его очень смущало, когда он слышал, как Олвин называет их отцом и матерью: в Лизе эти слова еще сохраняли свое древнее, биологическое значение. Требовалось постоянное умственное усилие — помнить, что законы жизни и смерти оказались перетасованы создателями Диаспара, и порой Хилвару казалось, — несмотря на все кипение вокруг него — что город наполовину пуст, потому что в нем нет детей.

Его интересовало, что же станет с Диаспаром теперь, когда его долгая изоляция подошла к концу. Лучшее, что мог сделать город, решил он, это уничтожить Хранилища Памяти, которые в продолжение столь долгого времени держали его замороженным. Чудесные сами по себе, настоящий триумф науки, создавшей их, они все-таки были порождением больной культуры, боявшейся слишком многого. Некоторые из этих страхов основывались на реальностях, но остальные, как теперь представлялось совершенно ясно, покоились лишь на разыгравшемся воображении. Хилвару было известно кое-что о той картине, которая стала вырисовываться в ходе изучения интеллекта

Вэйнамонда. Через несколько дней это предстояло узнать и Диаспару — и обнаружить, сколь многое в его прошлом было просто выдумкой...

Но если бы Хранилища Памяти оказались уничтожены, через какую-то тысячу лет город был бы мертв, поскольку его обитатели потеряли бы способность к воспроизводству. Это была дилемма, от которой, казалось, некуда было уйти, но Хилвар уже нащупал одно из возможных решений. На любую техническую проблему всегда находится ответ, а народ Лиза достиг огромных высот в биологии. То, что было сделано, можно и переделать — если Диаспар этого захочет. Но сначала город должен осознать, что именно он потерял. Этот процесс займет много лет, быть может — столетий. Но это — начало. Очень скоро влияние первых уроков потрясет Диаспар так же глубоко, как и сам контакт с Лизом.

Лиз, впрочем, тоже будет потрясен до основания. Несмотря на всю разницу этих двух культур, они возникли от одного корня и питались теми же иллюзиями. Обе они станут здоровее, когда еще раз, спокойно и пристально взглянут в свое потерянное прошлое.

24.

Амфитеатр был рассчитан на все население Диаспара, и едва ли хотя бы одно из десяти миллионов его мест пустовало. Глядя вниз со своего места далеко наверху на огромный овал, Олвин не мог не подумать о Шалмирейне. У обоих кратеров была одна и та же форма, да и размера они были почти одинакового. Если бы заполнить воронку Шалмирейна людьми, она стала бы очень похожа на эту.

Была, однако, между ними и огромная разница. Огромная чаша Шалмирейна существовала, так сказать, во плоти, этот амфитеатр — нет. И никогда прежде не существовал. Это был просто фантом, рисунок электрических зарядов, дремлющих в памяти Центрального Компьютера, пока не наступила нужда вызвать их к жизни. Олвин отлично знал, что в действительности он находится

в своей комнате и что все эти миллионы людей, которые его окружают, тоже сидят по домам.

Не однажды за тысячелетия жизнь города замирала, чтобы его население могло собраться на Великой Ассамблее. Олвин знал, что и в Лизе сейчас происходит нечто подобное. Но там просто встречались мыслями.

Большинство окружающих были ему знакомы. В миле от него и тысячей футов ниже располагалось небольшое круглое возвышение, к которому было сейчас приковано внимание всего мира. С трудом верилось, что можно что-то разглядеть с такого расстояния, но Олвин знал, что, когда начнутся выступления, он будет видеть и слышать все происходящее с такой же ясностью, как и всякий другой в Диаспаре.

Какая-то дымка возникла на возвышении в центре амфитеатра. Тотчас же из нее материализовался Коллитрэкс — лидер группы, в задачу которой входило реконструировать прошлое на основе информации, принесенной Вэйнамондом на Землю. Задача была невообразимо трудная, почти невыполнимая и не только из-за того, что были вовлечены огромные временные периоды. Лишь однажды Олвину удалось с помощью Хилвара прикоснуться к внутреннему миру этого странного существа, которое они открыли или которое открыло их. Для Олвина мысли Вэйнамонда оказались столь же лишены смысла, как тысяча голосов, надрывающихся одновременно в гигантской резонирующей пещере. И все же ученые Лиза смогли разобраться в этом хаосе, записать его и проанализировать уже не спеша. Прошел слух — Хилвар не опровергал его, но и не подтверждал, — что то, что обнаружили ученые, оказалось столь странно, что почти ничем не напоминало историю, картины которой все человечество считало истинными на протяжении миллиарда лет.

Коллитрэкс начал речь. Для Олвина, как и для каждого в Диаспаре, чистый, ясный голос исходил, казалось, из точки, расположенной от слушателя всего в нескольких дюймах. Затем — трудно было понять, каким образом, — точно так же, как геометрия сна отрицает логику и все же не вызывает никакого удивления у спящего, Олвин оказался рядом с Коллитрэксом в то же самое время, как он

находился и на своем месте высоко на склоне амфитеатра. Этот парадокс ничуть его не удивил. Он просто принял его, как воспринимал все другие манипуляции с пространством и временем, предоставленные в его распоряжение наукой.

Очень коротко Коллитрэкс коснулся общепринятой истории человечества. Он говорил о загадочных людях цивилизаций эпохи Расцвета, которые не оставили после себя ничего, кроме горстки великих имен и каких-то тусклых легенд о Галактическом Сообществе. Даже в самом начале — так принято было считать — Человек стремился к звездам и в конце концов достиг их. Миллионы лет он бороздил пространства Галактики, прибирая к рукам одну звездную систему за другой. Затем из тьмы за краем Галактики Пришельцы нанесли свой удар и отобрали у Человека все, что он считал своим.

Отступление в тесные рамки Солнечной системы было горьким и продолжалось несколько столетий. Сама Земля едва избежала уничтожения благодаря легендарным битвам, которые гремели вокруг Шалмирейна. Когда все кончилось, Человеку остались только воспоминания и мир, в котором он родился.

С тех пор все было лишь затянувшимся скольжением по наклонной. И, как крайняя ирония, Галактическое Сообщество, которое надеялось повелевать Вселенной, покинуло даже большую часть своего собственного мирка и раскололось на две изолированные культуры Лиза и Диаспара — оазисы жизни в пустыне, которая разделила их так же эффективно, как это сделали бы звездные пропасти.

Коллитрэкс остановился. Олвину, как и каждому в гигантском амфитеатре, казалось, что историк смотрит прямо ему в глаза — взглядом свидетеля таких вещей, в которые он и посейчас еще не в силах поверить.

— Вот и все, что касается сказок, в которые мы свято веруем с тех самых пор, как началась наша писаная история, — сказал Коллитрэкс. — А теперь должен вам сказать, что все эти сказки лживы в каждой своей подробности, лживы настолько, что даже сейчас мы еще не сумели полностью соотнести их с действительностью.

Он сделал паузу, чтобы значение сказанного дошло до каждого. После чего, медленно и тщательно выговаривая слова, передал Лизу и Диаспару знание, которое было получено от Вэйнамонда.

... Даже то, что Человек достиг звезд, было неправдой. Весь его крохотный мир ограничивался орбитой Плутона и Персефоны — межзвездное пространство оказалось барьером, преодолеть который Человек не в силах. Вся его цивилизация теснилась вокруг Солнца и была еще очень молода, когда... звезды сами пришли к ней.

Влияние этого события оказалось, должно быть, потрясающим. Несмотря на все свои неудачи, Человек никогда не сомневался, что настанет день и он покорит глубины пространства. Он верил в то, что если Вселенная и населена равными ему, в ней нет никого, кто превосходил бы его по развитию. Теперь Земле стало ясно, что она была неправа в обоих случаях и что в межзвездных глубинах существуют умы куда более великие, чем человеческий. На протяжении многих столетий — сначала в кораблях, построенных другими, а позже и собственной постройки на основе заимствованных знаний — человек исследовал Галактику. И повсюду он находил культуры, которые мог оценить, но с которыми не мог сравняться, а время от времени ему встречался разум, обещавший вообще выйти за пределы человеческого понимания.

Удар этот был невообразимо тяжел, но человечество не было бы самим собой, если бы не справилось с ним. Став печальнее и неизмеримо мудрее, Человек возвратился в Солнечную систему безрадостно размышлять над приобретенными знаниями. Он готовился принять вызов Галактики, и постепенно возник план, порождавший кое-какие надежды на будущее.

Когда-то физические науки представляли для Человека самый большой интерес. Теперь же он с еще большим горением накинудся на исследования в области генетики и науки о мозге. Он был преисполнен решимости добраться до самых пределов своей эволюции.

Этот великий эксперимент на протяжении миллионов лет поглощал всю энергию человечества. Коллитрэкс уложил все эти тяготы, все эти жертвы в несколько слов. Но

именно этот путь принес Человеку самые замечательные достижения. Человек уничтожил болезни. Он мог бы теперь жить вечно, если бы пожелал. А овладев телепатией, он подчинил себе самую загадочную и неуловимую силу из всех.

Он был готов снова, опираясь на собственные завоевания, ринуться к звездам, туда, в непостижимые просторы Галактики.

Он хотел встретить как равных обитателей тех миров, от которых когда-то отвернулся в своем уязвленном самолюбии. Он хотел сыграть и свою роль в истории Вселенной...

И все это он исполнил. Вот с тех-то времен — самых, возможно, продолжительных в истории — и появились легенды о Галактическом Сообществе. Но все это оказалось забыто в ходе трагедии, которая подвела Человека к его концу.

Сообщество существовало по меньшей мере миллион лет. Оно, надо полагать, пережило множество кризисов, возможно, даже войн, но все это просто потерялось на фоне величественного движения сообщества разумных существ к зрелости.

— Мы можем гордиться той ролью, которую наши предки сыграли во всей этой истории, — сказал Коллитрэкс после очередной паузы. — Даже достигнув плато в развитии культуры, они ничуть не утратили инициативы. Здесь нам придется иметь дело скорее с умозаключениями, нежели с конкретными фактами, но представляется, что эксперименты, которые одновременно ознаменовали падение Галактического Сообщества и венчание его славой, направлялись именно Человеком.

Философия, лежащая в основе этих экспериментов, выглядит следующим образом.

Контакт с другими представителями разумной жизни показал землянам, насколько глубоко суждение мыслящего существа об окружающем мире зависит от его физической формы и тех органов чувств, которые находятся в его распоряжении. Многие спорили о том, можно ли представить себе истинный облик Вселенной — если ее вообще можно вообразить себе — только с помощью разума, свободного от всех физических ограничений, иначе говоря —

чистого разума. Это была концепция, обычная среди множества древних верований, и представляется странным, что идея, не имеющая под собой ни малейшего рационального основания, стала в конце концов одной из величайших целей науки.

— В естественной Вселенной никто никогда не встречал интеллект, лишенный телесной оболочки,— продолжал Коллитрэкс.— Ученые поставили себе целью создать таковой. Навыки и знания, которые сделали это возможным, забыты нами вместе со многим другим. Ученым того времени были подвластны все силы природы, все тайны времени и пространства. Так же, как наши мысли являются продуктом неимоверно сложной структуры мозговых клеток, связанных друг с другом сетью нервных проводников, так и ученые стремились создать мозг, компоненты которого не были бы материальны на молекулярном или атомном уровне, а состояли бы из элементов самого вакуума. Такой мозг, если его, конечно, можно так назвать, использовал бы для своей деятельности электрические силы или взаимодействия еще более высокого порядка и был бы совершенно свободен от тирании вещества. И действовал бы он с куда большей скоростью, чем любой мозг органического происхождения. Он бы мог существовать до тех пор, пока во Вселенной оставался бы один-единственный эрг энергии, а для его возможностей границ вообще не усматривалось. Созданный однажды, он сам стал бы развивать такие свои потенциалы, каких не могли предвидеть и его создатели.

— И вот, опираясь, в основном, на опыт, накопленный за время своего собственного возрождения, человечество Земли решило, что стоит попытаться приступить к созданию такого вот существа. Никогда еще перед суммарным интеллектом Вселенной не ставилось проблемы более фундаментальной и сложной, и после нескольких столетий споров вызов был принят. Все разумные обитатели Галактики объединили свои усилия, чтобы вместе выполнить замысленное.

Более миллиона лет отделило мечту от ее воплощения. Поднялись и склонились к закату многие цивилизации, впустую тратился тяжкий труд множества миров на про-

тяжении целых столетий, но цель никогда не тускнела. Возможно, настанет день, когда мы в подробностях узнаем про это самое большое событие и самое продолжительное усилие в истории человечества. Сегодня же нам известно только то, что все кончилось катастрофой, которая едва не погубила Галактику.

Мозг Вэйнамонда отказывается детально следовать перипетиям этого периода. Существует некий узкий промежуток времени, который для него заблокирован, но, как нам представляется, заблокирован он лишь его собственным страхом.

В начале промежутка мы видим межзвездное сообщество разумных существ на вершине его славы, в нетерпеливом ожидании близкого триумфа науки. Спустя же какую-то тысячу лет, в конце промежутка, эта могучая организация поколеблена, а сами звезды потускнели, словно бы лишенные части своей энергии. Над Галактикой простирается крыло страха, связанного с термином «Безумный Разум».

— Нетрудно догадаться, что же именно произошло в этот короткий период,— продолжал Коллитрэкс.— Чистый разум был создан, но, либо он оказался безумен, либо, как с большей вероятностью следует из других источников, был неумолимо враждебен веществу. На протяжении столетий он терзал Вселенную, пока его не обуздали силы, о которых мы можем только догадываться. Какое бы оружие ни использовало доведенное до крайности Галактическое Сообщество, оно истощило энергию огромнейшего числа звезд. Из воспоминаний об этом трагическом периоде и возникли некоторые — хотя и не все — легенды о Пришельцах. Об этом я сейчас расскажу поподробнее.

— Безумный разум не мог быть уничтожен, поскольку был бессмертен. Его оттеснили к краю Галактики и там каким-то образом заперли — мы не знаем, как именно. Его тюрьмой стала искусственно созданная странная звезда, известная под названием Черное Солнце, и там он остается по сей день. Когда Черное Солнце умрет, он снова станет свободен. Сказать, насколько далеко в будущем лежит этот день, не представляется возможным.

Коллитрэкс умолк, словно забывшись в собственных размышлениях, совершенно безразличный к тому, что на него были устремлены глаза всего мира. Воспользовавшись этим долгим молчанием, Олвин стал оглядывать тесно сидящих вокруг него людей, пытаясь прочесть, угадать по их лицам, что у них на уме теперь, когда они познали откровение и ту таинственную угрозу, которая отныне призвана заменить миф о Пришельцах. По большей части на лицах сограждан застыло выражение крайнего недоверия: они все еще не могли отрешиться от фальсифицированного прошлого и принять вместо него более фантастическую версию реальности.

Коллитрэкс заговорил снова. Тихим, приглушенным голосом он принялся описывать последние дни Сообщества. По мере того, как перед ним разворачивалась картина того времени, Олвин все больше проникался тем, что это был век, в котором ему хотелось бы жить. Век приключений и не знающего преград, сверхъестественного мужества, которое смогло вырвать победу из зубов катастрофы.

— Хотя Галактика и была опустошена Безумным Разумом,— говорил Коллитрэкс,— ресурсы Сообщества оставались еще огромными и дух его не был сломлен. С отвагой, которой мы можем только поражаться, великий эксперимент был возобновлен ради поиска ошибки, приведшей к трагедии. Разумеется, теперь нашлись многие и многие, кто выступил против этой работы, предрекая усугубление катастрофы, но возобладало противоположное мнение. Проект продвигался вперед во всеоружии знания, добытого такой дорогой ценой, и на этот раз привел к успеху.

Созданный новый вид разумных существ имел интеллект, который просто невозможно было измерить. Но этот разум был совершенно ребяческим. Мы не знаем, состоял ли в том расчет его создателей, но представляется вероятным, что они считали это неизбежным.

Потребовались бы миллионы лет, чтобы он достиг зрелости, и ничего нельзя было предпринять, чтобы ускорить этот процесс. Вэйнамонд оказался первым из этих созданий. По Галактике должны быть рассеяны и другие,

но мы считаем, что создано их было не так уж и много, поскольку Вэйнамонд никогда не встречал своих собратьев.

Создание этого разума стало величайшим достижением галактической цивилизации. Человек сыграл в нем ведущую, даже, возможно, доминирующую роль. Я не упоминаю здесь население собственно Земли, поскольку ее история — не более чем ниточка в огромном ковре.

Поскольку на протяжении всего этого периода наиболее предприимчивые люди уходили в космос, наша Земля неизбежно стала в высшей степени консервативной и в конце концов даже выступила против ученых, которые создали Вэйнамонда. И уж, конечно, она не сыграла никакой роли в заключительном акте.

Труд Галактического Сообщества был теперь завершен. Люди той эпохи взглянули на звезды, которые они исковеркали в своем отчаянном стремлении побороть опасность, и приняли решение. Они постановили оставить нашу Вселенную в распоряжении Вэйнамонда...

Здесь чувствуется какая-то тайна..., тайна, которой нам никогда не постичь, потому что Вэйнамонд не в состоянии оказать нам помощь. Нам известно только, что Галактическое Сообщество вошло в контакт с чем-то... очень странным... и обладающим необычайным величием, с чем-то, что находилось далеко за кривизной пространства, на другом конце самого Космоса. Что это было, мы можем только гадать. Но контакт был, вероятно, необыкновенно важен, а обещания столь же грандиозны. В течение столь короткого промежутка времени наши предки и все дружественные им сообщества разумных существ прошли путь, познать который мы не в состоянии. Мысли Вэйнамонда, похоже, ограничены нашей Галактикой, однако, читая их, мы смогли проследить за самым началом этого великого и загадочного предприятия. Вот образ того, что нам удалось реконструировать. Сейчас вы увидите все, что происходило более миллиарда лет назад...

... Бледным венком минувшей славе висит в пустоте медленно вращающееся колесо Галактики. По всей его ширине тянутся огромные туннели пустоты, вырванные из структуры Галактики Безумным Разумом, — в веках, которые воспоследуют, эти раны будут затянуты дрейфующи-

ми звездами. Но никогда этим странникам не восполнить былого великолепия.

Человек собирался покинуть свою Вселенную — так же, как давным-давно он покинул свою планету. И не только Человек, но и тысяча других рас, вместе с ним трудившихся над созданием Галактического Сообщества. Они собрались вместе здесь, на самом краю Галактики, всей своей толщей простиравшейся между ними и целью, которой им не достичь еще долгие века.

Они собрали космический флот, перед которым было бессильно воображение. Его флагманами были солнца, самыми маленькими кораблями — планеты. Первое шаровое скопление со всеми своими солнечными системами, со всеми своими мирами готовилось в полет через бесконечность.

Длинная струя огня пронзила вдруг сердце Вселенной, скачками перемещаясь от звезды к звезде. В кратчайший миг умерли тысячи солнц, отдав свою энергию чудовищному звездному шару, который метнулся вдоль оси Галактики и теперь становился все меньше и меньше в неизмеримой глубине космической пропасти...

— Таким вот образом Сообщество покинуло нашу Вселенную, чтобы встретить свою судьбу в ином месте, — продолжал Коллитрэкс. — Когда его восприимчики, интеллекты типа Вэйнамонда, достигнут своей полной формы, оно, возможно, вернется снова. Но этот день еще далеко впереди.

Вот она, в самом кратком изложении, в наиболее поверхностном описании, история Галактического Сообщества. Наша собственная история, которая представляется нам такой важной, — не более как запоздалый и, в сущности, тривиальный эпилог, хотя он и сложен настолько, что мы до сих пор не в состоянии постигнуть все подробности. Представляется, что многие из древних рас, не снedaемые жаждой приключений, отказались покинуть свои родные планеты. Большинство из них постепенно пришли в упадок и более не существуют, хотя некоторые еще живы. Наш собственный мир едва избежал подобной участи. Во время Переходных Столетий, которые в действительности длились миллионы лет, знание о

прошлом было либо утрачено, либо уничтожено преднамеренно. Последнее кажется более вероятным, хотя поверить в это трудно. В течение столетий и столетий Человек тонул в исполненном предрассудков и все же научном варварстве, искажая историю, чтобы избавиться от чувства бессилия. Легенды о Пришельцах лживы, хотя отчаянная борьба против Безумного Разума, несомненно, способствовала их зарождению. И наших предков ничто не тянуло обратно на Землю, кроме душевной боли...

Когда мы сделали это открытие, одна проблема поразила нас в особенности. Не было никогда никакой битвы при Шалмирейне, и все же Шалмирейн существовал и существует по сей день. Более того, это было одно из величайших орудий уничтожения, построенных когда-либо.

Потребовалось некоторое время, чтобы разрешить эту загадку, но ответ оказался очень простым. Давным-давно у Земли был единственный спутник — Луна. Когда в бесконечном противоборстве приливов и тяготения Луна, наконец, стала падать, возникла необходимость уничтожить ее.

Шалмирейн построен именно для этой цели, и только позже вокруг него навились легенды, которые вам известны.

Коллитрэкс улыбнулся огромной аудитории. Улыбка была немного печальна:

— Таких легенд — в чем-то правдивых, в чем-то лживых — много, есть в нашем прошлом и другие парадоксы, которые еще предстоит разрешить. Но это уже проблемы скорей для психолога, нежели для историка. Даже сведениям, хранящимся в Центральном Компьютере, нельзя доверять до конца, поскольку они несут свидетельства того, что в очень далекие времена их подчищали.

На Земле лишь Диаспар и Лиз пережили период упадка: первый — благодаря совершенству своих машин, второй — в силу своей изолированности от необычных интеллектуальных способностей народа.

Но обе культуры, даже когда они стремились вернуться к своему первоначальному уровню, уже не могли

преодолеть искажающего влияния унаследованных ими иррациональных страхов и мифов.

Эти страхи не должны нас более преследовать. Не дело историка предсказывать будущее — я должен только наблюдать и интерпретировать прошлое. Но урок этого прошлого вполне очевиден: мы слишком долго жили вне контакта с реальностью, и теперь наступило время строить жизнь по-новому.

25.

В молчаливом удивлении шагал Джизирак по улицам Диаспара и не узнавал города — настолько он отличался от Диаспара, в котором наставник Олвина провел все свои жизни. Но все-таки он знал, что это именно Диаспар, хотя и не задумывался над тем, откуда ему это известно.

Улицы были узкими, здания — ниже, а Парка и вовсе не было. Или, лучше сказать, его еще не было. Это был Диаспар накануне перемен, Диаспар, еще распахнутый в мир и Вселенную. Город накрывало бледно-голубое небо, усеянное размытыми перьями облаков, они медленно поворачивались и изгибались под ветром, который мел по поверхности этой еще юной Земли.

Пронизывая облака, летя выше них, в небе двигались и более материальные небесные странники. На высоте многих миль над городом в разных направлениях мчались по своим делам корабли, связывающие Диаспар с внешним миром, и прошивали небеса кружевными полосками инверсионных следов. Джизирак долго смотрел на эту загадку, на это чудо — открытое небо, и страх касался его души неосязаемыми холодными пальцами. Он ощутил себя голым и беззащитным, ошеломленный сознанием того, что весь этот мирный купол — не более чем тончайшая из скорлупок, за которой простирается космос, таинственный и угрожающий.

Впрочем, страх этот был недостаточно силен, чтобы парализовать его волю. Какой-то частью сознания Джизирак понимал, что все это сон, а сон не причинит ему никакого

вреда. Он просто проплывает сквозь это наваждение, пробывая его вкус, пока не проснется в городе, который ему хорошо знаком. Он направился в самое сердце Диаспара, к той точке, где в его эпоху будет стоять усыпальница Ярлана Зея. Теперь в этом древнем городе ничего еще не было, кроме низкого круглого здания, в которое вело множество сводчатых дверей. Около одной из них его дожидался какой-то человек.

Джизираку следовало бы онеметь от изумления, но теперь его уже ничто не могло поразить. Почему-то это казалось правильным и естественным — оказаться лицом к лицу с человеком, построившим Диаспар.

— Полагаю, вы меня узнали, — обратился к нему Ярлан Зей.

— Конечно! Я видел ваше изображение тысячу раз. Вы — Ярлан Зей, а это все — Диаспар, каким он был миллиард лет назад. Я понимаю, что все это мне снится и что ни вас, ни меня в действительности здесь нет...

— Тогда, что бы ни произошло, вам не надо тревожиться. Поэтому идите за мной и помните, что ничто не в состоянии причинить вам вред, поскольку, стоит вам только пожелать, и вы очнетесь в Диаспаре своей эпохи...

Джизирак послушно последовал за Ярланом Зеем в здание. Мозг свой в эти минуты он мог бы сравнить с губкой — все впитывающей и ничего не подвергающей сомнению. Какое-то воспоминание или даже всего лишь отдаленное эхо воспоминания предупреждало его о том, что должно сейчас произойти, и он знал, что в былые времена при виде этого он сжался бы от ужаса. Теперь же он совсем не испытывал страха. Он не только сознавал себя под защитой понимания того, что все здесь происходящее нереально, но и присутствие Ярлана Зея казалось неким талисманом против любых опасностей, которые могли бы ему встретиться.

На движущихся тротуарах, ведущих в глубину здания, стояло всего несколько человек, и поэтому, когда Джизирак с Ярланом Зеем остановились наконец в молчании возле длинного, вытянутого цилиндра, который, как это известно было Джизираку, может вынести его в путешествие, сведшее бы его когда-то с ума, рядом с ними

никого не оказалось. Его проводник жестом указал ему на отворенную дверь.

Джизирак помедлил на пороге не более, чем долю секунды и решительно ступил внутрь.

— Вот видите?— улыбнулся Ярлан Зей.— Ну а теперь расслабьтесь и помните, что вы в полной безопасности... никто и ничто вас не тронет...

Джизирак верил ему. Он ощутил только едва уловимый трепет беспокойства, когда в полнейшей тишине вход в туннель перед ними скользнул навстречу и машина, внутри которой они находились, двинулась в глубь земли, набирая скорость. Какие бы страхи он ни испытывал прежде, все они были теперь прочно забыты — смятые, оттесненные горячим желанием поговорить с этой загадочной личностью, явившейся из такого далекого прошлого.

— Не кажется ли вам странным,— обратился к нему Ярлан Зей,— что, хотя небо для нас открыто, мы пытаемся зарыться поглубже в землю? Это начало той болезни, закономерный конец которой вы наблюдаете в своей эпохе. Человечество пытается спрятаться, оно страшится того, что лежит там, в пространстве, и скоро оно накрепко запрет все двери, которые еще ведут во Вселенную.

— Но я только что видел в небе над Диаспаром космические корабли,— возразил Джизирак.

— Больше вы их не увидите. Мы уже потеряли контакт со звездами, а очень скоро покинем и планеты Солнечной системы. Нам потребовались миллионы лет, чтобы выйти в космическое пространство, и только какие-то столетия, чтобы снова отступить к Земле... А спустя совсем непродолжительное время мы покинем и большую часть самой Земли...

— Но почему?— спросил Джизирак. Ответ был ему известен, но что-то, тем не менее, заставило его задать этот вопрос.

— Нам необходимо было убежище, которое избавило бы нас от страха перед смертью и от боязни пространства. Мы были больным народом и не хотели более играть никакой роли во Вселенной, и вот мы сделали вид, что ее просто не существует. Мы видели, как хаос пирует среди

звезд, и тяготели к миру и стабильности. А из этого непреложно следовало, что Диаспар должен быть закрыт с тем, чтобы ничто извне не могло в него проникнуть...

Мы создали город, который вам так хорошо известен, и сфабриковали прошлое, чтобы скрыть от самих себя нашу слабость. О, мы были не первыми, кто прибегает к такому способу... но мы оказались первыми, кто проделал все это с такой тщательностью. И мы переделали сам дух человека, лишив его устремлений и яростных страстей, чтобы он был доволен миром, которым теперь обладал. Понадобилась тысяча лет, чтобы построить город и все его механизмы.

По мере того, как каждый из нас завершал свою задачу, из его памяти стирали все воспоминания и замещали их тщательно разработанным рисунком новых, фальсифицированных, и личность человека оказывалась погребенной в электронных катакомбах города до тех пор, пока не придет время снова вызвать ее к жизни...

И вот настал день, когда в Диаспаре не осталось ни одной живой души. Бодрствовал только Центральный Компьютер, повинующийся внесенным в него указаниям и контролирующий Хранилища Памяти, в которых спали мы все. Не осталось ни одного человека, который бы сохранил контакт с прошлым... Таким вот образом в этот самый момент и начала свою поступь новая История...

Затем один за другим, через определенные интервалы, мы были вызваны из электронных лабиринтов компьютерной памяти и снова облеклись плотью. Диаспар принялся выполнять обязанности, для которых и был создан.

И все же некоторых из нас с самого начала обуревали сомнения. Вечность — срок долгий. Мы отдавали себе отчет в том, на какой риск идем, не предусматривая отдушины и пытаясь полностью отгородиться от Вселенной. С другой стороны, мы не могли обмануть ожиданий нашего сообщества и поэтому работать над модификациями, которые представлялись нам необходимыми, нам пришлось тайне.

Неповторимые были одним из наших изобретений. Им предстояло появиться через весьма продолжительные интервалы времени с тем, чтобы, если позволят обсто-

ательства, обнаруживать за пределами Диаспара все, что было достойно усилия, потребовавшегося бы для Контакта. Нам и в голову не приходило, что понадобится так много времени для того, чтобы одному из Неповторимых сопутствовал успех... Не ожидали мы и того, что успех окажется так грандиозен.

Несмотря на заторможенность своих способностей к критическому анализу, составляющую самую суть сновидения, Джизирак бегло удивился тому, как это Ярлан Зей может с таким знанием дела рассуждать о вещах, которые имели место спустя миллиард лет после того времени, когда он существовал. Это было очень странно... он, Джизирак, видимо, просто потерял ориентировку — где находится во времени и пространстве...

Путешествие тем временем подходило к концу. Стены туннеля уже больше не мелькали молниями мимо окон. А Ярлан Зей начал говорить с настойчивостью и властью, которых у него раньше не замечалось:

— Прошное кончилось. Мы сделали свое дело — для хорошего ли, дурного ли, и с этим — все! Когда вы, Джизирак, были созданы, в вас был вложен страх перед внешним миром и то чувство настоятельной потребности оставаться в пределах города, которое вместе с вами разделяют все граждане Диаспара. Теперь вы знаете, что страх этот ни на чем не основан, что он был навязан вам искусственно... И вот я, Ярлан Зей, тот, кто дал его вам, освобождаю вас от этого бремени. Вы понимаете?

На этих последних словах голос Ярлана Зея стал звучать все громче и громче, пока, казалось, не заполнил все пространство. Подземный вагон, в котором Джизирак двигался с такой скоростью, стал расплываться и дрожать, как будто сон подходил к концу. Изображение тускнело, но он все еще слышал повелительный голос, громом врывающийся в его сознание: "Вы больше не боитесь, Джизирак! Вы больше не боитесь!"

Он отчаянно пытался проснуться — так ныряльщик стремится вырваться на поверхность морских глубин. Ярлан Зей исчез, но все еще продолжалось какое-то междуцарствие: голоса, которые были ему знакомы, но которые он не мог точно соотнести с определенными людьми.

ми, поощрительно говорили с ним, он ощущал, как его поддерживают чьи-то заботливые руки...

И вслед за этим стремительным рассветом пришло возвращение к реальности.

Он открыл глаза и увидел Хилвара, Джирейна и Олвина, которые стояли подле него с выражением нетерпения на лицах. Но он едва обратил на них внимание — его мозг был слишком полон чудом, которое простерлось перед ним и над ним, — панорамой лесов и рек и голубым куполом открытого неба. Он оказался в Лизе. И ему не было страшно! Никто не беспокоил его, пока бесконечный этот миг навсегда отпечатывался в его сознании.

Наконец он повернулся к спутникам:

— Благодарю вас, Джирейн,— произнес он.— Мне, знаете ли, никак не верилось, что вы добьетесь успеха...

Психолог, выглядевший очень довольным, осторожно подкручивал что-то в небольшом аппарате, который висел в воздухе рядом с ним.

— Вы доставили нам несколько неприятных минут,— признался он.— Раз или два вы начинали задавать вопросы, на которые невозможно было ответить в пределах логики, и я даже опасался, что буду вынужден прервать эксперимент.

— Ну, а... предположим... Ярлан Зей не убедил бы меня? Что бы вы делали?

— Пришлось бы продержать вас в бессознательном состоянии и переправить обратно в Диаспар, где вы пробудились бы естественным образом и так бы и не узнали, что за время сна побывали в Лизе.

— Но тот образ Ярлана Зея, который вы мне внушили... Как многое из того, что он рассказывал, правда?

— Я убежден, что большая часть. Меня, впрочем, куда сильнее заботило, чтобы моя маленькая сага оказалась не столько исторически безупречной, сколько убедительной, но Коллитрэкс изучил ее и не обнаружил никаких ошибок. Вне всякого сомнения, она полностью совпадает с тем, что нам известно о Ярлане Зее и основании Диаспара.

— Ну вот, теперь мы можем открыть город по-настоящему,— сказал Олвин.— На это уйдет уйма времени, но

в конце концов мы сумеем нейтрализовать все страхи, и каждый, кто пожелает, сможет покинуть Диаспар.

— Уйма — это уж точно, — сухо отозвался Джирейн. — И не забывайте, что Лиз едва ли достаточно велик, чтобы принять несколько сот миллионов посетителей, если все ваши вздумают явиться сюда. Я не считаю, что это так уж вероятно, но исключать такую возможность нельзя...

— Проблема разрешается автоматически, — возразил Олвин. — Пусть Лиз крохотен, но мир-то велик! И с какой стати мы должны оставлять его пустыне?

— Экий ты все еще мечтатель, Олвин, — улыбнулся Джизирак. — А я-то думал, что же еще осталось для тебя?

Олвин промолчал. Джизирак сформулировал вопрос, который все настойчивее и настойчивее звучал в его собственной голове — все последние несколько недель. Он так и остался в задумчивости, бредя позади всех, когда они стали спускаться с холма в направлении к Эрли.

Не станут ли столетия, предстоящие ему, тусклыми, лишенными каких бы то ни было новых впечатлений?

Ответ был в его собственных руках.

Он разрядил заряд, уготованный ему судьбой. Теперь, возможно, он мог начать жить.

26.

В достижении цели есть особая печать. Она — в осознании того, что цель эта, так долго остававшаяся вожаделенной, наконец покорена, что жизни теперь нужно придать новые очертания, приспособлять ее к новым рубежам.

Олвин в полной мере познал эту печаль, когда бродил в одиночестве по лесам и полям Лиза. Даже Хилвар не сопровождал его, потому что в жизни каждого мужчины наступает момент, когда он отдаляется и от самых близких друзей.

Блуждания эти были не бесцельными, хотя он никогда не решал заранее, в каком селении остановится на этот раз. Но какое-то определенное место искал он. Ему нужно было новое настроение, какой-то толчок., в сущности, новый для него образ жизни. Диаспар теперь в нем не нуждался. Семена, которые он занес в город, уже быстро проросли, и он теперь ничего не мог сделать, чтобы ускорить или затормозить перемены, происходящие там.

Этому мирному краю тоже предстояло перемениться. Олвину часто приходило в голову, а правильно ли он поступил, открыв — в своем безжалостном стремлении удовлетворить собственное любопытство — древний путь, связывающий обе культуры? Но, конечно же, лучше было, чтобы Лиз узнал правду, — ведь, как и Диаспар, он покоился на собственных опасениях и беспочвенных мифах.

Иногда Олвин задумывался и над тем, какие черты приобретет новое общество. Он всей душой верил в то, что Диаспар должен вырваться из темниц Хранилища Памяти и снова восстановить цикл жизни и угасания. Знал он и то, что, по глубочайшему убеждению Хилвара, в этом нет ничего невозможного, хотя детали предлагаемой методики и оказались для Олвина слишком уж сложны. Что ж, тогда, может быть, снова наступят времена, когда живая человеческая любовь не будет для Диаспара чем-то недостижимым.

Неужели, раздумывал Олвин, любовь и была тем, чего ему всегда не хватало в Диаспаре, и ее-то на самом деле он и стремился найти? Теперь он слишком хорошо понимал, что, когда играющая молодая сила натешена, а честолюбивые устремления и любознательность удовлетворены, остается еще нетерпение сердца. Никому не дано жить настоящей жизнью, если его не осенял прекрасный союз любви и желания, который и не снился Олвину, пока он не побывал в Лизе.

Он бродил по поверхности планет Семи Солнц — первый человек за миллиард лет. Но теперь это для него мало значило. Порой ему представлялось, что он отдал бы все свои достижения, если бы только мог услышать крик новорожденного и знать, что это дитя — его собственное...

В Лизе он в один прекрасный день мог найти то, к чему так стремился. Людям этого края были свойственны сердечная теплота и понимание других, чего — теперь ему это было ясно — не было в Диаспаре. Но прежде чем он мог предаться отдыху и обрести покой, ему предстояло принять еще одно решение.

В его руки пришла власть. Этой властью он все еще обладал. Это была ответственность, которую он когда-то искал и взвалил на себя с радостью, но теперь он понимал, что не найдет успокоения, пока эта ответственность будет лежать на нем. И вместе с тем, отказаться от нее означало предать оказанное ему доверие.

... Он обнаружил, что находится в селении, изрезанном массой каналов, и стоит на берегу большого озера. Разноцветные домики, замершие, словно на якорях, над едва заметными волнами, составляли почти неправдоподобно красивую картину. Здесь была жизнь, от домиков веяло теплотой человеческого общения и комфортом — тем, чего ему так не хватало там, среди величия и одиночества Семи Солнц. Здесь-то он и принял свое решение. Настанет день, когда человечество снова будет готово отправиться к звездам. Какую новую главу напишет Человек там, среди этих пылающих миров, Олвин не знал. Это была уже не его забота. Его будущее лежало здесь, на Земле.

Но прежде, чем повернуться к звездам спиной, он совершит еще один полет.

...Когда Олвин пригасил вертикальную скорость корабля, город находился уже слишком глубоко внизу, чтобы можно было признать в нем дело рук человеческих, и уже была заметна кривизна планеты. Еще немного спустя он увидел и линию терминатора, на которой — в тысячах миль от них — рассвет совершал свой бесконечный переход по безбрежным пространствам пустыни. Над ними и вокруг них сияли звезды, все еще блистающие красотой, несмотря на то, что когда-то они утратили часть своего великолепия.

Хилвар и Джизирак молчали, догадываясь, но не зная наверняка, чего ради затеял Олвин этот полет и почему он пригласил их сопровождать его. Разговаривать не хотелось. Под ними медленно разворачивалась

безрадостная панорама, лишенная малейших признаков жизни. Ее опустошенность давила и того, и другого, и Джизирак неожиданно для самого себя почувствовал, как в нем вспыхнул гнев на людей прошлого, которые по небрежению позволили угаснуть красоте Земли.

Ему страстно хотелось верить, что Олвин прав, говоря о том, что все это можно переменить. И силы, и знания все еще находились в распоряжении Человека, и необходима была только воля, чтобы повернуть столетия вспять и заставить океаны вновь катить свои волны. Если необходимо, то можно создать заводы, которые дадут планете эту воду.

За годы, лежащие впереди, предстояло сделать так много! Джизирак знал, что стоит на рубеже двух эпох: он уже чувствовал повсюду убыстряющийся пульс человечества. Предстояло столкнуться с гигантскими проблемами, но Диаспар на это пойдет. Переписывание прошлого займет многие сотни лет, но когда прошлое будет перебелено, Человек снова обретет почти все, утраченное им.

И все же, в состоянии ли он будет обрести действительно все?— подумал Джизирак. Трудно было поверить, что Галактика снова может быть покорена, и если даже это будет достигнуто, то ради какой цели?

Олвин прервал его размышления, и Джизирак отвернулся от экрана.

— Мне хотелось, чтобы вы это увидели,— тихо сказал Олвин.— Другой возможности вам может не представиться.

— Разве ты покидаешь Землю?

— Нет. Я по горло сыт космосом. Даже если другие цивилизации еще и выжили в Галактике, я как-то сомневаюсь, что они стоят того, чтобы их разыскивать. Так много работы на Земле! Теперь я знаю, что она — мой дом. И я не собираюсь снова оставлять его.

Он смотрел вниз на бескрайние пустыни, но глаза его видели воды, которые будут плескаться на этих пространствах через тысячи лет. Человек снова открыл свой мир и он делает его прекрасным, пока остается на нем. А уж потом...

— Мы не готовы уйти к звездам, и пройдет еще очень много времени, прежде чем мы снова примем их вызов. Я все думал — что мне делать с этим кораблем? Если он останется здесь, на Земле, меня все время будет подмывать воспользоваться им и я потеряю покой. В то же время я не могу распорядиться им бездарно. У меня такое чувство, будто его мне доверили и я просто обязан использовать его на благо нашего мира...

Поэтому я решил вот что: я пошлю его в Галактику с роботом в качестве пилота, чтобы выяснить — что же произошло с нашими предками, и, возможно, узнать, ради чего они покинули нашу Вселенную, что они собирались найти. Это, должно быть, было для них что-то невообразимо чудесное, если в своем стремлении к нему они оставили так многое...

Робот не ведает усталости, сколько бы времени ни заняло у него это путешествие. И настанет день, когда наши двоюродные братья получат мое послание и узнают, что мы ждем их здесь, на Земле. Они вернутся, и я надеюсь, что к тому времени мы станем достойны их, как бы велики они ни были в своем знании...

Олвин умолк, устремив взор в будущее, контуры которого он определил, но которого ему, возможно, и не суждено увидеть. Пока Человек перестраивает свой мир, этот корабль будет бороздить пропасти между Галактиками и возвратится лишь через многие тысячелетия. Может быть, он, Олвин, еще будет здесь, чтобы встретить его, но если даже нет, то все равно он был удовлетворен своим решением.

— Мне думается, ты рассудил мудро, — отозвался Джи-зирак. И тут же, в последний раз, отголосок бывшего страха вспыхнул в его душе, чтобы помучить его: — Но, предположим, что корабль придет в контакт с чем-то таким, встречи с чем мы бы не хотели... — Голос его упал, поскольку он осознал источник своей тревоги, и улыбнулся кривой улыбкой, в которой был упрек самому себе и которая тотчас прогнала последний призрак Пришельцев.

Олвин отнесся к теме куда серьезнее, чем ожидал Джи-зирак.

— Ты забываешь, скоро у нас в помощниках будет Вэйнамонд, — сказал он. — Мы еще не знаем, какими возможностями он располагает, но в Лизе-то все, похоже, думают, что возможности эти потенциально безграничны. Разве не так, а, Хилвар?

Хилвар ответил не сразу. Вэйнамонд был еще одной огромной загадкой, гигантским вопросительным знаком, пока это существо остается на Земле. Но очевидно было и то, что эволюция Вэйнамонда в сторону самоосознания ускорилась в результате его общения с философами Лиза. Они страстно надеялись на сотрудничество в будущем с этим супермозгом-ребенком, веря в то, что человечеству удастся в результате сэкономить целые эпохи, которых потребовала бы его естественная эволюция.

— Я не совсем уверен... — признался Хилвар. — Я как-то не очень думаю, что мы должны ожидать слишком многого от Вэйнамонда. Мы теперь можем ему помочь, но в его бесконечной жизни мы промелькнем только ничтожнейшим эпизодом. Я не думаю, что его конечное предназначение имеет какое-то отношение к нам.

Олвин с изумлением уставился на него.

— Почему ты так считаешь? — спросил он.

— Мне трудно объяснить... Просто интуиция, — ответил Хилвар. Он мог бы добавить еще кое-что, но сдержался. Такие вещи как-то не предназначались для передачи, и, хотя Олвин, конечно же, не стал бы смеяться над его мечтой, он не решился обсудить проблему даже со своим другом.

Это было больше, чем мечта, в этом он был уверен, и отныне она станет преследовать его. Каким-то образом она завладела его сознанием еще во время того неопишуемого, неразделимого ни с кем контакта, который был у него с Вэйнамондом там, у Семи Солнц. Знал ли сам Вэйнамонд, какой должна быть его одинокая судьба?

Наступит день, когда энергия Черного Солнца иссякнет и оно освободит своего узника. И тогда на окраине Вселенной, когда само Время начнет спотыкаться и останавливаться, Вэйнамонд и Безумный Разум должны встретиться среди остывших звезд. Это столкновение может опустить занавес над всем мирозданием. И все же

оно не будет иметь ничего общего с маленькими заботами Человека, и он так никогда и не узнает о его исходе...

— Смотрите!— внезапно воскликнул Олвин.— Вот это-то я и собирался вам показать. Знаете, что это такое?

Корабль находился над Полюсом, и планета под ними являла собой безукоризненную полусферу. Глядя вниз на пояс сумерек, Джизирак и Хилвар в одно и то же мгновение увидели на противоположных концах мира и рассвет, и закат. Символика была столь безукоризненна и так поражала душу, что они запомнили этот момент на всю жизнь.

В этой Вселенной наступал вечер. Тени удлинялись к востоку, который не встретит еще одного рассвета. Но повсюду вокруг звезды были еще юны, а свет утра только начинал брезжить. И в один прекрасный день Человек снова двинется по тропе, которую он избрал.

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

11/11/11

Посвящаю острову Шри Ланка,
где я взошел по Лестнице богов.

1. КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Рано или поздно это должно было случиться. 30 июня 1908 года, задержись Тунгусский метеорит на три часа или приземлился он на четыре* тысячи километров западнее, — величины ничтожно малые в масштабах Вселенной, — могла бы пострадать Москва. 12 февраля 1947 года на волоске от гибели оказался другой русский город: второй великий метеорит XX века взорвался менее чем в четырехстах километрах от Владивостока, и этот взрыв по силе мог бы соперничать с только что изобретенной атомной бомбой.

Только у человечества просто не было средств огрaдить себя от космической бомбардировки, от выстрелов вслепую, некогда изувечивших поверхность Луны. Метеориты 1908 и 1947 годов упали на безлюдные, дикие места. Но к концу XXI столетия на Земле не осталось районов, которые можно было бы без опаски использовать как полигоны для небесной артиллерии. Человек расселился от полюса до полюса. И произошло неизбежное...

Лето 2077 года выдалось исключительно теплым и ласковым. Утром 11 сентября, в 9 часов 46 минут по Гринвичу, жители Европы поневоле обратили внимание на ослепительный огненный шар, появившийся на восточном небосклоне. За считанные секунды он затмил своим сиянием Солнце и, бесшумно перечеркнув небо, оставил за собой клубящийся дымный след.

Где-то над Австралией шар начал распадаться, и на Землю обрушились волны чудовищного грома. Более миллиона человек до конца своих дней не услышали уже ни звука — но им еще повезло.

Со скоростью пятьдесят километров в секунду тысячи тонн железа и камня рухнули на равнины Северной Италии, уничтожив за несколько огненных мгновений труд тысячелетий. Города Падуа и Верона были стерты с лица земли, и последние из красот Венеции навеки ушли на дно морское — воды Адриатики с ревом хлынули в гигантскую вмятину.

Погибло шестьсот тысяч человек, общий материальный ущерб превысил триллион долларов. Но чем измерить невосполнимые потери, которые понесли искусство, история, наука и вообще весь род человеческий! За одно-единственное утро люди словно бы начали и проиграли страшную войну, лишь немногим послужили утешением изумительной красоты восходы и закаты, которые дала пыль катастрофы, — ничего подобного никто не видел с 1883 года, с извержения Кракатау.

Едва прошел первый шок, человечество ответило на несчастье с решительностью и сплоченностью, немыслимыми в иные, более ранние эпохи. Разумеется, катастрофа таких масштабов могла и не повториться или повториться через тысячи лет, но кто бы поручился, что завтра она не разразится вновь... Бедствия в следующий раз могли оказаться еще ужаснее.

И было решено, что «следующего раза» не будет.

Ведь еще столетием раньше, когда мир был куда беднее, а его ресурсы ограниченнее, народы не почитались с затратами, стремясь уничтожить запасы оружия, достигшие самоубийственных размеров. Замысел этот тогда не увенчался полным успехом, был накоплен определенный опыт. И теперь его использовали для еще более благородной цели, использовали с грандиозным размахом. Ни один метеорит, достаточно большой, чтобы стать опасным, впредь никогда не должен был пробить оборонительные рубежи

землян.

Так зародилась система «Космический патруль». Спустя полвека она полностью оправдала себя. Оправдала весьма неожиданным образом, не предусмотренным конструктором.

2. ПРИШЕЛЕЦ

К 2130 году было открыто множество мелких астероидов: локаторы, базирующиеся на Марсе, засекали их буквально по десятку в день. Компьютеры Космического патруля автоматически вычисляли их орбиты и копили эти сведения в своей необъятной памяти на тот нечастый случай, если какой-нибудь фанатик-астроном поинтересуется итоговой статистикой. Статистика выглядела очень впечатляюще.

Самый крупный из астероидов, Церера, был обнаружен в первый день XIX века, и понадобилось больше ста двадцати лет, чтобы довести счет карликовых планет до тысячи. Сотни их открывали, тут же теряли, а затем находили заново; астероиды роились так густо, что один сердитый астроном обозвал их «паразитами небес». Его, наверное, потрясло бы, что Космический патруль ухитряется следить за каждым из полумиллиона астероидов.

Среди них только пять гигантов — Церера, Паллада, Юнона, Эвномия и Веста — превышали в перечнике двести километров; подавляющее большинство астероидов составляли, в сущности, валуны-переростки, вполне уместные в каком-нибудь живописном парке. Почти все они двигались по орбитам, лежащим между Марсом и Юпитером; внимание Космического патруля привлекали лишь те, которые подходили намного ближе к Солнцу и, следовательно, представляли собой потенциальную опасность. Но и среди таких едва ли один из тысячи хоть однажды за всю ис-

торию Солнечной системы приближался к Земле на расстояние меньше миллиона километров.

Объект, внесенный в каталоги первоначально под номером 31/439 — год открытия плюс порядковый номер, — локаторы засекли еще за орбитой Юпитера. В самом его местонахождении не было ничего необычного: немало астероидов, прежде чем вернуться к своему повелителю — Солнцу, отдаляется от него до Сатурна и даже за Сатурн. А Туле-II, самый дальний из всех, настолько близко подлетает к Урану, что, похоже, некогда являлся его луной.

Но засечь астероид на таком расстоянии до сих пор не удавалось; очевидно, номер 31/439 отличался огромными размерами. По силе отраженного сигнала компьютеры определили, что диаметр астероида составляет не менее сорока километров. Такого великана не открывали, наверное, добрую сотню лет, и оставалось только недоумевать, почему же никто не обнаружил его намного раньше.

Когда вычислили элементы орбиты нового астероида, загадка вроде бы разрешилась, однако на смену ей пришла другая, более существенная. Номер 31/439 вовсе не был обыкновенным астероидом, бегущим по эллиптической орбите и повторяющим ее с точностью часового механизма каждые несколько лет. Он оказался одиноким межзвездным скитальцем, посетившим Солнечную систему в первый и последний раз, и двигался так стремительно, что даже гравитационное поле Солнца не способно было взять его в плен. Пронзив орбиты Юпитера, Марса, Земли, Венеры и Меркурия и непрерывно набирая скорость, он должен был в конце концов обогнуть Солнце и вновь уйти в неведомое.

Тогда-то, закончив вычисления, компьютеры послали людям сигналы: «Внимание! Мы откопали для вас кое-что интересное», — и номер 31/439 впервые привлек внимание человечества. Легкий шквал возбуждения в штабе Космического патруля — и межзвездного бродягу вместо заурядного номера удостоили

имени собственного. Астрономы давно уже исчерпали как греческую, так и римскую мифологию и теперь принялись за индуистский пантеон. Номер 31/439 нарекли именем Рама.

Средства массовой информации подняли было шум вокруг небесного гостя, но через два-три дня вынужденно утихли — кричать оказалось не о чем. Все данные о Раме исчерпывались двумя параметрами — необычной орбитой и удивительными размерами. Но и размеры, вычисленные по силе отраженного радиосигнала, еще нельзя было считать окончательно установленными. В телескоп Рама по-прежнему казался слабенкой звездочкой пятнадцатой величины, о видимом диске не могло быть еще и речи. Но по мере того как он продвигался к центру Солнечной системы, величина и яркость должны были постепенно возрастать: прежде чем Рама скроется навсегда, орбитальные обсерватории сумеют составить более точное представление о его форме и размерах. А может статься, — времени впереди еще достаточно, — какой-нибудь космический корабль, не отклоняясь от маршрута, приблизится к пришельцу настолько, чтобы сделать четкие фотографии. Специальное свидание с Рамой представлялось в высшей степени невероятным — слишком велики оказались бы энергетические затраты, ведь объект исследования пересекал орбиты планет со скоростью более ста тысяч километров в час.

И мир благополучно забыл о Раме — мир, но не астрономы. Напротив, их интерес к нему неуклонно обострялся; необычный астероид задавал им все новые загадки.

Прежде всего возник вопрос: почему яркость Рамы остается постоянной?

Всем известным астероидам, всем без исключения, свойственны определенные колебания яркости, то нарастающей, то слабеющей с периодом в несколько часов. Давным-давно было установлено, что эти колебания — неизбежное следствие вращения астеро-

идов и их неправильной формы. Они кувыркаются по своим орбитам, и отражающие поверхности, обращенные к Солнцу, непрерывно сменяют друг друга, соответственно изменяется и яркость.

Яркость Рамы оставалась постоянной. То ли этот астероид вообще не вращался, то ли имел идеально правильную форму. Оба эти объяснения выглядели одинаково неправдоподобно.

Разгадки пришлось ждать многие месяцы: большие, вынесенные в космос телескопы без устали всматривались в дальние глубины Вселенной и не могли отвлекаться на подобные пустяки. Орбитальная астрономия — удовольствие дорогое, время на крупных инструментах расписано по минутам, и каждая минута оценивается примерно в тысячу долларов. Доктор Уильям Стентон никогда не получил бы в свое распоряжение двухсотметровый рефлектор на обратной стороне Луны, если бы другая, много более важная программа не сорвалась из-за отказа какого-то грошового конденсатора. Беда, постигшая коллегу, обернулась для Стентона редкостной удачей.

Он, разумеется, и не догадывался о ней, пока на следующий день не обработал полученные данные с помощью компьютера. И даже увидев результаты на экране, он не сразу смог осознать их смысл.

Яркость солнечного света, отраженного Рамой, все-таки не была абсолютно постоянной! Прослеживались колебания — слабые, едва уловимые, но несомненные и, главное, регулярные колебания. Подобно всем другим астероидам, Рама вращался вокруг своей оси. Но если на обычном астероиде «сутки» продолжались несколько часов, Рама совершал полный оборот за четыре минуты.

Доктор Стентон тотчас же проделал примерный подсчет — результатам трудно было поверить. Скорость вращения этого крошечного мирка на экваторе превышала тысячу километров в час; всякая попытка совершить посадку где-либо, кроме полюсов, окончилась бы весьма плачевно. Центробежная сила на эк-

ваторе Рамы отбросила бы любое тело с ускорением, почти равным земному ускорению свободного падения. Космическая пыль — и та не могла удержаться на поверхности Рамы: удивительно, как подобное тело вообще ухитрилось сохранить себя в целости, не рассыпавшись по пути на миллионы осколков.

Объект диаметром сорок километров с периодом вращения вокруг оси равным четырем минутам — как, спрашивается, втиснуть такое чудище в астрономическую картину мира? Стентон был человек, не лишенный воображения, больше того, порою склонный к поспешным выводам. И он не замедлил сделать заключение, которое на какое-то время совершенно выбило его из колеи.

Единственным экспонатом небесного зверинца, соответствующим полученному описанию, оказывалась нейтронная звезда. А что если Рама в самом деле представляет собой мертвое солнце, бешено вращающийся шар из сверхплотной материи, каждый кубический сантиметр которой весит сотни миллионов тонн?.. В ту же секунду в распаленном воображении доктора Стентона вспыхнули картины, навеянные классическим уэллсовским рассказом «Звезда». Впервые он прочитал этот рассказ еще в детстве, и именно Уэллс пробудил в юном Стентоне интерес к астрономии. За два столетия рассказ ни на йоту не потерял своей впечатляющей и устрашающей силы. Стентон не мог забыть ураганы, исполинские приливные волны, проглоченные морем города, неисчислимые разрушения, вызванные уэллсовской звездой-гостьей, когда та, предварительно столкнувшись с Юпитером, пролетала мимо Земли в сторону Солнца. Правда, звезда, которую нарисовал старик Уэллс, была не холодной, а раскаленной добела. Но это вряд ли что-то меняло: полностью остывшее тело, светящее отраженным светом, способно убивать одним своим притяжением с такой же легкостью, как раскаленное — теплом.

Масса звездных размеров, вторгшаяся в Солнеч-

ную систему, неизбежно повлияет на орбиты планет. А ведь достаточно Земле передвинуться на два-три миллиона километров ближе к Солнцу, — или дальше от него, — как тонкий климатический баланс окажется безвозвратно нарушенным. Антарктическая ледовая шапка растает и затопит низменности и равнины или, того хуже, океаны замерзнут, и мир зачленеет в оковах вечной зимы. Чуть подтолкни Землю в любом из двух направлений — и готово...

Тут доктор Стентон наконец расслабился и вздохнул с облегчением. Все это чепуха; стыдитесь, доктор, стыдитесь!

Рама никак не может состоять из сверхплотной материи. Масса таких размеров не могла бы проникнуть так глубоко в Солнечную систему, не вызвав в ней беспорядка, который давным-давно выдал бы себя с головой. Дальние планеты наверняка отклонились бы от привычных орбит, а ведь именно возмущения в небесной механике привели к открытию Нептуна, Плутона и Персефоны. Положительно невозможно, чтобы никто не заметил возмущений, вызванных гигантской массой мертвого солнца.

И все-таки жаль, что это невозможно. Встреча с черной звездой стала бы для астрономов событием...

3. РАМА И "СИТА"

Чрезвычайное заседание Космического консультативного совета было недолгим, но бурным. Даже в XXII столетии так и не сыскали способа отвадить консервативно настроенных ученых от ключевых административных постов. Надо думать, эта проблема принадлежит к числу психологически неразрешимых.

В довершение всех бед председателем совета в данный момент являлся отставной профессор Олаф Дэвидсон, знаменитый астрофизик. Профессор Дэвид-

сон не испытывал ни малейшего интереса к объектам, которые по размерам были меньше галактик, и не считал необходимым скрывать свои чувства. И хотя он вынужденно признавал, что девять десятых новых данных его наука получает теперь с помощью инструментов, вынесенных в космос, это обстоятельство его отнюдь не радовало. На протяжении долгой научной карьеры профессора по меньшей мере трижды случалось, что спутники, запущенные с целью доказать какую-нибудь из взлелеянных им теорий, не представляли от нее камня на камне.

Вопрос, который надлежало решить сегодня, требовал однозначного ответа. Несомненно, Рама представляет собой необычный объект, но насколько важен этот объект для науки? Два-три месяца — и он скроется навсегда, потеряно уже слишком много времени. Другого шанса встретиться с чем-то подобным, вероятно, просто не будет.

Это обойдется ужасающе дорого — и тем не менее космический корабль, который планировалось запустить с Марса в межпланетное пространство за Нептуном, можно спешно переоборудовать и послать на перехват Рамы. О сколько-нибудь длительном свидании, разумеется, говорить не приходилось — рассчитывать следовало лишь на аппаратуру записи: два тела разминутся со встречной скоростью двести тысяч километров в час. Продолжительность прямого наблюдения составит в лучшем случае пять минут, а длительность съемки крупным планом — менее секунды. Но при надлежащей наладке аппаратуры этого все же хватит на то, чтобы многое увидеть и многое понять.

Хотя профессор Дэвидсон исходил желчью при одном упоминании об экспедиции за Нептун, она была уже одобрена; теперь он не понимал, зачем швырять на ветер еще большие средства. Профессор произнес пламенный монолог о том, что лишь безумцы могут охотиться за астероидами и что гораздо целесообразнее установить на Луне новый интерферометр с высокой разрешающей способностью и доказать раз

и навсегда космологическую гипотезу «Большого взрыва».

Это была роковая тактическая ошибка, поскольку трое из членов совета являлись пылкими сторонниками гипотезы устойчивой Вселенной. В душе они были совершенно согласны с профессором Дэвидсоном, что охота за астероидами — пустая трата денег, и однако...

Его возражения были отвергнуты большинством в один голос.

Три месяца спустя космический корабль получил новое имя "Сита". (Сита — супруга Рамы, мифического царя государства Айодкьи, героя великой древнеиндийской поэмы "Рамаяна".) Подготовка к полету проходила особенно тщательно, с соблюдением всех необходимых технических условий.

Корабль стартовал с Фобоса, спутника Марса. Полет продолжался семь недель, а вся аппаратура была включена на полную мощность лишь за пять минут до момента встречи. Одновременно были запущены ракеты с телекамерами, чтобы сфотографировать Раму сразу со всех сторон.

Первые же изображения, переданные с расстояния в десять тысяч километров, заставили человечество отложить в сторону все дела. На миллиардах телевизионных экранов появился крохотный тусклый цилиндр, который с каждой секундой стремительно вырастал. Когда он увеличился вдвое, уже никто в целом мире не смел бы утверждать, что Рама имеет естественное происхождение.

Тело представляло собой цилиндр столь совершенной геометрической формы, словно его выточили на токарном станке — гигантском станке, бабки которого разнесены на пятьдесят километров. Оба торца цилиндра были совершенно плоскими, лишь в центре одного из них возвышалось какое-то небольшое сооружение: диаметр цилиндра был двадцать километров, но на расстоянии, пока не ощущался истинный масштаб, Рама до смешного напоминала заурядную

стиральную машину.

Но вот цилиндр заполнил собою весь экран. Поверхность у него была тусклая, коричневато-серая, безжизненная, как у Луны, и лишенная каких бы то ни было ориентиров, кроме единственного. Примерно посередине большой оси боковую поверхность пятнал километровой темный мазок, будто что-то когда-то, многие века назад, ударилось и расплющилось о нее. Удар, по-видимому, не причинил Раме никакого вреда, но именно этот мазок вызывал те легкие колебания яркости, которые и обнаружил Стентон.

Изображения, переданные другими камерами, не добавили к этой картине ничего нового. Однако траектории, прочерченные ракетами через собственное гравитационное поле Рамы, дали добавочную и притом важную информацию — позволили определить массу цилиндра.

Для монолитного цилиндра таких размеров масса оказалась чрезвычайно малой. Это уже никого не удивило: искусственное тело и должно быть полым.

Событие, на которое давно надеялись, которого давно опасались, наконец свершилось. Человечеству, видимо, предстояло принять первых гостей со звезд.

4. СВИДАНИЕ

Капитан Нортон ясно помнил эти первые телевизионные передачи, тем более что сегодня перед посадкой много раз прокручивал их заново, однако наяву создавалось впечатление, какое электронное изображение не в состоянии было передать: размеры Рамы просто ошеломяли.

Такого впечатления никогда не возникало при посадке на естественное небесное тело, на Луну или на Марс. То были миры, и мы заведомо понимали, что они велики. Однако Нортону доводилось садиться

и на восьмом спутнике Юпитера, который был даже несколько больше Рамы и все же казался совсем, совсем маленьким.

Парадокс объяснялся просто. Сознание не могло смириться с фактом, что это искусственное сооружение, в миллионы раз более массивное, чем любая из космических станций, созданных человеком. Масса Рамы достигала как минимум десяти миллионов тонн; космонавту подобная цифра внушала не просто благоговение, но и самый настоящий страх. Не удивительно, что по мере того, как громада выпуклого вечного металла заполняла небо, капитан все острее ощущал собственную ничтожность и уныние.

Возникало также и чувство опасности, чувство совершенно непривычное. Какую из предыдущих посадок ни припомнить, Нортон всегда знал, что его ожидает; конечно, оставалась вероятность несчастного случая, но и только. Здесь, на Раме, несомненным было лишь одно — полнейшая неизвестность.

«Индевор» висел менее чем в тысяче метров над северным полюсом цилиндра, над центром вращающегося диска. Этот полюс выбрали потому, что он был освещен солнцем; по металлической плоскости, что без устали кружилась под ними, размеренно бежали тени от невысоких загадочных сооружений вблизи оси. Северная поверхность Рамы выглядела, как исполинские солнечные часы, отмеряющие его стремительные четырехминутные дни.

Как опустить корабль весом в пять тысяч тонн строго в центр вращающегося диска — эта задача капитана, в сущности, не смущала. Она не отличалась от посадки на оси большой космической станции. Вспомогательные двигатели уже раскрутили «Индевор» со скоростью, в точности соответствующей скорости вращения Рамы, и у Нортон были все основания верить, что лейтенант Джо Колверт посадит корабль мягко, как снежинку. Посадит независимо от того, сможет ему бортовой компьютер или нет.

— Через три минуты, — заметил Джо, не отрывая

глаз от раскрывшейся внизу панорамы,— мы узнаем, не состоит ли Рама из антиматерии...

Перебрав в памяти самые жуткие из теорий происхождения Рамы, Нортон усмехнулся. Непохоже, чтобы эти чудовищные гипотезы имели под собой почву, но если имеют, то через три минуты в Солнечной системе грянет взрыв, равного которому не было с самого ее формирования. Полная аннигиляция десяти тысяч тонн массы на мгновение дала бы планетам второе солнце.

Вот почему в полетном задании была предусмотрена даже эта, пусть маловероятная, возможность: с безопасной дистанции в тысячу километров «Индевор» выстрелил в сторону Рамы реактивной струей. И ничего не произошло — цели достигло лишь разреженное облачко газов, а ведь даже миллиграммы материи, соединившись с антиматерией, вызвали бы внушительный фейерверк.

Космические капитаны — народ осторожный. Нортон долго и пристально вглядывался в северную плоскость Рамы, выбирая точку посадки. По зрелом размышлении он решил отказаться от соблазна опуститься в самом центре, точно по оси. Там, на полюсе, располагалась ясно видимая круглая конструкция ста метров в диаметре, и у Нортонa возникло сильное подозрение, что это внешний замок грандиозного входного шлюза. Должны же были существа, построившие этот пустотелый мир, каким-то образом проникать вместе со своим снаряжением внутрь. Для главного входа было бы наиболее логично избрать полюс, и крайне неразумно — заблокировать парадную дверь собственным кораблем.

Но такое решение порождало другие проблемы. Достаточно при посадке отклониться от оси хотя бы на десяток метров — и быстрое вращение Рамы потащит «Индевор» прочь от полюса. Поначалу центробежная сила будет очень и очень мала, зато действовать она будет непрерывно и неотвратимо. И капитану Нортону вовсе не улыбалось, что его корабль

станет скользить по своей «посадочной площадке», минута за минутой набирая скорость, пока не достигнет края диска и не вылетит в космос, словно из пращи, со скоростью тысяча километров в час.

Возможно, впрочем, что собственное гравитационное поле Рамы — порядка одной тысячной земного — все-таки удержит корабль на месте. Притяжение прижмет «Индевор» к поверхности с силой в несколько тонн, и, если эта поверхность шероховата, ничего не случится. Однако Нортон что-то не ощущал желания испытывать на себе гипотетическую силу трения; можно было полагаться лишь на вполне достоверную центробежную силу.

К счастью, ответ показали сами конструкторы Рамы. Вокруг полюса на равном расстоянии от оси были расположены три приплюснутых коробчатых возвышения, каждое метров по десять в поперечнике. Отсюда следовало, что «Индевор» надо посадить между этими возвышениями, — и та же центробежная сила придавит его к ним и удержит, как на привязи, словно судно, прибитое к пирсу морским приливом.

— Контакт через пятнадцать секунд, — предупредил Джо.

Лейтенант весь напрягся, склонившись к кнопкам ручного управления, хотя и не терял надежды, что трогать их не придется. Капитан Нортон сознавал величие момента: с той, отдаленной от них полутора столетиями секунды, когда человек впервые достиг Луны, это, несомненно, была самая важная космическая посадка.

Серые коробчатые возвышения на контрольных экранах медленно перемещались вверх. Прощальный свист ракетных дюз, едва уловимый толчок.

На протяжении последних недель Нортон нередко размышлял о том, что он скажет в этот знаменательный миг. Но когда миг настал, история распорядилась за него, и он произнес почти автоматически, не отдавая себе отчета в том, что его слова прозвучали эхом из прошлого:

— Говорит Рама. «Индевор» сел.

Нортон, в сущности, повторяет слова, произнесенные Нейлом Армстронгом 20 июля 1969 года в момент, когда лунная кабина «Аполлона-11» коснулась поверхности Луны.

Еще месяц назад он и сам ни за что не поверил бы, что это возможно. Корабль шел своим обычным маршрутом, проверяя и устанавливая на астероидах предупредительные радиобакены, когда получил единственный в своем роде приказ. Оказалось, что во всей Солнечной системе просто нет другого корабля, кроме «Индевора», который успел бы нагнать Раму, прежде чем тот развернется вокруг Солнца и вновь устремится к звездам. Но и «Индевору» пришлось по дороге буквально ограбить трех разведчиков, приписанных к Службе Солнца, и те сейчас беспомощно дрейфовали в пространстве в ожидании танкеров-заправщиков. Нортон побаивался шкиперов "Калипсо", "Бигла" и "Челенджера".

Все названия кораблей заимствованы из истории мореплавания. На барке «Индевор» Джеймс Кук в 1768-1777 годах совершил свое первое кругосветное путешествие. «Калипсо» — французское океанографическое судно, обслуживавшее экспедиции Жака Ива Кусто. На корабле «Бигл» путешествовал вокруг света Чарлз Дарвин, а на пароходе «Челенджер» Джордж Нэрс в 1874 году пытался проникнуть к Южному полюсу.

Игра стоила свеч.

И даже несмотря на все дополнительное топливо, погоня выдалась долгой и трудной: незванный гость уже пересек орбиту Венеры, когда «Индевор» наконец настиг его. Ни один корабль никогда не сможет повторить этот маневр; привилегия, дарованная Нортону, была уникальной, и из оставшихся немногих недель ни единой минуты нельзя было потратить впустую. Тысячи ученых Земли с восторгом заложили бы собственную душу за право находиться рядом с ним, однако им оставалось лишь следить за происходящим

по телевидению и, кусая губы, думать о том, насколько лучше они справились бы с этой миссией сами. Вероятно, они рассуждали правильно, но другого выхода не было. Неумолимые законы небесной механики продиктовали именно «Индевору» стать первым и последним пилотируемым кораблем землян, который когда-либо приблизится к Раме.

Конечно, Земля беспрестанно давала Нортону советы, однако это отнюдь не снимало с него ответственности. На то, чтобы принять решение, подчас отпускается лишь доля секунды — и тут рассчитывать было не на кого: запаздывание радиосообщений из Контрольного центра уже достигло десяти минут и неуклонно возрастало. Капитан частенько завидовал великим мореплавателям прошлого, не ведавшим электронной связи; вскрыв запечатанный приказ, они вольны были толковать его без назойливой опеки со стороны начальства. Если они ошибались, об этом не знал никто.

И в то же время Нортон был бы рад возможности переложить груз некоторых решений на плечи Земли. Сейчас, когда орбита «Индевора» совпала с орбитой Рамы, они неслись к Солнцу как единое целое; через сорок дней, достигнув перигелия, они оказались бы в двадцати миллионах километров от светила. Двадцать миллионов — это слишком близко, и задолго до того «Индевору» придется, используя оставшееся топливо, перейти на более безопасную орбиту. На исследования было отпущено от силы три недели, а затем они расстанутся с Рамой, расстанутся навсегда.

Ну, а потом — потом они попадут в рабскую зависимость от Земли. «Индевор» станет фактически беспомощным, а его орбита будет такова, что он в свою очередь сможет долететь до звезд приблизительно через пятьдесят тысяч лет. Но Центр заверил, что для беспокойства нет оснований: рано или поздно «Индевор» дозаправят. Дозаправят, не считаясь с расходами, даже если понадобится покинуть

опорожненные до грамма танкеры на произвол судьбы. Цель — Рама — оправдывала любые средства, за исключением самоубийства.

И раз уж на то пошло, самоубийство тоже не исключалось. Нортон не питал иллюзий на этот счет. Впервые за добрую сотню лет в человеческие планы вторглась полная неопределенность. А это, как известно, вещь непереносимая ни для политиков, ни для ученых. Если за то, чтобы покончить с нею, надо платить, то «Индевор» и его экипаж — цена не столь уж высокая...

5. ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА

Вокруг стояла могильная тишина. А может, это и в самом деле была могила? Никаких радиосигналов ни на одной из мыслимых частот; никакой вибрации, заметной для сейсмографов, не считая микроколебаний, вызванных, без сомнения, действием солнечных лучей; никаких электрических полей; ни следа радиоактивности. На Раме царило почти зловещее спокойствие — даже на астероидах, казалось, бывает больше шума.

«А чего мы, собственно, ждали? — спросил себя Нортон. — Церемониальной встречи?..» Он и сам не понимал, разочаровало его это молчание или ободрило. Инициатива, во всяком случае, была в его руках.

Инструкция предписывала выждать двадцать четыре часа, а затем выйти на рекогносцировку. Никто из членов экипажа не спал толком в этот первый день; даже те, кто был свободен от вахты, все свое время проводили у приборов, без усталости разглядывая на обзорных экранах застывший геометрический ландшафт. Всех мучил один и тот же вопрос: жив этот

мир или мертв? Или просто уснул?

В первую вылазку Нортон взял с собой только одного человека — капитан-лейтенанта Карла Мерсера, несговорчивого, но изобретательного специалиста по системам жизнеобеспечения. На первый раз он не собирался уходить далеко от корабля. И выводить сразу многих было незачем: если вдруг возникнут осложнения, это вряд ли поможет. Впрочем, предосторожности ради, два других члена экипажа, заранее надев скафандры, дежурили возле выходного люка.

Под действием притяжения и центробежной силы каждый человек «весил» пять-десять граммов; рассчитывать приходилось лишь на ранцевые двигатели. Нортон решил, что при первой же возможности натянёт между кораблем и ближайшим возвышением страховочную сетку, чтобы не было нужды тратить на каждый шаг топливо.

«Коробочка» находилась в каком-то десятке метров от выходного люка, и Нортон первым делом проверил, не причинила ли посадка вреда «Индевору». Но нет — хоть корпус и прижимало к поверхности с силой в несколько тонн, нагрузка распределялась равномерно. У капитана отлегло от сердца и он пустился в путь вокруг «коробочки», пытаясь разгадать ее предназначение.

И буквально через три-четыре метра он натолкнулся на разрыв в гладкой, вероятно, металлической стене. Сначала ему подумалось, что это какое-то диковинное украшение, — казалось, оно не служит никакой разумной цели. Шесть радиальных борозд, вернее пазов, глубоко врезанных в металл, а в них шесть перекрещивающихся планок, словно спицы колеса без обода, и небольшая ступица в центре. Но каким же образом повернуть это колесо, если оно утоплено в стене?

И тут Нортон не на шутку разволновался, заметив на концах спиц специальные углубления, будто созданные для того, чтобы захватить их рукой (а может, клешней или щупальцем?). Если встать вот так,

опершись о стену, и потянуть за спину вот так...

Колесо легко и беззвучно выскользнуло из стены. К величайшему удивлению Нортон — в душе он был уверен, что любые движущиеся части здесь, в вакууме, давным-давно сплывились, — у него в руках оказался самый настоящий штурвал. Он мог бы вообразить себя капитаном старинного парусника, замершим на мостике у руля.

Оставалось только радоваться, что светофильтр не позволяет Мерсеру следить за выражением его лица.

Нортон был озадачен, больше того, сердит на себя. Быть может, он совершил первую ошибку: быть может, где-то внутри Рамы уже звучат тревожные sireны; быть может, его бездумный поступок привел в действие какой-нибудь непостижимый механизм?

Однако с «Индевора» сообщили, что не наблюдают никаких перемен: чувствительные приборы по-прежнему не улавливали ничего, кроме микрорасширения материалов и движений самого «Индевора».

— Ну что, шкипер, рискнем повернуть?..

Нортон еще раз припомнил данные ему инструкции: «Поступайте по своему усмотрению, но соблюдайте осторожность». Если каждый пустяк согласовывать с Центром, они не стронутся с места до окончания веков.

— Каков твой диагноз, Карл?— обратился он к Мерсеру.

— Полагаю, что это штурвал ручного управления воздушным шлюзом. Возможно, аварийная система на случай отказа электропривода. Надо думать, даже самая совершенная техника не может отказаться от предосторожностей такого рода...

«И система эта наверняка застрахована от непреднамеренных срывов,— добавил Нортон про себя.— Ею можно воспользоваться, только если это не опасно для Рамы в целом...»

Он взялся за две противоположные спицы, уперся попрочнее ногами и попробовал повернуть колесо.

Оно не шевельнулось.

— Ну-ка помоги,— попросил он Мерсера. Теперь каждый из них ухватил по спице, но, даже напрягая все силы, они не стронули штурвал ни на волос.

Однако кто сказал, что стрелки часов и штопоры на Раме должны вращаться в ту же сторону, что и на Земле?

— Попробуем наоборот,— предложил Мерсер.

На этот раз сопротивления, в сущности, не было. Колесо легко описало полный круг, затем нагрузка постепенно стала возрастать.

В полуметре от людей стена «коробочки» пришла в движение и не спеша разверзлась, будто чья-то черная пасть. Вырвавшаяся изнутри струйка воздуха вынесла частички пыли, которые заискрились в солнечных лучах, словно алмазы.

Дорога в глубь Рамы была открыта.

6. КОМИТЕТ

Доктор Боуз не мог избавиться от мысли, что те, кто основал штаб-квартиру Организации Объединенных Планет на Луне, совершили серьезную ошибку. Это неизбежно привело к тому, что делегаты-земляне стремились господствовать на заседаниях, подобно тому как сама Земля господствовала над окружающим ландшафтом. Если уж обосновываться именно на Луне, то следовало бы предпочесть ее обратную сторону, куда не достигает гипнотическое свечение земного диска.

Но, разумеется, теперь менять что-либо слишком поздно, да и какую альтернативу он мог бы предложить? Нравится это дальним колониям или нет, но Земля и в культурном, и в экономическом отношениях останется сюзереном Солнечной системы на многие грядущие столетия...

Доктор Боуз и сам родился на Земле. На Марс он эмигрировал в тридцатилетнем возрасте и полагал, что способен рассматривать политическую ситуацию совершенно беспристрастно. Он знал, что ему больше не суждено вернуться на родную планету, хотя отсюда до нее лишь пять часов на ракетном пароме. В свои 115 лет Боуз отличался завидным здоровьем, однако реадаптироваться к силе тяжести втрое большей, чем та, к которой он привык на Марсе, уже не мог. Он был осужден на вечную разлуку с планетой-матерью; впрочем, это его не слишком удручало — Боуз не был сентиментален.

А вот что подчас приводило его в уныние, так это необходимость видеть одни и те же до отвращения знакомые лица. Чудеса медицины — вещь замечательная, и, конечно, он вовсе не желал повернуть колесо истории вспять, но за этим столом собрались люди, с которыми он работал бок о бок уже более полувека! Он заведомо знал, кто что скажет и как проголосует по любому конкретному поводу. А как хотелось бы, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь выкинул хоть какой-нибудь фортель, пусть даже совершенно безумный!

И отнюдь не исключалось, что окружающих обуевают точно такие же чувства по отношению к нему, Боузу.

Специальный комитет ООП по проблемам Рамы был пока еще столь невелик, что даже поддавался управлению, правда, никто не сомневался, что в самое ближайшее время с этим упущением будет покончено. Шесть коллег доктора Боуза — постоянные представители Меркурия, Земли, Луны, Ганимеда, Титана и Тритона — присутствовали на заседании во плоти. Им и не оставалось ничего другого: электронная дипломатия на межпланетных расстояниях оказывалась несостоятельной. Политические деятели постарше, привыкшие к мгновенной связи, — на Земле ее давно воспринимали как нечто само собой разумеющееся, — так и не сумели примириться с фактом, что

радиоволнам нужны минуты и даже часы на то, чтобы пересечь бездны, отделяющие планеты друг от друга. «Неужели вы не в силах ничего придумать?» — горько упрекали они ученых, обнаружив, что прямые собеседования между Землей и блудными ее детьми — колониями — неосуществимы. Исключение составила лишь Луна — к полуторасекундной задержке радиосигнала еще можно было как-то приспособиться. Отсюда следовало, что Луна — и только она одна — навеки обречена оставаться пригородом Земли.

На заседание собственной персоной прибыли также трое кооптированных в комитет специалистов. Уже знакомый нам профессор Дэвидсон сегодня, казалось, усмирил свое необузданное «я». Доктор Боуз был не в курсе событий, предшествовавших запуску «Ситы», но коллеги профессора не могли допустить, чтобы тот запамятовал свой промах.

Доктор Тельма Прайс была известна Боузу по ее многочисленным телевизионным выступлениям: она прославилась еще пятьдесят лет назад, в эпоху взрыва археологических открытий, последовавшую за осуществлением гигантского подводного музея — бассейна Средиземного моря. Боуз до сих пор ясно помнил волнения тех дней, когда затерянные сокровища греческой, римской и десятка других культур оказались доступными для всеобщего обозрения. Это был один из немногих случаев, когда он пожалел, что живет на Марсе. Вполне очевидными для всех были кандидатуры экзобиолога Карлайла Перера и Денниса Соломонса, который занимался историей науки. Но они пока не явились, зато — и это было не по душе Боузу — на заседании присутствовал Конрад Тейлор, знаменитый антрополог, который сделал себе имя на трудах, посвященных удивительным нравам Беверли-Хиллса, фешенебельного пригорода Лос-Анжелеса.

Никто, наверное, не осмелился бы возражать против выдвижения в состав комитета сэра Льюиса Сэндса. Сэр Льюис был человек, чья ученость могла поспорить разве что с его же учтивостью; говорили,

что он теряет самообладание только тогда, когда его называют Арнольдом Тойнби — английским исследователем эпохи «промышленной революции» XVIII века — своего времени.

Великий историк не почтил комитет личным присутствием. Его стереоизображение, неотличимое от оригинала, в настоящий момент занимало кресло по правую руку от доктора Боуза. Но еще забавнее было наблюдать, как изображения подчас стараются пожать друг другу руку...

Тут доктор Боуз призвал свои разгулявшиеся мысли к порядку, откашлялся и начал:

— Считаю заседание открытым. Здесь собрались выдающиеся представители человечества, чтобы обсудить ситуацию, беспрецедентную в его истории. Указания, данные нам генеральным секретарем Организации, обязывают нас оценить создавшееся положение и проконсультировать капитана Нортон, если это окажется необходимым...

7. ДВЕ ЖЕНЫ

Выдайся им когда-нибудь случай сравнить полученные от него видеограммы, хлопот у капитана сразу бы резко прибавилось. Но мысли такого рода Нортон не столько беспокоили, сколько забавляли. Он составлял одно длинное послание, снимал с него копию, в каждом случае добавляя в конце два-три ласковых слова, адресованных уже персонально, затем передавал почти идентичные тексты соответственно на Землю и на Марс.

Да и с какой, собственно, стати будут его жены тратиться на сличение видеограмм? Даже по льготным тарифам, предусмотренным для семей космонавтов, это обошлось бы недешево. И, главное, в этом просто не было смысла — семьи сохраняли друг с другом прекрасные отношения.

-- Извини, что на целые сутки запоздал с весточкой, — продиктовал капитан после нескольких общих вступительных фраз, — но, веришь ли, я не был у себя на корабле целых тридцать часов...

Не тревожься — все идет как надо, все хорошо. У нас ушло на это два дня, но мы уже почти миновали систему воздушных шлюзов. Конечно, если бы знать все то, что мы знаем теперь, с ней можно было бы справиться за пару часов. Но мы не имели права рисковать, а потому высылали вперед телекамеры с дистанционным управлением, по десять раз опробовали каждый шлюз, чтобы увериться, что он не захлопнется сам собой...

Каждый шлюз — это обыкновенный вращающийся цилиндр, имеющий в одном месте прорезь. Входишь в нее, поворачиваешь цилиндр вручную на 180 градусов и, пожалуйста, входи. Или, точнее, вплывай потихоньку.

Эти рамане, судя по всему, народ основательный: три цилиндрических шлюза следуют один за другим. Положительно не представляю, как может отказать даже один такой шлюз, разве что взрывчаткой его рвануть...

Последний, третий шлюз открывается в тоннель полукилометровой длины, удивляющий, как и все, что мы пока здесь видели, своей чистотой. Через каждые несколько шагов попадают маленькие ниши, быть может, в них когда-то стояли осветительные приборы, но сейчас в коридоре темным-темно и, не побоюсь признаться, страшновато. Вдоль стен по всей длине тоннеля тянутся параллельные щели шириной в сантиметр. Есть подозрение, что это направляющие для каких-нибудь тележек, чтобы перевозить снаряжение, а возможно, и людей. Если бы мы нашли тележки и сумели ими воспользоваться, то сэкономили бы бездну времени и сил...

Я уже говорил, что тоннель тянется на полкилометра. Сейсмическое зондирование показало, что такова примерно толщина корпуса Рамы, значит, тон-

нель прорезает корпус насквозь. И мы не удивились, обнаружив в конце пути еще одну серию цилиндрических шлюзов.

Да, да, серию — один, и второй, и третий. Эти рамане, кажется, любую свою конструкцию повторяют трижды. Сейчас мы достигли последнего из этих шлюзов и ждем только разрешения с Земли, чтобы миновать и его. От тайн Рамы нас отделяют сейчас лишь считанные метры. Поскорее бы получить с Земли «добро» — ожидание прямо-таки смерти подобно...

Ты ведь знакома с Джерри Кирчоффом, моим старшим помощником? Ну да, с тем самым, который собрал такую коллекцию древних книг на бумаге, что теперь никогда не сможет эмигрировать с Земли — вывезти эти книги никаких денег не хватит. Так вот, Джерри рассказал мне про очень похожий случай, который произошел в начале двадцать первого, нет, кажется, двадцатого века. Один археолог нашел усыпальницу фараона — первую, до которой не добрались грабители. Его землекопам понадобились месяцы на то, чтобы ярус за ярусом вскрыть ее, и вот наконец перед ними предстала еще одна стена, самая последняя. Пробив кладку, он сунул в дыру голову и руку с фонарем. И перед ним открылась комната, полная невероятных сокровищ, золота и драгоценностей...

Быть может, Рама — тоже гробница или что-то очень похожее на нее. До нас ни разу не донеслось ни малейшего звука, ни намек на какое-либо движение. Ну что ж, завтра мы все узнаем наверняка...

Капитан Нортон остановил записывающий аппарат. Что еще можно сказать, прежде чем диктовать заключительные фразы, разные для обеих семей? Обычно он не вдавался в подробности технического характера, но сегодня обстоятельства вряд ли можно было назвать обычными. Не исключено, что эта последняя его видеграмма тем, кого он любил.

Когда они увидят его на экране и услышат его слова, он будет уже внутри Рамы. На радость

это или на беду, но внутри.

Профессор обвел взглядом коллег.

— Думаю, нам очень повезло. Ведь выбора не было и на месте Нортонa вполне мог оказаться самый заурядный флибустьер...

Прозвучало это так, словно профессор и впрямь представлял себе типичного космического капитана пиратом на деревянной ноге, с пистолетом в одной руке и абордажной саблей в другой.

— Приведенные данные говорят лишь о том, что Нортон — не новичок в своем деле, — возразил делегат Меркурия (население этой планеты составляло на текущий момент 112500 человек, но быстро росло). — Однако как он поведет себя в ситуации совершенно беспрецедентной...

На Земле сэр Льюис Сэндс слегка кашлянул. Полторы секунды спустя он точно так же кашлянул на Луне.

— Не такая уж она беспрецедентная, — напомнил он меркурианину, — хотя последний прецедент имел место три столетия назад. Если создатели Рамы погибли или покинули его, — а до сих пор все свидетельствует в пользу такого заключения, — то Нортон попадает в положение археолога, исследующего остатки исчезнувшей культуры. — Он учтиво поклонился в сторону Тельмы Прайс, и та кивком выразила свое согласие. — Напрашивается пример Шлимана, обнаружившего Трою, или Муо, первооткрывателя храма Ангкор-Ват.

Ангкор-Ват ("Пагода столицы") — величественный памятник хмерской культуры и архитектуры, построенный в XII веке, затем заброшенный и заново открытый французскими археологами в 1861 году.

Опасность минимальна, но полностью исключить возможность несчастного случая, к сожалению, нельзя...

— А как насчет ловушек и сюрпризов, о которых толкуют приверженцы «теории Пандоры»? — спросила доктор Прайс.

— «Теория Пандоры»?— живо заинтересовался меркурианин.— А это что еще такое?

— Есть такие психопаты,— объяснил сэр Роберт несколько смущенно, что для дипломата было равносильно серьезному замешательству,— убежденные, что Рама представляет собой смертельную угрозу для человечества. Ящик, который нельзя раскрывать... Да вы, конечно, помните легенду...

На самом деле он весьма сомневался, что меркурианин вообще слышал о Пандоре: классическое образование на этой планете было не в чести.

— Параноики,— фыркнул Конрад Тейлор.— Предполагать, разумеется, можно все что угодно, но зачем высокоразвитая цивилизация станет прибегать к ребяческим фокусам?

— Но даже если забыть о них,— продолжал сэр Роберт,— остается другая возможность, еще более неблагоприятная. Что если Рама не бездействует, что если он все-таки обитаем? Произойдет столкновение двух культур, двух разных уровней технического развития. Вспомните Писарро и инков, commodора Перри.

Мэтью Колбрайт Перри (1794-1858) под угрозой оружия вынудил японское правительство подписать договор, открывший для американских судов японские порты. Последствия почти неизбежно оказывались катастрофическими, во всяком случае для одной стороны. Я не готов выступить с рекомендациями, а лишь напомнил вам известные факты...

— Благодарю вас, сэр Роберт,— сказал доктор Боуз. «Что за досада,—добавил он про себя,— в таком малюсеньком комитете целых два "сэра": похоже, что в наши дни титулованными стали почти все англичане без исключения...» Вслух он произнес: — Уверен, что каждый из нас также размышлял об этой тревожной возможности. Но если существа, населяющие Раму, окажутся, как бы это сказать, недоброжелательными, то какая разница, что именно мы предпримем?

— Если мы уберемся восвояси, они, может, и не обратят на нас внимания...

— Что? После того как совершили путь длиной в триллионы миль и тысячи лет?

Спор достиг своей исходной точки и пошел по замкнутому кругу. Члены комитета сошлись на том, что, поскольку капитан Нортон уже распахнул первую дверь, просто нелогичным будет не отворить и вторую.

8. ШЛЮЗЫ ПОЗАДИ

Прежде Нортон никогда не ощущал своего родства с давно умершим египтологом. С тех пор как Говард Картер впервые заглянул в гробницу Тутанхамона, никому из людей не довелось пережить мгновения, подобного этому, — да и сравнение с Картером было примитивным.

Тутанхамона похоронили чуть ли не вчера — менее четырех тысяч лет назад; возраст Рамы мог оказаться почтеннее возраста самого человечества. Крошечная гробница из Долины фараонов затерялась бы в коридорах, которые они уже прошли, а впереди, за последним препятствием, лежало пространство, по крайней мере в миллион раз большее. А уж сокровища, которые, вероятно, поджидали их здесь, были просто невообразимы.

В эти решающие минуты прекратились всякие радиопереговоры; знающая свое дело команда и не нуждалась в изустных докладах, чтобы понять, что все проверки закончены. Мерсер лишь поднял руку в знак того, что все в порядке, и показал капитану на жерло последнего тоннельчика. Люди, не сговариваясь, разом почувствовали, что этот исторический момент нельзя принижать болтовней по пустякам. Нортон засветил фонарь, включил ранцевый двигатель и

медленно поплыл по короткому коридорчику, волоча за собой страховочный трос. Десять секунд, и вот он внутри.

Внутри чего? Впереди была глубочайшая тьма, не отражающая ни искорки света. Собственно, он то и ждал, ждал — и все-таки не верил. Все вычисления показывали, что противоположная стена удалена от него на десятки километров; теперь его глаза подтверждали, что это действительно так. Он не спеша вплывал в эту тьму — и вдруг ощутил острое желание удостовериться в прочности страховочного троса, намного более острое, чем когда бы то ни было прежде, даже при первой вылазке. Ну, не смешно ли: в полете он без содрогания мерил взглядом космические бездны, отчего же его приводят в смущение какие-то жалкие кубические километры пустоты?

Он все еще обсуждал с собой эту щекотливую проблему, когда закрепленный на тросе амортизатор прервал его парение; сработал амортизатор: Нортон почти не почувствовал отдачи. Он перестал тщетно вглядываться в ничто, лежащее впереди, и направил луч фонаря под ноги, туда, откуда только что взмыл.

Можно было подумать, что его подвесили над центром игрушечного кратера, который в свою очередь был лишь оспинкой у основания другого несравненно большего. Во все стороны от этого большого кратера вздымались склоны и террасы геометрически правильной формы и, несомненно, искусственного происхождения; склоны и террасы чередовались, пока не исчезали во мраке. В сотне метров от себя Нортон заметил выходы двух других воздушных шлюзов, однотипных с тем, который они прошли.

И все. В том, что он видел, не было ничего слишком непривычного или чуждого — картина во многом напоминала заброшенный рудник. Нортон поневоле ощутил известное разочарование: затраченные усилия предполагали, что их ожидают здесь фантастические откровения, нечто драматическое и даже сверхъестественное. Он вынужден был напомнить се-

бе, что в поле его зрения лишь считанные сотни метров; тьма, простирающаяся за ними, может таить в себе чудес куда больше, чем он в состоянии переварить. Кратко сообщив об этом своим изнывающим товарищам, он добавил:

— Запускаю осветительную ракету, вспышка через две минуты. Отсчет!..

Размахнувшись изо всех сил, он швырнул вверх — как можно дальше — маленький цилиндр и, наблюдая за ракетой, быстро исчезающей из виду, начал отсчет. Не прошло и пятнадцати секунд, как ракета исчезла; досчитав до ста, он прикрыл глаза и одновременно поднял камеру. Его всегда отличало хорошо развитое чувство времени. Вот и на этот раз он ошибся всего на две секунды — окружающий мир взорвался светом.

Даже миллионов свечей, спрессованных в одной вспышке, не хватило на то, чтобы вырвать из тьмы всю глубину этой гигантской полости, и все же он успел увидеть достаточно, чтобы уяснить себе ее планировку и оценить по достоинству ее титанический размах. Он находился в торце полого цилиндра как минимум десятикилометровой ширины и неопределенной длины. За один миг он увидел на изогнутых стенах столько, что разум не в состоянии был этого вместить; он как бы взглянул на целый мир при блеске молнии и усилием воли попытался запечатлеть его в своем сознании.

Насколько хватало глаз, террасированные склоны «кратера» поднимались вверх и вверх, пока не сливались со сплошной стеной, опоясывающей небо. Стоп — это ложное впечатление, надо отрешиться от представлений, воспитанных Землей и открытым космосом, и выработать для себя новую систему координат...

Он находится вовсе не на дне этого странного вывернутого наизнанку мира, а, напротив, в его самой высокой точке. Любое направление ведет отсюда не вверх, а вниз. Стоит лишь отодвинуться от цен-

тральной оси в сторону вогнутой стены, — нет, о ней нельзя больше думать как о стене, — и сила тяжести начнет понемногу возрастать. Добравшись до внутренней поверхности цилиндра, он сможет нормально стоять и ходить выпрямившись, и ноги его будут обращены к звездам, а голова — к центру этого исполинского вращающегося волчка. Сама идея достаточно ясна: еще на заре космонавтики центробежную силу использовали для имитации силы тяжести. Ошеломляет, не укладывается в сознании лишь масштаб применения знакомой идеи. Крупнейшая из космических станций землян, «Синскэт-5», в диаметре не достигает и двухсот метров. Воистину требуется какое-то время, чтобы приноровиться к размаху, во сто раз большему...

Свернутый трубкой ландшафт, охвативший его со всех сторон, был испещрен пятнами света и тени, которые могли оказаться лесами, полями, замерзшими озерами и городами; значительность расстояния и быстрота, с которой угасала ракета, делали опознание практически невозможным. Узкие линии — не то дороги, не то каналы или выпрямленные реки — складывались в едва различимую, но геометрически правильную сеть, а дальше, на самой границе видимости, цилиндр опоясывала какая-то более темная полоса. Она очерчивала полный круг, охватывала кольцом интерьер этого мира, и Нортон вдруг припомнил миф об Океане, который, по верованиям древних, омывал диск Земли.

Быть может, здесь — наяву — существовало еще более странное море, не кольцевое, а цилиндрическое? Ведало ли оно, прежде чем застыть в межзвездной ночи, буруны, приливы, течения, волны? Населяли ли его рыбы?

Ракета догорела и погасла, миг откровения миновал. Но Нортон понимал: эта картина не изгладится теперь из его памяти до гробовой доски. И история никогда не сможет оспорить тот факт, что ему выпала честь увидеть творения иной цивилизации.

9. ЗНАКОМСТВО

— Мы запустили пять осветительных ракет, настроив их часовые механизмы так, чтобы надежно перекрыть фотосъемкой всю длину цилиндра. Все главные ориентиры нанесены на карты, и хотя их очень трудно отождествить с чем-то знакомым, тем не менее мы дали им условные имена.

Внутренняя полость имеет пятьдесят километров в длину и шестнадцать в ширину. Оба ее конца — как бы гигантские чаши довольно сложной конструкции. Ту из них, где мы сейчас находимся, мы называли Северным полушарием; здесь, у самой оси, расположена наша первая база.

От центральной площадки под углом 120 градусов один к другому расходятся три трапа почти километровой длины. Все они заканчиваются на круговой террасе — отсюда она представляется обтекающим чашу кольцом. А от кольца вниз, продолжая эти трапы, убегают три исполинские лестницы, которые в конце концов достигают равнины. Представьте себе зонтик, у которого всего три спицы, равно удаленные друг от друга, — это даст вам довольно точное представление о том, как выглядит Рама с нашей стороны.

Каждая спица — лестница, вблизи оси очень крутая, а затем все более полого сливающаяся с равниной внизу. Надо думать, они предназначены исключительно для аварийных ситуаций, ведь нельзя всерьез полагать, что рамане — называйте их так или как-нибудь иначе — не предусмотрели других, более удобных способов добираться до оси своего мира.

Южное полушарие устроено совершенно по-другому: там нет ни лестниц, ни кратера в центре. Вместо кратера там высится остроконечный пик высотой в несколько километров; он расположен строго по

оси и окружен шестью пиками поменьше. Конструкция в целом выглядит очень странно, и мы даже отдаленно не догадываемся, какой цели она служит.

Основную пятидесятикилометровую часть цилиндра между двумя чашами мы назвали Центральной равниной. Не считайте, что мы сошли с ума, именуя «равниной» нечто столь отчетливо вогнутое, — мы уверены, что это вполне оправданно. Как только мы спустимся на нее, она покажется нам плоской — муравью, который забрался в бутылку, ее внутренняя поверхность тоже должна представляться плоскостью...

Самое удивительное на Центральной равнине — это темная лента десятки километров в ширину, обтекающая цилиндр вокруг и разделяющая его пополам. Лента похожа на ледяную, и мы окрестили ее Цилиндрическим морем. Посреди моря расположен большой остров овальной формы, размером десять километров на три, сплошь покрытый какими-то высокими сооружениями. Поскольку он напомнил нам виды старого Манхэттена, мы назвали его Нью-Йорком. Правда, я не склонен думать, что это действительно город: скорее он похож на какую-то колоссальную фабрику или, скажем, на химический завод.

Но на равнине есть и город или, во всяком случае, поселки. Их по крайней мере шесть; если бы их строили для людей, то каждый мог бы вместить примерно пятьдесят тысяч человек. Мы назвали их Рим, Париж, Москва, Лондон, Пекин и Токио. Между собой они связаны дорогами и еще каким-то подобием рельсовой системы.

Материала, достойного изучения, в этом застывшем мире хватило бы на столетия. Четыре тысячи квадратных километров и всего две-три недели на то, чтобы их обследовать. Не знаю, найдем ли мы ответ хотя бы на два вопроса, которые мучают меня с той самой секунды, когда мы оказались здесь внутри: кто они были и что с ними случилось?

Запись окончилась. На Земле и на Луне члены Комитета по проблемам Рамы перевели дух и при-

нялись с новой энергией изучать разложенные на столах карты и фотографии. Они предавались этому занятию уже не первый час, однако голос капитана Нортоня будто высветил в снимках что-то, добавил им глубину. Пусть ракеты разорвали вековую ночь Рамы совсем ненадолго, но капитан видел этот необитаемый вывернутый мир собственными глазами. И именно он, Нортон, поведет в этот мир исследователей и будет его изучать...

— Доктор Перера, вы, кажется, хотели что-то сказать?..

Доктор Боуз подумал, не следовало ли в первую очередь предоставить слово профессору Дэвидсону — старшему из ученых и единственному астроному среди присутствующих. Но профессор, видимо, еще не вполне оправился от шока, ему было явно не по себе. Всю жизнь он взирал на Вселенную, как на арену борьбы титанических, но безличных сил гравитации, магнитных и радиационных полей; ему никогда не верилось, что жизнь играет сколько-нибудь существенную роль в мироздании, и он рассматривал ее проявления на Земле, на Марсе и на Юпитере как нечаянное отступление от общих правил.

И вот теперь налицо было доказательство, что жизнь не только существует за пределами Солнечной системы, но и достигла высот, далеко превосходящих все, что человечество уже совершило, и все, что надеялось совершить в ближайшие столетия. Более того, появление Рамы опровергло и другую догму, которую профессор исповедовал годами. Под нажимом он еще кое-как соглашался, что жизнь, может быть, существует и в иных звездных системах, но совершеннейшая нелепость, подчеркивал он, верить, что она способна пересечь межзвездные бездны...

Допустим даже, что рамане действительно потерпели неудачу, что капитан Нортон прав, утверждая, что их мир ныне превратился в гробницу. Но сама попытка совершить невозможное говорила о том, что они всерьез рассчитывали на удачу. И если такое

случилось хоть однажды, то в Галактике с ее сотней тысяч миллионов солнц это должно было происходить много-много раз... и кто-то где-то непременно добился успеха.

А это был тот самый тезис, в который бездоказательно, но весьма горячо верил доктор Карлайл Перера. И теперь он не мог решить, радоваться ему или огорчаться. Рама самым впечатляющим образом подтвердил воззрения ученого, но никогда не суждено ему ступить в пределы чужого мира, не суждено даже увидеть этот мир своими глазами. Если бы перед ним внезапно вырос дьявол и предложил дар мгновенной телепортации, доктор Перера подписал бы контракт, даже не взглянув на условия.

— Да, господин председатель, пожалуй, я располагаю информацией, представляющей определенный интерес. Перед нами, вне всякого сомнения, «космический ковчег». Идея в астронавтической литературе не новая — я сумел установить, что английский физик Джон Бернал выдвигал ее как метод колонизации соседних звезд в книге, вышедшей в 1929 году, — да, да, двести лет назад! А великий русский первооткрыватель Циолковский выступал с аналогичными предложениями еще раньше.

Если вам угодно отправиться из одной звездной системы в другую, вы располагаете несколькими возможностями. Допустим, что скорость света действительно является абсолютным пределом скорости, — а этот факт по-прежнему нельзя считать окончательно установленным, что бы и как бы ни говорили вам на сей счет (профессор Дэвидсон возмущенно фыркнул, однако вслух протеста не выразил), — значит, вы можете либо лететь быстро, но в небольшом корабле, либо гораздо медленнее, но в корабле гигантском.

Насколько я знаю, нет никаких технических причин, по которым космический корабль не может разогнаться до скорости, составляющей девяносто и более процентов скорости света. Тогда время полета между соседними звездами сокращается до пятидеся-

ти лет — скучновато, пожалуй, но отнюдь не нерешительно, в особенности для существ, жизненный цикл которых измеряется столетиями. Можно без труда представить себе путешествия такой продолжительности на кораблях, ненамного больших, чем наши нынешние.

Но, может быть, подобные скорости недостижимы для кораблей, несущих значительный полезный груз; не забывайте, надо везти с собой еще и топливо на торможение, даже если не заботиться об обратном пути. Так не разумнее ли в таком случае пожертвовать временем — пусть десятком, пусть даже сотней лет?..

Бернал и другие авторы полагали, что это осуществимо, надо лишь построить движущийся мирок диаметром в несколько километров, рассчитанный на тысячи пассажиров и на путешествия длительностью в десятки поколений. Конечно, все системы такого мирка должны функционировать как полностью замкнутые, автоматически воссоздавая пищу, воздух и все остальное. Но в конце концов не так ли обстоит дело у нас на Земле, да еще и масштабы у нас солиднее...

Одни авторы предлагают строить «космические ковчеги» в форме концентрических сфер, другие — в форме пустотелых вращающихся цилиндров, с тем чтобы центробежная сила искусственно заменила силу тяжести,— в точности так, как это осуществлено на Раме... Профессор Дэвидсон не мог дольше терпеть безграмотную болтовню.

— Да нет же такой силы в природе, просто нет! Центробежную силу выдумали инженеры. А в науке есть сила инерции...

— Вы, разумеется, совершенно правы,— согласился Перера,— хотя убедить в этом тех, кому доводилось падать с карусели, будет, согласитесь, не просто. Но, мне кажется, у нас нет нужды добиваться математической строгости выражений...

— Спокойнее, доктор,— вмешался Боуз, не в си-

лах совладать с раздражением.— Мы все поняли, что вы имеете в виду, по крайней мере нам так показалось. Не разрушайте, пожалуйста, наших иллюзий...

— В сущности, я хотел лишь подчеркнуть, что в самой идее Рама нет ничего принципиально нового, поражают только его размеры. Люди рисовали себе нечто подобное еще двести лет назад.

Теперь я задаю себе другой вопрос. Можем ли мы со всей определенностью установить, как долго Рама путешествует в пространстве?

К настоящему времени мы провели точнейшие измерения его орбиты и скорости. Исходя из предположения, что он не менял курса, мы можем вычислить его координаты на протяжении миллионов лет. Естественно, мы ожидали, что он прибыл к нам с одной из ближайших звезд, однако это отнюдь не так.

С тех пор как Рама проходил вблизи звезды, какой бы то ни было звезды, минуло более двухсот тысяч лет. Да и эта звезда, как выяснилось, принадлежит к непериодическим переменным, то есть к таким, у которых никак нельзя допустить наличия населенных планетных систем. Светимость этой звезды изменяется от единицы до пятидесяти с лишним. За единицу принимается светимость Солнца. Планеты, если они там есть, то раскаляются, то леденеют каждые несколько лет...

— У меня есть гипотеза!— воскликнула доктор Прайс. — Быть может, это как раз все и объясняет! Быть может, некогда это солнце было нормальным, а потом стало нестабильным. И рамане вынужденно пустились на поиски нового солнца...

Доктор Перера питал слабость к старушке-археологу и потому пощадил ее самолюбие. Но интересно, что сказала бы она, если бы он усомнился в аксиомах ее профессии...

— Мы рассматривали такую возможность,— мягко ответил он.— Однако, если общепринятые теории звездной эволюции верны, эта звезда никогда не бы-

ла стабильной и на ее планетах никогда не возникло жизни. Так что Рама странствует в космосе никак не меньше двухсот тысяч лет, а может статься — больше миллиона...

Теперь там царство холода и тьмы, по-видимому, мертвое царство, и, кажется, я догадываюсь почему. Возможно, у раман действительно не оставалось выбора, возможно, они действительно спасались от какой-то катастрофы, но они ошиблись в расчетах.

Ни одна замкнутая экологическая система не может быть эффективной на все сто процентов: всегда существуют какие-то отходы, потери, оскудение внешней среды, накопление вредоносных веществ. На то, чтобы отравить и истощить целую планету, подчас нужны миллиарды лет, но когда-то это произойдет. Океаны высохнут, атмосфера рассеется...

По нашим меркам Рама — исполин, но как планета он совершенный карлик. Проведенные мной расчеты показывают, что его экологический баланс может поддерживать себя примерно тысячу лет. Максимальное допущение — десять тысяч...

При такой скорости, которую развивает Рама, этого вполне достаточно для перелетов в центре Галактики, где звезд полным-полно. Но не здесь, в ее спиральных малонаселенных рукавах. Рама — корабль, растративший свои запасы задолго до того, как он достиг цели. Опустевший остров, блуждающий среди звезд.

Эта теория допускает единственное серьезное возражение, и я сам выдвину его, не дожидаясь, пока это сделает кто-нибудь другой. Орбита Рамы настолько точно нацелена на Солнечную систему, что случайное совпадение просто исключено. Я бы сказал, что наш гость пройдет даже слишком близко к Солнцу; «Индевору» во избежание перегрева придется расстаться с ним задолго до перигелия.

Не стану притворяться всепонимающим. Можно допустить, что на Раме до сих пор действуют какие-то автоматические навигационные устройства, которые

вывели корабль к ближайшей подходящей звезде спустя тысячелетия после того, как погибли его создатели.

А они, ручаясь своей репутацией, несомненно погибли. Пробы, взятые внутри цилиндра, абсолютно стерильны, мы не обнаружили в них никаких микроорганизмов. И всякие толки о том, что рамане еще оживут, следует забыть. Существуют основательные причины, по которым гипотермический сон может длиться не более двух-трех столетий, а речь идет о сроках, в тысячи раз больших.

Пандорианцам и их сторонникам волноваться не о чем. Мне лично даже жаль, что это так. Разве не замечательно было бы встретиться с представителями иного разума?

Но мы знаем теперь: мы не одиноки во Вселенной.

10. СПУСК ВО ТЬМУ

Нортон пережил тяжкое искушение, однако долг капитана обязывал его сначала позаботиться об безопасности своего корабля. Если их операция вдруг потерпит провал, первым делом надо спасать «Индевор»...

Выбор очевидным образом пал на второго помощника, капитана-лейтенанта Мерсера. Нортон не мог не признать, что Карл как нельзя лучше подходит для данной миссии.

Непререкаемый авторитет во всем, что касается систем жизнеобеспечения, Мерсер выступил даже автором типовых учебников по этому предмету. Он лично испытал множество образцов снаряжения, зачастую в невероятно сложных условиях, и прославился редким искусством саморегуляции. По желанию он мог замедлить свой пульс или задержать дыхание на це-

лых десять минут. Эти ценные навыки не раз спасали ему жизнь.

И тем не менее, невзирая на все свои дарования и эрудицию, он отличался почти полным отсутствием воображения. Самые опасные эксперименты и поручения для него оставались просто-напросто работой, которую надо выполнить. Он никогда не шел на неоправданный риск и совершенно не видел смысла в том, что обычно именуют безрассудной смелостью.

Над его рабочим местом красовались два девиза — итоги его жизненной философии. Первый: «Ты ничего не забыл?» И второй: «Остерегайся храбрецов!» То обстоятельство, что его считают самым отчаянным храбрецом на всем космическом флоте, было единственным, что выводило его из себя.

Ну, а если вопрос о Мерсере решен, тогда автоматически решен и вопрос о его неразлучном спутнике, лейтенанте Джо Колверте. Что же между ними общего — понять никто не мог: тщедушный, вечно озабоченный чем-то штурман был на десять лет моложе своего хладнокровного, невозмутимого друга, который к тому же отнюдь не разделял его пылкого увлечения искусством примитивного кино.

Но давно замечено, что крайности сходятся, — Мерсер и Колверт стали друзьями, и дружба их оказалась прочной. Впрочем, это еще менее удивительно, чем то, что на Земле они любили одну женщину, подарившую каждому из них по ребенку. Нортону не раз приходило в голову, что с ней при случае следовало бы познакомиться, — вероятно, она весьма незаурядная особа. Треугольник существовал уже минимум пять лет и все еще казался равносильным...

Однако двое еще не составляют полноценной исследовательской группы; давно установлено, что оптимальный состав — трое: в случае чьей-то гибели там, где одиночка будет обречен, двое все-таки могут выжить. По зрелом размышлении Нортон остановился на кандидатуре сержанта технической службы Уильяма

Майрона. Блестящий механик, способный привести в действие любую машину, — или, на худой конец, сконструировать новую, — Майрон был идеальным партнером на случай, если придется разбираться в инопланетной аппаратуре. Раньше он занимал должность адъюнкт-профессора в Астротехническом институте, взял годовой отпуск. Отпуск явно затянулся, однако сержант наотрез отказался от офицерского чина под тем предлогом, что не хочет мешать продвижению более достойных. Никто не принял этого объяснения всерьез, но все сошлись на том, что самолюбия у Уилла нет и в помине. Он, может, и станет еще старшим сержантом, но звания профессора не получит никогда. Майрон, как и многие представители сержантской гильдии до него, нашел для себя компромисс между властью и ответственностью.

Едва они миновали последний шлюз и выплыли в невесомость возле оси Рамы, лейтенанта Колверта, как это нередко с ним бывало, засосало в омут киновоспоминаний. Возможно, стоило бы излечиться от этой неотвязной привычки, но, по правде говоря, Колверт не видел в ней вреда. Напротив, она помогает скрасить любое нудное занятие и — кто знает? — может, в один прекрасный день спасет ему жизнь. Допустим, он вспомнит, как поступали в сходных обстоятельствах Фербэнкс, Коннери или Хироши...

На сей раз он казался себе участником одной из войн начала XX века и шел в атаку: Мерсер был сержантом и командовал группой разведчиков из трех человек, которая под покровом ночи проникла на территорию противника. Не требовалось особых усилий, чтобы вообразить, что они укрылись на дне огромной воронки, склоны которой образуют ряд восходящих террас. Воронка была залита лучами трех вынесенных по сторонам плазменных дуговых ламп, и в ней почти не оставалось тени. Но за ее пределами, за кромкой дальней террасы, царили мрак и неизвестность.

Мысленно Колверт, конечно же, прекрасно представлял себе, что прячется во тьме. Сначала плоское

кольцо более километра в поперечнике. Его разделяют на равные части три трапа, похожих на железнодорожные колеи с утопленными шпалами. Трапы располагаются строго симметрично и совершенно одинаковы. Они выбрали тот, который начинался ближе к шлюзу Альфа.

Правда, перекладки располагались далековато друг от друга, но даже в полукилометре от оси сила тяжести не достигала и одной тридцатой g, так что, взвалив на себя приборы и снаряжение весом килограммов по сто, они могли двигаться без особого труда.

Капитан Нортон и группа обеспечения проводили их до конца канатов, протянутых от шлюза Альфа; далее свет прожекторов не доставал, и они окунулись в первозданную тьму Рамы. Все, что удавалось различить в пляшущих лучах шлемовых фонарей, — это первые сотни метров убегающего вдаль трапа.

«А теперь,— сказал себе Карл Мерсер, — пробил час принять первое решение. Поднимаюсь я по этому трапу или спускаюсь?..»

Вопрос был отнюдь не прост. По существу, гравитация все еще не отличалась от нулевой, и мозг мог избрать произвольную систему координат. Усилием воли Мерсер мог заставить себя думать, что смотрит или на горизонтальную равнину, или снизу вверх на вертикальную стену, или сверху вниз с отвесной скалы. Не так уж редко случалось, что космонавты, приступая к выполнению какой-нибудь сложной задачи, ошибались в выборе координат и это приводило к серьезным психологическим трудностям.

Мерсер решил двигаться головой вперед: любой другой способ оказался бы менее удобным, а так он хоть видел, что впереди. Следовательно, первые несколько сот метров он мог внушать себе, что карабкается вверх, а когда растущая сила тяжести разрушит эту иллюзию, он должен будет мысленно переориентироваться на сто восемьдесят градусов.

Капитан-лейтенант схватился за первую перекла-

дину и слегка подтянулся вдоль трапа. Движение почти не требовало усилий, словно плавание под водой, — да нет, и того меньше, под водой он встретил бы сопротивление среды. А здесь все давалось так легко, что приходилось бороться с искушением увеличить скорость, но Мерсер был слишком опытен для того, чтобы торопиться в незнакомой обстановке.

В наушниках слышалось размеренное дыхание двух его товарищей. Он не нуждался в иных доказательствах того, что у них все в порядке, и не тратил времени на разговоры. Его подмывало оглянуться назад, однако он решил не рисковать до тех пор, пока не доберется до платформы в конце трапа.

Промежутки между перекладинами были стандартными — примерно по полметра, и поначалу Мерсер хватался за перекладки через одну. Но при этом он старался не сбиться со счета, и примерно на двухсотой перекладке к нему впервые пришло ощущение собственного веса. Вращение Рамы наконец-то дало о себе знать.

На четырехсотой перекладке он оценил свой вес килограммов в пять. Само по себе это не добавило трудности, но обманывать себя было уже ни к чему; в самом деле, как притворяться, что продолжаешь восхождение, если тебя ощутимо тянет вверх?

Пятисотая перекладка показалась ему самым подходящим местом для того, чтобы передохнуть. Он чувствовал, что мышцы на руках уже начинают ныть от непривычных движений, а ведь всю работу за них фактически выполнял Рама, им оставалось лишь страховать себя...

— Все в порядке, шкипер, — доложил Мерсер. — Прошли половину трапа. Джо, Уилл, как у вас?

— У меня лучше некуда, — отозвался Джо Колверт. — Для чего ты, собственно, остановился?

— У меня тоже неплохо, — добавил сержант Майрон. — Но обратите внимание: начинает сказываться сила Кориолиса...

Это Мерсер уже заметил и сам. Стоило отпу-

стить перекладину — и его отчетливо сносило вправо. Он, разумеется, понимал, что во вращающемся мире подобный эффект неизбежен, и все же ему мерещилось, что какие-то духи тьмы мягко отталкивают его тело от трапа.

Быть может, настало время повернуться ногами вниз — ведь теперь слово «вниз» обрело реальный физический смысл. Существовал, конечно, определенный риск на мгновение потерять ориентацию...

— Следите за мной, сейчас я перевернусь...

Твердо взявшись за перекладину, он описал телом дугу в сто восемьдесят градусов — и тотчас же зажмурился, ослепленный фонарями товарищей. Далеко-далеко за ними — нет, теперь уже над ними — он, как только приспособился к свету, различил более слабое сияние. На краю отвесного утеса силуэтами выделялись фигурки капитана Нортон и группы обеспечения. Они казались такими маленькими и беспомощными, что он ободряюще помахал им рукой.

Потом он разжал пальцы и отдался во власть едва ощутимого притяжения Рамы. Падение от перекладки до перекладки продолжалось более двух секунд; на Земле он за то же время пролетел бы добрых тридцать метров. Скорость была томительно мала, и он стал, отталкиваясь руками, пролетать по десятку перекладин в один прием.

На семисотой перекладке он сделал еще одну остановку и направил луч фонаря под ноги; как он и рассчитывал, от начала большой лестницы его отделяли теперь всего полсотни метров.

Еще три минуты — и они на первой ее ступеньке. После многих месяцев, проведенных в космосе, странно было стоять в рост, опираясь о твердую поверхность и ощущая ее подошвами. Каждый из них и сейчас весил менее десяти килограммов, но этого вполне хватало, чтобы обрести устойчивость. Закрыв глаза, Мерсер мог спокойно представить себе, что попирает ногами какую-то очередную планету.

Уступ, с которого начиналась лестница, был ши-

риной порядка десяти метров и в обе стороны изгибался вверх, пока не растворялся во мраке. Мерсер знал, что уступ описывает полный круг и что если двинуться вдоль него, то, пройдя километров пять, они совершат «круглосветное путешествие» и очутятся вновь в исходной точке. Однако при том малом притяжении, какое действовало здесь, ходьба неизбежно превратилась бы в вереницу длинных прыжков. И в этом таилась грозная опасность.

Спускаться по лестнице, убегающей вниз, во тьму, далеко за пределы видимости, тоже обманчиво легко. Тем не менее необходимо придерживаться за обрамляющие лестничный марш высокие поручни: один неосторожный шаг — и беспечный путник свечой взвьется в пространство. «Приземление» состоится, наверное, метров на сто ниже; удар сам по себе будет пустяковым, но последствия прыжка — вряд ли, поскольку вращение Рамы тем временем сдвинет лестницу влево. И тело, завершив падение, опустится прямо на склон, гладкий, чуть вогнутый склон, что уходит, нигде не прерываясь, к равнине в семи километрах внизу.

«Вот это, — сказал себе Мерсер, — был бы спуск почище бобслея!..» Конечная скорость даже при таком притяжении достигла бы нескольких сот километров в час. Кто знает, велика ли здесь сила трения, достаточно ли она для того, чтобы превратить безудержное скольжение в контролируемое; если достаточно, тогда возможно, что такой способ спускаться на внутреннюю поверхность Рамы окажется самым рациональным. Но прежде, чем рискнуть на это, надо провести хотя бы парочку экспериментов...

— Шкипер, — доложил Мерсер, — спуск по трапу трудностей не составил. С вашего разрешения я хотел бы продолжить его, скажем, до следующей площадки. Надо рассчитать скорость движения по лестнице...

Нортон ответил без колебаний:

— Действуйте.

Добавлять: «Будьте осторожны» — не надо.

Не прошло и минуты, как Мерсер совершил важное открытие. При одной двадцатой *g* идти по ступеням обычным манером оказалось просто невыносимым. Шаги становились замедленными, как во сне, и нестерпимо томительными; оставалось одно — игнорировать ступени и тянуть себя вниз по воздуху, используя поручень как опору.

Колверт пришел к такому же заключению.

— По этой лестнице ходят только вверх, а не вниз!— воскликнул он. — Можно перебирать ступеньки, пока движешься против гравитации, но в обратном направлении это более чем неудобно. Пусть меня обвинят в утрате собственного достоинства, но, по моему, лучший способ спуститься — сесть на поручень верхом...

— Но это просто смешно!— запротестовал сержант Майрон. — Не могу поверить, что рамане поступали именно так...

— Сомневаюсь, что они вообще когда-либо пользовались этой лестницей: она построена, очевидно, лишь на случай какой-нибудь аварии. У них должен был быть еще и механический транспорт. Возможно, фуникулер. Это объяснило бы, зачем нужны вон те прорези, что тянутся до самого низа...

— А я думал, что это желоба водостока. Впрочем, одно не исключает другого. Интересно, случается ли здесь дождь?..

— Вполне вероятно,— заявил Мерсер. — Но, на мой взгляд, Джо прав, черт с ним, с достоинством. Поехали!..

Поручень, явно предназначенный для чего-то очень похожего на руки, представлял собой гладкую сплюснутую металлическую полосу на редких стойках метровой высоты. Мерсер оседлал ее и, удостоверившись, что руки могут создать достаточное тормозное усилие, заскользил. Очень плавно, медленно набирая скорость, спускался он в темноту, и вместе с ним двигалась лужица света от шлемового фонаря. Про-

ехав метров пятьдесят, он разрешил остальным последовать его примеру.

Никто из них не признался бы в этом, но чувствовали они себя мальчишками, съезжающими по школьным перилам. Менее чем за две минуты они проделали километровый спуск — комфортабельно и безопасно. Как только скольжение становилось слишком стремительным, рука чуть сильнее сжимала поручень, и тормоз срабатывал вполне надежно.

— Надеюсь, вы хорошо позабавились,— обратился к ним капитан Нортон, когда все трое добрались до площадки.— Учтите, что карабкаться обратно будет отнюдь не так весело...

— Это нам и предстоит проверить,— ответил Мерсер, прохаживаясь опыта ради туда и сюда и прикидывая, насколько увеличилась сила тяжести. — Здесь уже около одной десятой g , разницу просто невозможно не заметить...

Он подошел — вернее, подплыл — к краю площадки и осветил фонарем следующий лестничный марш. Луч не позволял видеть далеко, и марш казался точной копией предыдущего, хотя внимательное изучение фотографий показывало, что высота ступеней с нарастанием гравитации уменьшается. Лестница, вероятно, была построена с тем расчетом, чтобы интенсивность движений того, кто карабкается по ней вверх, оставалась более или менее постоянной по всей длине гигантской кривой.

Мерсер бросил взгляд в сторону шлюзов, которые теперь оставались в двух километрах над головой. Слабенькое пятнышко света и две крохотные фигурки, едва заметные на его фоне, были чудовищно далеки. И он вдруг впервые обрадовался тому, что не в силах различить исполинскую лестницу целиком.

Ни крепкие нервы, ни нехватка воображения еще ничего не значили: приятно ли воочию увидеть себя мошкой, ползущей по чаше, которая в поперечнике имеет более шестнадцати километров? До сих пор темнота раздражала Мерсера, теперь он почти благословлял ее.

— Температура не меняется, — доложил он Нортону, — по-прежнему чуть ниже нуля. Однако давление воздуха, как и ожидалось, повышается и достигло примерно трехсот миллибар. Даже в таких условиях здесь почти можно дышать, а ниже тем более это не составит проблемы. Пожалуй, я рискну вдохнуть...

Мерсер снизил давление в скафандре, отключил герметизацию шлема и приоткрыл щелку. Неуверенный вдох, потом другой, поглубже...

Воздух Рамы был безжизненным, застойным, словно в могиле, но такой древней, что запах тлена выветрился из нее столетия назад.

Он снова герметизировал шлем и сделал несколько глубоких вдохов. Еще два-три километра вниз по лестнице — и все будет обстоять иначе...

Итак, они выполнили свою задачу. Мерсер почти отвык от тяготения, однако и привыкать к нему заново тоже не годилось; ведь им следовало тотчас же вернуться в невесомость вблизи оси.

11. МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ОБЕЗЬЯНЫ

Капитан Нортон уже давно пришел к выводу, что иным женщинам вход на борт космического корабля должен быть категорически воспрещен; невесомость шутит с их фигурами такие шутки, что никто не может сосредоточиться на деле. Пока они не двигаются, еще полбеда, но стоит им шевельнуться — и возникает зрелище, какого ни один мужчина, если у него в жилах не рыба кровь, перенести не в состоянии. Капитан был совершенно уверен, что один серьезный инцидент в космосе случился именно по этой причине: в рубку некстати вплыла женщина-офицер, и экипажем сразу же овладел приступ рассеянности.

Да в том и не было нужды — они слишком хорошо знали друг друга. Годы назад, на Земле, они как-то, поддавшись настроению, преступили черту. Возможно, этому эпизоду суждено навсегда остаться единственным /но кто может ручаться за что-нибудь в таких делах?/. И для него и для нее с тех пор много воды утекло, но когда бы врач ни появилась в капитанской каюте, он ощущал словно бы мимолетный отзвук былого, она чувствовала, что он ее не забыл, и оба были довольны.

— Билл,— начала она,— я осмотрела наших альпинистов, и вот мое заключение: Корл и Джо в добром здравии, и если учесть, какую работу они проделали, то все показатели у них в норме. А вот у Уилла явные признаки переутомления и мышечного истощения. Не стану докучать тебе деталями, но думаю, что он просто не выполнял всех положенных физических упражнений. И если б он был одинок в своей лени! На центрифуге ловчат сплошь и рядом — того и гляди, докатимся до морской болезни. Пожалуйста, скажи им свое слово.

— Слушаюсь, мадам. Но отчасти их можно и извинить. У команды было очень много работы...

— Умственной — да. Пальцами по кнопкам — тоже да. Но не работы в прямом смысле слова, не такой, какую можно выразить в килограммометрах. А здесь мы столкнемся с такой и прежде всего с такой работой. Если, конечно, собираемся продолжать исследования.

— Значит, ты разрешаешь их продолжать?

— Да, только без лихачества. Мы с Карлом подготовили примерный план, вполне умеренный. Мы исходили из предположения, что ниже второго уровня можно дышать без кислородных приборов. Это, конечно, невероятная удача, меняющая все прежние расчеты. Никак не могу освоиться с мыслью, что мы попали в кислородный мир... Остается лишь обеспечить людей водой и пищей, защитить от холода — и дело в шляпе. Спуститься будет легче, легкого —

похоже, большую часть пути удастся проделать по перилам, словно нарочно для этого созданным...

— Я уже засадил техников за разработку специальных санок с парашютными тормозами. Даже если мы не рискнем сесть на них сами, используем для припасов и снаряжения.

— Прекрасно — это сократит спуск до десяти минут. Без саней он занял бы около часа. Труднее установить время, необходимое на обратный путь. Мне представляется, что на подъем надо отвести часов шесть, включая две остановки на отдых по часу каждая. Потом, когда мы наберемся опыта, а наши мышцы силы, это время, быть может, удастся сократить...

— А как насчет психологических факторов?

— Обстановка столь непривычна, что однозначно и не ответишь. Главная из проблем, по всей вероятности, темнота...

— А что, если установить у начала трапа прожектор? Партии, спускающиеся вниз, будут непрерывно ощущать на себе его лучи.

— Хорошая идея. Это может нам серьезно помочь.

— Еще один вопрос: надо ли посылать вторую группу лишь до середины лестницы, а потом назад или можно проделать весь путь с первой попытки?

— Если бы у нас было время, я бы предпочла первое. Но времени в обрез, и я не вижу, почему бы не спуститься сразу до конца — и хорошенько осмотреться внизу...

— Спасибо, Лаура, это все, что мне хотелось у тебя узнать. Первый помощник отработает детали. И еще я прикажу всем членам экипажа ежедневно тренироваться на центрифуге — по двадцать минут в день. Это тебя устроит?

— Нет. Там, внизу, на равнине, ноль целых шесть десятых, и я хочу иметь некоторый запас «прочности». Пусть будет три четверти...

— Ух!..

— ... по десять минут...

— Ладно, я договарюсь...

— ... два раза в день.

— Лаура, ты жестокая, бессердечная женщина. Ну, да будет так. Я оповещу о твоём решении перед обедом. Кое-кому оно, наверное, испортит аппетит. Никогда раньше капитан Нортон не замечал, чтобы Карлу Мерсеру было не по себе. Вот уже четверть часа Карл обсуждал с капитаном вопросы снабжения, высказывался, как всегда, компетентно, но что-то его явно тревожило. Проницательный капитан догадывался, что именно, но терпеливо ждал, когда помощник решится сказать все сам.

— Шкипер, — произнес Карл наконец, — вы уверены, что должны лично возглавить партию? Если что-нибудь выйдет не так, мной пожертвовать значительно проще. Да к тому же я уже спускался глубже, чем кто-либо другой, пусть на какие-то пятьдесят метров, но глубже...

— Само собой. Однако пробил час, когда командир обязан лично повести свои войска. И ведь мы пришли к выводу, что риска в этом спуске вряд ли больше, чем в предыдущем. При первых признаках опасности я взлечу по этой лестнице обратно со скоростью, достойной кандидата на Лунные Олимпийские... — Он ожидал дальнейших возражений, но их не последовало, хотя вид у Карла был совершенно несчастный. Нортон пожалел его и добавил мягко: — И ручаюсь, Джо на финише обгонит меня...

Великан Мерсер смягчился, и улыбка медленно осветила его лицо.

— Все равно, Билл, я хотел бы, чтобы ты выбрал кого-нибудь другого...

— Мне нужен по крайней мере один человек, который уже был внизу, а мы с тобой вместе идти не можем. Наш профессор, сержант Майрон, тоже не годится: Лаура утверждает, что в нем до сих пор два кило лишнего веса. Ему даже усы сбрили — и то не помогло...

— А кто у тебя намечен третьим номером?

— Сам еще не решил. Это зависит от Лауры.

— Она хочет идти сама.

— А кто не хочет? Вот если в составленном ею списке кандидатов наивысший коэффициент годности окажется у нее самой, тогда придется заподозрить неладное...

Когда капитан-лейтенант Мерсер собрал свои бу-маги и выплыл из каюты, Нортон ощутил мимолетный укол зависти. Почти все в команде — восемьдесят пять процентов ее, по самой скромной оценке — на-шли на борту корабля выход своим чувствам и при-вязанностям. Он знал капитанов, которые поступали точно так же, но не считал возможным подражать им. Хотя дисциплина на «Индеворе» основывалась прежде всего на взаимном уважении умных, высоко-квалифицированных специалистов — мужчин и жен-щин, командир занимал особое положение и должен был как-то подчеркнуть это. Ответственность, возло-женная на него, была настолько велика, что требо-вала определенного отчуждения от всех, даже от бли-жайших друзей. Выдели он кого-нибудь — и мораль-ному состоянию экипажа был бы нанесен серьезный урон: почти наверняка его обвинили бы в пристра-стии. По этой-то причине на флоте резко неодобри-тельно относились к связям между людьми, разделен-ными более чем двумя ступеньками служебной лес-тницы; не считая этого неписаного закона, существо-вало лишь одно правило, регулирующее личную жизнь космонавтов: «Не выясняйте отношений в коридорах — не пугайте шимпанзе».

На борту «Индевора» находилась четверка супер-шимпанзе. Строго говоря, подобное наименование бы-ло неточным — с научной точки зрения обезьяний экипаж корабля не имел с шимпанзе ничего общего. В условиях невесомости хватательный хвост представ-лял собой неоценимое преимущество, а все попытки снабдить подобным приспособлением людей не увен-чались успехом. Опыты с человекообразными обезь-янами оказались столь же неудовлетворительными, и тогда компания, успевшая присвоить себе наименова-

ние «Супершимпанзе корпорейшн», обратила свои взоры к их низшим собратям.

Блэки, Блонди, Голди и Брауни. Их родословная восходила к наиболее смышленным обезьянкам Старого и Нового Света, и к генам многих видов были еще добавлены искусственные, никогда не существовавшие в природе. Вырастить их и обучить стоило, наверное, не меньше, чем подготовить среднего космонавта, но они того заслуживали. Каждая весила менее тридцати килограммов и потребляла кислорода и пищи вдвое меньше человека, но при уборке помещений, приготовлении простых блюд, переноске инструментов и на других элементарных работах заменяла практически трех членов команды.

Эффективность 2,75 — эту цифру вывела сама корпорация на основе бесчисленных хронометрических наблюдений. Цифра ошеломила, ее нередко оспаривали, но, судя по всему, она была верна: суперобезьяны с радостью трудились по пятнадцать часов в сутки, не отказываясь от самой грязной, самой нудной работы. А людям оставались дела, воистину достойные человека; на космическом корабле это приобретало жизненно важное значение.

Не в пример обезьянам, своим ближайшим сородичам, «суперы», приписанные к «Индевору», были покладисты, послушны и нелюбопытны. Выведенные искусственным путем, они отличались также бесполостью, что само по себе снимало множество проблем. Их воспитали убежденными вегетарианцами, приучили к опрятности, они не издавали никаких запахов; из них получились бы замечательные комнатные зверушки, если бы обзавестись таким любимцем оказалось кому-нибудь по карману.

Но, конечно, присутствие «суперов» на борту вызывало и определенные трудности. Пришлось выделить им отдельное помещение, которое не замедлили окрестить «обезьянником». Маленькая их каютка блистала чистотой; в распоряжение «суперов» предоставили телевизор, игры, программированные обучающие

машины. Во избежание инцидентов им было категорически воспрещено переступать порог технических служб корабля; соответствующие двери выкрасили в красный цвет, а у шимпанзе выработали условный рефлекс — преодолеть цветовой барьер стало для них психологически невозможным.

Неизбежно возникала и проблема общения. КИ, коэффициент интеллектуальности, у «суперов» достигал примерно 60, они понимали несколько сотен английских слов, но говорить не могли. Дать обезьянам — как человекообразным, так и низким — действующие голосовые связки оказалось задачей невыполнимой, и они были навеки обречены изъясняться на языке жестов. Основные жесты легко запоминались, и каждый на борту умел обменяться с «суперами» двумя-тремя простыми фразами. Но в совершенстве владел обезьяньим «языком» лишь один человек — их попечитель, старший стюард Макэндриус.

Бытовала шутка, что сержант Рэви Макэндриус и сам стал похож на обезьяну. Вряд ли эта шутка могла восприниматься как оскорбление — «суперы» с их короткой, чуть подцвеченной шерстью и грациозными движениями были просто красивы. Мало того, они были еще и ласковы, и у каждого из членов экипажа была своя любимица; симпатии капитана Нортон принадлежали Голди. Однако легкость, с которой супершимпанзе привязывались к человеку, а человек — к шимпанзе, порождала еще одну проблему, и ее частенько использовали как серьезный аргумент против посылки «суперов» в космос. Поскольку их предназначали лишь для нудного, неквалифицированного труда, то в обстоятельствах чрезвычайных они только приумножали опасность. Еще ни одного «супера» не удалось научить пользоваться космическим скафандром: необходимые навыки и представления лежали далеко за границами их понимания.

На эту тему не любили говорить, но все прекрасно знали, что надлежит делать, если в корпусе случится пробоина или если придет приказ покинуть корабль.

До сих пор такое произошло лишь однажды; попечитель «суперов» исполнил предписания инструкции более чем тщательно. Его нашли возле своих питомцев — он отравился тем же самым ядом. С тех пор задача усыпить шимпанзе в случае крайней необходимости возлагалась на старшего корабельного врача — считалось, что он способен на большую бесстрастность. Нортон был признателен начальству за то, что хоть эта обязанность не легла на плечи капитана.

12. ЛЕСТНИЦА БОГОВ

В прозрачной застывшей атмосфере Рамы луч прожектора был совершенно невидим. Но в трех километрах от центральной оси на ступени исполинской лестницы лег стометровый овал света. Сверкающий оазис среди окрестной тьмы, он медленно перемещался к вогнутой равнине, расстилавшейся еще в пяти километрах ниже, а в центре овала, отбрасывая перед собой длинные тени, двигались три маленькие фигурки.

Как они и ожидали, а вернее, как и надеялись, спуск прошел без каких бы то ни было неожиданностей. На первой площадке они сделали короткую остановку, и Нортон совершил небольшую прогулку по узкому кольцевому уступу, затем по перилам соскользнул на следующий уровень. Здесь они сбросили кислородные приборы и предались непривычной роскоши — дышать без каких бы то ни было механических устройств. Теперь, избавившись от величайшей из опасностей, подстерегающих человека в пространстве, и перестав тревожиться о герметичности костюма и запасах кислорода, они могли продолжать исследования в самых благоприятных условиях.

К тому времени, когда они достигли пятого уровня и впереди оставался последний пролет, притяжение возросло почти до половины земного. Скорость вращения Рамы наконец-то дала о себе знать в полной мере; они вынужденно подчинялись неумолимой силе, которая правит планетами, а подчас взимает беспощадно высокую плату за малейшую ошибку. Спускаться было по-прежнему легко, но в сознание уже закрадывалась мысль о возвращении — тысячи ступеней вверх, а следом — новые тысячи...

Головокружительно крутая лестница давно сменилась полой и теперь постепенно выравнивалась до горизонтали. Уклон составлял теперь лишь 1 : 5, а ведь вначале был 5 : 1. Стало вполне возможно — и физически, и психологически — идти самым нормальным шагом; если бы не пониженная гравитация, они могли бы вообразить, что спускаются по какой-то грандиозной лестнице на Земле. Нортону однажды случилось осматривать развалины ацтекского храма — здесь к нему вернулись те же чувства, что он испытал тогда, но умноженные во сто крат. Благоговение, тайна и печаль, печаль по прошлому, сгинувшему безвозвратно. Однако здесь масштабы были настолько больше, — и во времени и в пространстве, — что мозг отказывался оценить их по достоинству, а потом и просто перестал воспринимать.

«Интересно, — подумал Нортон, — скоро ли мы начнем считать Раму чем-то само собой разумеющимся?..»

Положительно, все земные ассоциации рушились, не успев возникнуть. Рама был в сотни раз старше любого сооружения, уцелевшего на Земле, в сотни раз древнее Великой пирамиды. Но в то же время все, чего касался взгляд, выглядело как с иголки, без малейших признаков старения.

Нортон уже задумался над этим загадочным явлением, пытаясь найти ему объяснение. В конце концов, то, что они видели до сих пор, составляло лишь вспомогательную, аварийную систему, которой факти-

чески почти никогда не пользовались.

Мыслимое ли дело, чтобы рамане действительно лазили вверх и вниз по этой невероятной лестнице, а равно по двум другим, сплетающимся в невидимый трилистник где-то высоко-высоко над головой? Разве что они были фанатиками физических упражнений — впрочем, на Земле таких не слишком мало...

Но скорее все эти лестницы нужны были лишь в процессе сборки Рамы и с того давнего дня не служили никакой конкретной цели. На мгновение Нортону показалось, что эта теория и вправду все объясняет, но нет, она тоже не годилась. Что-то тут было не так, определенно не так...

Последний километр они преодолели, шагая через ступеньку долгими, мягкими шагами; Нортон решил, что надо дать более существенную нагрузку мускулам, которые им вскоре очень пригодятся.

И конец лестницы застал их почти врасплох — просто впереди не осталось ступеней, только плоская равнина, мутно-серая в слабнущем свете осевого прожектора, да и этот свет еще через несколько сотен метров сливался с тьмой...

Нортон бросил взгляд в ту сторону, откуда падал луч, — до его источника на оси отсюда было больше восьми километров. Он понимал, что Мерсер, вероятно, смотрит на них в телескоп, и весело помахал ему рукой.

— Говорит капитан, — произнес он в микрофон. — Все в добром здравии, никаких осложнений. Продвигаемся, как намечали.

— Рад слышать, — откликнулся Мерсер. — Наблюдаем за вами.

Короткая пауза — и в разговор вмешался новый голос.

— Говорит первый помощник. Я на борту корабля. Послушайте, шкипер, так все-таки не пойдет. Вы же знаете, что Служба новостей не дает нам покоя уже целую неделю. Не требую от вас высокого слога, но дайте хоть какие-нибудь подробности!..

— Попытаюсь,— усмехнулся Нортон.— Но учтите, видеть пока, собственно, нечего. Мы словно..., словно на огромной затемненной сцене, где горит один-единственный софит. Со сцены вверх поднимается лестница, поднимается и исчезает во мраке — видна, наверное, сотня ступеней или чуть больше. А равнина вокруг выглядит совершенно ровной, изгиб слишком мал, чтобы заметить его на такой ограниченной площади. Вот, пожалуй, и все.

— И никаких других впечатлений?

— Ну, по-прежнему очень холодно — ниже нуля, хорошо, что костюмы у нас термические. И разумеется, тихо, тише, чем где бы то ни было на Земле или даже в космосе,— ведь на корабле всегда есть хоть какой-то шумовой фон. Здесь поглощаются все и всякие звуки, окружающее нас пространство так велико, что гасит любое зло. Ощущение странное, но, надеюсь, мы привыкнем...

— Спасибо, шкипер. Кто хочет что-нибудь добавить? Джо, Борис?..

Лейтенант Джо Колверт никогда не лез за словом в карман. Он и теперь не растерялся:

— Все время думаю: ведь это впервые — впервые человек попал в мир, где можно дышать естественной атмосферой. Хотя, наверное, слово «естественная» не очень-то применимо в подобных обстоятельствах... И тем не менее Рама должен в определенной степени походить на ту планету, откуда прибыли его создатели. Разве наши космические корабли, каждый из них, не повторяет в миниатюре Землю? Два примера — это, конечно, чертовски мало, но как тут не подумать, что, быть может, все разумные существа дышат кислородом... По тому, что мы видим, можно предположить, что раманы были гуманоидами, только раза в полтора выше нас. Ты не согласен со мной, Борис?..

«Он что, нарочно дразнит Бориса?— спросил себя Нортон.— Интересно, каков будет ответ?..»

Для своих товарищей по экипажу Борис Родриго

оставался непостижимой загадкой. Он был офицером связи, держался всегда спокойно, с достоинством, его любили, но в общих развлечениях он участвовал лишь постольку поскольку и, казалось, был слегка отдален от всех, словно прислушивался к музыке, слышной ему одному.

Так оно, в сущности, и было: Борис ревностно веровал в догмы пятой христианской, иначе «космической», церкви. Нортон, правда, не сумел установить для себя, что случилось с предыдущими четырьмя; в равной мере пребывал он в неведении и по части требуемых религией ритуалов и церемоний. Но главный догмат «пятой космической» был известен достаточно широко: ее приверженцы утверждали, что Иисус Христос снизошел на Землю из космоса, и на этой зыбкой почве возвели целое теологическое здание.

Нет ничего удивительного в том, что большинство адептов этого учения стремилось получить работу в космосе. К тому же они неизменно оказывались умелыми и добросовестными работниками, заслуживающими полного доверия. К ним повсеместно относились с уважением и даже с симпатией, особенно если они не пытались обратить в свою веру других. И все-таки не нелепо ли, не дико ли: люди с такой развернутой научной и технической подготовкой — и вдруг всерьез верят, как в истину, во всякую белиберду?

Поджидая, пока лейтенант Родриго найдет ответ на заданный ему, по-видимому не без злого умысла, вопрос, капитан внезапно осознал и мотивы своего собственного выбора. Он предпочел Бориса потому, что тот был физически достоин доверия. И в то же время, если не кривить душой, не руководствовался ли он отчасти обыкновенным и почти озорным любопытством? Как человек с убеждениями Бориса будет реагировать на внушающую благоговейный трепет реальность Рамы? Что, если он натолкнется на нечто, опровергающее все его верования или, напротив, подтверждающее их?

Но Борис Родриго оказался, как всегда, осмотри-

тельным и не пожелал ввязываться в спор.

— Дышали ли они кислородом? Конечно. Были ли гуманоидами? Возможно. Поживем — увидим. Если нам повезет, то вскоре мы установим, как они выглядели. Найдем картины, статуи, быть может, и тела. Вон там, в городах. Впрочем, города ли это?..

— До ближайшего всего-то восемь километров,— произнес Джо Колверт веселым тоном.

— "Так-то оно так,— подумал капитан,— но потом и восемь километров обратно. А еще карабкаться по этой чудовищной лестнице вверх. Не слишком ли это рискованно?.."

Молниеносная вылазка в сторону «города», названного Парижем, действительно входила в число его ближайших планов, и теперь оставалось лишь окончательно решить: да или нет. Пищи и воды у них хватит на двадцать четыре часа; они будут все время на глазах у команды обеспечения, оставшейся близ оси, да и что, в сущности, может с ними случиться на этой гладкой, чуть изогнутой металлической равнине? Единственная опасность, какую он мог предвидеть,— переутомление: добраться до Парижа несложно, но многое ли они там успеют, прежде чем изнеможение вынудит их вернуться? Сделать несколько фотоснимков и, если выйдет, подобрать парочку мелких сувениров? Однако даже самый непродолжительный набег на Париж стоил того, чтобы его совершить: времени было в обрез, Рама мчался к перигелию, туда, куда «Индевор» последовать за ним не сможет.

И к тому же решение зависело отнюдь не только от Нортон. Вдалеке от них, в каюте корабля, доктор Эрнст внимательно следила за данными биотелеметрических систем, датчики которых были закреплены у него на теле. Если она придет к выводу, что хватит, ему останется только подчиниться.

— Лаура, что скажешь?

— Отдохните с полчаса, примите по пятьсот калорий — и можете двигаться дальше.

— Спасибо, док,— вмешался Колверт.— Теперь я могу умереть спокойно. Я всегда мечтал побывать в Париже. Жди нас. Монмартр!..

13. РАВНИНА РАМЫ

После нескончаемых лестниц странной роскошью казалось просто идти, шагать по горизонтальной поверхности. Прямо перед ними она и в самом деле представлялась совершенно плоской, хотя левее и правее, к границам освещенной площади, становился заметен легкий изгиб. Словно они шли по очень широкой и неглубокой долине; никак не верилось, что в действительности они движутся внутри исполинского цилиндра и что за краем пятнышка света земля взмывает вверх и вверх, пока не смыкается с небом — нет, становится небом.

Невзирая на всю свою самоуверенность и еле сдерживаемое возбуждение, здесь они особенно ощутили нависшую вокруг тишину — она была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Шаги и слова мгновенно растворялись во всепоглощающей пустоте; не прошли они и полукилометра, как лейтенант Колверт понял, что не в силах больше этого вынести.

Среди многочисленных его дарований был талант, встречающийся все реже, — хотя некоторые и полагают, что все же слишком часто,— искусство свиста. По просьбе слушателей, да и по собственному почину он мог воспроизвести мелодии из большинства кинофильмов за последние двести лет. На сей раз он начал с марша из «Белоснежки» Диснея, но обнаружил, что не выдерживает соревнования с веселыми гномами на базах, и быстренько переключился на «Реку Квай». Затем он перебрал более или менее в

хронологическом порядке еще с полдюжины боевиков и закончил свои упражнения музыкальной темой из знаменитого фильма «Наполеон», отснятого в конце XX века режиссером Сидом Крассманом. Свистел он хорошо, только его попытка приободрить себя и других успеха не имела. Рама требовал величия Баха, Бетховена, Сибелиуса или Туана Суна, а не обыденных популярных песенок. Нортон уже готов был попросить Джо побережь дыхание на обратный путь, но молодой офицер и сам осознал тщету собственных усилий. С этой секунды, если не считать эпизодических переговоров с кораблем, они двигались в полном молчании. Рама выиграл первый раунд.

Даже в этой сугубо предварительной экспедиции Нортон позволил себе сделать небольшой крюк. Париж лежал прямо впереди, на полпути между подножием лестницы и берегом Цилиндрического моря, но в каком-нибудь километре вправо находилось очень приметное и весьма загадочное образование, которое они нарекли Прямой долиной. Длинная борозда или траншея с наклонными стенками — сорок метров в глубину, сто в ширину — издали напоминала ирригационный ров или канал. Как и у лестницы, у траншеи были два двойника, расположенные на равных расстояниях по окружности Рамы.

Каждая из трех долин протянулась почти на десять километров и неподалеку от моря внезапно обрывалась — это было непонятно, если каналы и впрямь предназначались для воды. А на противоположном берегу моря повторялась та же картина: еще три десятикилометровые траншеи пролегали почти до самого Южного полюса. Четверть часа неторопливой ходьбы — и они, достигнув края Прямой долины, задумчиво уставились в ее глубины. Боковые склоны устремлялись вниз под углом шестьдесят градусов, и нигде не видно было ни ступенек, ни какой-либо другой опоры для ног. Дно долины представляло собой зеркальный лист какого-то белого вещества, весьма похожего на лед. Нортон решил добыть образчик этого

вещества, что сразу бы положило конец многим спорам.

Колверт и Родриго играли роль якорей: они помалу вытравливали канат, а Нортон медленно переступал вниз по крутому склону. Капитан приготовился, коснувшись дна, ощутить подошвами привычную скользкость льда, но ничего подобного. Трение было много выше, опасность поскользнуться здесь не угрожала. Вещество два — не то стекло, не то какой-то полупрозрачный кристалл,— когда он дотронулся до него пальцами, оказалось холодным, твердым и неподатливым.

Повернувшись спиной к прожектору и защитив глаза ладонями, Нортон попытался всмотреться в кристаллические бездны под ногами — ведь удастся же иногда увидеть что-то сквозь лед замерзшего озера. Но на этот раз ничего не вышло; не помог и узкий луч шлемового фонаря. Вещество просвечивало, но все-таки было непрозрачным. Если это какая-то застывшая жидкость, то тает она при температуре много более высокой, чем вода.

Он легонько постучал по дну геологическим молотком — молоток отскочил с глухим немзыкальным звуком. Стукнув порезче, — вновь безрезультатно, — Нортон уже собирался ударить в полную силу, но, повинуясь неожиданному импульсу, отвел руку.

Крайне маловероятно, что ему удастся расколоть это вещество; ну, а если все-таки удастся? Не будет ли это поступком дикаря, разбившего вдребезги исполинскую зеркальную витрину? Случай добыть образцы еще представится, а сейчас он по крайней мере получил ценную информацию.

По всей видимости, это не канал, а просто диковинная траншея без начала и конца. Если здесь когда-либо текла жидкость, то где пятна, где натеки от засохших брызг? Все чистенькое, новенькое, словно строители ушли отсюда только вчера...

И вновь он оказался лицом к лицу с главной тайной Рамы и не вправе был больше уклоняться от

нее.

Нортон не мог пожаловаться на отсутствие воображения, но он никогда не стал бы капитаном, если бы позволял себе необузданные взлеты фантазии.

Все вокруг оказалось вовсе не тем, чем представлялось поначалу; странное, очень странное это место, где вещи, насчитывающие миллионы лет, выглядят как с иголки...

Погруженный в размышления, он медленно шел по дну долины. Товарищи, не выпуская из рук веревки, привязанной к его поясу, двигались следом по краю обрыва. Нортон не ждал от своей прогулки новых открытий, просто ему нужно было время, чтобы определиться. Дело было не только в необъяснимой новизне Рамы: его тревожило что-то совсем, совсем другое...

Он не прошел и десятка метров, как вдруг замер, точно пораженный громом.

Он узнал это место. Он уже был здесь! Даже на Земле или на другой знакомой планете подобное ощущение не из приятных, хотя и не такое уж редкое. Большинство людей время от времени испытывали это чувство, испытывали и отгоняли: виновата, мол, какая-нибудь позабытая фотография или просто совпадение; меньшинство, склонное к мистике, искало объяснения в телепатии или даже истолковывало такие мгновения как озарение.

Но узнать место, какого не видела и не могла видеть ни одна человеческая душа,— это было уж слишком! Секунд десять капитан Нортон стоял как пригвожденный к гладкой кристаллической поверхности дна, стараясь собраться с мыслями. Казалось, все его доселе упорядоченные воззрения полетели вверх тормашками, будто он бросил взгляд в головокружительную пропасть на границе познания, которую благополучно игнорировал большую часть своей жизни.

Затем, к огромному его облегчению, на помощь пришел здравый смысл. Тревожное чувство, что это он уже видел, улетучилось, уступив место подлинному

и достаточно четкому воспоминанию юности.

Совершенно верно — однажды он уже стоял между такими же крутопадающими склонами, глядя, как они сливаются в бесконечной дали. Но те склоны покрывала аккуратная стриженная травка, а под ногами был не гладкий кристалл, а щебень.

Это случилось в Англии, на летних каникулах, тридцать лет назад. Главным образом под влиянием своей приятельницы-студентки /он ясно помнил ее лицо, но начисто забыл имя/ Нортон записался на занятия по индустриальной археологии, очень популярной в те времена среди начинающих ученых и инженеров. Они обследовали заброшенные угольные шахты и ткацкие фабрики, карабкались по остовам разрушенных домен и паровых машин, таращили глаза на примитивные /и все еще опасные/ ядерные реакторы, водили нелепые рыдваны с турбинными двигателями по реставрированным автострадам.

Отнюдь не все, что им показывали, было подлинниками; многое затерялось в веках — ведь человек почти не заботится о сохранности предметов своего повседневного быта. Но когда возникла нужда воссоздать что-то в копии, это делалось с неизменной любовью и тщательностью.

И однажды юный Билл Нортон оказался на паровозе, который выглядел двухсотлетним патриархом, а на деле был моложе Билла; он яростно швырял в топку драгоценный уголь, а паровоз катился вперед с развеселой скоростью сто километров в час. Впрочем, тридцатикилометровый отрезок Великой Западной железной дороги, по которому они ехали, был самым настоящим, хотя его и пришлось, прежде чем вернуть к жизни, в буквальном смысле слова выкопать из-под земли.

С пронзительным свистом паровоз нырнул прямо в середину холма и понесся сквозь дымную, озаренную искрами тьму. Прошли удивительно длинные минуты, и наконец они вырвались из тоннеля в глубокую и совершенно прямую выемку с крутыми, заросшими тра-

вой откосами. Эта давно забытая перспектива и была почти идентична той, которая открывалась перед ним здесь.

— Что стряслось, шкипер?— окликнул его лейтенант Родриго.— Нашли что-нибудь интересное?

Нортон усилием воли вернул себя к реальности. Да, вокруг была, несомненно, тайна, но человек должен и способен ее понять. Он получил урок, пусть и не такой, каким хочется тут же поделиться с другими. Чего бы это ни стоило, нельзя позволить Раме ошеломить себя. Случись такое — и неизбежен провал, а может статься, и безумие.

— Да нет,— ответил он,— ничего особенного. Тащите меня наверх, мы направляемся прямо в Париж.

14. ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Я пригласил вас на данное заседание,— заявил председатель,— в связи с тем, что доктор Перера хочет сообщить нам нечто чрезвычайно важное. Он настаивает, чтобы мы немедленно связались с капитаном Нортонем, используя то самое внеочередное право, которого, смею заметить, нам удалось добиться с таким трудом. Однако заявление доктора Переры носит довольно специфический характер, и, прежде чем мы предоставим ему слово, я предлагаю заслушать отчет о проделанной работе, который подготовила доктор Прайс. Да, вот еще что — отсутствующие просили передать свои извинения. Сэр Льюис Сэндс не может быть с нами, так как в настоящий момент председательствует на научной конференции, и доктор Тейлор также просил извинить его...

Это последнее обстоятельство, признаться, радовало Боуза. Антрополог потерял к Раме всякий интерес, едва стало ясно, что лично ему широкого поля деятельности не представится. Как и многие другие, он

испытал горькое разочарование, узнав, что движущийся мирок мертв; теперь, конечно, нечего и ждать: ни материала для сенсационных книг, ни видеопередач, посвященных ритуалам и обычаям раман. Пусть кто хочет выкапывает скелеты и классифицирует находки — такого рода вещи Конрада Тейлора не привлекали. Единственное, что еще, пожалуй, могло бы заставить его вернуться в комитет, — это какие-нибудь оставленные раманами выдающиеся произведения искусства, подобные, например, знаменитым фрескам Теры и Помпеи.

Тельма Прайс, археолог, придерживалась диаметрально противоположной точки зрения. Она предпочитала раскопки и руины, свободные от обитателей, которые только создают суматоху, несовместимую с бесстрастными научными исследованиями. Дно Средиземного моря в этом смысле было идеальной зоной — по крайней мере до тех пор, пока под ногами не стали путаться проектировщики городов и художники по ландшафту. Рама был бы еще ближе к идеалу, если бы не доводящая до бешенства мысль, что он находится за сто миллионов километров и она никогда не сможет наведаться туда собственной персоной.

— Как вы уже знаете, — начала она, — капитан Нортон совершил пока одну экспедицию протяженностью почти тридцать километров, не встретив никаких серьезных трудностей. Он обследовал своеобразную траншею, обозначенную на ваших картах как Прямая долина; назначение ее по-прежнему неясно, хотя очевидно, что она играет важную роль, ибо, как и две аналогичные долины, тянется во всю длину Рамы и прерывается лишь в районе Цилиндрического моря.

Затем экспедиция повернула влево — или на восток, если ориентироваться по Северному полюсу, — и достигла Парижа. Как видно на этой фотографии, снятой телескопической камерой от оси, Париж представляет собой несколько сотен строений, разделенных широкими улицами.

А вот эти фотографии сделаны группой капитана Нортон непосредственно на месте. Если Париж действительно город, то город очень странный. Обратите внимание — ни в одном из строений нет ни окон, ни дверей! Это гладкостенные прямоугольные сооружения одинаковой тридцатипятиметровой высоты. И кажется, что они так и отштампованы вместе с корпусом — ни швов, ни стыков, — взгляните, что стены плавно смыкаются с основанием...

Мое личное мнение таково, что это вовсе не жилые помещения, а какие-то склады или гаражи. В поддержку моей гипотезы говорит, к примеру, вот эта фотография... Такие прорези или желобки, сантиметров по пять шириной, бегут буквально по всем улицам, более того, подходят к каждому строению и упираются в глухую стену. Они поразительно напоминают трамвайные пути начала XX века и, очевидно, являются частью какой-то транспортной системы. Мы никогда не задавались целью подводить общественный транспорт к каждому отдельному дому. Это же экономически нелепо — куда проще, чтобы человек прогулялся полквартала. Но если в этих строениях размещены склады каких-нибудь тяжелых материалов, тогда такая мера приобретает смысл...

— Могу я задать вопрос?— осведомился представитель Земли.

— Разумеется, сэр Роберт.

— Неужели капитан Нортон не сумел проникнуть ни в одно из этих строений?

— Нет, не сумел. Прослушав его доклад, вы поймете, что он и сам был очень расстроен. Сначала он решил, что проникнуть внутрь можно только из-под пола, потом обнаружил желобки транспортной системы и изменил свое мнение...

— Но он хоть пытался?..

— А что он мог сделать без взрывчатки или специальных инструментов? Естественно, что он и не хотел прибегать к подобным средствам, не испытыв все другие возможности.

— Понятно!— воскликнул вдруг Деннис Соломонс.— Техника кокона!..

— Извините, не поняла...

— Техника кокона — методика, разработанная лет двести назад,— продолжал историк.— Ее не без иронии называли «защитой от моли». Для предохранения от порчи предмет покрывают пластмассовой оболочкой, которую заполняют инертным газом. Первоначально так хранили военное снаряжение между войнами — представьте себе, укутывали целые корабли. Да и сейчас к этой методике прибегают в музеях, испытывающих нехватку складских помещений. Ни одна живая душа не знает, что именно содержат в себе иные коконы вековой давности в подвалах Смитсоновского института...

Долготерпение не принадлежало к числу добродетелей Карлайла Переры; он жаждал швырнуть заготовленную им бомбу и более сдерживаться не мог.

— Господин председатель, разрешите мне!.. Все это очень интересно, но мне кажется, что информация, которой располагаю я, носит более срочный характер...

— Если у присутствующих нет возражений... Прошу вас, доктор Перера.

Не в пример Конраду Тейлору экзобиолог отнюдь не считал, что Рама обманул его ожидания, правда, он уже не надеялся встретить там жизнь, но был совершенно уверен, что рано или поздно удастся найти останки существ, построивших этот фантастический мир. Ведь исследования едва начались... Правда, времени на них осталось ужасающе мало — считанные дни, и «Индевору» придется спасаться бегством, чтобы невзначай не коснуться Солнца...

Хуже того: если верны его вчерашние вычисления, контакт человека с Рамой окажется еще кратковременнее, чем предполагалось. Потому что абсолютно все проглядели одну деталь...

— Согласно последним данным,— начал он,— одна группа сейчас движется к Цилиндрическому морю, а

другая во главе с капитаном Нортонем разбивает опорную базу у подножия лестницы Альфа. Затем капитан намерен снаряжать по два отряда одновременно. Людей у него немного, и он надеется, что таким образом их удастся использовать с максимальной эффективностью.

План неплох, если только у Нортоня останется время на его выполнение. Я посоветовал бы капитану немедленно объявить тревогу и подготовиться к полной эвакуации через двенадцать часов. Нет, нет, позвольте, я объясню...

Удивительно, что никто пока не обратил внимания на бросающуюся в глаза аномалию. Рама давно уже пересек орбиту Венеры, а внутри его до сих пор мороз. Но ведь внешняя температура объекта, освещенного прямыми лучами Солнца, на таком расстоянии достигает пятисот по Цельсию!

Дело в том, разумеется, что Рама просто еще не успел разогреться. В межзвездном пространстве он должен был остыть почти до абсолютного нуля — до минус двухсот семидесяти. Сейчас по мере приближения к Солнцу внешние слои корпуса раскалились почти до точки плавления свинца. А внутри еще держится холод — нужно время, чтобы тепло проникло сквозь километровую толщу металла.

Есть такое изысканное десертное блюдо, горячее снаружи, но с мороженым в середине — не помню, как оно называется...

— «Запеченная Аляска». Его, к сожалению, частенько подают у нас на межпланетных банкетах...

— Благодарю вас, сэр Роберт. Именно такова в настоящий момент и ситуация на Раме. Но продлится она недолго. Многие недели солнечное тепло прокладывало себе дорогу внутрь цилиндра, и буквально в ближайшие часы можно ожидать резкого подъема температуры. Однако проблема не в этом — к тому времени, когда нам так или иначе придется покинуть Раму, климат там будет не жарче умеренно тропического...

— Тогда в чем же дело?

— Могу ответить в двух словах, господин председатель. Поднимутся ураганы.

15. БЕРЕГ МОРЯ

Число мужчин и женщин внутри Рамы уже перевалило за двадцать — шестеро трудились внизу, на равнине, остальные переносили оборудование и инструменты сквозь систему воздушных шлюзов и спустили их вниз по лестнице. Корабль был почти покинут, не считая минимального штата дежурных; кто-то пошутил, что «Индевором» теперь заправляет четверка обезьян, а Голди исполняет обязанности капитана. Для первых исследовательских групп Нортон ввел несколько непреложных правил. Основное из них впервые было установлено еще на заре космических вылазок человечества: в каждую группу должен входить один из участников предшествовавших экспедиций. Но не более, чем один, — чтобы каждый из членов экипажа освоился с пребыванием внутри Рамы в короткий срок.

Вот почему в группу, которая направилась к Цилиндрическому морю и которую возглавила Лаура Эрнст, включили и «ветерана» Бориса Родриго, только что вернувшегося из Парижа. Третьим был сержант Питер Руссо, специалист по инструментам космической разведки; на этот раз он мог полагаться лишь на собственные глаза да на маленький переносный телескоп.

Переход от подножия лестницы Альфа до берега моря — чуть меньше пятнадцати километров — в условиях низкого притяжения Рамы соответствовал восьми земным километрам. Лаура Эрнст, желая доказать, что уж она-то никогда не нарушала собственных

предписаний, предложила быстрый шаг. На середине пути они сделали тридцатиминутную остановку и в результате уложились в три часа — без каких бы то ни было происшествий.

Движение было донельзя монотонным — шаг за шагом сквозь заглушающую все звуки тьму. Лужица света от прожектора, перемещаясь вместе с ними, постепенно вытягивалась в длинный узкий овал; только это и доказывало, что они не топчутся на месте. Если бы группа наблюдения не вела регулярных измерений, сами путники не сумели бы определить, сколько ими пройдено — один километр, пять или десять. Они шли и шли в непроглядной ночи по однообразной, лишенной даже швов металлической равнине.

Но наконец далеко впереди, там, куда еле проникал слабнувший луч, забрезжило что-то новое. В нормальном мире это напоминало бы горизонт; присмотревшись, они увидели, что равнину пересекает резко очерченный обрыв. Они приближались к берегу моря.

— Осталось сто метров, — сообщила группа наблюдения. — Рекомендуем снизить темп.

В сущности, рекомендация была излишней; они сами уже замедлили шаг. Гладкий отвесный утес пятидесятиметровой высоты отделял уровень равнины от уровня моря — если это действительно было море, а не очередной лист загадочного кристаллического вещества. Впрочем, несмотря на предостережения Нортона, — тот внушал всем и каждому, что на Раме доверяться первому впечатлению неразумно и опасно, — почти никто не сомневался, что море покрыто настоящим льдом. Но почему, по какой причине южный берег моря в десять раз выше северного, почему там утес вздымается на полукилометровую высоту?..

Они словно подкрадывались к краю света: переднюю часть светового овала срезало точно ножом, и остаток пятна с каждым шагом становится все короче и короче. Зато далеко внизу на вогнутом экране моря появились исполинские вытянутые тени, подчеркивающие и утрирующие каждое движение. Тени, не-

изменные спутники людей с той самой секунды, когда они начали шагать вдоль луча, теперь, перерезанные краем утеса, как бы обрели независимость. Казалось, что это обитатели Цилиндрического моря подстерегают пришельцев, вторгшихся в их владения.

Именно здесь, на краю пятидесятиметрового обрыва, людям впервые представилась возможность по достоинству оценить кривизну внутренней поверхности Рамы. Но ведь никому никогда не доводилось видеть изогнутую ледовую гладь. Даже Лауре Эрнст, которая в свое время специально изучала обманы зрения, то и дело чудилось, что она смотрит на бухту, врезанную в горизонтальную сушу, а вовсе не на море, взмывающее в небеса. Требовалось сознательное усилие воли, чтобы смириться с невероятным.

Лишь в одном направлении — строго вперед по линии, параллельной оси Рамы, — обычные представления о природе вещей оставались ненарушенными. Лишь на этой линии зрение и логика были согласны между собой. Здесь — по крайней мере в пределах нескольких километров — поверхность выглядела, да и в самом деле была плоской. Но где-то чуть дальше, там, куда не достигали их тени, куда не проникал луч прожектора, лежал остров, господствующий над Цилиндрическим морем...

— Группа наблюдения, — обратилась по радио доктор Эрнст, — будьте добры перебросить луч на Нью-Йорк...

Как только овал света скользнул от них прочь, в море, на плечи тяжело навалилась раманская ночь. Вспомнив, что у самых ног затаился невидимый теперь обрыв, люди, не сговариваясь, отступили на два — три метра. И тут, словно по мановению волшебной палочки, из темноты выплыли башни Нью-Йорка.

Сходство со стародавним Манхэттеном было, разумеется, чисто внешним — рожденное звездами того земного прошлого, оно обладало своей ярко выраженной индивидуальностью. И чем дольше Лаура Эрнст разглядывала раманский Нью-Йорк, тем больше

она убеждалась, что это вообще не город.

Настоящий Нью-Йорк, как и все другие города человека, никогда не был завершен и тем более не возводился по единому плану. А здесь царили строгая симметрия и шаблон, правда, настолько сложный, что рассудок не сразу принимал его. Все, что тут было, задумали и спроектировали разумные существа — задумали в целом, а потом и построили, как строят машину, предназначенную для какой-то определенной цели. И после этого она, машина, измениться уже не может.

Луч прожектора неспешно блуждал среди отдаленных башен и куполов, сомкнутых полусфер и переkreпленных трубопроводов. Временами свет, упав на какую-нибудь плоскость, отражался яркой вспышкой. Первая вспышка едва не лишила людей дара речи — будто кто-то подал им с этого загадочного острова ответный сигнал...

И тем не менее они не могли разглядеть там ничего нового, чего не знали бы, — и более детально — по снимкам, сделанным ранее. Спустя пять минут, они попросили вернуть луч прожектора и двинулись по краю обрыва на восток. Казалось вполне вероятным встретить где-нибудь неподалеку лестничный марш или наклонный спуск, ведущий вниз, к морю. Одна из женщин, по натуре заядлая морячка, высказала небезынтересную догадку:

— Там, где есть море, — утверждала сержант Руби Барнс, — обязательно должны быть доки, гавани и, конечно, корабли. Каждая цивилизация строит корабли по-своему, и по тому, как это делается, можно узнать о ней практически все...

По мнению коллег Руби, ее точка зрения страдала некоторой узостью, но все же обнадеживала.

Лаура Эрнст уже почти отчаялась найти спуск и решила прибегнуть к канату, когда лейтенант Родриго заметил неширокую лесенку. Она пряталась в тени за краем обрыва, так что мимо нее немудрено было и пройти; хозяева не позаботились ни о поручнях, ни

даже о какой-нибудь вышке. К тому же лесенка никуда не вела, а просто сбегала по вертикальной стене и исчезала под поверхностью моря.

Внимательно осмотрев лесенку с помощью шлемовых фонарей и не обнаружив ничего опасного, Лаура с разрешения капитана Нортон спустилась вниз. Минутой позже она осторожно коснулась моря ногой.

Подосва легко скользнула по поверхности — трения почти не ощущалось, все говорило о том, что под ногами лед. Это и на самом деле был лед. Едва она стукнула по нему молотком, от удара разбежалась характерная сетка трещин, и Лаура без труда набрала множество осколков. Как только она поднесла пробирку к свету, мелкие осколки растаяли; в пробирке плескалась теперь мутноватая водичка, и Лаура дерзнула понюхать ее.

— А это не опасно? — с беспокойством в голосе осведомился оставшийся наверху Родриго.

— Поверьте, Борис, — ответила она, — если бы здесь существовали болезнетворные факторы, ускользнувшие от наших детекторов, то вся система профилактических мер потерпела бы крах еще неделю назад...

Однако в беспокойстве Бориса был свой резон. Несмотря на проведенные опыты, оставался некоторый, пусть и весьма незначительный, риск, что именно эта жидкость ядовита или способна вызвать какую-нибудь неведомую болезнь. При обычных обстоятельствах доктор Эрнст не стала бы пренебрегать даже столь мизерной вероятностью. Но времени было в обрез. И если бы даже потом пришлось посадить на карантин весь экипаж «Индевора», то и такая цена не была бы чрезмерной.

— Это вода, но пить ее не советую — пахнет гнилыми водорослями. Поскорей бы доставить ее в лабораторию...

— А как лед, выдержит нас?

— Да, крепко, как скала.

— Значит, мы можем перебраться в Нью-Йорк?

— Это вы серьезно, Питер? А вы когда-нибудь про-
бовали пройти четыре километра по льду?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но только пред-
ставьте себе физиономии наших интендантов, попроси
мы у них три пары коньков! Да если бы коньки и
нашлись, немногие на борту сумели бы ими воспользо-
ваться...

— Есть еще и другая проблема,— включился в раз-
говор Борис Родриго.— Вы заметили, что температура
поднялась уже выше нуля? Недалек час, когда лед
начнет таять. Кто из космонавтов способен преодо-
леть четыре километра вплавь? Во всяком случае, не
я...

Доктор Эрнст взобралась к ним на край обрыва
и триумфальным жестом подняла вверх маленькую
пробирку.

— Дальняя получилась прогулка ради нескольких
кубиков грязной воды, но эта водица, надо думать,
расскажет нам о Раме больше, чем все, что мы ви-
дели до сих пор. Давайте возвращаться домой.

Они повернули в сторону ослабленных расстоянием
огней лагеря Альфа. Передвигаясь мягкими шагами-
прыжками — такой вид ходьбы оказался здесь самым
целесообразным,— они то и дело оглядывались назад,
не в силах отрешиться от загадки величественного
острова.

На полпути Лауре Эрнст померещилось, что она
ощутила дуновение слабого ветерка.

Однако ветерок не повторился, и она тут же за-
была о нем.

16. КЕАЛАКЕКУА

— Вы же прекрасно знаете, доктор Перера,— про-
изнес с показным смирением председатель,— что мы,

увы, не можем тягаться с вами в познаниях в области математической метеорологии. Сделайте милость, снизойдите к нашему невежеству...

— С удовольствием,— отозвался экзобиолог; нимало не смутившись.— Лучше всего я просто расскажу вам, что произойдет внутри Рамы в самое ближайшее время.

Солнечное тепло уже проникло внутрь цилиндра, и температура воздуха там постепенно поднимается. Согласно последним полученным мною сведениям, она уже сейчас выше точки замерзания.

Цилиндрическое море вскоре начнет таять, только, не в пример водным ассам на Земле, таяние будет происходить от дна к поверхности. Это, вероятно, вызовет ряд своеобразных явлений, но меня заботит главным образом состояние атмосферы.

Нагреваясь, воздух внутри Рамы будет расширяться — и соответственно подниматься от внутренней поверхности цилиндра к центральной оси. На уровне поверхности он, хотя и кажется неподвижным, в действительности движется со скоростью вращения Рамы, то есть со скоростью более восьмисот километров в час. Поднимаясь к оси, воздух будет стремиться сохранить эту скорость, что, разумеется, невозможно. В результате возникнут сильные ветры и завихрения — полагаю, что скорости воздушных потоков достигнут двухсот-трехсот километров в час.

Между прочим, нечто подобное происходит и на Земле. Нагретый воздух экватора движется со скоростью вращения Земли — тысяча шестьсот километров в час. И как только он поднимается и перемещается на север или на юг, возникает тот же эффект...

— А, пассаты! Как же, помню еще из школьной географии...

— Совершенно верно, сэр Роберт. На Раме будут свои пассаты, и притом сильнеешие. Думаю, что они продлятся лишь несколько часов, а затем восстановится какое-то равновесие. Но на это время я настоятельно рекомендую капитану Нортону эвакуиро-

вать людей, и сделать это следует как можно скорее. Вот текст радиограммы, которую я предлагаю послать...

«Капли воображения достаточно,— подумал Нортон,— чтобы представить, что мы просто разбили бивуак у подножия гор где-то в середине Азии или Америки...» Куча спальных мешков, складные столы и стулья, переносная электростанция, осветительные кабели, электрические туалеты, разнообразная научная аппаратура — все это выглядело бы уместным и на Земле, тем более что вокруг суетились мужчины и женщины без кислородных приборов и масок на лицах.

Создать лагерь Альфа было делом отнюдь не простым: снаряжение пришлось тащить вручную сквозь цепь воздушных шлюзов, спускать на санях по склону, а затем подбирать и распаковывать внизу. Тормозные парашюты подчас отказывали, и груз выкатывался на добрый километр в глубь равнины. Несмотря на это, кое-кто из команды обращался к капитану за разрешением прокатиться вместе с грузом; Нортон решительно им отказывал. Впрочем, в случае острой нужды запрет можно было бы и снять.

Практически почти все снаряжение так и обречено остаться здесь навсегда: возвратить его на корабль — задача невыполнимая, об этом не приходилось и мечтать. Временами капитан Нортон вопреки всякой логике стыдился, что вынужден захламить этот необъяснимо чистый мир земным барахлом. Он даже решил, что, прежде чем окончательно покинуть Раму, пожертвует драгоценным часом, а то и двумя на то, чтобы привести лагерь в полный порядок. А вдруг — невероятная мысль,— вдруг, спустя миллионы лет, где-нибудь в иной звездной системе на Раме вновь объявятся нежданные гости? Он хотел, чтобы у них создалось хорошее впечатление о Земле.

Правда, сначала ему предстояло решить другую, гораздо более срочную проблему. За последние двадцать четыре часа он получил почти одинаковые по-

слания с Марса и с Земли. Странное совпадение, а может, и не совпадение, может, они все-таки общались друг с другом, может, нынешняя ситуация послужила им поводом для контактов? Обе жены ни с того, ни с сего многозначительно напоминали ему, что и герой дня не должен забывать о своих семейных обязательствах...

Взяв складной стул, капитан перешел из освещенного пространства в окружающую лагерь тьму.

Только так и можно было добиться хотя бы видимости уединения. Повернувшись спиной к суевающимся в свете прожектора людям, Нортон стал говорить в висящий на шее диктофон.

— Оригинал в личное дело, копии на Марс и на Землю. Привет, дорогая! Знаю, сам знаю, что корреспондент из меня никудышный, но на борту корабля я не был уже целую неделю. Да там, кроме дежурных, никого теперь и нет, мы разбили лагерь внутри Рамы, у подножия лестницы, которая получила название Альфа.

На равнине сейчас работают три разведывательные группы, но продвигаемся мы вперед чудовищно медленно, поскольку рассчитывать можем лишь на собственные ноги. Если бы у нас был хоть какой-нибудь транспорт! Хотя бы парочка электрических велосипедов!..

Ты ведь встречалась с моим старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст...

Он запнулся в нерешительности: Лаура действительно встречалась с одной из его жен, но с которой? Наверное, лучше не рисковать... Он стер незаконченную фразу и начал снова:

— Мой старший корабельный врач, доктор Эрнст, возглавила первую экспедицию к Цилиндрическому морю, в пятнадцати километрах отсюда. Как мы и думали, море заполнено замерзшей водой, однако пить такую воду не стоило бы. Доктор Эрнст говорит, что это жидкий органический суп со следами самых разных углеродных соединений, содержащий также фос-

фаты, нитраты и десятки металлических солей. И никаких намеков на жизнь, ни единого, пусть даже мертвого, микроба. Так что о биохимии раман мы по-прежнему ничего не знаем, хотя, вероятно, она не так уж безнадежно далека от нашей...

Что-то легко шевельнуло волосы — он был слишком занят, чтобы вовремя подстричься, и теперь придется как-то избавляться от них, иначе скоро и шлем не наденешь...

— Ты, конечно, смотрела видеопередачи из Парижа и других городов, которые мы обследовали по эту сторону моря,— из Лондона, Рима, Москвы. Невозможно и предположить, что их строили для жилья. Париж похож на гигантский склад. Лондон — это набор цилиндрических баков, связанных между собою трубопроводами, и еще какое-то подобие насосной станции. Все закрыто наглухо, и нет никакого способа установить без помощи взрывчатки или лазера, что находится внутри. Что касается Рима и Москвы...

— Извините, шкипер. «Молния» с Земли...

«Это еще что?— спросил себя Нортон.— Неужели человек не вправе хотя бы минуту спокойно побеседовать со своими семьями?..»

Он принял радиogramму от сержанта и пробежал ее глазами в надежде убедиться, что в ней нет ничего неотложного. Затем прочитал ее вновь, уже внимательнее.

Это еще что за новость — Комитет по проблемам Рамы? И почему он никогда о таком не слышал? Кто только ни старался войти с ним в контакт — ассоциации и общества всех мастей, от самых респектабельных до совершенно психопатических; центр управления всеми силами оберегал его от них и ни за что не переслал бы ему этой радиogramмы, если бы не счел ее важной.

«Ветры — двести километров в час, возможен западный шквал»,— да, тут было над чем задуматься. Но можно ли принять подобное предостережение всерьез, когда вокруг идеально тихая ночь? И не

смешно ли удирать, когда они только-только начали серьезные исследования?..

Вот уже на протяжении четырех-пяти лет Нортон в критические минуты задавал себе этот вопрос. Он никому не раскрывал своей тайны. А возникла она, как возникает все самое важное в жизни, по воле случая.

Он уже несколько месяцев носил капитанское звание, когда узнал, что его «Индевор» — тезка одного из самых прославленных в истории кораблей. Правда, в течение последующих четырех веков еще с десятков «Индеворов» выходило в море, а два «Индевора» — в космос, но прародителем их всех являлся тот трехсотсемидесятитонный барк, на котором капитан королевского флота Джеймс Кук совершил кругосветное плавание в 1768 — 1771 годах.

Умеренный интерес к предшественнику быстро перерос во всепоглощающую страсть, почти одержимость; Нортон перечитал все, что хоть как-то касалось капитана Кука. Сейчас он был, пожалуй, крупнейшим в мире знатоком жизни и деятельности этого великого исследователя и помнил целые страницы путевых дневников капитана наизусть.

И тем не менее даже Нортону казалось, подчас невероятным, как один человек, да еще с таким примитивным снаряжением, мог столько совершить. Джеймс Кук был не только превосходным мореходом, но и пытливым ученым и — в свой жестокий век — убежденным гуманистом. Со своей командой он обращался с необычной тогда добротой, и что было уже и вовсе неслыханно — так же обходился на новооткрытых землях и с туземцами.

Заветной, но, он сам понимал, неосуществимой мечтой Нортона было повторить хотя бы один из кругосветных маршрутов капитана Кука. Пока ему удалось лишь пролететь по полярной орбите прямо над Большим Барьерным рифом /надо думать, подобный способ передвижения поверг бы в изумление легендарного капитана/. Случилось это в погожий день на

заре, и с высоты четырехсот километров ему открылся впечатляющий вид на грозную коралловую стену, отмеченную полоской белой пены вдоль всего побережья Квинеленда.

Годом позже Нортон побывал на космической станции дальнего слежения, расположенной на Гаваях, и не упустил случая посетить другое незабываемое место. Гид повел группу ученых, инженеров и космонавтов мимо сверкающего металлом обелиска. Они прошли еще с десятков шагов по черной скользкой лаве и замерли подле небольшой дощечки у самой воды.

**НЕПОДАЛЕКУ ОТСЮДА 14 ФЕВРАЛЯ 1779 ГОДА
БЫЛ УБИТ КАПИТАН ДЖЕЙМС КУК**

Мемориальная доска установлена 28 августа 1928 года комиссией по проведению 150-летия со дня гибели капитана Кука

Восстановлена в связи с 300-летием со дня гибели Кука 14 февраля 2079 года

Это было много лет назад и за сто миллионов километров отсюда. Но в тяжелые минуты Нортону неизменно казалось, что Кук незримо присутствует рядом. Втайне от всех, глубоко про себя он спрашивал: «Ну, капитан, что посоветуешь?..» Он играл в эту игру в случаях, когда не хватало фактов для трезвого суждения, когда оставалось лишь полагаться на интуицию. Ведь интуиция составляла неотъемлемую часть гения капитана Кука; тот никогда не ошибался в своем выборе — вплоть до трагического конца в бухте Кеалакекуа.

— Запишите ответ, — повернулся он к сержанту. — Адрес: Планетком, для Комитета по проблемам Рамы. Благодарю за совет, приму меры предосторожности. С уважением — Нортон, капитан «Индевора».

В этом случае аналогии с Куком ему явно не помогали. Нортон помнил, какими редкими и кратковременными были встречи Элизабет Кук с мужем. За шестнадцать лет брака они виделись считанные разы — и тем не менее она родила ему шестерых детей, а потом пережила их всех.

Право, женам самого Нортон, расстояние до которых радиолуч всегда покрывал самое большее за десять минут, жаловаться было просто не на что.

17. ВЕСНА

Заснуть в первые «ночи» на Раме оказалось очень нелегко. Угнетала тьма, угнетали тайны, которые она скрывала, но сильнее всего угнетала тишина.

Никакой ураган не вызвал бы такого грохота, какой в мгновение ока разбудил его и весь лагерь. Казалось, обрушилось небо или корпус Рамы лопнул и стал разваливаться на части.

— Группа наблюдения! Что происходит?!

— Минуточку, шкипер. Это в районе моря. Сейчас мы туда посветим...

В восьми километрах над их головами, у центральной оси, прожектор взмахнул лучом, и тот послушно побегал по равнине. Достигнув берега моря, луч двинулся вдоль него, высвечивая замкнутый мир по окрестности.

Пройдя примерно четверть возможного кругового пути, луч остановился.

Сначала Нортону почудилось, что море кипит.

Исполинская льдина — наверное, четверть на четверть километра — неожиданно накренилась и вздыбилась, как распахнутая дверь. Лишь теперь капитан Нортон понял, что случилось. Вскрывалось море.

Через два-три часа с повышением температуры вода одержит победу, растопив последние остатки льда. Но и тишине на Раме пришел конец: мир очнулся от сна, и по нему вновь и вновь раскатывались волны скрежета — это сталкивались друг с другом айсберги.

Весна полновластной хозяйкой вступала в свои права. Природа пробуждалась.

И откуда-то налетел ветерок, заметно более сильный, чем прежде. Рама сделал им достаточно серьезное предупреждение — пора было объявлять отход.

На половине пути они поставили специальную отметку; приближаясь к ней, капитан Нортон снова почувствовал, что признателен темноте, скрывающей как путь вверх, так и путь вниз. Разумеется, он помнил, что впереди еще более десяти тысяч ступеней, и без труда мог представить себе их крутой изгиб — и все-таки то обстоятельство, что реально он видит лишь малую их долю, делало перспективу менее удручающей.

Для него самого это восхождение было вторым, и он хорошо усвоил урок, полученный в первый раз. При такой низкой гравитации поневоле возникало искушение взбираться быстро, слишком быстро: каждый шаг давался так легко, что подчинять его нудному медленному ритму казалось просто ни к чему. Но если не сделать этого, то через две-три тысячи ступеней ноги начнут странным образом ныть. Мускулы, о существовании которых человек до сих пор не догадывался, заявят решительный протест и будут требовать все более и более длительного отдыха. В прошлый раз Нортон под конец пути дольше отдыхал, чем двигался, и все же ничего не добился. Следующие два дня ноги сводило болезненными судорогами, и, не находясь он вновь в невесомости у самого своего корабля, Нортон, наверное, утратил бы работоспособность.

Поэтому сейчас он двинулся в путь с тягостной медлительностью, как древний старик. Он покинул равнину последним, остальные поднимались цепочкой, растянувшейся на полкилометра над ним, и он различал огоньки от фонариков, ползущие вверх по невидимому откосу.

В душе он жестоко досадовал, что не успел завершить свою миссию, и надеялся, что отступление носит временный характер. Добравшись до шлюза, они переждут, пока не прекратятся возмущения в ат-

мосфере. Можно предполагать, что там, у оси, будет штиль, как в центре циклона; они пересидят шторм в безопасности и вернутся...

Впрочем, он опять спешил с выводами — трудно было избавиться от привычки проводить рискованные аналоги с Землей. Метеорология целого мира даже при совершенном равновесии атмосферы — дело невероятной сложности. Ведь и на Земле прогнозы погоды, несмотря на трехсотлетнюю практику, так и не стали абсолютно надежными. А атмосфера Рамы, мало того что оставалась системой со многими неизвестными, еще и претерпевала стремительные перемены: лишь за последние два-три часа температура поднялась на несколько градусов. Однако обещанного урагана пока не было и в помине, хотя порывы ветра налетали неоднократно и с разных сторон.

Так они поднялись на пять километров — при низкой и к тому же непрестанно уменьшающейся силе тяжести это соответствовало, наверное, километрам двум на Земле. На третьем уровне, в трех километрах от оси, они устроили часовой привал, слегка перекусили и растерли мышцы ног. Здесь лежал конечный рубеж, на котором они еще могли дышать без натуги; подобно тому, как прежде это делали альпинисты в Гималаях, они, спускаясь, оставили здесь свои кислородные приборы, а теперь надели их снова, чтобы уже не снимать до самого конца пути.

Часом позже они добрались до верха лестницы и начала трапа. Оставался последний вертикальный километр, к счастью, в слабом гравитационном поле, составлявшем лишь несколько процентов земного.

Еще один тридцатиминутный привал, тщательная проверка запасов кислорода — и они приготовились к финальному броску.

Нортон вновь удостоверился, что его подчиненные благополучно следуют друг за другом с интервалом в двадцать метров. Теперь и ему предстояло медленно и до отвращения нудно тянуть себя вверх и просто считать перекладыны, проплывающие мимо: сто,

двести, триста, четыреста...

Он достиг тысяча двести пятидесятой, когда внезапно осознал, что вокруг что-то не так. Свет, отражающийся от вертикальной стены перед самыми его глазами, приобрел какой-то новый оттенок, более того, стал слишком ярким.

Капитану не хватило времени ни на то, чтобы притормозить, ни на то, чтобы как-то предостеречь остальных. Все произошло менее чем за секунду.

Беззвучным мгновенным взрывом на Раме занялся рассвет.

18. РАССВЕТ

Свет был таким ослепительным, что Нортон поневоле зажмурился на добрую минуту. Затем он рискнул приоткрыть глаза и из-под чуть приподнятых век взглянул на стену в каких-то пяти сантиметрах от собственного шлема. Несколько раз моргнул, выждал, когда высохнут невольные слезы, и не спеша повернул голову...

Зрелище, раскрывшееся перед ним, оказалось невыносимо вынести дольше двух-трех секунд — и веки опять смежились сами собой. Нет, виной тому был не яркий блеск — к нему в конце концов можно было привыкнуть, а внушающая благоговение перспектива Рамы, впервые представшая перед ними во всей своей полноте.

Кто-кто, а Нортон заведомо знал, что можно ожидать, и тем не менее открывшийся вид ошеломил его. Тело охватила волна неудержимого трепета, руки судорожно вцепились в перекладины трапа — так утопающий цепляется за спасательный пояс. Мышцы предплечий сразу начали каменеть, а ноги, уже обес-

силенные многочасовым восхождением, напротив, сделались совершенно ватными. Если бы не малое приращение, он мог сорваться и упасть.

Потом годы тренировок все же взяли свое, и он прибег к испытанному средству. Не раскрывая глаз и стараясь выбросить из памяти только что виденную картину, он принялся делать глубокие вдохи, чтобы кислород, заполнивший легкие, вынес из организма яд усталости.

Постепенно он почувствовал себя лучше, но не разомкнул век, пока не совершил еще одного необходимого действия. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы разжать правую руку,— пришлось уговаривать ее, как непослушное дитя,— но он все-таки отвел руку к животу и, высвободив страховочный пояс, накинул пряжку на ближайшую скобу. Теперь, что бы ни случилось, он уже не сорвется.

Нортон еще раз глубоко вздохнул и, по-прежнему, не раскрывая глаз, включил передатчик. Хотелось надеяться, что голос у него звучит спокойно и решительно:

— Говорит капитан. Все ли целы?

По мере того как он называл имена и выслушивал ответы — подчас нетвердо, но ответили все,— к нему возвращалась уверенность в себе, возвращалось самообладание. Люди уцелели, люди рассчитывали, он укажет им, что делать. Он вновь почувствовал себя командиром.

— Закройте глаза и не открывайте их до тех пор, пока не убедитесь, что сумели преодолеть головокружение,— распоряжался он.— Вид, безусловно, ошеломляющий. И если для кого-то из вас он окажется непереносимым, тогда придется продолжать восхождение не оглядываясь. Напоминаю, что скоро мы попадем в невесомость, следовательно, упасть будет просто невозможно...

Казалось бы, тыкать опытных космонавтов носом в столь элементарную истину нет нужды, но ведь и сам Нортон вынужден был поминутно повторить ее про

себя. Мысль о невесомости превратилась в своего рода талисман, охраняющий от бед. Вопреки любым зрительным ощущениям, увлечь их вниз и расплющить о равнину Рама был уже не властен.

Самолюбие, чувство собственного достоинства настоятельно требовали от него вновь открыть глаза и взглянуться в окружающий мир. Но сначала, конечно, следовало обрести контроль над своим телом. Он заставил себя отпустить трап, а затем локтем левой руки захватил ближайшую скобу. Сжимая и разжимая кисти рук, он дал мышцам расслабиться и, наконец, когда новое положение стало для него по-настоящему удобным, неторопливо повернувшись, встретился с Рамой лицом к лицу.

И первое впечатление — синева. Сияние, заполнившее небо, даже по ошибке нельзя было принять за солнечный свет, скорее оно походило на вольтову дугу. «Значит,— сделал вывод Нортон,— собственное солнце Рамы горячее нашего. Астрономов это, несомненно, заинтересует...»

Теперь по крайней мере стало понятным назначение таинственных траншей — Прямой долины и пяти ее близнецов: это были просто-напросто гигантские фонари. Рама располагал шестью линейными солнцами, симметрично размещенными по всей его внутренней поверхности. Каждое из солнц посылало широкий веер лучей на противоположную сторону миру. «Любопытно,— подумал Нортон,— предусмотрена ли здесь возможность попеременного их выключения, чередования света и тьмы или на Раме отныне воцарился вечный день?»

Он слишком пристально вглядывался в полосы слепящего света, глаза опять начали слезиться, и появился повод, не упрекая себя, прикрыть их снова. И только тогда, почти оправившись от первоначального зрительного шока, он задал себе самый серьезный вопрос:

Кто включил — что включило эти огни?

Все проверки, даже самые тонкие, доказывали, что

этот мир стерилен. Но вот произошло нечто, никак не объяснимое действием естественных сил. Допустим, жизни здесь действительно нет — значит ли это, что нет сознания? Роботы могли проспать миллионы лет — и проснуться. А может, взрыв света — незапрограммированная, случайная конвулсия, последний предсмертный вздох машин, ответивших на обум на близость новой звезды, и вскоре Рама вновь впадет в спячку, на этот раз навсегда?

Однако Нортон и сам не верил, что объяснение столь примитивно и просто. Какие-то кусочки мозаичной головоломки начали вставать на свои места, но многих, слишком многих еще не доставало. Как понять, к примеру, отсутствие всяких признаков старения, печать новизны на всем вокруг, словно Рама только вчера сошел со стапелей?..

Прежде всего следовало выработать какую-то систему координат. Перед ним лежало величайшее замкнутое пространство, какое когда-либо видел человек, и, чтобы не затеряться в нем, нужен был хотя бы умозрительный план.

Рассчитывать на помощь едва ощутимого притяжения не приходилось: Нортон мог представить себе «верх» и «низ» почти в любом желаемом направлении. Однако иные из представлений оказывались психологически опасными, и, едва они приходили на ум, он должен был стремительно гнать их прочь.

Все безопаснее было бы вообразить себе, что они находятся в данной чаше исполинского колодца шестнадцати километров в ширину и пятидесяти в глубину. Такой угол зрения имел то преимущество, что начисто устранял страх падения, но в то же время не был лишен серьезных недостатков.

Удавалось как-то уговорить себя, что разбросанные там и сям «города» и «поселки», по-разному окрашенные и устроенные, надежно прикреплены к нависающим со всех сторон стенам. Сложные сооружения, едва различимые на куполе над головой, смущали Нортон, в сущности, не больше, чем какая-нибудь

подвесная люстра в одном из гигантских концертных залов Земли. По-настоящему неприемлемым оставалось лишь Цилиндрическое море.

Вот оно — лента воды, опоясывающая шахту колодца и сцепленная с ней непонятно как... И ведь нет даже тени сомнения, что это вода, именно вода, ярко-синяя, с искристыми блестками недотаявших льдин. Однако вертикальное море, образующее полный круг на двадцатикилометровой высоте, — зрелище настолько поразительное, что, спустя какой-то миг, пришлось искать ему иное объяснение.

Нортон решил мысленно повернуть картину на девяносто градусов. В мгновение ока глубокий колодец превратится в длинный перекрытый с обоих концов тоннель. «Вниз» — это теперь означало, разумеется, вниз по трапу и лестнице, по которым он только что поднялся; теперь, под таким углом зрения, Нортон, пожалуй, мог по достоинству оценить замысел архитекторов — создателей этого мира.

Он приник к поверхности изогнутого шестнадцатикилометрового утеса, верхняя половина которого нависла над головой, постепенно смыкаясь с арочным сводом, переоплотившимся ныне в небо. Из-под ног уходил трап, через полкилометра с лишним обрывавшийся на первом уступе-террасе. Затем начиналась лестница, вначале тоже почти вертикальная, но по мере нарастания гравитации все менее и менее крутая; пять разрывов дуги — пять площадок, и наконец где-то вдали она достигала равнины. На протяжении двух-трех километров различались отдельные ступени, потом они сливались в сплошную полосу.

Устремленная вниз лестница была столь грандиозна, что оценить истинную ее протяженность оказывалось выше сил человеческих. Нортону случилось однажды облететь вокруг Эвереста, и его поразили тогда размеры горы. Сейчас он напомнил себе, что по высоте лестница соперничает с Гималаями, но сравнение оказалось лишенным смысла.

И уж вовсе ни в какое сравнение с чем-либо зем-

ным не шли две другие лестницы, Бета и Гамма, уходящие вкось в небо и изгибающиеся над головой. Нортон уже вполне набрался храбрости для того, чтобы, слегка откинувшись, бросить взгляд в ту сторону — ровно на миг. И тут же постарался стереть увиденное из памяти.

Со временем, разумеется, эти страхи поблекнут. Чудеса Рамы с лихвой искупят несколько кошмарных минут, по крайней мере для людей, встречавшихся лицом к лицу с космосом. Может, те, кто никогда не покидал Земли, не оставался наедине со звездами, и не сумели бы вынести такого зрелища. «Но если хоть одна живая душа способна приноровиться к нему,— заметил себе Нортон с мрачной решимостью,— то пусть это будут капитан и команда "Индевора"...»

Он посмотрел на свой хронометр. Пауза длилась максимум две минуты, а показалось — полжизни. Перед тем как войти в воздушный шлюз, он окинул перспективу еще одним беглым взглядом.

За какие-то пять истекших минут она снова изменилась — с моря поднимался туман. Прозрачные белые столбы резко кренились в направлении вращения Рамы, чтобы через несколько сот метров расплыться, закрутившись в смерчи; устремившийся вверх воздух пытался погасить избыточную скорость. Пассаты Цилиндрического моря принялись рисовать свои автографы в его небе; надвигался первый за неисчислимые столетия тропический шторм.

19. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ С МЕРКУРИЯ

Впервые за несколько недель Комитет по проблемам Рамы прибыл на заседание — очно и заочно — в полном составе. Профессора Соломона извлекли

со дна Тихого океана, где он изучал добычу руды в глубоководных шахтах. И вновь объявился — в стереоварианте — доктор Тейлор. Удивляться этому не приходилось: ведь события возродили надежды найти на Раме что-нибудь посенсаационнее мертвых технических безделушек.

Председатель, в сущности, не сомневался, что Карлайл Перера сегодня будет еще более непререкаем и напорист, чем обычно,— еще бы, его прогнозы раманских ураганов подтвердились! Но к великому удивлению собравшихся, Перера вел себя исключительно тихо и принимал поздравления коллег с видом настолько близким к смущению, насколько это вообще было для него невозможно.

По правде сказать, экзобиолог чувствовал себя глубоко униженным. Тот факт, что Цилиндрическое море вскроется, и весьма эффектно, представлялся теперь еще более непреложным, чем ураганные ветры,— а он это начисто проморгал. Сообразить, что нагретый воздух поднимется вверх, и забыть, что лед, превратившись в воду, уменьшится в объеме,— подобным подвигом вряд ли стоило гордиться.

Впрочем, доктору Перере не требовалось много времени, чтобы обрести свою привычную самоуверенность. Но когда председатель предоставил ему слово и спросил, какие еще климатические перемены ожидаются в ближайшем будущем, Перера заговорил, взвешивая каждое слово.

— Следует помнить,— заявил он,— что метеорология мира столь необычного, как Рама, способна преподнести нам немного новых сюрпризов. Однако, если мои вычисления верны, штормов больше не будет, и условия стабилизируются. Температура будет повышаться вплоть до перигелия, а возможно, и дольше, но это не должно беспокоить нас, поскольку «Индевору» задолго до того придется уйти...

— Значит, люди вскоре смогут вернуться внутрь?

— Мм... вероятно. Через двое суток узнаем наверняка.

— Возвращение совершенно необходимо, — вмоштался представитель Меркурия. — Мы должны вывести о Раме все, что только возможно. Ситуация кардинальным образом изменилась...

— Кажется, мы догадываемся, что именно вы имеете в виду, тем не менее соблаговолите пояснить...

— С удовольствием. До сих пор мы полагали, что Рама необитаема или точнее, никем не контролируется. Но теперь мы не вправе более себя обманывать, даже если на борту нет живых существ как таковых, кораблем могут управлять роботы, запрограммированные для выполнения определенной миссии, и, не исключено, весьма неблагоприятной для нас.

Поднялся хор протестующих голосов, и председателю пришлось поднять руку, чтобы восстановить порядок.

— Позвольте его превосходительству закончить! — провозгласил он. — Нравится нам эта идея или нет, но отнестись к ней следует серьезно...

— При всем моем уважении к делегату Меркурия, — произнес Конрад Тейлор тоном крайнего пренебрежения, — мы можем смело отвести все и всяческие домыслы о злокозненной интервенции. Существа, столь цивилизованные, как рамане, должны иметь соответственно развитую мораль.

В противном случае они давно уничтожили бы сами себя, как мы едва не уничтожили себя в XX веке. Я с полной ясностью доказал это положение в своей недавно вышедшей книге «Характеры и космос». Надеюсь, вы получили дарственный экземпляр?..

— Получил, благодарю Вас, хотя к сожалению, перегруженность другими делами не позволила мне пока продвинуться дальше предисловия. Тем не менее я вполне знаком с общей концепцией. У нас, к примеру, может вовсе не быть злокозненных намерений по отношению к муравейнику. Ну, а если мы хотим построить дом как раз на том же месте?..

— Но это ничуть не лучше ящика Пандоры? Это уж, простите, какая-то межзвездная ксенофобия!..

— Господа, господа! Так мы с вами ничего не добьемся. Ваше превосходительство, вы можете продолжать...

И председатель сквозь триста восемьдесят тысяч километров пустоты устремил гневный взгляд на Тейлора; тот неохотно стих, подобно вулкану, выжидающему своего часа.

— Спасибо,— поблагодарил меркурианин.— Угроза, быть может, и маловероятна, но там, где на карту поставлено будущее человечества, мы не вправе допускать никакого риска. И, да будет мне дозволено сказать, нас, меркуриан, это касается в особенности. У нас оснований для тревоги, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого.

Доктор Тейлор отчетливо фыркнул, за что опять удостоился гневного взгляда с Луны.

— Почему же больше? — спросил председатель.— А остальные планеты разве не в счет?

— Рассмотрим ситуацию в динамическом развитии. Рама уже пересек нашу орбиту. Предполагается, что он обогнет Солнце и вновь устремится в пространство. Но это только предполагается, а что, если он решит притормозить? Если тормозной маневр намечен, то произойдет он в перигелии, примерно через тридцать дней. Ученые моей планеты сообщили мне, что при соответствующем применении скорости Рама выйдет на круговую орбиту в двадцати пяти миллионах километров от Солнца. Заняв такую позицию, он будет господствовать над всей Солнечной системой.

Довольно долго никто, даже Конрад Тейлор, не проронил ни слова. Члены комитета предались тяжким думам об этом несносном племени меркуриан, достойно представленном здесь их полномочным послом. Большинство людей Меркурий мыслился довольно точной копией ада — до сих пор, во всяком случае, никто не встречал чего-нибудь похлеще. Однако сами меркуриане гордились своей причудливой планетой с ее днями, более долгими, чем годы, с

ее двойными восходами и закатами и реками расплавленного металла. В сравнении с Меркурием Луна и Марс казались совершенной обыденщиной. Разве только на Венере /если высадка там вообще когда-нибудь произойдет/ встретит человек окружение более враждебное, чем природа Меркурия.

И тем не менее эта планета во многих отношениях была ключом к Солнечной системе. Ретроспективно такая оценка представлялась вполне очевидной, хотя прошло уже почти сто лет космической эры, прежде чем люди уяснили себе это. Зато впоследствии меркуриане никому не позволяли забыть о своем могуществе.

Задолго до того, как человек добрался до Меркурия, разительная плотность этой планеты наводила на мысль о присутствии там тяжелых элементов, но реально разведенные богатства повергли человечество в изумление и на тысячу лет отогнали призрак истощения залежей металлов, жизненно важных для цивилизации. И подумать только, что эти сокровища облюбовали себе место, наилучшее из всех возможных, там, куда Солнце посылает энергию вдесятеро щедрее, чем на стылую Землю!

Неограниченное потребление энергии — неограниченное производство металла. Таков был Меркурий. Его гигантские магнитные катапульты могли перебросить добытую руду в любую точку Солнечной системы. Предметом меркурианского экспорта являлась и энергия* в форме искусственных трансурановых изотопов или просто в виде излучения. Предполагалось, например, установить на Меркурии лазеры, чтобы в один прекрасный день растопить льды Юпитера, но эту идею не очень-то приветствовали на других мирах. Технику, способную подогреть Юпитер, слишком легко было бы использовать для прямого межпланетного шантажа.

То, что люди не постеснялись высказать подобные опасения, красноречиво свидетельствовало об истинном отношении человечества к меркурианам. Их ува-

жали за выносливость и инженерное искусство, восхищались упорством, с каким они завоевывали свой грозный мир. Но их не любили и тем более им не слишком доверяли.

И в то же время понять точку зрения меркуриан было бы в общем не сложно. Жители других планет шутили, что меркуриане подчас ведут себя так, словно Солнце — их личная собственность. Они связали себя с Солнцем своеобразными отношениями любви-ненависти: так викинги были некогда связаны с морем, непальцы с Гималаями, эскимосы с тундрой. Они испытали бы истинное горе, если бы что-то стало между ними и могущественной силой, которая повелевала их жизнью и направляла ее. В конце концов молчание нарушил не кто иной, как сам председатель. Он все еще не забыл горячего солнца Индии, так что о солнце Меркурия не мог и подумать без дрожи. Правда, он считал меркуриан неотесанными техническими варварами, но к их заявлениям всегда относился всерьез.

— На мой взгляд, господин посол, ваши доводы достаточно вески, — вдумчиво сказал он. — Есть у вас какие-нибудь конкретные предложения?

— Да, сэр. Прежде чем мы решим, что следует предпринять, мы должны собрать факты. Мы знаем географию Рамы, — если применять этот спорный термин, — но не имеем ни малейшего представления о конструктивных возможностях корабля. И главным из всех вопросов представляется один: есть ли на Раме двигатель? Может ли он изменить орбиту? Хотелось бы слышать, что думает по этому поводу доктор Перера?

— Я немало размышлял на этот счет, — ответил экзобиолог. — Конечно, начальное ускорение Раме придало какое-то двигательное устройство, но ведь оно могло действовать и извне. Что касается бортовых двигателей, то мы не обнаружили ничего похожего на них. С уверенностью можно сказать, что там нет и следа ракетных дюз или чего-нибудь хотя бы отда-

ленно их напоминающего...

— Дюзы нетрудно замаскировать...

— Верно, только зачем? И потом, где баки с горючим, где энергетические установки? Корпус сплошной — мы обследовали его сейсмически. Пустоты, обнаруженные в северном торце, полностью совпадают с системой воздушных шлюзов.

Значит, остается южный торец, куда капитан Нортон не сумел пока добраться из-за десятикилометровой водной преграды. Вы видели фотографии — там, на юге, расположено множество странных механизмов и сооружений. Что это такое, можно только гадать.

Но я твердо уверен только в одном. Если на Раме есть двигатель, то основан он на принципе, нам пока совершенно неизвестном. Может, раманам удалось сконструировать мифический гипердвигатель, о котором люди мечтают вот уже двести лет...

— Следовательно, это не исключается?

— Ну, разумеется, нет! Если нам удалось доказать, что на Раме установлен гипердвигатель — даже если бы мы совсем не разобрались в способе его действия, — это было бы открытием величайшего значения. По крайней мере мы установили бы, что гипердвигатель принципиально возможен...

— Но что это за штука — гипердвигатель? — уныло спросил представитель Земли.

— Любой двигатель, сэр Роберт, любой космический двигатель, созданный не на принципе реактивной тяги. Антигравитационный, например, если таковой существует. В настоящее время мы даже не представляем себе, в какой области науки искать такое устройство, и большинство ученых считают, что его вообще не найти...

— Разумеется, не найти, — вмешался профессор Дэвидсон. — Это установлено еще Ньютоном. Каждому действию равно противодействие. Гипердвигатель — чепуха. Поверьте моему слову...

— Не исключено, что вы правы, — откликнулся Перера с необычной для себя вежливостью. — Но если

на Раме нет гипердвигателя, то и никакого другого двигателя тоже нет. Там просто не хватит места для традиционных силовых установок с их необъятными топливными баками.

— Трудно себе представить, что целый мир можно разгонять и тормозить,— заявил Деннис Соломонс.— А что при этом произойдет со всем его содержимым? Каждый предмет придется привинчивать к полу. Слишком неудобно.

— Видите ли, ускорение может быть совсем небольшим. Непонятно одно — что станет с Цилиндрическим морем. Как прикажете удержать на месте массу воды?

Перера неожиданно запнулся на полуслове, глаза его остекленели. Казалось, его вот-вот хватит аполексический удар. Коллеги встревоженно уставились на него, но ученый также внезапно оправился, грохнул кулаком по столу и воскликнул:

— Ну, конечно! Вот вам и объяснение! Южный утес — теперь все понятно!..

— Только не мне,— проворчал представитель Луны, выражая, по-видимому, мнение всех присутствующих дипломатов.

— Взгляните на Раму в продольном сечении,— возбужденно продолжал Перера, разворачивая чертеж.— Есть у вас такие схемы? Цилиндрическое море замкнуто между двумя утесами, опоясывающими его поверхность вкруговую. Утес на северном берегу поднимается в высоту всего на пятьдесят метров. А на противоположном, южном берегу — без малого на полкилометра. Во имя чего такая огромная разница? До сих пор по этому поводу никто не высказал никакой разумной гипотезы.

Но допустим, что Рама действительно способен набирать скорость, двигаясь северным концом вперед. Вода устремится назад, уровень ее у южного берега поднимется, быть может, на сотни метров. Отсюда и утес. Ну-ка прикинем...

Перера принялся яростно царапать карандашом по

бумаге. Пауза была удивительно короткой — спустя двадцать секунд он поднял глаза с улыбкой.

— Зная высоту обоих утесов, можно вычислить максимальное ускорение, на какое рассчитан Рама. Если оно будет больше двух процентов, море выплеснется на южный континент.

— Одна пятидесятая g ? Не слишком много...

— Напротив, очень много, если принять во внимание массу в десять миллионов мегатонн. И в то же время достаточно для маневрирования в Космосе...

— Большое спасибо, доктор Перера,— заявил представитель Меркурия.— Вы дали нам немалую пищу для размышлений. Господин председатель, нельзя ли внушить капитану Нортону, что нам представляется необходимым обследовать район Южного полюса?

— Он делает все, что может. Бесспорно, море — серьезное препятствие. Они пытаются соорудить какое-то подобие плота, чтобы побывать по крайней мере в Нью-Йорке...

— Южный полюс, видимо, еще важнее. Ставлю вас в известность, что я намерен вынести данный вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи. Одобрите ли вы такой шаг?..

Возражений не последовало. Но руку поднял Люис.

— Предположим, мы выясним, что Рама... мм... продолжает жить и способен маневрировать. Но способность напасть и намерение напасть — вещи разные...

— И сколько мы, по-вашему, должны ждать, чтобы убедиться в намерениях раман?— спросил меркурианин.— Когда мы точно узнаем, каковы их намерения, будет слишком поздно.

— Уже слишком поздно. Можем мы как-нибудь повлиять на Раму? Нет, не можем. Да, наверное, и никогда не могли.

— Я не согласен с вашим утверждением, сэр Люис. Мы можем сделать многое, если понадобится. Хотя времени у нас осталось отчаянно мало. Рама —

словно яйцо, где сидит космический птенец неизвестной породы. Солнечные лучи отогрели его, и теперь птенец готов вылупиться в любой момент.

Председатель комитета впери́л в посланца Меркурия взгляд, исполненный чистосердечного изумления. Он никак не предполагал, что меркурианин способен поднаться до столь поэтических сравнений.

20. ОТКРОВЕНИЕ

Когда кто-нибудь из экипажа обращался к нему: «Командир...» — или, того хуже, «Мистер Нортон...» — это всегда означало, что затевается нечто нештучное. А чтобы Борис Родриго титуловал его подобным образом — такого Нортон вообще не мог припомнить, значит, дело было серьезным вдвойне. Даже в самые тяжелые минуты лейтенант Родриго неизменно отличался выдержкой и рассудительностью.

— Что стряслось, Борис?— спросил капитан, едва за ними закрылась дверь каюты.

— Прошу разрешения, командир, на внеочередную передачу непосредственно на землю.

Это было несколько необычно, но не беспрецедентно. Повседневная связь шла через ретрансляторы ближайшей планеты — в настоящее время через Меркурий,— и хотя радиоволны находились в пути лишь несколько минут, иной раз требовалось пять, а то и шесть часов, чтобы сообщение достигло адресата. Как правило, такая скорость всех вполне устраивала, но в случае острой необходимости ценою больших затрат под ответственность капитана можно было использовать и каналы прямой связи.

— Вы, конечно, понимаете, что подобную просьбу следует обосновывать. Все доступные полосы часто забиты отчетами наших исследовательских групп. Что

у вас, какое-то личное несчастье?

— Нет, командир. Мое дело гораздо важнее. Я хотел бы направить послание братьям по вере.

«Ну и ну!— воскликнул про себя Нортон.— Вот это казусл!..»

— Пожалуйста, объясните подробнее.

Просьба Нортонa была продиктована не только любопытством, хотя и это, разумеется, имело место. Если бы он пошел Борису навстречу, ему пришлось бы оправдывать свое решение перед начальством.

На капитана смотрели спокойные голубые глаза. Он не помнил случая, чтобы Борис хоть когда-нибудь потерял контроль над собой, хоть на секунду изменил незыблемой убежденности в собственной правоте. И все единоверцы Бориса были в этом смысле одинаковы — именно полный самоконтроль и делал из них образцовых тружеников космоса. Но их не ведающая сомнений самоуверенность, признаться, подчас раздражала остальных нечестивцев, не удостоенных божественного откровения.

— Речь идет о назначении Рамы. Мне, кажется, командир, что я разгадал его.

— Продолжайте.

— Вдумайтесь в ситуацию. Перед нами мир, совершенно пустой и безжизненный и тем не менее приспособленный для человеческих существ. Здесь есть вода и атмосфера, пригодная для дыхания. Прибыл Рама из отдаленнейших глубин пространства, но был совершенно точно нацелен на Солнечную систему, настолько точно, что всякие случайности тут исключены. И он не просто выглядит новым — похоже, что им вообще никогда не пользовались...

«Но мы же толковали об этом десятки раз,— подумал Нортон.— Что особенного он может мне сказать?..»

— Наша вера учила нас, что надо ждать подобного посещения, хоть мы и не знали, какой именно цели оно послужит. Библия содержит лишь намеки. Но если это не второе пришествие, тогда предвестие вто-

рой — после потопа — великой кары. И я полагаю, что Рама — космический ковчег, ниспосланный, дабы спасти тех, кто достоин спасения.

На мгновение в капитанской каюте воцарилась тишина. Не то, чтобы Нортон утратил дар речи, скорее всего у него одновременно возникло слишком много вопросов и он не знал, с которого начать. Наконец со всей возможной мягкостью и дипломатичностью он произнес:

— Весьма интересная концепция. И, хоть я и не разделяю вашей веры, соблазнительно логичная...

Нортон не лицемерил и не преувеличивал: теория Родриго, если освободить ее от религиозной окраски, была не менее убедительной, чем полдюжины выслушанных им прежде. Допустим, в Солнечной системе должна в ближайшем будущем разразиться катастрофа, и некая разумная раса, далеко обогнавшая в своем развитии человечество, предугадала ее. Это объяснило бы все самым прекрасным образом. Впрочем, нет, кое-какие вечности все равно остались бы...

— Разрешите, однако, спросить вас вот о чем. Через три недели Рама достигнет перигелия и, обогнув Солнце, покинет Солнечную систему так же стремительно, как и появился в ней. Не кажется ли вам, что для страшного суда, а тем более для того, чтобы транспортировать на ковчег... гм... избранных — опуская технические трудности — уже не остается времени?

— Совершенно справедливо. Достигнув перигелия, Рама сбавит скорость и перейдет на стационарную орбиту с афелием примерно в районе Земли. Еще один тормозной маневр — и корабль подойдет к нашей планете вплотную.

Все это звучало настолько веско, что Нортону стало не по себе. Если Рама действительно пожелает остаться в Солнечной системе, Борис Родриго описал рациональный путь к цели: подойти к Солнцу на минимальное расстояние и выполнить тормозной маневр именно там. Если в теории космохристианина и во

всевозможных ее вариантах есть хоть капля истины. это станет известно скоро, очень скоро...

— Есть один вопрос. Какая сила управляет Рамой?

— На этот счет у меня еще не сложилось окончательного мнения. Может быть, просто робот. А может быть: — дух. Оба толкования вполне объясняют отсутствие следов биологической жизни...

«Призраки на астероиде»... Почему из глубин памяти вдруг всплыла эта фраза? Потом капитану вспомнился дурацкий рассказ, читанный многие годы назад; не стоило, наверное, и спрашивать, попадался ли он когда-нибудь Борису. Сомнительно, чтобы вкусы Родриго позволяли ему снисходить до литературы такого сорта.

— Вот что мы сделаем, Борис,— сказал Нортон, круто меняя тон разговора. Он решил прекратить аудиенцию, пока Бориса не занесло слишком далеко, и, кажется, нашел приличный компромисс.— Сумеете вы изложить свою идею в пределах тысячи битов?

— Думаю, что да.

— Тогда оформите ее в виде научной гипотезы, и я пошлю внеочередную радиограмму в адрес Комитета по проблемам Рамы. Копию можете направить своим единоверцам, и да будут они счастливы.

— Спасибо, командир. Поверьте, я ценю вашу доброту.

— Только не воображайте, что я сделал это, дабы спасти свою душу. Просто мне интересно подразнить мудрецов из комитета. Я отнюдь не согласен с вашей логикой, но вдруг им удастся выудить из нее что-нибудь действительно важное?

— Доживем до перигелия — увидим.

— Вот именно. Доживем до перигелия...

Как только Борис Родриго ушел, Нортон позвонил в рубку и отдал необходимые распоряжения. Надо полагать, из положения он выпутался неплохо — и потому, что если Борис хоть чуточку прав?

Недурно было бы затесаться в число избранных.

21. ПОСЛЕ ШТОРМА

Пробираясь по знакомому коридору шлюзового комплекса Альфа, Нортон думал: «Не поторопились ли мы? Проявили ли должную осторожность?..» Готовые при первой опасности к немедленному старту, они выждали на борту «Индевора» сорок восемь часов — драгоценные двое суток. Но за это время ровным счетом ничего не случилось, приборы, оставленные внутри Рамы, не обнаруживали никаких необычных явлений. А телекамера, к величайшему их сожалению, ослепла из-за тумана, который снизил видимость буквально до пяти метров и лишь недавно начал рассеиваться.

Когда они справились с последним повторным шлюзом и выплыли в паутину канатов, Нортон поразила прежде всего перемена в освещении. Оно утратило резкую голубизну, стало мягче, приятнее и напоминало теперь марево над земными просторами в ясный летний день.

Бросив взгляд вдоль оси, он увидел лишь сверкающий белый тоннель с размытыми сводами, простирающийся вплоть до диковинных гор Южного полюса. Внутренняя поверхность Рамы была сплошь занята облаками — нигде ни малейшей прогалинки. Верхняя их граница, обозначенная очень четко, и формировала этот тоннель, цилиндр внутри цилиндра, много более узкий — пять-шесть километров в поперечнике — и совершенно чистый, исключение составляли лишь отдельные заблудившиеся перистые облачка. Исполинскую облачную трубу подсвечивали со всех сторон шесть искусственных солнц Рамы. Местоположение тех трех, которые горели на ближнем, Северном континенте, угадывалось по расплывчатым светлым полосам, но по ту сторону Цилиндрического моря полосы сливались в непрерывное круговое сияние.

«Что там, под облаками? — спросил себя Нортон. — Надо думать, шторм, раскрутивший облачные покровы

до полной симметрии по отношению к оси, теперь угас. Может, Рама заготовил и другие сюрпризы, но, не спустившись вниз, о них и не узнаешь...»

Казалось целесообразным послать сейчас в разведывательный поход ту же группу, которая первой дерзнула проникнуть в тайны Рамы. Тем паче, что сержант Майрон, как и все другие члены экипажа, теперь полностью удовлетворял требованиям корабельного врача; он даже с подкупающим простодушием утверждал, что того и гляди вывалится из старого обмундирования.

Наблюдая за Мерсером, Колвертом и Майроном, быстро и умело «плывущими» вниз по трапу, Нортон отмечал про себя происшедшие здесь, на Раме, перемены. Тогда они спускались среди тьмы и стужи, теперь двигались навстречу свету и теплу. И еще: во всех прежних экспедициях они пребывали в уверенности, что Рама мертв. В биологическом смысле это, видимо, оставалось справедливым и сейчас. Но что-то здесь неуловимо изменилось, и идея Бориса Родриго объясняла суть перемен не хуже, чем любая другая. Дух Рамы ожил.

Когда они достигли площадки у основания трапа и уже собирались начать спуск, Мерсер провел стандартную проверку атмосферы. Состав воздуха принадлежал к числу данных, которые никто никогда не принимал на веру: люди вокруг могли ничтоже сумняшеся дышать без кислородных масок, а Мерсер все равно бы не снял шлема, не сделав соответствующих измерений. Если его спрашивали, не мнительность ли это, от отвечал:

— Наши ощущения — ненадежная штука. Вам кажется, что все в порядке, а может статься, еще один вдох — и протянете ноги...

На сей раз он взглянул на шкалу и буркнул:

— Черт!

— В чем дело?— осведомился Колверт.

— Анализатор вышел из строя и показывает не-сусветно много. Странно, я и не слышал, чтобы он

когда-нибудь портился. Ну-ка, проверим его на наших кислородных баллонах...

Он подключил миниатюрный анализатор к вентилю трубки, подающей кислород в скафандр, и застыл в недоуменном молчании. Товарищи следили за ним озабоченно и даже тревожно: если Карлу что-то не нравилось, к этому следовало отнестись со всей серьезностью. Затем Мерсер отключил анализатор от своего скафандра, вновь опробовал им воздух Рамы и, наконец, вызвал капитана:

— Шкипер! Посмотрите, пожалуйста, на свой прибор. Каков у вас процент молекулярного кислорода?

Последовала пауза — слишком долгая для ответа на такую просьбу. Затем Нортон радировал:

— Кажется, анализатор приказал долго жить.

Лицо Мерсера медленно расплылось в улыбке.

Показывает пятьдесят с гаком?

— Точно, но что это значит?

— Это значит, что можно обойтись совсем без масок. Замечательно, не правда ли?

— Н-не знаю,— откликнулся Нортон, уловив сарказм в голосе помощника.— Слишком уж замечательно, чтобы спешить с выводами...

Говорить дальше не было нужды. Как все космонавты, капитан Нортон не испытывал особого доверия к явлениям, внешне слишком заманчивым.

Мерсер отстегнул защелку лицевой маски, приподнял ее и принялся. Впервые на такой высоте воздух казался бесспорно годным для дыхания. Затхлый, мертвенный привкус исчез, исчезла и излишняя сухость, от которой першило в горле. Влажность достигла поразительной цифры — восьмидесяти процентов; это несомненно явилось следствием таяния моря. Пожалуй, теперь даже слегка парило, но духоты не ощущалось. «Словно к вечеру на побережье в тропиках»,— подумал Мерсер. Климат Рамы за последние несколько дней решительно изменился к лучшему...

Но почему, почему? Возросшая влажность тайны не составляла, а вот объяснить резкий кислородный

взлет было значительно труднее. Возобновив спуск, Мерсер проделал в уме целую серию вычислений, но удовлетворительного решения так и не нашел.

Когда они добрались до облачного слоя, переход совершился почти мгновенно. Только что они скользили в полной прозрачности, придерживаясь за гладкий металл поручня, чтобы не разогнаться,— тяготение достигало в этом районе четверти g , — как вдруг окунулись в вязкий белый туман; видимость упала до нескольких метров. Мерсер затормозил так резко, что Колверт едва не налетел на него, а Майрон налет-таки на Колверта, чуть не сбив того с перил.

— Спокойнее,— сказал Мерсер.— Подтянитесь поближе, чтобы не терять друг друга из виду. И не увлекайтесь скоростью на случай, если мне придется притормозить снова...

Спуск в облаках продолжался в жутковатом безмолвии. Колверт едва различал Мерсера, маячившего смутной тенью в десяти метрах под ним, на таком же расстоянии сзади виднелся Майрон. Пожалуй, это было даже каверзнее, чем спуск в абсолютной тьме раманской ночи: тогда по крайней мере лучи фонариков высвечивали хоть что-то вокруг. А теперь они словно ныряли в открытом океане, да еще при нулевом обзоре.

Нельзя было даже угадать, далеко ли они продвинулись,— Колверт полагал, что почти до четвертого уровня, как вдруг Мерсер внезапно опять остановился. Они сгрудились вместе, и Мерсер прошептал:

— Прислушайтесь! Вы ничего не улавливаете?

— Что-то есть,— отозвался Майрон после долгой паузы.— Вроде ветер шумит...

Колверту это отнюдь не представлялось очевидным. Он покрутил головой, пытаясь определить, в какой стороне находится источник слабого шороха, долетавшего до них сквозь туман, однако все попытки пришлось оставить из-за полной их безнадежности.

Они скользили дальше и дальше, достигли четвертой площадки и снова тронулись в путь. Звук не-

престанно усиливался, становясь назойливо знакомым. Они уже одолели почти половину четвертой лестницы, когда Майрон воскликнул:

— Ну, а теперь, теперь-то вы узнаете?

Они опознали бы этот шум давным-давно, но он принадлежал к числу тех звуков, которые не отождествлялись ни с каким другим миром, кроме Земли. Откуда-то из тумана — то ли издалека, то ли с близкого расстояния, не угадаешь — до них доносился устойчивый шум падающей воды.

Через две-три минуты облачный покров оборвался так же неожиданно, как и начался. Они вновь очутились среди слепящего блеска раманского дня, еще более яркого благодаря нависшим над головами облакам. Под ними привычно изгибалась равнина, однако сейчас ее изгиб принять было много легче — ведь полная окружность теперь не просматривалась. Не составляло труда притвориться, что видишь широкую долину, а берег моря изгибается отнюдь не вверх, а вдаль.

На пятой, предпоследней площадке они задержались, чтобы доложить по радио, что облачный слой пройден, а заодно провести тщательный осмотр местности. Насколько они могли судить, на равнине ничто не изменилось, зато здесь, под Северным куполом, Рама породил новое чудо.

Так вот где таился источник звука! Километрах в четырех от них из какого-то скрытого за облаком источника низвергался водопад; несколько долгих минут они молча взирали на него, не в силах поверить собственным глазам. Логика подсказывала им, что в этом вращающемся мире ни одно свободно падающее тело не движется по прямой, но слишком уж неестественное, чудовищно неестественное впечатление производил водопад, который, выгнувшись на параболе, уходил на много километров в сторону от места, где должен был бы закончиться по земным представлениям.

— Родись Галлилей здесь, на Раме,— заявил Мер-

сер наконец,— он неминуемо сошел бы с ума, пытаясь сформулировать законы динамики...

— Уж я-то думал, что знаю их,— перебил Колверт,— и то, кажется, вот-вот рехнусь. А вас, профессор, это зрелище не смущает?

— Нисколько,— ответил сержант Майрон.— Превосходная демонстрация эффекта Кориолиса, жаль, что я не могу показать этот водопад своим студентам...

Мерсер в задумчивости перевел взгляд на опоясавшую мир ленту Цилиндрического моря.

— Обратите вы внимание, как оно изменилось?

— Как не обратить — море больше синее, а скорее травянисто-зеленое. Что бы это значило?

— Вероятно, то же, что и на Земле. Лаура говорила, что море — органический суп, перемешайте его — и он пробудится к жизни. Именно это, видимо, и произошло.

— За какие-то два дня? На Земле это заняло миллионы лет.

— Триста семьдесят пять миллионов, согласно новейшим данным. Вот откуда, значит, берется кислород...

22. ЧТОБЫ МОРЕ ПЕРЕПЛЫТЬ...

Добравшись до подножия лестницы, они пережили новое потрясение. В первый момент им показалось, что в их отсутствие кто-то обыскал лагерь, перевооружив все снаряжение, а предметы помельче подобрал и унес. Но стоило присмотреться, как на смену тревоге пришла досада на самих себя.

Виновником беспорядка оказался просто-напросто ветер; хотя они перед уходом и привязали все, что не было упаковано, часть веревок, по-видимому, не выдержала напора урагана. Еще несколько дней им попадались собственные пожитки, разбросанные по

равнине.

Других серьезных перемен они не обнаружили. После скоротечных весенних штормов на Раме вновь воцарилась тишина. А у края равнины спокойное море готовилось принять первый за миллионы лет корабль. Полагалось бы разбить о борт нового судна бутылку шампанского...

— Даже если на «Индеворе» и нашлось бы шампанское, я ни за что не допустил бы подобного мотовства. Да, пожалуй, и поздновато: на воду-то мы его уже спустили...

— На плаву оно, во всяком случае, держится. Ты выиграл пари, Джимми. Расплачусь, когда вернемся на Землю...

— Надо дать нашей посудине какое-то имя. У кого есть предложения?..

Объект всех этих не слишком лестных комментариев покачивался у лесенки, исчезающей под водой. Это был небольшой плот, который составили из шести пустых складских ящиков, связанных легким металлическим каркасом. Экипажу потребовалось несколько дней, чтобы построить плот, собрать его в лагере Альфа, а затем транспортировать волоком по равнине. И вот настал час решающего испытания.

Игра стоила свеч. Загадочные башни Нью-Йорка, блистающие в лучах незакатных солнц в каких-то пяти километрах, дразнили людей с тех самых пор, как те впервые проникли в пределы Рамы. Никто не сомневался, что город — чем бы он ни оказался вблизи — представляет собой сердце этого мира. Может, им и не удастся ничего добиться, но достигнуть Нью-Йорка они обязаны.

— А корыто наше до сих пор без имени. Ваше мнение, шкипер?

Нортон рассмеялся — и вдруг стал очень серьезным.

— Имя есть. Назовем его «Резолюшн».

— С какой стати?

— Так назывался один из кораблей Кука. Это слав-

ное имя — да будет наш плот достоин его.

Воцарилось молчание; потом сержант Барнс, давно уже назначенная ответственной за это предприятие, вызвала трех добровольцев. Подняли руку все, кто был рядом на берегу.

К сожалению, у нас лишь четыре спасательных жилета. Борис, Джимми, Питер, вам троим доводилось плавать и раньше. Назначаю вас испытателями.

Никто из присутствующих ни в малой мере не удивился тому, что Руби Барнс сейчас взяла командование на себя. Руби, единственная из всего экипажа, была дипломированным моряком дальнего плавания — это и решило дело. Она проводила гоночные тримараны через Тихий океан, и маловероятно, чтобы считанные километры воды при мертвом штиле стали для нее непреодолимым препятствием.

А что до нее — она задумала предпринять такую экспедицию с той самой секунды, как только увидела Цилиндрическое море. За тысячи лет, что человек ведет спор с водными просторами Земли, ни одному моряку не случилось столкнуться с чем-либо, хотя бы отдаленно похожим на это. Последние два-три дня в голове у Руби неотвязчиво звучал глупый детский стишок, от которого она никак не могла избавиться: «Чтобы море переплыть, надо очень храбрым быть...» Ну что же, она как раз и собирается переплыть море...

Пассажиры заняли свои места на импровизированных сиденьях — опрокинутых ведрах, — и Руби потянула за дроссель. Взревел мощный двадцатикилловаттный мотор, звенья цепной передачи слились в туманную полосу, и «Резолюшн» под встревоженные крики зрителей отдал швартовы.

Втайне Руби надеялась развить скорость до пятнадцати километров в час, но вполне удовольствовалась бы и любой цифрой выше десяти. Вдоль обрыва была отмерена дистанция ровно в полкилометра — плот прошел туда и обратно за пять с половиной минут. С учетом времени на разворот скорость оказалась

равной двадцати километрам, и Руби была совершенно счастлива.

Если даже мотор откажет, то с тремя мускулистыми гребцами и таким умелым рулевым, как она, плот наберет примерно четверть предельной скорости, и они доплывут обратно до берега часа через два, не больше. Емкость одного аккумулятора была достаточной, чтобы совершить здесь, на Раме, кругосветное путешествие, а Руби для полной уверенности взяла на борт еще два. При всей своей осмотрительности она не боялась выйти в море без компаса — туман рассеялся окончательно.

Поднявшись на берег, она отдала щегольский салют.

— Пробное плавание корабля прошло успешно, сэр. Жду ваших приказаний.

— Превосходно, адмирал. Готовы ли вы к отплытию?

— Как только припасы будут погружены на борт, и начальник гавани даст добро.

— Тогда выходим на рассвете.

— Есть, сэр!..

— Пятикилометровая водная преграда на карте выглядит не слишком значительной, но воспринимается совсем по другому, когда вы сами находитесь посреди нее. Они плыли только десять минут, а обрыв — форпост Северного континента — уже казался удивительно далеким. Однако — необъяснимая вещь — Нью-Йорк тоже вроде бы ни на йоту не приблизился...

Но, по правде говоря, они не обращали особого внимания на берега, вновь охваченные чудом Цилиндрического моря. Даже нервные шуточки, которыми они обменивались в начале плавания, — и те скоро кончились: все вокруг было чересчур необыкновенным.

«И так всегда, — внушал себе Нортон, — едва померещится, что привыкаешь, у Рамы уже наготове новое диво...» По мере того как «Резолюшн» с рокотом продвигался вперед и вперед, все чаще возникало

ощущение, что они попали во впадину между исполинскими волнами, и гребни этих волн с обеих сторон нависают над головой, нависают, пока не сомкнутся жидкой аркой на шестнадцатикилометровой высоте. Вопреки доводам рассудка, вопреки всякой логике никто из путешественников не сумел избавиться от ощущения, что с минуты на минуту миллионы тонн воды могут обрушиться на них с небес.

И все же чувство опасности отступало перед чувством радостного возбуждения. Ведь непосредственной опасности не было — если, разумеется, море не припасло для них неприятных сюрпризов. А такая возможность не исключалась: Мерсер не ошибся — в море теперь кишела жизнь. В каждой пригоршне воды обитали тысячи шариков — одноклеточных организмов, сходных с теми древнейшими видами планктона, какие некогда населяли океаны Земли.

Но сходство сходством, а под микроскопом обнаруживались и непонятные отличия: у раманских микроорганизмов не было ядра, не было и многого другого, что присуще самым примитивным формам семейной жизни. И хотя Лаура Эрнст, совмещавшая обязанности врача с научными исследованиями, со всей определенностью доказала, что эти организмы выделяют кислород, их было все-таки слишком мало, чтобы объяснить столь быстрое обогащение атмосферы.

Впоследствии Лаура установила, что число микроорганизмов быстро сокращается и что в первые послерассветные часы оно, вероятно, было много выше. Жизнь на Раме, по-видимому, сверкнула кратковременной вспышкой, повторив древнейшую историю Земли, но в триллионы раз скорее. А теперь она, похоже, исчерпала себя, и плавучие микроорганизмы постепенно растворялись в воде, возвращая накопленные химические вещества прародителю — морю.

— Если вдруг придется добираться до берега вплавь, — предупреждала доктор Эрнст мореплавателей, — плотно сожмите губы. Капелька-другая, возмож-

но, и не сыграет роли, если сразу же ее выплюнуть. Но все эти странные соли металлоорганических соединений, да еще в ядовитой оболочке,— не хотелось бы мне искать для них противоядие...

К счастью, угроза такого рода представлялась почти неправдоподобной. «Резолюшн» мог держаться на поверхности даже в том случае, если бы два из шести ящиков-поплавков оказались пробиты. /Когда об этом сообщили Джо Колверту, он ответил невразумительной фразой: «Вспомните "Титаник"...»/. И даже окажись мореплаватели в воде, головы их останутся над поверхностью: на то и были предусмотрены грубые, но вполне эффективные спасательные жилеты. Как ни уклонялась Лаура от прямого ответа, но все же должна была признать, что простое погружение в море, даже на несколько часов, вряд ли окажется смертельным, однако злоупотреблять такими ваннами она не рекомендовала...

Двадцать минут равномерного движения — и город-мираж начал обретать реальность; детали, различимые прежде всего лишь в телескопы или на крупномасштабных снимках, вырастали до размеров массивных, прочных сооружений. И становилось до крайности очевидным, что «город», как и многое другое на Раме, трижды повторяет сам себя: над вытянутым овальной формы основанием поднимались три одинаковых круглых комплекса циклопических зданий или конструкций. А на фотографиях, сделанных группой наблюдения сверху, было заметно, что каждый комплекс в свою очередь делится на три сектора, как пирог, разрезанный на три равные части. Это безмерно облегчало задачу исследователей; достаточно было осмотреть одну девятую часть Нью-Йорка, чтобы представить его себе целиком. Впрочем, одна девятая тоже потребовала немалого напряжения сил: попробуйте облазить более квадратного километра зданий и машин, иные из которых возносятся в высоту на сотни метров!

Искусство страховать себя трижды, рамане, судя по

всему, довели до полного совершенства. Они продемонстрировали его в системе воздушных шлюзов, в конструкции лестниц, в расположении искусственных солнц. А там, где это было жизненно важно, они предприняли и следующий логический шаг. Нью-Йорк являл собой образец трижды тройной надежности.

Руби направилась в «Резолюшн» к центральному комплексу, где от воды к вершине стены, а точнее, дамбы, окружающей остров, поднималась лесенка. Вблизи лесенки удобно располагалось и некое подобие причальной тумбы; заметив ее, Руби пришла в неистовое возбуждение. Теперь-то уж она ни за что не успокоится, пока не сыщет хоть какое-нибудь суденышко, на котором рамане плавали по своему необыкновенному морю.

Нортон ступил на берег первым и, оглянувшись на товарищей, сказал:

— Пока я не поднимусь на стену, оставайтесь на плоту. По моему сигналу Питер и Борис догонят меня. Вы, Руби, будете ждать нас у штурвала, чтобы можно было отчалить в любой момент. Если со мной что-нибудь случится, доложите Карлу и следуйте его распоряжениям. Надеюсь на ваш здравый смысл — и, пожалуйста, без бравады. Понятно?

— Так точно, шкипер, желаю удачи.

Ни в какую удачу капитан Нортон, в сущности, не верил: он попросту не ввязывался ни в одно предприятие, не взвесив предварительно все возможные факторы и не обеспечив себе путь к отступлению. И вот — в который раз! — Рама вынуждал его нарушать установленные им самим правила. Здесь все или почти все факторы оставались неизвестными — он был в положении своего любимого героя, когда тот исследовал Тихий океан и Большой Барьерный риф три с половиной века назад... Да, удача, любая удача — и в главном и в мелочах — ему сейчас отнюдь не помешала. бы...

Лесенка была точным повторением той, по которой они спускались к морю. Друзья Нортонa, несомненно,

смотрят сейчас на него в телескоп прямо через пролив. Вот когда слово «прямо» стало наконец безусловно точным: в этом направлении, строго параллельно оси Рамы, море было в самом деле идеально плоским. Наверное, во всей Вселенной не нашлось бы другого водного бассейна, отвечающего такой характеристике,— ведь на всех иных мирах любое море или озеро лежит на сферической поверхности, а следовательно, имеет выпуклую форму.

— Я уже почти наверху,— говорил Нортон, адресуясь в равной мере к записывающему устройству и к ближайшему своему помощнику, жадно слушающему этот репортаж по радио,— все по-прежнему спокойно, радиация в норме. Поднимаю счетчик как можно выше над головой на случай, если стена служит щитом от какого-то излучения. А если по другую сторону прячутся враждебные аборигены, пусть счетчик явится для них первой мишенью...

Он, конечно, шутил. И все же — зачем рисковать, если можно без труда избежать риска?

Последний шаг — и он очутился на гладком гребне дамбы. Гребень достигал метров десяти в ширину, а с внутренней его стороны уклоны и лестницы, чередуясь, вели на улицы города, протянувшиеся в двадцати метрах ниже. Он стоял как бы на крепостной стене, кольцом охватывающей Нью-Йорк, а может, смотрел на него с высокой трибуны...

— Никаких признаков жизни, все спокойно. Поднимайтесь ко мне, начинаем осмотр.

23. НЬЮ-ЙОРК

Это был не город — это была машина. Нортон пришел к такому выводу за десять минут и не изменил своего мнения и после того, как пересек остров из конца в конец. Любой город, какова бы ни

была природа его обитателей, должен предоставлять им хоть какие-то удобства — здесь не удавалось найти ничего подобного, разве что все это пряталось где-то в глубине. И даже если так — где же входы, лестницы, подъемники? Он не в силах был обнаружить ничего, хоть отдаленно напоминающего обыкновенную дверь...

Если уж искать аналогию, исходя из земных представлений, то Нью-Йорк отчасти смахивал на гигантский химический комбинат. Но в таком случае, где запасы исходного сырья, где хоть намек на транспортные средства для его перевозки? Не легче понять, куда подается готовый продукт, и тем паче — что это за продукт. Они чувствовали себя совершенно сбитыми с толку и не на шутку разочарованными.

— Есть ли у кого-нибудь какие-нибудь догадки? — спросил наконец Нортон, обращаясь сразу ко всем своим слушателям. — Если это завод, то что он производит? И откуда он берет сырье?

— У меня есть гипотеза, шкипер, — откликнулся Карл Мерсер с противоположного берега. — Предположим, что он использует морскую воду. Наш эскулап утверждает, что в ней содержится почти все известные нам элементы...

Ответ звучал вполне правдоподобно — Нортон уже и сам взвешивал в уме такую возможность. Скрытые где-то под ногами трубы могут соединять производство с морем, да что там могут — должны соединять: любой мыслимый химический процесс требует очень много воды. Но капитан не доверял правдоподобным ответам.

— Идея недурна. Но что делает Нью-Йорк из морской воды?

Довольно долго никто — ни на корабле, ни у шлюзов, ни на Северной равнине — не произносил ни слова. Потом раздался голос, который Нортон ожидал услышать меньше всего:

— Но это же просто, шкипер. Только, боюсь, вы поднимете меня на смех...

— И не подумаем, Рэви. Говори смело.

Кто-кто, а сержант Рэви Макэндриус, старший стюард и попечитель супершимпанзе, в нормальных условиях никогда не позволил бы себе ввязаться в научный спор. Собственный его КИ был скромным, а знания весьма умеренными, однако он был отнюдь не дурак и обладал прирожденной смекалкой, достойной всяческого уважения.

— Ну что же, это и в самом деле завод, и вполне возможно, что море поставляет ему сырье... В конце концов, именно так было и у нас на Земле, хотя и в несколько другом смысле... По-моему, Нью-Йорк — завод, изготавливающий раман.

Кто-то хихикнул, но тут же прикусил язык и предпочел не называть себя.

— Знаешь,— сказал капитан, помолчав,— твоя теория достаточно безумна, чтобы оказаться правильной. И я, пожалуй, не хотел бы, чтобы она подтвердилась... по крайней мере до тех пор, пока мы не переберемся обратно на «большую землю».

В ширину небесный Нью-Йорк был почти таким же, как остров Манхэттен, но по планировке не имел с ним ничего общего. Прямолинейные артерии встречались редко, их заменяла путаница коротких концентрических дуг, соединенных между собой радиальными спицами. К счастью, заблудиться внутри Рамы было практически нельзя: один взгляд на небо — и направление оси на север — юг определялось с полной непреложностью.

Чуть ли не на каждом перекрестке они останавливались, чтобы выполнить очередную панорамную съемку. Разложи эти сотни панорам по порядку — и будет несложно, хотя, пожалуй, и скучновато, воссоздать точную модель города в любом масштабе. И что получится? Нортон сильно подозревал, что над этой головоломкой ученые будут корпеть столетиями.

Над Нью-Йорком висела тишина, и вынести ее здесь, казалось, еще труднее, чем на равнине. Город-машина обязан был издавать хоть какие-то шумы,

и тем не менее — ни намека на гудение электрических проводов, ни шороха, сопровождающего механическое движение. Несколько раз Нортон принакал ухом к мостовой или к стене здания и сосредоточенно вслушивался. Но не мог различить ничего, кроме стука собственного сердца.

Машины спали — не работали на холостом ходу, а именно спали. Проснутся ли они когда-нибудь — и если да, то зачем? Как и везде, все здесь сохранилось в полном порядке. И верилось, что достаточно замкнуть одну-единственную цепь в каком-нибудь потаенном многотерпеливом компьютере, как весь этот лабиринт заново пробудится к жизни. Когда они наконец вышли к дальнейшей границе города, то опять поднялись наверх круговой дамбы и увидели южный пролив. Нортон долго не мог отвести взгляд от пятисотметрового утеса, который отсекал от них почти половину Рамы — и, судя по данным телескопической разведки, более вычурную и разнородную ее половину. Под таким углом утес выглядел злое, угрожающе черным — напрашивалось сравнение с тюремной стеной, оцепившей целый континент. И нигде по всей ее окружности не видно было ни лестницы, ни какого-либо иного пути наверх.

«Ну а как сами рамане,— подумал он,— как они добивались из Нью-Йорка до своего Южного материка?» Допустим, по системе тоннелей подо дном моря, но у них наверняка существовали воздушные суда — в городе немало открытых пространств, которые можно использовать как посадочные площадки. Найти хоть бы один раманский экипаж — это стало бы огромным достижением, особенно если удалось бы научиться управлять им. /Однако мыслимо ли, чтобы мотор заработал после простоя, длившегося сотни тысяч лет?/ Многие сооружения вокруг выглядят как ангары или как гаражи, но все они гладкостенные, без окон, будто облитые непрозрачным пластиком. «Рано или поздно,— добавил Нортон про себя в мрачной решимости,— Рама вынудит нас применить взрывчатку

или лазеры...» Но он давно уже знал, что не отдаст такого приказа, пока не исчерпает все другие возможности.

Упорное нежелание прибегнуть к грубой силе было продиктовано отчасти самолюбием, а отчасти страхом. Нортону никак не хотелось прослыть техническим варваром, который попросту сокрушил то, чего не понял. В конце концов, он пришел в этот мир незванным гостем и должен вести себя соответственно.

Что же касается страха — выражение, пожалуй, было слишком крепким, слово «осторожность» нравилось капитану гораздо больше. Ведь рамане, кажется, предусмотрели все, и он отнюдь не жаждал выяснить, какие меры они приняли, чтобы оградить свою ответственность от посягательств. Но на «большую землю» сегодня придется вернуться с пустыми руками.

24. «СТРЕКОЗА»

Лейтенант Джеймс Пэк был самым младшим из всех офицеров «Индевора» и вышел в дальний космический рейс лишь в четвертый раз в жизни. Он был честолобив и ожидал повышения, в то же время он допустил серьезное нарушение устава. Не удивительно, что ему понадобилось определенное время на то, чтобы собраться с духом.

Обстоятельства вынуждали Пэка сыграть ва-банк — проигрыш означал для него большие неприятности.

— Ну, Джимми, выкладывай, что у тебя?

— У меня идея, командир. Я придумал, как добраться до Южного континента, даже до Южного полюса.

— Слушаю. Так как же?

— Мм... по воздуху.

И ты мог бы пролететь вдоль оси от Северного до Южного полюса и обратно.

— Вот именно. Полет в одну сторону занял бы часа три, если без остановки. Но, разумеется, можно и отдыхать, если захочется,— достаточно держаться вблизи оси...

— Идея великолепная, поздравляю. Жаль, что аэропеды не входят в состав стандартного космического снаряжения.

Казалось, у Джимми начисто вылетели из головы все слова. Он опять несколько раз подряд открывал рот, но безрезультатно.

— Ладно уж, Джимми. Прости мне нездоровое любопытство, и не для протокола,— как ты ухитрился протащить эту штуку на борт?

— Мм, по статье «Грузы для отдыха экипажа».

— «Стрекоза». Хорошее название. Теперь рассказывай, как применить ее здесь. Тогда мне легче будет решить, представить ли тебя на повышение или отдать под суд. А может, и то и другое.

25. ПРОБНЫЙ ПОЛЕТ

«Стрекоза» — название было действительно подходящее. Длинные, суживающиеся к концам крылья оставались почти невидимыми, пока свет не падал на них под строго определенным углом. Словно мыльный пузырь обернули вокруг изящного узора несущих поверхностей — маленький летательный аппарат окружала органическая пленка толщиной лишь в четыре-пять молекул, но достаточно прочная для того, чтобы контролировать и направлять воздушные потоки на скоростях до пятидесяти километров в час.

Пилот — он же силовая установка — сидел слегка откинувшись.

Это для того, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, на крохотном сиденье, установленном в центре тяжести аппарата. Управление осуществлялось при помощи одной-единственной ручки, которую можно было двигать вперед и назад, вправо и влево, а единственным «прибором» в распоряжении летчика была тесемка с гирькой, закрепленная на передней кромке крыла и указывающая примерное направление ветра.

Как только аэропед доставили внутрь Рамы и собрали, Джимми Пэк стал на страже, не позволяя никому прикоснуться к своему детищу. Неуклюжее движение могло бы оборвать любую из тоненьких тяг, связывающих конструкцию воедино, а блистающие крылышки притягивали к себе любопытные пальцы точно магнитом. Слишком трудно было поверить, что они в самом деле вещественны...

Наблюдая за Джимми, влезавшим на сиденье своей машины, капитан Нортон поневоле усомнился в успехе всего предприятия. Достаточно хотя бы одной проволочной тяге лопнуть, когда «Стрекоза» окажется по ту сторону Цилиндрического моря, и Джимми никогда не вернется назад, даже если сумеет благополучно совершить посадку. Они нарушают едва ли не самый священный завет исследователей космоса: человек отправляется в неизведанный мир в полном одиночестве, и случись что-нибудь, никто не сможет ему помочь. Оставалось лишь искать утешения в том, что Джимми все время будет у них на виду и на двусторонней связи, и, если он попадет в беду, они точно узнают, когда и в какую.

И тем не менее шанс был слишком драгоценным, чтобы его упустить: верь капитан в бога или в судьбу, он мог бы сказать, что не хочет прогневить их, отказавшись от уникальной возможности достичь дальней стороны Рамы, присмотреться вблизи к тайнам Южного полюса. А Джимми — Джимми знал, на что идет, лучше, чем кто бы то ни было из экипажа. Да, риск существовал, но встречаются обстоятельства,

когда не рисковать просто нельзя, таковы уж правила игры.

— Слушайте меня внимательно, Джимми,— обратилась к пилоту Лаура Эрнст.— Важнее всего для вас не допустить переутомления. Помните, кислорода вблизи оси все еще маловато. Если собьетесь с дыхания, немедленно стоп. И сразу несколько глубоких-глубоких вдохов — и так полминуты, но не дольше...

Джимми рассеянно кивал, проверяя рули. Смонтированные в едином блоке на конце пятиметровой стрелы позади кабины-недомерка, они послушно шевельнулись на шарнирах; щитки элеронов, врезанных в середину крыльев, задвигались попеременно вверх и вниз.

— От винта!— воскликнул Джо Колверт, неспособный отрешиться от воспоминаний о военных фильмах двухсотлетней давности.— Зажигание! Контакт!..

Вероятно, никто, кроме Джимми, даже отдаленно не представлял себе, о чем идет речь, но разрядить напряжение Колверту все же удалось.

Медленно, очень медленно Джимми принялся жать на педали. Широкие и тонкие, словно папиросная бумага, лопасти винта — как и крылья, блестящая пленка на хрупком каркасе — приподнялись и повернулись. Сделав несколько оборотов, лопасти совершенно исчезли — и «Стрекоза» взлетела.

Сначала она шла строго по прямой, постепенно перемещаясь вдоль оси Рамы. Отдалившись на двести-триста метров, Джимми бросил педали; странно было видеть аппарат явно аэродинамических форм недвижно висящим в воздухе. Такое случилось, пожалуй, впервые за всю историю авиации, разве что в ограниченных масштабах тот же эффект наблюдался на самых крупных космических станциях.

— Ну и как, слушается?— осведомился Нортон.

— Маневренность неплохая, устойчивость так себе. Но я догадался, в чем дело,— здесь «Стрекоза» ничего не весит. Лучше спуститься километром ниже...

— Постой, постой, а не опасно ли это?

Потеряв высоту, Джимми утратит главное свое преимущество. Пока он держится точно на оси, он — и «Стрекоза» вместе с ним — остаются полностью невесомыми. Он может зависнуть на месте, не затрачивая усилий, может при желании даже поспать. Но едва он сдвинется с оси вращения Рамы, вновь неизбежно проявится действие центробежной силы. И потому, если он не сумеет держаться на заданной высоте, он будет падать — и в то же время набирать вес. Процесс пойдет с нарастающей скоростью и закончится скорее всего катастрофой. Сила тяжести внизу на равнине вдвое выше той, на какую рассчитана «Стрекоза». Можно еще надеяться, что Джимми сумеет благополучно посадить машину, но взлететь он уже не сможет наверняка.

Однако сам пилот взвесил все обстоятельства и ответил довольно уверенно:

— С одной десятой я справлюсь без хлопот. Да и вести машину в более плотном воздухе отнюдь не трудней, а легче.

«Стрекоза» описала в небе пологую неторопливую спираль и поплыла вниз к равнине, примерно следуя изгибу лестницы Альфа. Если смотреть под углом, крохотный аэропед был почти невидимым, казалось, что Джимми уселся прямо в воздухе и знай себе яростно крутит педали. Время от времени он двигался рывками до тридцати километров в час, потом сбрасывал скорость до полной остановки, проверяя чувство руля, прежде чем разогнаться снова. И внимательно следил за тем, чтобы сохранять безопасную дистанцию от вогнутого торца Рамы.

Вскоре стало очевидным, что на меньших высотах «Стрекоза» слушается куда лучше: она теперь не крутилась как попало, а шла вполне устойчиво, неся крылья параллельно равнине, что лежала в семи километрах внизу. Джимми заложил несколько широких виражей и начал взбираться обратно. В конце концов он завис метрах в десяти над поджидающими его товарищами — и тут слегка поздновато осознал, что

не вполне понимает, как посадить свое сотканное из паутины суденышко.

— Бросить тебе веревку?— спросил Нортон полушутя, полусерьезно.

— Не надо, шкипер, я должен как-то выкарабкаться сам. На той стороне мне никто не поможет.

Минуту он сидел, соображая, затем принялся поддвигать «Стрекозу» к цели короткими сильными рывками. В промежутках между ними аэропед послушно тормозил — сопротивление воздуха тут же гасило инерцию. Когда расстояние сократилось до пяти метров и «Стрекоза» снова двинулась вперед, Джимми неожиданно покинул свой корабль. Он в прыжке дотянулся до ближайшего из страховочных канатов, опоясывающих площадку у оси, ухватился за него и повернулся как раз вовремя, чтобы принять подплывающий аэропед руками. Маневр был выполнен столь безупречно ловко, что вызвал аплодисменты.

— Следующим номером...— начал Джо Колверт. Джимми поспешил отречься от всякой славы.

— Это была нечистая работа,— оповестил он.— Зато теперь я знаю, как поступить. Возьму с собой присоску на двадцатиметровом шнуре — тогда смогу пристать в любой точке, где заблагорассудится.

— Дайте-ка мне руку, Джимми,— вмешалась Лаура Эрнст,— и подуйте в этот мешок. Придется также сделать анализ крови. Не было ли вам трудно дышать?

— Только на высоте оси. Слушайте, а зачем вам понадобилась моя кровь?

— Содержание сахара — по нему я смогу определить, сколько энергии вы потратили. Нужно проверить, хватит ли у вас сил на задуманное путешествие. Между прочим, каков мировой рекорд продолжительности полета на аэропед?

— Два часа двадцать пять минут три и шесть десятых секунды. Установлен, разумеется, на Луне — по двухкилометровому кругу под Олимпийским куполом.

— И вы полагаете, что продержитесь шесть часов?

— Запросто — ведь я смогу отдыхать, когда захочу. На Луне летать по меньшей мере вдвое труднее, чем здесь.

— Ладно, Джимми, идем в лабораторию. Один анализ — и сразу же станет ясно, разрешу я вам вылет или нет. Не люблю давать преждевременных обещаний, но, по-моему, вы справитесь.

Довольная улыбка расплылась по лицу Джимми, вытесняя наигранное спокойствие. Следуя за старшим корабельным врачом к воздушному шлюзу, он бросил через плечо:

— Пожалуйста, держите руки подальше. Мне вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь проткнул крыло кулаком.

— Я лично пригляжу за этим, Джимми, — пообещал капитан. — «Стракоза» объявляется неприкосновенной для всех, включая меня самого.

26. ГОЛОС РАМЫ

Подлинный размах предстоящего приключения как-то не доходил до самого Джимми Пэка, пока он не достиг берега Цилиндрического моря. Вплоть до этой минуты он летел над знакомой территорией; в случае любой поломки, кроме по-настоящему катастрофической, он всегда мог совершить посадку и пешком вернуться на базу за несколько часов.

Теперь такая возможность отпала. Окажись он в море, он, вполне очевидно, утонет в его ядовитых водах — не самая приятная смерть. И даже приземлившись он благополучно, но на Южном континенте товарищи, пожалуй, не успеют спасти его, прежде чем «Индевору» придется расстаться с Рамой, выходящим на околосолнечную орбиту.

В то же время он отчетливо сознавал, что предвидимые несчастья — отнюдь не самые вероятные. Абсолютно неисследованный район, над которым ему предстояло пройти, мог преподнести сколько угодно сюрпризов: вдруг, допустим, там обитают летающие создания, которым его вторжение придется не по нутру? Он ничуть не жаждал схватиться врукопашную с какой бы то ни было тварью крупнее голубя. Два-три удачных удара клювом — и «Стрекоза» с ее аэродинамикой развалится ко всем чертям.

Однако кто не рискует, тот не выигрывает, и какое же это приключение, если оно не сопряжено с риском? Миллионы мужчин были бы счастливы поместиться с ним сейчас местами. Он ведь держит путь не просто туда, куда никто не попадал, а туда, куда никто и не попадет. Он останется первым и единственным в истории человеком, посетившим южные области Рамы. И если из глубин сознания вдруг начнет подниматься страх, не лишне будет напомнить себе об этом.

Он уже привык восседать в центре мира, охватывающего его со всех сторон. Поскольку он отклонился на два километра от центральной оси, у него выработались четкие понятия «верха» и «низа». «Земля» была в шести километрах под ногами, арка неба — в десяти километрах над головой. «Город» Лондон висел где-то вблизи зенита, зато Нью-Йорк оставался на своем «законном месте» — впереди прямо по курсу.

— «Стрекоза», — забеспокоилась группа наблюдения, — вы теряете эшелон. Две тысячи двести от оси.

— Спасибо, — ответил Джимми. — Набираю высоту. Дайте мне знать, когда вновь будет ровно две тысячи.

За этим надлежало следить не переставая. Аэропед имел вполне естественную тенденцию терять высоту, а у пилота не было приборов, чтобы определить потерю. Слишком удалившись от оси, он уже не сможет вернуться обратно в невесомость. К счастью, пределы,

в которых отклонение не сказалось бы роковым образом, были довольно широки, и за продвижением «Стрекозы» непрерывно наблюдали в телескоп.

Над открытым морем он крутил педали с тем расчетом, чтобы выдержать постоянную скорость двадцати километров в час. Через пять минут он окажется над Нью-Йорком — остров уже стал похож на корабль, без устали бороздящей воды Цилиндрического моря.

Долетев до Нью-Йорка, он описал над ним круг, то и дело притормаживая, чтобы с помощью миниатюрной телекамеры передать на «Индевор» четкое и устойчивое изображение острова сверху. Панорама зданий, башен, заводских цехов, электростанций — или как там их называть — была завораживающей, но начисто лишенной смысла. Камера уловит куда больше деталей, чем глаза, и в один прекрасный день, — быть может, годы спустя — какой-нибудь студентик возьмет да и отыщет в них ключ к секретам Рамы.

Дальнюю половину моря, за Нью-Йорком, он пересек всего за четверть часа. Не отдавая себе в том отчета, он летел над водой быстрее, а достигнув южного берега, помимо воли расслабился, и скорость тут же заметно упала. Может, он и вторгся на враждебную территорию, но по крайней мере находился над сушей.

Едва перелетев исполинский утес, замыкающий море с юга, он обвел телекамерой побережье по всей его окружности.

— Великолепно! — отозвалась группа наблюдения. — Картографы умрут от счастья. Как чувствуете себя?

— Хорошо, чуть-чуть устал, но не более того. Далеко ли еще до полюса?

— Пятнадцать и шесть десятых километра.

— Сообщите мне, когда останется десять, тогда я немного отдохну. И проследите, чтобы я не терял высоту. Километрах в пяти от цели мне предстоит опять подняться к оси...

Через двадцать минут мир начал смыкаться вокруг него: он прошел основную часть пути и попал в пределы южной полусферы. Джимми, бывало, часами разглядывал этот дальний конец Рамы в телескоп и знал его топографию наизусть. И тем не менее оказалось, что к подобному зрелищу подготовиться за годя невозможно.

Почти во всех отношениях Северный и Южный полюсы Рамы были разительно не похожи друг на друга. Здесь, на юге, не было ни величественной триады лестниц, ни узких концентрических площадок, ни вогнутого, устремленного к равнине склона. Их заменял расположенный по оси чудовищный пик протяженностью более пяти километров. Вокруг него равномерно размещались шесть вполукруга меньших пиков, и вся конструкция напоминала компанию сталактитов замечательно правильной формы, свисающих со свода пещеры. Или, если предпочесть противоположную точку зрения, остроконечные пагоды камбоджийского храма.

Связывая эти стройные конусообразные пики между собой и плавно изгибаясь вниз к цилиндрической равнине, от них во все стороны отходили навесные опоры, с виду достаточно прочные, чтобы выдержать тяжесть целого мира. И не исключено, что именно таково и было их назначение — если правы те, кто видел в конструкциях Южного полюса контуры какого-то необыкновенного двигательного устройства.

Лейтенант Пэк осторожно приблизился к центральному пику, метров за сто до него отпустил педали и дал «Стрекозе» плыть по инерции до полной остановки. Проверил, нет ли излучений, но обнаружил лишь обычный для Рамы слабый радиационный фон. Возможно, здесь действовали силы, неуловимые для созданных человеком приборов, но подобный риск также был совершенно неизбежен.

— Что видите?— встревоженно спросила группа наблюдения.

— Просто-напросто рог, большой и абсолютно гладкий, никаких отметин, а кончик острый, как игла.

Чуть не в дрожь бросает, когда подумаешь о том, чтобы подойти поближе...

Шутил ли он? Он и сам не знал. Никак не укладывалось в сознании, что столь массивный объект может заканчиваться таким идеальным острием. Джимми вспомнил, как коллекционеры нанизывают на булавки насекомых, и ему стало не по себе от мысли, что его дорогую «Стрекозу» может постичь та же участь.

Он опять слегка нажал на педали, продвигаясь вдоль пика, и притормозил только тогда, когда гигантский рог утолщился до четырех-пяти метров в диаметре. Открыв небольшой контейнер, Джимми бережно извлек оттуда шарик размером с бейсбольный мяч и метнул этот шарик в сторону пика. Удаляясь, шарик потянул за собой чуть заметную леску. Присоска шлепнулась о мягко выгнутую поверхность и не отскочила. Опыта ради Джимми подергал за леску, а потом рванул ее посильнее. Словно рыбак, подтаскивающий свою добычу к лодке, он сматывал леску, подводя «Стрекозу» к верхушке Большого рога, как он удачно окрестил центральный пик. Сматывал до тех пор, пока не сумел коснуться рога рукой.

— Наверное, при желании это можно назвать посадкой, — доложил он группе наблюдения. — На ощупь вещество напоминает стекло, трения почти нет, но чувствую слабое тепло. Присоска сработала отлично. Попробуем с микрофоном..., посмотрим, удержится ли он... так, включаю..., слышно вам что-нибудь?

Последовала долгая пауза, и наконец кто-то из группы наблюдения ответил недовольным тоном:

— Ни черта не слышно, кроме обычных термальных шумов. Стукните по нему какой-нибудь железкой. По крайней мере узнаем, полый ли пик внутри.

— Сделано. Что дальше?

— Мы просили бы вас пролететь вдоль конуса, передавая обзорные панорамы через каждые полкилометра. Обращайте внимание на все необычное. Затем, если сочтете неопасным, можете перелететь к одному

из малых рогов. Но только в том случае, если будете уверены, что вернуться в невесомость не составит труда.

— Три километра от оси — сила тяжести чуть выше лунной. «Стрекоза» на это и рассчитана. Просто надо будет приналечь посильнее.

— Джимми,— говорит капитан.— Я передумал. Судя по переданным тобой кадрам, малые пики ничем не отличаются от большого. Отсними их как можно детальнее длиннофокусным объективом. Покидать район низкой гравитации не разрешаю — разве что увидишь что-то из ряда вон выходящее. Тогда свяжись со мной снова.

— Слушаюсь, шкипер,— отвечал Джимми, пожалуй, с некоторым облегчением в голосе.— Остаюсь вблизи Большого рога.

Продолжаю движение. Чувство было такое, будто он падает почти отвесно в узкую долину, зажатую меж невероятно высоких островерхих гор. Большой рог возносился уже на километр над ним, а шесть малых рогов угрожающе топорщились справа и слева. Лабиринт опор и висячих арок, окружающий склоны у основания, приближался все быстрее, и он поневоле усомнился в том, сумеет ли «Стрекоза» найти место для посадки среди этих циклопических сооружений. Садиться непосредственно на Большой рог теперь не представлялось возможным: сила его притяжения в этой расширенной части была слишком велика. Чем ближе подлетал он к Южному полюсу, тем больше напоминал себе воробышка, затерявшегося под сводами огромного собора,— но ведь ни один из всех когда-либо построенных соборов не достигал и сотой доли таких размеров. Джимми мимоходом подумал даже, не занесло ли его действительно в храм или в некое подобие храма, но тут же отогнал эту мысль. Нигде на Раме они не встретили никаких намеков на художественное самовыражение, все было предельно функциональным. Может, рамане, познав тайны Вселенной, не вдохновлялись более мечтами и

стремлениями, движущими человечество?

Мысль была жутковатой и отнюдь не свойственной Джимми, который не отличался философским складом ума. Он понял, что должен срочно выйти на связь и доложить обстановку своим далеким друзьям.

— Повторите, «Стрекоза»,— ответила группа наблюдения.— Вас не поняли, повторите. Сильные помехи...

— Повторяю: нахожусь у подножия Малого рога номер шесть, собираюсь выбросить присоску и подтянуться поближе.

— Поняли лишь частично. Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу. Повторяю: слышу вас хорошо.

— Прошу провести отсчет.

— Раз, два, три, четыре...

— Поняли плохо. На пятнадцать секунд дайте маяк, потом возобновляйте голосовую связь.

— Пожалуйста...

Джимми включил индивидуальный радиомаяк, способный указать местонахождение своего владельца где бы то ни было в пределах Рамы, и сосчитал про себя до пятнадцати. Когда пришло время вновь подать голос, он жалобно спросил:

— Что происходит? Теперь-то вы меня слышите?

Очевидно, у противоположного полюса ничего не слышали, поскольку оператор вместо ответа попросил на пятнадцать секунд включить телекамеру. Вопрос повторяли еще дважды, чтобы из наушников наконец донеслось:

— Рады, что хоть вы слышите нас. Джимми, но у вас там творится что-то очень странное. Судите сами.

Он услышал по радио знакомый писк собственного маяка, повторенный в записи. Секунду-другую писк был совершенно нормальным — и вдруг начал претерпевать дикие искажения. Свист с частотой во много тысяч герц прервался густым пульсирующим рогом слышимости, каким-то сверхбасом, в пении которого различалась каждая отдельная вибрация. И это искажение в свою очередь подвергалось искажениям: бас

нарастал и стихал, нарастал и стихал примерно каждые пять секунд.

Джимми даже в голову не пришло усомниться в исправности своего передатчика. Гул проникал извне, но откуда и почему, он не мог себе и представить.

Группа наблюдения знала не больше, но по крайней мере предложила хоть какое-то объяснение.

— Мы думаем, что вы попали в очень сильное поле неизвестного происхождения, скорее всего магнитное, с частотой порядка десяти герц. Поле настолько интенсивно, что может представлять опасность. Предлагаем немедленно возвращаться — не исключено, что действие поля имеет лишь местный характер. Включите снова свой маяк, а мы будем ретранслировать его вам. Тогда вы сами услышите, когда удастся выйти из зоны помех.

Джимми поспешно оторвал присоску, отказавшись от мысли о новой посадке. Он повел «Стрекозу» обратно по широкой спирали, прислушиваясь к звуку, трепещущему в наушниках. И буквально через несколько метров интенсивность помех начала быстро падать, группа наблюдения угадала — звук был четко локализован.

Он задержался на миг на последнем рубеже, где еще различал слабое биение, отдававшееся глубоко под черепом. Так невежественный дикарь мог бы вслушиваться в гудение могучего трансформатора. Но даже дикарь, наверное, догадался бы, что звук, который он слышит, — лишь побочное следствие работы титанических сил, полностью контролируемых, но выжидающих своего часа...

Что бы ни означал этот звук, Джимми был рад от него избавиться.

27. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР

Повернуть-то он повернул, но северный конец Рамы казался таким чудовищно далеким...

Однако Джимми один раз уже покрыл без затруднений это расстояние, и хотя ощущал теперь легкое утомление, но полагал, что беспокоиться больше не о чем. Он даже не притрагивался пока ни к пище, ни к воде и был слишком возбужден, чтобы отдыхать. На обратном пути он сможет расслабиться и не торопиться. Ободряла и мысль о том, что дорога домой будет для него на двадцать километров короче, чем дорога от дома: надо лишь перетянуть через море и — можно идти на вынужденную посадку в любой точке Северного континента. Как ни досадно было бы добираться пешком, как ни жаль бросить «Стрекозу» на произвол судьбы, но получить дополнительную гарантию безопасности все равно приятно.

Он набирал высоту, поднимаясь вдоль склона центрального пика; остроконечная вершина Большого рога все еще торчала в километре впереди, и подчас лейтенант почти физически ощущал ее как ось, вокруг которой вращается целый мир.

Он почти поравнялся с вершиной, когда его пронизало другое странное чувство, вернее предчувствие, но с явным оттенком физического, а не просто психологического дискомфорта. Ни с того ни с сего припомнилась — отнюдь не прибавив бодрости — вычитанная где-то фраза: «Некто бродит над вашей могилой...»

Джимми попытался стряхнуть с себя подавленность и продолжал равномерно крутить педали. Само собой разумеется, он не собирался докладывать группе наблюдения о таких пустяках, как смутное недомогание, но оно упорно усиливалось, побуждая его выйти на

связь. Невероятно, чтобы недомогание такой силы было чисто психологическим: если да, то мозг лейтенанта Пэка обладал способностями, о которых его хозяин и не подозревал. По коже ползли мурашки — буквально по каждой ее клеточке...

Обеспокоенный всерьез, он остановился в воздухе и принялся обдумывать ситуацию. Самое странное заключалось в том, что тяжкое давящее ощущение не воспринималось как абсолютно новое: где-то когда-то он уже испытывал подобное, только где и когда?

Он осмотрелся. Ничто не изменилось. От верхушки Большого рога его отделяли все те же двести-триста метров, дальняя сторона Рамы все также перекрывала небо. В восьми километрах под ногами все тем же лоскутным одеялом стелился Южный континент, полный чудес, каких никогда более не увидят глаза человека. И во всей этой беспредельно чуждой, но уже знакомой картине он не улавливал никаких причин для беспокойства.

Что-то пощекотало тыльную сторону ладони, сначала он решил, что это насекомое, и попытался, не глядя, смахнуть его. Но, не завершив движения, спохватился и замер, слегка сконфуженный. В самом деле, откуда взяться насекомым на Раме?

Потом он поднял руку и начал ее разглядывать: как ни удивительно, а щекотка не проходила. Тут-то он и заметил, что каждый отдельный волосок на запястье стоит дыбом. И не только на запястье, но и выше до самого предплечья, и точно также на голове — стоило коснуться висков, чтобы убедиться в этом.

Так вот в чем дело! Он находится в электрическом поле огромной напряженности; тяжкое чувство подавленности, которое он испытывал, сродни тому, какое бывает подчас на Земле перед грозой...

В тот миг, когда Джимми внезапно осознал всю сложность своего положения, он едва не поддался панике. Никогда прежде он не встречался лицом к лицу со столь непосредственной угрозой для жизни. Как и любому космонавту, ему случалось переживать

неприятные минуты, когда подводило оборудование, когда вследствие ошибки или по неопытности та или иная ситуация оценивалась — чаще всего необоснованно — как смертельно опасная. Но ни один из таких эпизодов не продолжался дольше трех-пяти минут, а обычно страхи исчезали почти мгновенно и оставалось лишь посмеяться над ними.

На этот раз мгновенного выхода не было. Джимми чувствовал себя слишком одиноким и незащищенным в этом вдруг оскалившемся враждой небе, в царстве титанических сил, готовых разрядить свой гнев с секунды на секунду. «Стрекоза», и без того достаточно хрупкая, теперь казалась эфемерной, как осенняя паутина. Первый же удар надвигающегося шторма разнесет ее в клочья...

— Группа наблюдения, — позвал он испуганно. — Вокруг меня накапливаются статические заряды. Помоему, вот-вот разразится гроза...

Не успел он закончить фразу, как позади что-то сверкнуло; он сосчитал до десяти — и его нагнал сухой грохот. Три километра — значит, вспышка произошла в районе малых рогов. Оглянулся и увидел, что каждая из шести игл-верхушек охвачена пламенем. Разряды по двести-триста метров длиной танцевали на остриях вершин, словно рога были гигантскими громоотводами.

То, что происходило позади, могло в любой момент и с большим размахом начаться и в районе большого пика. Лучшим решением в таких обстоятельствах было убраться подальше от опасного соседства на вольный простор. Он принялся крутить педали еще сильнее, с предельной скоростью, какую только могла выдерживать «Стрекоза». Одновременно он стал терять высоту — пусть это означало, что он вступает в область более высокой гравитации, он соглашался идти на риск. Восемь километров от земли — цифра слишком суровая для того состояния духа, в каком он сейчас находился.

Зловещая черная вершина Большого рога была по-

ка еще свободной от видимых разрядов, но Джимми не сомневался, что она в свою очередь накапливает чудовищный электрический потенциал. Позади то и дело слышались новые удары грома, перекатывающиеся, казалось, по всему континенту. Джимми пришло на ум, что это до крайности странно — шторм посреди ясного неба; потом он понял, что к метеорологии это явление никакого отношения не имеет. Скорее всего просто утечка энергии из источника, скрытого где-то в глубине южного торца Рамы. Но почему такая утечка началась именно сейчас? И другой вопрос, еще серьезнее: что дальше?

Наконец он оставил вершину позади и уже надеялся, что скоро будет вне досягаемости для любых разрядов. Однако теперь он столкнулся с другой проблемой: в воздухе возникли завихрения, управлять «Стрекозой» стало намного труднее. Откуда-то — вернее, ниоткуда — налетел ветер, и если ветер еще усилится, хрупкому каркасу аэропеда придется плохо. Джимми мрачно налегал на педали и пытался компенсировать толчки, меняя силу тяги и наклон туловища. Отчасти ему удавалось справиться с задачей — ведь «Стрекоза» была как бы продолжением его самого, — но ему вовсе не нравился протестующий скрип лонжеронов, не нравилось и то, как вздрагивают концы крыльев при каждом порыве ветра.

Беспокоил его и слабый, неровный, но постепенно нарастающий звук, который шел, пожалуй, со стороны Большого рога. Словно газ под большим давлением сочился из вентиля — интересно, не с этим ли звуком связаны завихрения, с которыми боролась «Стрекоза»? Так или иначе, а оснований для тревоги было более чем достаточно.

Время от времени Джимми, торопясь и задыхаясь, докладывал группе наблюдения о том, что творится вокруг. Никто не мог ничего ему посоветовать, никто не догадывался, что происходит, но он находил утешение хотя бы в том, что слышал голоса друзей, которых ему, возможно, никогда уже не придется уви-

деть.

Воздушные потоки текли все стремительнее. Он будто попал в реактивную струю — однажды на Земле он изведal это острое ощущение в погоне за рекордом на высотном планере. Но откуда взялась реактивная струя здесь, на Раме?

Стоило Джимми точно сформулировать вопрос — и сразу пришел ответ.

Звук, наполняющий все вокруг, — это электрический, уносящий прочь чудовищную ионизацию, которая скапливается вблизи Большого рога. Заряженные частицы воздуха выбрасываются в пространство вдоль оси, а сюда, в область низкого давления, снизу поступают новые. Он опять оглянулся на исполинскую, и теперь вдвойне опасную, иглу: не удастся ли опередить границы бури на глаз? Вероятно, лучшей тактикой здесь будет полет «на слух» — уходить как можно дальше от зловещего свиста.

Но принять еще одно решение он не успел — Рамма опередил его. За спиной Джимми, заслонив небо, встала стена пламени. Времени у него осталось ровно столько, чтобы увидеть, как стена разделилась на шесть огненных лент — от вершины Большого рога к каждому из малых. А затем последовал страшный удар.

28. ИКАР

Едва Джимми Пэк успел радировать: «Крыло переламывается.., я падаю.., я падаю!», как «Стрекоза» начала грациозно складываться вдвое. Левое крыло с треском лопнуло точнехонько пополам, и внешняя половина не спеша поплыла прочь, словно опавший лист. С правым крылом случилось нечто еще более невообразимое. Оно надломилось и вывернулось у са-

мого основания под таким острым углом, что запуталось концом в хвостовом оперении. Джимми теперь сидел верхом на раненом мотыльке, неотвратно падающем с небес.

И все-таки он не был совершенно беспомощен: винт все еще вращался, и, пока у пилота не иссякли силы, он отчасти сохранял контроль над положением. Но в его распоряжении оставалось не больше пяти минут.

Была ли у него хоть малейшая надежда добраться до моря? Нет, оно лежало слишком далеко. Потом он сообразил, что до сих пор не отрешился от земных представлений: пловец он хороший, но, прежде чем его спасут, пройдут часы, а тем временем ядовитые воды преспокойно убьют его. Единственный для него шанс заключался как раз в том, чтобы сесть на сушу; о проблеме отвесного южного утеса он подумает позже — если понятие «позже» не утратит для него всякий смысл.

Падал он медленно — в этой зоне сила тяжести равнялась лишь одной десятой g , но по мере удаления от оси падение неизбежно ускорится. Сопротивление воздуха еще более усложнит картину, однако, может статься, спасет его от слишком опасных ускорений. «Стрекоза», даже неуправляемая, сработает как грубый парашют. А те десять килограммов тяги, которые он добавит к ее собственным усилиям, возможно, как раз и окажутся решающими в схватке между жизнью и смертью. Решающими, как он надеялся, в пользу жизни.

Группа наблюдения хранила молчание: друзья видели, что произошло с Джимми, и понимали, что словами здесь не поможешь. Ему предстоял летный маневр, самый хитроумный во всей его практике. «Жаль,— подумал он с мрачным юмором,— что мало зрителей и некому оценить мое искусство по достоинству...»

Он шел вниз по широкой кривой, и, пока удавалось удерживать аэропед от резкого крена, шансы на

выживание оставались довольно высокими. Педалями он помогал «Стрекозе» сохранять определенные летные качества, хотя и боялся нажимать в полную силу, чтобы сломанные крылья не оторвались окончательно. И каждый раз, когда его поворачивало лицом на юг, он мог воздать должное фантастическому представлению, которое Рама устроила в его честь.

Струи молний по-прежнему били с вершины Большого рога в более низкие пики, но теперь — теперь они еще и вращались! Шестизубая огненная корона раскручивалась против хода вращения Рамы — один оборот за те же несколько секунд. Джимми почудилось, что он наблюдает в действии исполинский электромотор, и, пожалуй, он был не далек от истины.

Он прошел уже полпути к равнине, продолжая спуск по плоской спирали, когда фейерверк неожиданно иссяк. Джимми физически ощутил, как спало напряжение, висевшее в воздухе, и знал не глядя, что волосы уже не стоят торчком. Хоть в эти последние минуты ничто не отвлекало его, не мешало ему бороться за жизнь.

Как только ему стало ясно, в какой примерно зоне он упадет, Джимми принялся внимательно ее изучать. Большая часть района представляла собой как бы шахматную доску с клетками, решительно непохожими одна на другую, словно какому-то сумасшедшему садовнику дали полную свободу действий, нет, приказали воплотить в натуре все, что может быть подсказано больным воображением. Квадраты размером приблизительно километр на километр, всевозможных цветов и структур, были, как правило, гладкими, но твердыми ли? Джимми решил повременить с выбором до последней минуты — если, конечно, у него останется хоть какой-нибудь выбор.

На высоте порядка трехсот метров он послал друзьям прощальный привет.

— Все еще сохраняю минимальную устойчивость..., сяду через полминуты, потом вызову вас снова.

Оптимизм его был наигранным, и все это знали.

Но он категорически не мог произнести: «Прощайте», он хотел, чтобы товарищи слышали: Джимми не поддастся страху, он борется до конца.

И действительно, он почти не чувствовал страха, чему немало удивлялся сам — он никогда не считал себя особенным храбрецом. словно он со стороны наблюдал за поступками совершенно незнакомого человека и лично в них никак не участвовал. Вернее, словно ему предложили хитрую задачу из области аэродинамики, и он решал ее, подставляя различные параметры и экспериментально проверяя, что получается. Единственным сохранившимся чувством было смутное сожаление об утраченных надеждах — и о главной из них, о предстоящих Лунных Олимпийских играх. При любом исходе борьбы одно было несомненным: никогда уже «Стрекозе» не показать свою прыть на Луне.

Осталось сто метров, посадочная скорость казалась приемлемой, но не слишком ли быстро он снижается? Ему повезло — участок попался абсолютно ровный. Теперь вложить все силы в финальный рывок.., внимание.., пошел!..

Правое крыло, исполнив свой долг, наконец отлегло у самого основания. «Стрекоза» начала опрокидываться, и он попытался удержать ее в равновесии, бросив тело в противоположную сторону. Его глаза были устремлены на вогнутый свод ландшафта в шестнадцать километрах над головой, когда путешествие окончилось.

Невероятно и несправедливо, но небесный свод оказался на поверку твердым, как камень.

29. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Первое, что он ощутил, приходя в себя,— жестокую

головную боль. Он почти обрадовался ей: по крайней мере она доказывала, что он еще жив.

Затем он попробовал шевельнуться и убедился, что болит буквально все — болевые ощущения поражали своим разнообразием. Но, насколько он мог судить, явных переломов не было.

Наконец, он рискнул открыть глаза и тут же зажмурился снова: выяснилось, что он уставился прямоухонько на полосу света, перечеркивающую потолок. Вряд ли подобное зрелище можно было рекомендовать как лекарство от головной боли.

Он все еще лежал, восстанавливая силы и размышляя, не пора ли вновь взглянуть на окружающий мир, когда услышал где-то совсем неподалеку громкий хруст. Он медленно-медленно повернул голову к источнику звука, посмотрел — и едва снова не впал в беспамятство.

В каких-то пяти метрах от него огромный зверь, похожий на краба, с аппетитом пожирал останки бедной «Стрекозы». Когда Джимми слегка оправился от шока, он неторопливо и бесшумно откатился подальше от чудовища, поневоле ожидая, что оно вот-вот унюхает более лакомую пищу и запустит в него свои когти. Однако краб почему-то не удостоил человека вниманием, и, увеличив дистанцию до десяти метров, Джимми осторожно приподнялся и сел.

С такого расстояния зверь уже не казался порождением кошмара. Длинное плоское тело двухметровой длины и метровой ширины покоилось на шести суставчатых лапах по три сочленения в каждой. Джимми ошибся, сочтя, что чудовище решило пообедать «Стрекозой», — пристальный осмотр не обнаруживал даже подобия пасти. В действительности оно старательно разрезало аэропед на части, используя когти как ножницы. А манипуляторы, мучительно похожие на крохотные человеческие руки, непрерывно собирали обрезки и складывали у зверя на спине — там их уже накопилась целая куча.

Но полноте, зверь ли это? Первое впечатление бы-

ло именно таково, а теперь Джимми стал теряться в догадках. В движениях краба чувствовалась целеустремленность, свидетельствующая о довольно высоком уровне интеллекта, да и зачем животное, руководимое слепым инстинктом, стало бы собирать измельченные части аэропеда — разве что для своего логовища?

Не в силах отвести взгляд от краба, который по-прежнему совершенно его игнорировал, Джимми с трудом поднялся на ноги. Сделав несколько неуверенных шагов, он убедился, что может ходить, но отнюдь не был уверен, что обгонит шестиногое диво. Затем он включил рацию, даже не задав себе вопроса, будет ли она работать. Если катастрофа не расплющила его самого, то электронные печатные схемы такой катастрофы вообще не заметили.

— Группа наблюдения,— тихо позвал он.— Слышите?

— Слава богу! Ты жив?

— Жив, хотя меня и потрянуло. Взгляните-ка на эту картинку... Он направил телекамеру на краба — как раз вовремя, чтобы снять того за уничтожением «Стрекозы».

— Это что за дьявольщина?

— Хотел бы я знать! Со «Стрекозой» оно уже кончило. Я, пожалуй, отойду — а вдруг оно захочет взяться за меня...

Джимми постепенно отступал, ни на секунду не спуская с краба глаз. Тот двигался теперь вкруговую, по все расширяющейся спирали, видимо, разыскивая случайно пропущенные обломки, и впервые предоставил Джимми возможность осмотреть себя со всех сторон.

Оправившись от первоначального потрясения, лейтенант пришел к выводу, что столкнулся со зверюгой прямо-таки красивым. Название «краб», которое он дал ему не думая, было, пожалуй, не вполне точным: не будь эта тварь столь непомерно велика, ее лучше бы, наверное, именовать жуком. Панцирь у нее от-

ливал чудесным металлическим блеском — Джимми, в сущности, готов был поклясться, что это именно металл и ничто другое.

Любопытная идея: а что, если краб — вовсе не зверь, а робот? Он пристально взглянул на шестиногого с этой новой точки зрения, анализируя в деталях его строение. На месте рта был набор манипуляторов, живо напомнивший Джимми большой многоцелевой перочинный нож — мечту всякого уважающего себя мальчишки: клещи, щупы, напильники и даже нечто похожее на сверло. Но все это еще ничего не доказывало. Земные насекомые тоже владеют подобными инструментами — и множеством других. Зверь или робот? Оба предположения оставались по-прежнему равновероятными.

Глаза, которые могли бы, кажется, разом решить проблему, тем не менее лишь усложняли ее. Они были так глубоко утоплены под защитными выростами, что никак не позволяли судить о свойствах их линз — кристаллических либо студенистых. К тому же они были лишены всякого выражения, хотя светились поразительно ясной голубизной. Несколько раз они устремлялись прямо на Джимми, но и тогда в них не мелькало ни искорки интереса. По мнению самого Джимми, пожалуй, слегка предвзятому, такое поведение отнюдь не свидетельствовало о могучем уме. Любое создание, — животное или робот, — способное не заметить человека вблизи, нельзя считать чересчурмышленным.

Краб наконец перестал описывать круги и на секунду-другую замер на месте, будто прислушиваясь к некоему безмолвному голосу. Затем он пустился прочь, смешной походкой враскачку, примерно в направлении моря. Двигался он по идеальной прямой с постоянной скоростью 4-5 километров в час и прошел уже метров двести, прежде чем Джимми, еще не совсем оправившийся от контузии, сообразил, что негодная тварь уносит с собой все, что осталось от его возлюбленной «Стрекозы». Сообразил, вознегодо-

вал и бросился в погоню.

Поступок этот не был совершенно бессмысленным. Краб двигался к морю — спасение, если оно вообще возможно, придет именно с этой стороны. И отнюдь не безынтересно попутно узнать, как намерено чудовище распорядиться своим трофеем,— это прольет определенный свет на мотивы его действий и уровень развития.

Тело все еще болело, ноги не слушались, и понадобилось целых пять минут, чтобы нагнать целеустремленно вышагивающего краба. Некоторое время Джимми держался на почтительном расстоянии, пока не удостоверился, что тот не возражает против преследования. Собственно, именно тогда лейтенант приметил в куче обломков «Стрекозы» свой пищевой рацион и фляжку с водой — и сразу почувствовал острый голод и жажду.

Подумать только — от него со скоростью пешехода уносили всю пищу и все питье, какие имелись налицо в этой половине мира! Не считаясь с риском, он должен был снова завладеть ими.

Он осмотрительно приблизился к крабу сзади справа. Держась наравне с «противником», пригляделся к сложному ритму ног, пока не получил точного представления, где окажется любая из них в каждый следующий момент. Проведя такую подготовку, Джимми сдавленно пробормотал: «Извините», и молниеносным броском выхватил свою собственность из кучи. Ему и во сне не снилось, что в один прекрасный день придется обучаться искусству кражи, и успешное ее завершение привело его в восторг. Вся операция не заняла и секунды, а краб даже не замедлил шага.

Джимми отскочил на десяток метров, смочил губы из фляжки и принялся жевать ломтик мясного концентрата. Одержанная им пусть маленькая, но победа резко подняла его настроение; теперь он мог позволить себе даже призадуматься о невеселом будущем.

Пока живу — надеюсь; и тем не менее он не видел путей к собственному спасению, совсем не видел.

Допустим, его товарищи переплывут море, но он-то как доберется до них, как преодолеет полукилометровый утес? «Мы что-нибудь придумаем,— обещала группа наблюдения.— Утес не может тянуться вокруг всего мира, хоть где-нибудь да есть разрыв...» — «Почему же не может?»— едва не ответил он, но вовремя прикусил язык.

Одна из самых примечательных особенностей Рамы заключалась в том, что, куда бы вы ни держали путь, вы всегда ясно видели цель своего назначения. Изгиб поверхности здесь ничего не прятал, а, напротив, выявлял. И Джимми довольно скоро понял, куда направляется краб: впереди на склоне — изогнутая поверхность казалась склоном — виднелась яма поперечником в полкилометра. На Южном континенте таких ям насчитывалось три, судить об их глубине на расстоянии было невозможно. Их называли по именам самых известных лунных кратеров, и теперь он приближался к «Копернику». Название выбрали не совсем удачно: здесь не было ни кольцевых возвышенностей, ни центрального пика. «Коперник» представлял собой просто-напросто глубокую шахту, а может быть, колодец с вертикальными стенками.

Подойдя поближе и заглянув через край, Джимми различил на глубине где-то около пятисот метров лужицу неприветливой серо-зеленой воды. Полкилометра — значит, вода стоит на уровне моря; интересно, сообщаются ли колодец и море между собой?

Завиваясь в спираль, к воде вел наклонный спуск, утопленный в стенке колодца; у Джимми мелькнула мысль, что он заглянул в нарезной ствол исполинского ружья. Нарезка делала немалое число витков, Джимми попытался проследить их, отсчитал с десятков оборотов, сбился — и только тут понял, что видит не один, а три независимых спуска, развернутых по отношению друг к другу на 120 градусов. В любом другом мире это показалось бы редкостным архитектурным излишеством — в любом, только не на Раме.

Все три спуска косо вонзались в воду и исчезали

под ее мутноватым зеркалом. Впрочем, чуть ниже поверхности Джимми заметил выходы каких-то темных тоннелей или пещер, выглядели эти темные норы довольно мрачно, и он еще задал себе вопрос, обитаемы ли они. Что если рамане — земноводные?..

Когда краб приковылял к краю колодца, Джимми решил, что тот намерен спуститься по виткам и, может статься, предъявить обломки «Стрекозы» некоему высшему существу, способному оценить их. Вместо этого зверь просто подошел к обрыву, не колеблясь свесил почти половину панциря над бездной, хотя ошибка буквально в несколько сантиметров могла оказаться для него роковой, и резко встряхнулся всем телом. Обломки «Стрекозы» посыпались, подрагивая, вниз, а у Джимми на глазах выступили невольные слезы. «Вот тебе и разумная тварь..» — горько подумал он.

Избавившись от ноши, краб внезапно повернулся и двинулся прямо на Джимми, который стоял всего-то в десятке метров. «Неужто и меня туда же?» — изумился он. Оставалось надеяться, что камера не слишком дрожала в его руках, когда он наводил ее на приближающееся чудовище.

— Что посоветуете? — нерешительно спросил он у группы наблюдения, по правде говоря, не надеясь на толковый ответ.

Утешением, хотя и небольшим, служило сознание, что он входит в историю, и он спешно перебрал в памяти рецепты, выработанные на случай подобной встречи. Все они до этого самого дня были чисто теоретическими. Ему первому выпало проверить их на практике.

— Не беги, пока не удовлетворишься, что он настроен враждебно, — шепнули далекие друзья.

«А куда бежать?» — спросил себя Джимми. Разумеется, он обставил бы эту тварь на стометровке, но на дальней дистанции она наверняка загонит его.

Не торопясь, Джимми вытянул навстречу крабу обе руки. Вот уже добрые два века люди спорили: це-

лесообразен ли такой жест, повсюду ли во Вселенной его истолкуют как «Смотрите, я безоружен»? Но увы, лучшего никто так и не предложил.

А краб — краб вообще не реагировал на дружеский жест, даже не замедлил шага. Не удостоив Джимми вниманием, он прошествовал мимо и с деловым видом направился на юг. Понимая, что остался в дураках, полномочный представитель провожал его взглядом, а герой несостоявшегося первого контакта удалялся по раманской равнине, безразличный к человеку и к его разочарованию.

За всю свою жизнь Джимми не испытывал такого унижения. Потом на помощь ему пришло врожденное чувство юмора. В конце концов не велика беда не удостоиться приветствия со стороны одушевленной мусоросборочной машины. Было бы хуже, если бы она вознамерилась обнять его как долгожданного брата...

Он вернулся к кромке «Коперника» и уставился в мутные воды. На этот раз он заметил, что там, в глубине, лениво снуют какие-то зыбкие тени, иные из них весьма солидных размеров. Вот одна из теней переместилась к ближайшему спиральному спуску, и наверх поползло нечто похожее на многоногий танк. По скорости движения Джимми вычислил, что на подъем танку потребуется около часа; если танк и являл собой угрозу, то надвигалась она крайне медленно.

Чуть позже у выходов из темных нор, что прятались под самой поверхностью, мелькнула другая тень, более быстрая. Что-то стремительно метнулось вдоль нарезки, но он не сумел ни разглядеть это «что-то», ни хотя бы понять, какие оно имеет очертания. Словно там внизу пронесся небольшой смерч, пылевой столб величиной с человека.

Джимми зажмурился и потряс головой. Когда он открыл их снова, видение исчезло.

Вероятно, падение потрясло его сильнее, чем он предполагал, — до сих пор он не страдал галлюцинациями. Группе наблюдения он на всякий случай не

сказал ни слова. Но и исследовать спиральные спуски, на что уже почти отважился, тоже не стал. Решил не расходовать понапрасну энергию.

Вращающийся фантом, который ему привиделся, отношения к этому не имел. Ни малейшего отношения — во что, во что, а в призраки Джимми не верил.

30. ЦВЕТOK

Напряжение вызвало жажду, и Джимми остро осознал, что вокруг нет пригодной для питья воды. На том, что оставалось во фляжке, он продержится, быть может, неделю, но, собственно, зачем? Лучшие умы Земли вскоре станут биться над «проблемой Джимми»; капитана Нортонa, вне всякого сомнения, забросят проектами. Но сам он, как ни тщился, не мог найти способа спуститься по срезy полукилометрового утеса. Даже будь у него веревка такой длины, к чему ее привязать?

И все-таки глупо — и не по-мужски — сдаваться без борьбы. Всякая возможная помощь может прийти только со стороны моря, и он будет двигаться в ту сторону, а попутно делать свое дело, словно ничего не случилось. Ведь никто и никогда больше не увидит и не сфотографирует территорию, по которой ему предстоит пройти, и одно это уже гарантирует ему память в веках. Он, конечно, предпочел бы иные, прижизненные блага, но уже лучше посмертная слава, чем вообще ничего.

Если бы он мог летать, как погибшая «Стрекоза», от моря его сейчас отделяло бы всего три километра, но подойти к морю по прямой — задача вряд ли выполняемая: некоторые участки впереди представляют собой слишком серьезное препятствие. Однако маршрутов в его распоряжении сколько угодно. И Джим-

ми мог в любой момент окинуть их взглядом: вот они, расчерчены перед ним как на гигантской карте, с обеих сторон уходящей ввысь и вдаль.

Времени ему не занимать, и начнет он с самого интересного, даже если это уведет его от кратчайшего пути. Примерно в километре вправо простирался квадрат, сверкающий так, будто его усыпали осколками стекла или драгоценными камнями. Мысль о последних, пожалуй, и подстегнула Джимми. Даже приговоренный к смерти не может не проявить известного интереса к тысячам квадратных метров драгоценностей.

Впрочем, он не слишком огорчился, выяснив, что заманчивый блеск создают всего-навсего кристаллы кварца. Зато клетка рядом оказалась намного примечательнее: ее сплошь покрывали пустотелые металлические колонны, расположенные без всякого видимого порядка, но очень близко друг к другу. Высоты они были самой различной — одни не достигали и метра, другие вытянулись с трехэтажный дом. Пройти между ними нечего было и надеяться — не всякий танк смог бы пробраться сквозь эти заросли труб.

Двигаясь между квадратом, покрытым кристаллами, и квадратом с колоннами. Джимми вышел на перекресток. Теперь квадрат по правую руку напоминал ковер или гобелен из крученой пряжи — Джимми попытался оторвать хотя бы ниточку, но не сумел. По левую руку располагалась мозаика из шестигранных плиток, плотно пригнанных друг к другу. Она казалась бы монолитной, не окрась рамане плитки во все цвета радуги. Джимми потратил немало времени в поисках двух сопредельных плиток одного цвета — хотел узнать, различима ли граница между ними, — но не нашел ни одного случая подобной небрежности.

Передавая панораму перекрестка, он пожаловался группе наблюдения:

— Ну, а вы-то хоть что-нибудь понимаете? У меня чувство, словно я заперт в гигантском лабиринте. Или

это раманская картинная галерея?

— Мы озадачены не меньше твоего, Джимми. Пока что мы не замечали, чтобы рамане интересовались искусством. Но не будем спешить с выводами — подождем, понаблюдаем еще...

Квадраты, лежащие за следующим перекрестком, ничего не прояснили. Один был совершенно пуст — жесткая гладкая поверхность безликого серого цвета. Второй — заполнен мягким губчатым веществом, усеянным миллионами и миллионами крошечных пор. Джимми попробовал его ногой, и вещество тут же омерзительно колыхнулось.

На очередном перекрестке его поджидало нечто, поразительно похожее на вспаханное поле, с бороздами одинаковой метровой глубины, а материал, по которому они шли, имел насечки наподобие напильника или рашпиля. Но он не обратил особого внимания на этот квадрат, потому что квадрат рядом дразнил воображение, как ни один из предыдущих. Наконец-то он встретил нечто доступное пониманию — и вместе с тем вызывающее нешуточное беспокойство.

Этот квадрат был обнесен забором, настолько заурядным, что на Земле Джимми не удостоил бы его повторным взглядом. Метрах в пяти друг от друга стояли столбики — очевидно металлические, — а между ними тянулись шесть рядов туго натянутой проволоки.

За первым забором следовал второй — двойник первого, а дальше и третий. Новый типичный образец надежности по-рамански: что бы ни содержали в этом загоне, оно ни при каких обстоятельствах не вырвалось бы на свободу. Входа вообще не было — никаких ворот, которые можно распахнуть, чтобы ввести животное или животных, — предполагаемых узников. Зато в центре квадрата темнела дыра, копия «Коперника», только сильно уменьшенная.

Даже при других обстоятельствах Джимми, вероятно, не колебался бы, а сейчас ему просто нечего было терять. Он быстро перемахнул через все три за-

бора, подошел к дыре и заглянул в нее.

Не в пример «Копернику», этот колодец достигал в глубину лишь пятидесяти метров. На дне виднелись жерла трех тоннелей, достаточно широких, чтобы пропустить слона. И все.

Присмотревшись, Джимми решил, что вся конструкция может означать только одно: дно колодца представляет собой подъемник. Но для кого предназначен этот подъемник, он наверняка не узнает никогда, хотя нетрудно догадаться, что «кто-то» очень велик и, похоже, очень опасен.

За последующие три-четыре часа он прошагал параллельно берегу моря более десяти километров, и клетки шахматной доски начали сливаться в его сознании. Были квадраты, от края до края накрытые ячеистым проволочным тентом, словно гигантские вольеры для птиц. Попадались и другие, напоминающие застывшие озера со вмерзшими в след водоворотами: осторожно потрогав «лед», Джимми убедился, что он чрезвычайно прочен. А один квадрат был совершенно черным, черным настолько, что цвет уже не воспринимался глазом и только осязание доказывало, что пространство заполнено веществом.

И наконец вновь встретился вариант, доступный разумению. Вытянувшись одно за другим, к югу простирались — другого слова не подобрать — поля. Будто Джимми очутился на какой-то экспериментальной земной ферме: перед ним, квадрат за квадратом, лежала ровная, хорошо взрыхленная почва, первая, какую ему довелось увидеть среди металлических пейзажей Рамы.

Огромные поля были девственными, безжизненными, истомившимися по зерну, которого никогда не питали. Джимми искренно удивился: зачем они, ведь не может же быть, чтобы рамане, достигшие таких высот развития, всерьез интересовались агротехникой; даже на Земле сельское хозяйство являлось теперь не более чем хобби да еще служило поставщиком некоторых дорогих экзотических продуктов. Но он мог по-

клясться, что это именно фермы, и притом старательно подготовленные к севу. Никогда и нигде не встречал Джимми почвы столь чистой на вид: каждый квадрат был накрыт упругой пленкой прозрачного пластика. Он попытался прорезать пленку и добыть образец почвы, но его нож лишь оставил на пленке чуть заметный след.

Дальше вглубь еще и еще тянулись поля, и на многих из них красовались сложные конструкции из прутьев и проволоки, предназначенные, видимо, для поддержки выющихся растений. Выглядели эти конструкции унылыми и заброшенными, как деревья без листьев в середине зимы. И правда, поля познали действительно долгую и жестокую зиму, и выпавшие им сейчас немногие недели света и тепла были только краткой передышкой перед новым ее приходом...

Джимми и сам не понял, что заставило его вдруг остановиться и пристально взглянуться в уходящие на юг металлические дебри. Наверное, его мозг продолжал подсознательно отмечать все, что происходит вокруг; именно мозг скомандовал «стоп», когда в фантастически враждебном окружении появилось нечто невозможное.

За четверть километра от Джимми, в глубине проволочных шпалер, сверкала одинокая цветная искорка. Она была так мала и неприметна, так неразличимо далека, что на Земле никто не обратил бы на нее внимания. И тем не менее одной из причин, по которым он вообще заметил эту искорку, было, без сомнения, то, что она напоминала о Земле...

Он не сообщал ни слова группе наблюдения до тех пор, пока не убедился, что не ошибается и не принимает желаемое за действительное. Только когда до цели остались буквально считанные метры, он наконец поверил, что жизнь — настоящая, неоспоримая жизнь — все-таки сумела прорваться в бесплодный асептический мир Рамы. Здесь, на задворках Южного континента, в гордом одиночестве рос прекрасный цветок.

Приблизившись, Джимми понял со всей очевидно-

стью, что в расчеты раман вкралась нечаянная ошибка. В оболочке, защищавшей квадрат от проникновения непрошенных форм жизни, образовалась дыра. И сквозь нее пробился зеленый стебель толщиной с мизинец, обвивший одну из шпалерных стоек. На мертвой высоте стебель взрывался букетом синеватых листьев, очень похожих на перья, — Джимми не видел таких ни у одного из знакомых растений. А на уровне глаз стебель венчало то, что лейтенант поначалу принял за один цветок. Теперь он рассмотрел без особого удивления, что на самом деле это три цветка, плотно прильнувших друг к другу.

И лепестки были вовсе не лепестки, а ярко окрашенные трубки сантиметров по пять длиной; в каждом соцветии их насчитывалось не меньше пятидесяти, и они переливались такой металлической синевой, амарантом и зеленью, что напоминали скорее уж крылья бабочки, чем подданных растительного царства. Познания Джимми в ботанике равнялись практически нулю, но и он был озадачен полным отсутствием чего-либо похожего на тычинки и пестики. Ему даже пришло в голову, что сходство с земными цветами — не более чем совпадение: может статься, перед ним дальний родственник колонии полипов. Так или иначе, строение цветка вроде бы подразумевало существование мелких летающих насекомых, хотя оставалось неясным, зачем они нужны растению — то ли для опыления, то ли в качестве пищи.

Но какое это, в сущности, имело значение! Каким бы ни оказалось строго научное определение, для Джимми это был просто цветок. Неизъяснимое чудо, распутившееся вопреки всем ухищрениям раман, цветок напомнил юному пилоту о том, чего он, вероятно, никогда уже не увидит, и Джимми твердо решил завладеть им.

Легко решить — труднее выполнить. До цветка оставалось более десяти метров, и на этих метрах располагалась решетчатая конструкция из тонких прутьев. Получалась как бы череда полых кубиков со стороны около сорока сантиметров, а то и меньше. Не будь

Джимми худым и гибким, он не летал бы на аэропедах, и проползти сквозь перекрестья решетки ему удастся. А вот выбраться назад — другое дело: вернуться в ее тенетах невысказано, так что возвращаться придется задним ходом.

Группа наблюдения пришла в восхищение, когда он описал цветок и заснял его во всех возможных ракурсах. Никто не возразил и когда он сообщил: «Ползу, сорву». Он и не ожидал возражений: жизнь его теперь всецело принадлежала ему самому, он был вправе распорядиться ею, как заблагорассудится. Он снял с себя всю одежду, ухватился за гладкие металлические прутья и принялся ужом ввинчиваться между ними. Со всех сторон его сжали тугие тиски, он чувствовал себя словно арестант, протискивающийся сквозь решетку в оконце камеры. Забравшись в частокор с ногами, он сделал попытку сдвинуться назад, просто ради того, чтобы проверить, реально ли это. Да, движение назад было намного сложнее — приходилось не подтягиваться на вытянутых руках, а отталкиваться ими, — сложнее, однако отнюдь не невозможно.

Джимми был человеком порыва, человеком действия, никак не склонным к самоанализу. Извиваясь в тесном строе прутьев, он не тратил времени на раздумья о том, что толкнуло его на столь донкихотский поступок. До сих пор он не интересовался цветами, а сейчас тратил остатки сил в погоне за одним-единственным цветком.

Разумеется, этот цветок был уникальным, представлял собой неизмеримую научную ценность. Но если разобраться, Джимми рвался к нему только потому, что цветок напоминал о живой природе, о родной планете. Тем не менее, когда осталось лишь протянуть руку, чтобы коснуться его, Джимми внезапно испытал приступ неуверенности. Ведь цветок был наверняка единственным во всем исполинском пространстве Рамы — вправе ли он, Джимми, сорвать его?

Если бы лейтенант стал искать оправданий, он утешил бы себя мыслью, что сами рамане в своих планах не предусматривали этого цветка. Чистейшая игра

случая, которая совершилась к тому же на тысячелетия позже или на тысячелетия раньше, чем нужно. Но Джимми не искал оправданий, колебания его оказались мимолетными. Он протянул руку, сжал стебель и рванул на себя.

Цветок подался довольно легко; Джимми сорвал еще парочку листьев, а затем медленно пополз сквозь решетку назад. Одна рука у него теперь была занята, это еще более осложняло задачу, двигаться стало не только трудно, но и больно, и он вскоре приостановился, чтобы передохнуть. Именно тогда он и заметил, что листья-перья начали съеживаться, а обезглавленный стебель медленно раскручивался со шпалер. Не то зачарованный, не то испуганный, Джимми понял, что растение постепенно уходит в почву, как смертельно раненная змея, заползающая обратно в нору.

«Я убил красоту», — упрекнул себя Джимми. Но в конце концов Рама посягнул на его собственную жизнь! И сейчас он лишь взял то, что принадлежало ему по праву.

31. СКОРОСТЬ РАВНЯЕТСЯ...

Капитан Нортон никогда не терял людей и не имел намерения открывать счет потерям. Еще до того, как Джимми вылетел к Южному полюсу, капитан уже изыскивал пути его спасения в случае аварии, однако задача оказалась столь трудной, что к ней так и не нашлось ответа. Все, чего удалось добиться, — это безжалостно забраковать предлагаемые решения.

Как вскарабкаться по полукилометровому отвесному утесу, пусть даже при пониженной гравитации? С соответствующим снаряжением и сноровкой это, видимо, довольно легко. Но на борту «Индевора» не было альпинистских скальных пистолетов, и никто не до-

думался, каким другим способом вогнать в твердую, зеркально-гладкую поверхность сотни стальных клиньев — а меньшим числом было не обойтись.

Привлечь на помощь технику? Напрашивалась мысль использовать ранцевые реактивные двигатели, но они предназначались для условий невесомости и давали слишком слабую тягу. Справиться с притяжением, даже с таким умеренным, как на Раме, да еще и поднять человека они не могли.

Ну, а воздушный шар? Здесь проглядывалась какая-то зыбкая возможность — если бы они придумали, из чего соорудить оболочку и как создать не слишком громоздкий источник тепла.

Пока Джимми путешествовал вдоль берега моря, добрая половина всех безумцев Солнечной системы лихорадочно изобретала, как его спасти.

Капитан Нортон решил было, что это шутка весьма дурного толка. Затем прочитал имя отправителя, увидел приложенные расчеты и поспешно их проверил, после чего вручил послание Карлу Мерсеру.

— Что ты об этом думаешь?— спросил он самым обыденным тоном.

Джимми бросил взгляд на свой бесценный сувенир — единственный цветок Рамы. Аккуратно завернул его в грязный носовой платок, завязал платок узлом и швырнул с края утеса.

Узелок планировал вниз с успокоительной медлительностью, но это продолжалось так долго — пынышко становилось меньше, и меньше, и меньше, пока не исчезло совсем. Потом «Резолюшн» рванулся вперед, и Джимми понял, что узелок подобрали.

— Великолепно!— воскликнул Нортон с преувеличенным восторгом.— Уверен, что этот цветок назовут в твою честь. Ну, давай, мы ждем...

Джимми снял с себя рубашку и задумчиво ее расправил. Несколько раз за время своих странствий он едва не бросил ее; теперь она, неровен час, спасет ему жизнь.

В последний раз он оглянулся на пустынный мир, который ему привелось исследовать в одиночку, на дальние грозные острия Большого рога и его малых собратьев. Крепко сжав рубашку правой рукой, он разбежался и прыгнул с утеса — так далеко, как только сумел.

Теперь спешить было некуда: в его распоряжении оставалось добрых секунд двадцать, чтобы проанализировать свои ощущения. Но он не тратил времени зря — вокруг крепчал ветер, «Резолюшн» постепенно вырастал в размерах. Захватив рубашку обеими руками, он вытянул их над головой, чтобы мчащийся навстречу воздух наполнил ткань и превратил ее в удлинненный купол.

Впечатление было по-прежнему такое, что сам он вовсе не движется, зато вода стремительно несется ему навстречу. Как только он отважился на прыжок, чувство страха исчезло без следа; он даже испытывал известное раздражение — какого черта шкипер так долго держал его в неведении? Неужели Нортон и вправду опасался, что он, Джимми, побоится прыгнуть, если будет слишком долго раздумывать?

В самую последнюю секунду он выпустил рубашку, сделал глубокий вдох и зажал нос и рот руками. Как ему и советовали, он напрягся всем телом и плотно сомкнул ноги. В воду он должен войти чисто, как падающее копьё...

Что-то сильно ударило его по ногам. В ушах заревело, их стиснуло давлением — и даже сквозь плотно сомкнутые веки он ощутил, на него по мере погружения в глубины моря наваливается темнота.

Тогда он принялся изо всех сил грести вверх, по направлению к гаснущему свету. Попытался открыть глаза, но мгновенно закрыл их снова: ядовитая вода жгла как кислота. Подъем тянулся долго, и он испугался, что потерял ориентацию и плывет не вверх, а вниз. Джимми еще раз приоткрыл глаза — вокруг становилось светлее.

Но когда он вырвался на поверхность, веки были

плотно сжаты. Он вдохнул всей грудью воздух и огляделся. «Резолюшн» шел к нему полным ходом; десять секунд спустя энергичные руки подхватили его и втащили на борт.

А когда он поднялся на борт «Резолюшн», к горлу вдруг подступила тошнота. Сказался и удар о воду, и купанье в ядовитой жидкости. Однако все сразу прошло, когда небо позади них внезапно озарила яркая вспышка. Все повернули головы к Южному полюсу. Начиналось новое действие огненного спектакля.

Километровые потоки пламени устремились, танцуя, с Большого рога к малым. Затем они вновь пришли в размеренное вращение, словно танцоры-невидимки взмахивали своими лентами. Но на этот раз танцоры кружились все быстрее и быстрее, пока ленты не слились в искрящийся конус огня.

Зрелище рождало благоговейный страх, как ни одно из величественных зрелищ, которых здесь было немало; к тому же оно сопровождалось отдаленным рокочущим громом, еще усугублявшим впечатление неукротимой силы. Спектакль продолжался около пяти минут — и оборвался так резко, будто кто-то где-то повернул выключатель.

Тайны Рамы множились час от часу; чем больше люди открывали здесь нового, тем меньше понимали.

Внезапно с кормы донесся крик:

— Шкипер, взгляните! Вон туда, на небо!..

Нортон поднял глаза и поспешно обвел взглядом окрестность моря. Но ничего особенного не заметил, пока не запрокинул голову и не увидел ту часть моря, что висела над ними почти в зените.

— Мой бог,— только и прошептал он, поняв, что «следующего происшествия» долго ждать не придется.

По дуге Цилиндрического моря мчалась приливная волна.

32. ВОЛНА

Первой мыслью Нортонa было убедиться в безопасности своего корабля.

— «Индевор»!— вызвал он.— Доложите обстановку!

— Все в порядке, шкипер,— последовал спокойный ответ старшего помощника.— Был легкий толчок, но он не мог причинить вреда. Наблюдается небольшое изменение ориентации — по докладу штурмана, примерно ноль целых две десятых градуса. Он предполагает также, что несколько изменилась скорость вращения — точные данные будут через две-три минуты.

Результат первого толчка был с предельной очевидностью запечатлен на изогнутой водной глади, которая, казалось, неустанно падает с неба. До волны оставалось еще около десяти километров, и она шла на них, развернувшись во всю ширину моря от северного до южного берега. Вблизи суши волна поднималась стеной белой пены, а в открытом море снижалась до еле видимой синей линии, движущейся куда быстрее, чем буруны на флангах. Тормозящее действие прибрежных отмелей изгибало волну дугой, и центральная ее часть убегала все дальше и дальше вперед.

Руби дала суденышку ход, развернула «Резолюшн» и направила его навстречу приближающейся волне. По оценке Нортонa, от центральной, самой стремительной ее части их отделяло теперь меньше пяти минут, но и он уже понял, что как раз эта часть не представляет опасности. Просто-напросто рябь, не достигающая и метровой высоты,— плот разве что покачивается. Подлинная угроза заключалась вовсе не в ней, а в горах пены, что остались далеко позади.

И тут — тут буруны внезапно появились и в центре моря. Волна, по-видимому, уперлась в подводную стену протяженностью в несколько километров, верхний край которой почти достигал поверхности. А буруны на флангах как по команде опали — там те-

перь была, очевидно, глубокая вода.

«Волноломы,— догадался Нортон.— В точности такие же, как в топливных баках "Индевора", только в тысячу раз крупнее. Наверное, их здесь множество по всему морю, чтобы как можно быстрее гасить любую возникшую в нем волну. Существенный вопрос: не находимся ли мы точно над таким же волноломом?..»

Руби Барнс опередила его ровно на одно мгновение. Она опять остановила «Резолюшн» и выбросила якорь. Якорь нащупал дно в каких-то пяти метрах.

— Вытягивайте!— крикнула она товарищам.— Надо убираться отсюда!..

Нортон охотно согласился с ней; однако если уходить, то в каком направлении? Вновь пена вздымалась лишь вдали у побережий, а посередине море совершенно успокоилось, если не считать бегущей навстречу плоту невинной синенькой полоски ряби. Руби Барнс удерживала «Резолюшн» на поперечном курсе, готовая в любую секунду дать полный ход.

Затем в каких-то двух километрах от них море начало пениться с новой силой. Оно горбатилось яростными белыми гривами, и рев его, казалось, заполнил весь мир. Во всю ширину Цилиндрического моря, словно лавина, грохочущая по горному склону, неслись валы, самый малый из которых был достаточен, чтобы прикончить их утлое суденышко.

Руби, похоже, уловила на лицах своих спутников невольный страх и, перекрывая грохот, прокричала:

— Ну, чего испугались? Я каталась на волнах выше этих...— Ее заявление не вполне соответствовало действительности; кроме того, она не упомянула, что в ее распоряжении была тогда добротная лодка для спортивного серфинга, а отнюдь не импровизированный плот.— Но если придется прыгать за борт, ждите моей команды. Проверьте свои спасательные жилеты...

Волна продолжала расти, выгибая и закручивая свой гребень. Вогнутая поверхность моря, вероятно,

преувеличивала ее высоту, но выглядела она чудовищной, неодолимой силой, способной смести на своем пути все и вся.

И спустя секунды волна опала, будто из-под нее выдернули опору. Она прошла очередной барьер и вновь покатила по глубокой воде. Когда она минутой позже достигла их, «Резолюшн» лишь качнулся вверх и вниз, и Руби тут же развернула плот и погнала его полным ходом на север.

Одолев волну, они, казалось, должны были бы вздохнуть посвободнее, но теперь никто не чувствовал себя в безопасности, пока не ступит на сушу. На поверхности моря вода крутилась множеством крошечных воронок, а над водой стоял странный кислый запах — «будто муравейник раздавили», как удачно определил Джимми.

Еще минутой позже волна, удаляясь от плота и карабкаясь в небо, ударила о следующий подводный барьер. С тыла зрелище оказалось совсем не впечатляющим, и путешественники устыдились пережитых страхов.

Тем сильнее было потрясение, когда в какой-то сотне метров от плота из воды высунулось нечто вроде лениво вращающегося колеса. Отливающие металлом спицы по пяти метров каждая взмывали в воздух, роняя капли, неспешно поворачивались в слепящем сиянии раманского дня и с плеском падали в море. Словно на поверхность поднялась исполинская морская звезда с трубчатыми лучами.

Животное или машина? Ответить на этот вопрос по первому впечатлению не представлялось возможным. Но тут «звезда» завалилась набок и осталась лежать в полупогруженном состоянии, мягко покачиваясь на зыби — наследнице прошумевшей волны.

Теперь люди разглядели, что у «звезды» девять щупалец, вероятно суставчатых, которые радиально расходятся от центрального диска. Два щупальца были сломаны, крайние суставы отсутствовали. Семь здоровых заканчивались сложными наборами манипу-

ляторов, живо напомнившими Джимми встреченного ими краба. Оба существа принадлежали, видимо, к одной эволюционной ветви — или вышли из одного конструкторского бюро.

В середине диска возвышался вырост с тремя большими глазами. Два из них были закрыты, третий открыт, но казался мутным и незрячим. Несомненно, им выпал случай наблюдать смертные муки диковинного чудища, вытолкнутого на поверхность подводным штормом, который только что миновал.

Потом они заметили, что чудище не одиноко. Около него кружила, то и дело подплывая вплотную к еле шевелящимся щупальцам, пара тварей помельче, похожих на раков-переростков. Эти твари весьма целеустремленно уничтожали большое чудище, а оно и не думало сопротивляться, хотя по всем признакам могло бы справиться с десятком таких разбойников.

— Взгляните, шкипер, — прошептал лейтенант. — Видите, они и не думают пожирать его. У них и ртов-то нет. Они просто режут его на части. В точности то же произошло и со «Стрекозой».

— Ты прав. Они демонтируют его, как.., как сломанную машину. Но, — добавил Нортон, поморщившись, — до сих пор я никогда не сталкивался с металлоломом, который испускал бы такой смрад... — Тут его внезапно осенила новая мысль. — Мой бог, а если они вздумают также разделаться и с нашим плотом! Руби, давайте как можно скорее к берегу!..

«Резолюшн» устремился вперед, нимало не заботясь более о сохранности своих батарей. А за его кормой девять спиц исполинской «морской звезды» — лучшего названия никто так и не предложил — все укорачивались и укорачивались, пока остатки «звезды» и оба рака не исчезли вновь в морской пучине.

За плотом никто не гнался, однако люди вздохнули спокойно лишь тогда, когда «Резолюшн» подошел к причалу и они, возблагодарив судьбу, взобрались наверх. Бросив прощальный взгляд на водное кольцо, исполненное тайн и — как теперь казалось — скры-

того зла, капитан Нортон мрачно решил, что больше никто из экипажа не пересечет его. Слишком много неизвестных, слишком много опасностей...

33. ПАУК

Отныне, согласно приказу Нортонa, в лагере Альфа должно было всегда находиться не менее трех человек. Еще один часовой-наблюдатель, вооруженный телескопом, дежурил у шлюза. Он мог обследовать любой уголок Рамы — даже Южный полюс казался удаленным лишь на какие-нибудь триста-четыре метра.

Вечером Нортон, Родриго, Колверт и Лаура Эрнст смотрели выпуск последних известий. Ученые никак не могли договориться, чем считать крабообразную тварь: животным, машиной или разумным раманином.

Вдруг Лаура шепнула:

— Не двигайся, Билл. Теперь осторожно посмотри направо.

Нортон повернул голову. В десяти метрах от них стоял тонконогий треножник, увенчанный сферическим тельцем размером с футбольный мяч. По окружности мяча располагались три больших, лишенных всякого выражения глаза — поле зрения существа составляло, очевидно, все 360 градусов, — а за телом волочились три хлыстообразных щупальца. Треножник был ниже человека и выглядел слишком хрупким, чтобы относиться к нему с опаской, но это еще не оправдывало их беспечности: факт был налицо, ему позволили проникнуть в лагерь незамеченным. Нортону он напомнил не более чем безобидного паучка-сенокосца, хотя и о трех ногах, и еще капитан заинтересовался тем,

как оно передвигается, имея три точки опоры.

Понаблюдав за людьми с полным бесстрашием две-три минуты, трехногий паук внезапно тронулся с места — и теперь они поняли, почему прозевали его появление. Он двигался так быстро и, главное, таким необычным способом, что глаз и мозг человека воспринимали это движение с огромным трудом.

Насколько Нортон мог судить, каждая из трех ног поочередно служила осью, вокруг которой поворачивалось все тело. И он не был вполне уверен, но ему почудилось, что через каждые несколько «шагов» направление вращения меняется на противоположное; три хлыста мелькали буквально с быстротой молнии. Существо развивало скорость — точно подсчитать опять-таки не представлялось возможным — не менее тридцати километров в час.

Паук вихрем обегал вокруг лагеря, обследуя каждый предмет снаряжения, осторожно прикасаясь к наскоро устроенным постелям, столам и стульям, аппаратуре связи, контейнерам с пищей, электрическим туалетам, камерам, бачкам с водой, инструментам — не было, пожалуй, ни одной мелочи, которой он не удостоил бы вниманием, не считая лишь самих четырех наблюдателей. Напрашивался вывод, что паук достаточно разумен, чтобы провести грань между людьми и их неодушевленной собственностью; все его действия оставляли несомненное впечатление осмысленного любопытства и даже любознательности.

— До смерти хочется посмотреть, что у него внутри,— воскликнула Лаура, с сожалением провожая глазами существо, продолжающее выделять свои стремительные пируэты.— Не попытаться ли его поймать?

— Как?— резонно осведомился Колверт.

— Да так же, как первобытные охотники ловили самых быстроногих зверей, накидывая им на лапы веревку с грузилами на концах. Зверю это не причиняло никакого вреда.

— Сомневаюсь,— ответил Нортон.— Даже если бы подобный фокус и удался, мы не вправе идти на

риск. Нам неизвестно, насколько этот тренажник разумен, а веревка с грузилом вполне способна перебить ему ноги. Тогда нам не избежать действительно серьезных неприятностей — здесь на Раме, на Земле и где угодно еще...

— Но мне необходим такой экземпляр!

— Придется тебе довольствоваться цветком, который сорвал Джимми, разве что одно из этих созданий изъявит готовность к сотрудничеству. Насилие исключается. Как бы тебе понравилось, если бы кто-то высадился на Земле и решил, что ты — прекрасный экземпляр для анатомирования?

— Но я вовсе не собираюсь его анатомировать,— возразила Лаура не слишком убежденно.— Я хотела бы только осмотреть его.

И вот настал час решающего испытания.

— Ну что ж, у пришельцев по отношению к тебе тоже могли бы быть именно такие намерения, но, уверяю тебя, ты провела бы немало неприятных минут, прежде чем им поверить. Нельзя допускать никаких действий, которые можно истолковать как угрожающие...

Паук как будто закончил свой осмотр. Он сделал, не снижая темпа, еще один круг по лагерю, а затем по касательной устремился в сторону лестницы.

— Интересно, как он будет взбираться по ступенькам?— подумала вслух Лаура.

Ответа на ее вопрос долго ждать не пришлось: паук не обратил на лестницу никакого внимания и пустился вверх прямо по вогнутому склону, даже не снизив скорости.

— Группа наблюдения,— вызвал Нортон,— к вам вскоре, видимо, пожелует гость. Следите за лестницей Альфа, шестой пролет. Лагерь Альфа вызывает все группы. Нас только что навестило существо, похожее на трехногого паука. Небольшое сферическое тело на очень тонких ногах передвигается вращаясь, притом очень быстро. Внешне безобидное, но крайне любопытное существо. Может подкрасться к вам, прежде

чем вы его заметите.

Будем исходить из того, что гости могут пожаловать к нам в любой момент. Иные из них могут оказаться опасными, но инцидентов следует избегать любой ценой. Вам известны указания на этот счет...

Через два-три часа сотни пауков наводнили всю равнину. В телескоп было видно, что Южный континент также кишит ими — континент, но только не остров Нью-Йорк.

На людей они больше не обращали внимания, да и люди спустя недолгое время почти перестали замечать их, хотя капитан Нортон порой улавливал в глазах своего старшего врача плотоядный блеск. Ничто, наверное, не доставило бы ей большего удовольствия, чем несчастный случай с каким-то из пауков; однако капитан отнюдь не жаждал потворствовать возникновению такого инцидента даже в интересах науки.

В сущности, не вызывало сомнения, что разумными пауков считать нельзя: их тело просто не могло вместить достаточно крупного мозга, трудно было даже понять, где они накапливают энергию, необходимую для движения. И в то же время их действия представлялись до странного осмысленными и согласованными: они побывали всюду и везде, но никогда не посещали одного и того же места дважды. У Нортонa нередко возникало впечатление, что они ищут что-то вполне определенное. Но каков бы ни был предмет поисков, его, по-видимому, не нашли.

Они поднимались и на самый верх к Северному полюсу, все так же, словно не видя гигантских лестниц. Как они умудрялись преодолевать вертикальный участок, даже при условии почти полной невесомости, оставалось неясным; Лаура предположила, что они пользуются присосками.

И тут, к совершенному ее восхищению, она наконец обрела свой желанный подопытный экземпляр. Группа наблюдения доложила, что один из пауков свалился с вертикальной стены и лежит, то ли мер-

твый, то ли выведенный из строя, на первой площадке. Лаура буквально взлетела по лестнице, установив рекорд, какого никому никогда не побить.

Добравшись до площадки, она увидела, что существо, о котором шла речь, несмотря на небольшую скорость падения, сломало себе все три ноги. Глаза его оставались открытыми, но оно не реагировало на внешние раздражители. Трофей доставили на «Индевор», и Лаура приступила к анатомированию.

Паук оказался так хрупок, что распадался на части почти без ее вмешательства. Она отделила ноги от туловища, потом взялась за тонкий панцирь: три круговых разреза, и он снялся, как кожа с апельсина.

С чего начать? Ей захотелось зажмуриться и полоснуть ножом наугад, однако такое решение вряд ли украсило бы ее как ученого.

Лезвие рассекло ткань практически без сопротивления. Спустя мгновение старший корабельный врач Лаура Эрнст издала не по-женски звучный вопль, эхом раскатившийся по «Индевору».

34. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО КРАЙНЕ СОЖАЛЕЕТ

— Как вам известно, господа,— заявил председатель,— нам предстоит сегодня многое обсудить и вынести соответствующие решения. Поэтому я огорчен отсутствием нашего коллеги — представителя Меркурия...

Заявление доктора Боуза не совсем соответствовало истине. Отсутствие меркурианина его не огорчало. Гораздо правильнее было бы признать, что оно его тревожило. Дипломатический инстинкт подсказывал ему, что назревают какие-то катаклизмы, но он даже от-

даленно не подозревал, какие.

Послание меркурианина было вежливым и невразумительным. Его превосходительство выражал глубокое сожаление по поводу того, что крайне срочное и неотложное дело не позволяет ему присутствовать на данном заседании ни лично, ни по видеоканалам. Доктор Боуз не представлял себе, что же такое может оказаться более срочным и более важным, чем Рама.

— Двое из членов комитета выразили желание выступить с сообщениями. Первое слово я предоставляю профессору Дэвидсону...

По рядам ученых, кооптированных в Комитет, пронёсся возбужденный шорох. Большинство из них полагали, что астроном с его широко известными космогоническими воззрениями — не самая подходящая фигура для того, чтобы возглавлять Космический консультативный совет. Подчас возникало впечатление, что проявления разумной жизни профессор расценивает лишь как печальное недоразумение на фоне величественных звезд и галактик и считает дурным тоном уделять этому недоразумению чрезмерное внимание. Это вовсе не прибавляло ему любви экзобиологов, в том числе Карлайла Переры, которые придерживались, естественно, противоположной точки зрения. По их убеждению, главный смысл существования Вселенной заключался именно в том, чтобы стать колыбелью разума; о чисто астрономических явлениях они если и говорили, то с насмешкой. «Просто мертвая материя» — такова была излюбленная их фраза на этот счет.

— Господин председатель, — начал ученый, — я проанализировал курьезные события, имевшие место на Раме за последние дни, и хотел бы поделиться с вами своими выводами. Некоторые из этих выводов довольно неприятны...

Карлайл Перера удивленно поднял глаза, потом издал довольный смешок. Он от души приветствовал все, что было неприятно профессору Дэвидсону.

— Прежде всего я имею в виду примечательные события, сопровождавшие полет юного лейтенанта в Южное полушарие. Электрические разряды сами по себе, хотя и представляют собой впечатляющее зрелище, не столь важны; нетрудно убедиться, что они содержат относительно небольшой энергетический потенциал. Но они совпали с изменением скорости вращения Рамы и его ориентации, то есть положения в пространстве. Вот это требовало колоссальных затрат энергии, а разряды, едва не стоившие жизни мистеру... мм... Пэку, в сущности, не более чем побочное и, возможно, нежелательное явление, каковое конструкторы и свели к минимуму с помощью гигантских громоотводов Южного полюса.

Из сказанного можно сделать два вывода. Когда космический корабль меняет ориентацию,— а мы должны впредь считать Раму космическим кораблем, невзирая на его фантастические размеры,— то это обычно означает, что он намерен перейти на другую орбиту. Поэтому следует всерьез прислушаться к мнению тех, кто верит, что Рама отнюдь не собирается возвращаться к звездам, а готовится стать новой планетой нашего Солнца.

— Благодарю вас, профессор Дэвидсон. А что скажет доктор Соломонс?

— А вот что,— произнес историк.— Рама, по-видимому, изменил скорость своего вращения без использования каких бы то ни было реактивных двигателей. Это означает, на мой взгляд, одно из двух.

Во-первых, можно предположить наличие встроенных гироскопов. Гироскопы должны быть колоссальными — где же они?

Во-вторых, хоть это и перевернет всю нашу физику вверх тормашками, на Раме может использоваться система нереактивных двигателей. Так называемый гипердвигатель, в возможность которого не верит профессор Дэвидсон. Но в этом случае от Рамы можно ожидать чего угодно. Мы просто не в состоянии

предсказать режим работы гипердвигателя даже в самом грубом приближении...

Дипломаты были откровенно сбиты с толку, однако астроном и не думал сдаваться. Для одного дня он уже сделал уступок более чем достаточно.

— С вашего разрешения, я предпочитаю придерживаться общепризнанных законов физики, пока не получу доказательств, что они неверны. Мы не нашли гироскопов на Раме, но мы их специально и не искали, а если и искали, то не там, где надо...

Боуз ясно видел, что Карлайл Перера теряет терпение. До сих пор экзобиолог ввязывался в отвлеченные споры с не меньшим пылом, чем все остальные, но теперь наконец-то в его распоряжении оказались точные факты. Его наука, влачившая доселе жалкое существование, за последние дни сказочно разбогатела.

— Ну что ж, если у присутствующих нет возражений, то доктор Перера располагает важной информацией...

— Благодарю вас, господин председатель. Все вы знаете, что мы наконец добыли экземпляр одной из форм раманской жизни, а другие формы наблюдали с близкого расстояния. Старший врач «Индевора» Лаура Эрнст представила нам подробный доклад о паукообразном существе, которое анатомировала.

Должен сразу сказать, что полученные ею данные настолько необыкновенны, что в любых других обстоятельствах я сам, наверное, им бы не поверил.

Паук состоит из тканей, которые определенно следует назвать живыми, хотя их биохимия отличается от нашей во многих отношениях — они содержат в значительных количествах легкие металлы. Тем не менее я не могу причислить паука к животным, не могу по нескольким серьезным причинам.

Прежде всего у паука нет ни рта, ни желудка, ни кишечника и вообще никакого пищеварительного тракта. Нет также и дыхательных путей, нет легких, нет крови, нет органов размножения...

Что же у него есть? Есть простая мускулатура, управляющая тремя ногами и тремя хлыстообразными щупальцами или усиками. Есть мозг, и довольно развитый. Четыре пятых тела состоит из крупных ячеистых клеток — именно они и преподнесли доктору Эрнст столь болезненный сюрприз, когда она приступила к вскрытию. Она не догадалась о назначении этих клеток вовремя — ведь они оказались едва ли не единственным на Раме приспособлением, существующим и на Земле, правда, лишь у горсточки морских животных.

Большая часть тела паука — это высокоразрядная батарея, такая же, как у электрических угрей и скатов. Но предназначена она, видимо, не для самообороны. Это источник энергии для движения. Вот почему у паука нет органов пищеварения и дыхания — он не нуждается в таких устройствах. Это значит также, что паук будет превосходно чувствовать себя даже в глубоком вакууме...

Итак, перед нами существо, представляющее собой фактически просто подвижный глаз. Я назвал бы это существо пауком-разведчиком.

Краб, морская звезда, акулы — лучших названий никто не предложил — могут активно воздействовать на окружающую среду и, видимо, специализированы для выполнения различных операций. Думаю, что питание они также получают от батарей, поскольку ртов у них, как и у паука, нет и в помине.

Уверен, что вы отдаете себе отчет в том, какие биологические проблемы возникают в этой связи. Могли ли подобные существа развиваться естественным путем? Честно говоря, сомневаюсь. Мне кажется, что они сконструированы как машины для определенных работ. Заканчивая характеристику, я бы сказал, что это роботы, биологические роботы — нечто, не имеющее аналогии у нас на Земле.

Если Рама — космический корабль, то они, может статься, часть его экипажа. Как они рождаются — или создаются, — об этом я судить не берусь. Но

догадываюсь, что ответ таится где-то в хитросплетениях труб Нью-Йорка. Будь у капитана Нортон и его людей достаточно времени, они, вероятно, сталкивались бы со все большим числом все более сложных существ, чье поведение предсказать просто невозможно. И в один прекрасный день встретились бы с самими раманами, с подлинными создателями этого мира.

35. СРОЧНАЯ ДЕПЕША

Капитан Нортон крепко спал. Ему привиделось, что он отправился в отпуск на Марс и пролетал мимо величественного пика Никс Олимпика. Маленький Билли обратился к отцу с каким-то вопросом...

— Извините, что разбудил вас, шкипер,— сказал капитан-лейтенант Кирчофф.— «Молния» из штаба. Тройное А... Зашифровано вашим личным шифром.

Сна как не бывало. Такие депеши Нортон получал всего три раза за всю свою карьеру, и каждый раз за ними следовали серьезные неприятности.

— Проклятье!— произнес он.— Что же делать?

— Джерри,— позвал он наконец.— Кто дежурит в радиорубке?

— Здесь никого нет, я один.

— Хорошо. Ты знаешь, где ключ от сейфа. Потом вызовешь меня снова.

Минут десять Нортон ждал. Он терпеть не мог без толку тратить умственную энергию — угадать, о чем идет речь в послании, все равно не удастся, и так или иначе он скоро узнает это наверняка. Вот тогда можно начинать волноваться, но с пользой для дела.

Старший помощник снова вышел на связь.

— Дело не слишком спешное, шкипер, час, во всяком случае, разницы не составит. Но предпочитаю

обойтись без радио. Высылаю депешу с нарочным.

— Какого черта... Ну, хорошо, хорошо, верю тебе. Кто доставит ее сквозь шлюзы?

— Я сам. Вызову тебя, когда пройду их.

Нортону стало ясно, что спать в эту ночь ему больше не придется.

36. НАБЛЮДАТЕЛЬ

Телескопы заворожили Питера Руссо еще в детстве, когда ему было шесть или семь лет от роду; большую часть юности он провел, собирая линзы всех форм и размеров. Он монтировал эти линзы в картонных трубках и делал все более и более сильные инструменты, пока не познакомился с Луной и планетами, с ближайшими космическими станциями и с окрестностями собственного дома в пределах добрых тридцати километров.

Сегодня отсюда, от центральной оси Рамы, он мог лицезреть чудеса, далеко превосходящие самые необузданные фантазии юности. Перед ним расстился целый мир, пусть небольшой — четыре тысячи квадратных километров, — но его изучению, даже если он мертва и неизменен, стоило отдать себя.

Неизвестно, кто первым изобрел словечко «биот», но его принял весь экипаж. Окопавшись в своей обсерватории, Питер присвоил себе титул главного наблюдателя за биотами и понемногу начал разбираться в особенностях их поведения.

Пауки были подвижными органами чувств, предназначенными осматривать внутреннюю поверхность Рамы. Одно время их насчитывалось несколько сотен, и они сломя голову носились везде и всюду, но не прошло и двух дней — и пауки как по команде исчезли; не стало даже одиночек.

На смену паукам пришел целый зверинец более внушительных существ — непросто было придумать каждому из них подходящее название. Появились чистильщики с широкими плоскими лапами, методично полирующие по всей длине шесть искусственных солнц Рамы.

Краб, прикончивший «Стрекозу», был, видимо, мусорщиком. Компания этих существ подобралась к лагерю Альфа и утащила весь сор, вынесенный за черту палаток; они утащили бы и все остальное, если бы Нортон и Мерсер не отогнали непрошенных помощников. Столкновение было непродолжительным; мусорщики, кажется, поняли, что им разрешается трогать, а что нет, и появлялись через определенные промежутки времени, как бы осведомляясь, не нужны ли людям их услуги.

Проблема уничтожения отходов решалась на Раме до крайности просто: мусорщики сбрасывали свои трофеи в море, где их, по-видимому, измельчали до состояния, пригодного для химического использования. Процесс шел быстро.

Ни один астроном, обнаруживший новую планету, не упивался бы своим открытием так, как Питер, когда ему удавалось засечь новый тип биота. Самые интересные разновидности биотов концентрировались у Южного полюса — они выполняли там какую-то таинственную работу вокруг рогов. Что-то напоминающее гусеницу на присосках время от времени взбиралось по склонам Большого рога, а подле более низких вершин Питер заметил как-то массивное создание — помесь бегемота с бульдозером. Был там также и жираф с двумя шеями, вероятно, игравший роль передвижного крана.

Безусловно, Рама, как и любой корабль после долгого плавания, требовал теперь проверки, наладки и ремонта. Команда заняла места и трудилась вовсю, но когда же явятся пассажиры?

Классификация биотов отнюдь не являлась для Питера главной задачей: ему было приказано не сводить

глаз с разведывательных групп, вышедших на задания, следить, все ли у них в порядке, и предупреждать о приближении незваных гостей. Каждые шесть часов Питера сменял кто-нибудь из тех, без кого можно было обойтись, но не однажды он оставался на посту по двенадцать часов. В результате он изучил топографию Рамы, как никто другой.

Когда из воздушного шлюза Альфа выплыл Джерри Кирчофф, Питер мгновенно понял, что произошло событие из ряда вон выходящее.

— Джерри! Кто же командует на корабле?

— Я,— холодно ответил старший помощник, отстегивая шлем.— Не думаете же вы, что я мог оставить рубку во время вахты?

Он раскрыл сумку, притороченную к скафандру, и достал оттуда маленькую жестянку с этикеткой: «Апельсиновый сок. Концентрат. Развести в пяти литрах воды».

— Вы в этом деле мастак, Питер. Шкипер ждет ее.

Питер взвесил жестянку в руке и сказал:

— Надеюсь, масса достаточно велика. Иной раз они застревают на первой площадке.

Питер одной рукой ухватился покрепче за канат, а другой швырнул жестянку вниз по вертикальной плоскости. Целился он не в направлении лагеря Альфа, а почти на тридцать градусов в сторону.

Соппротивление воздуха почти тотчас же лишило жестянку начальной скорости, но псевдопритяжение Рамы уже подхватило ее и покатило вниз. У основания трапа она ударилась об уступ и, совершив замедленный прыжок, благополучно преодолела первую площадку.

Жестянка уже не подпрыгивала, притяжение стало достаточным для того, чтобы припечатать ее к изгибу Северного купола. К моменту, когда она докатилась до второй площадки, скорость ее достигла двадцати-тридцати километров в час, то есть почти максимального значения.

— Теперь остается только ждать,— сказал Питер, усаживаясь у телескопа, чтобы не терять посланца из виду.— Будет на месте через десять минут. А вот и шкипер идет..., я научился узнавать людей прямо отсюда..., поднял голову, смотрит на нас...

После этой реплики разговор увял, но вот Питер произнес:

— Ему придется пройти всего пятьдесят метров..., вот он увидел жестянку..., задание выполнено.

ШТАБ КОСМОФЛОТА — КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КЛАСС СРОЧНОСТИ ААА. ЛИЧНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ. РЕГИСТРАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ. ПО ДАННЫМ «КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ», НА ПЕРЕХВАТ РАМЫ ДВИЖЕТСЯ СВЕРХСКОРОСТНОЕ ТЕЛО, ЗАПУЩЕННОЕ, ВИДИМО, С МЕРКУРИЯ ДЕСЯТЬ-ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ НАЗАД. ПРИ СОХРАНЕНИИ ПРЕЖНЕЙ ОРБИТЫ СБЛИЖЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ 322-Й ДЕНЬ ГОДА 15 ЧАСОВ. ВОЗМОЖНО, ВАМ ПРЕДСТОИТ ЭВАКУАЦИЯ ДО ЭТОГО СРОКА. ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ.

ГЛАВКОМ

Нортон перечитал депешу несколько раз. Следить за бегом времени, сидя внутри Рамы,— дело нелегкое; пришлось установить, что сегодня день 315-й. В их распоряжении оставалась ровно одна неделя...

От слов депеши бросало в дрожь — и не столько от самих слов, сколько от того, что крылось за ними. Значит, меркуриане пошли на нелегальный запуск, что само по себе являлось грубым нарушением космического кодекса. Вывод был очевиден: запущенное ими «тело» — ракета, боевая ракета.

Зачем им это? Невероятно, что они рискнут поставить под удар «Индевор», следовательно, надо ждать предупреждения от самых меркуриан. В случае необходимости он сумеет подготовиться к старту за несколько часов, но на экстренный старт он пойдет только по прямому приказу главкома.

37. ПАКЕТА

Завершив тормозной маневр, гость с Меркурия повис в каких-то пятидесяти километрах от Рамы и, по-видимому, повел осмотр места действия с помощью телекамер. Камеры были видны совершенно ясно, как видны были и антенны, несколько малых многоцелевых и одна большая остронаправленная: блюдце ее смотрело на далекую звездочку Меркурия. Нортон мог только предполагать, какие инструкции она принимает и какую информацию посылает взамен.

Официально ракеты все еще как бы не существовало. На ней не было опознавательных знаков, она не излучала радиоволны ни на одной из стандартных радиочастот. Все это являлось серьезным нарушением закона, однако даже Космический патруль до сих пор не заявил официального протеста. Три дня назад о ракете — и о ее происхождении — было объявлено в сводке новостей; тем не менее меркуриане продолжали хранить упорное молчание.

— Тройное А с Земли, шкипер, — сообщили из рубки. — От главнокомандующего. Микрофонный текст дублирован радиогаммой.

Голос адмирала Гендрикса звучал спокойно и сухо, словно он диктовал зауряднейший приказ по флоту, а не обсуждал ситуацию, беспрецедентную в истории космических исследований. Но, в конце концов, в соседстве с бомбой находился не он...

— Главнокомандующий вызывает капитана корабля «Индевор». Обстановка на текущий момент: заседание Ассамблеи начнется в 14.00 и будет вам транслироваться. Не исключено, что от вас потребуются немедленные действия. Проведите предварительный инструктаж.

Мы изучили присланные вами снимки. Меркурианский аппарат представляет собой обычный космический зонд, модифицированный для повышенных скоростей, вероятно, с лазерным ускорителем на начальной ступени. Размеры и масса достаточны, чтобы нести водородную бомбу мощностью от 500 до 1000 мегатонн. В своей повседневной практике на горных работах меркуриане применяют заряды до 100 мегатонн, следовательно, они без труда могли собрать боеголовку любой мощности.

Наши эксперты вычислили, что 500 мегатонн — минимальный заряд, гарантирующий разрушение Рамы. Если бомба взорвется в наиболее тонкой части корпуса — под Цилиндрическим морем, — цилиндр расколется, и центробежная сила довершит его уничтожение.

Мы полагаем, что меркуриане, если они действительно планируют подобный акт, дадут вам время отойти на безопасное расстояние. Для вашего сведения сообщая, что гамма-излучение при взрыве такой силы может представлять для вас угрозу в радиусе тысячи километров.

Обломки Рамы весом в десятки и сотни тонн, выброшенные в пространство со скоростью до тысячи километров в час, могут исковеркать «Индевор» на неограниченном расстоянии. Поэтому мы рекомендуем вам взлетать в направлении оси вращения, единственном, где осколков быть не может. Удаление в десять тысяч километров даст вам гарантию безопасности.

Это сообщение застраховано от перехвата, оно передается с использованием многократного сдвига частот, и я могу говорить открытым текстом. Ваш ответ, напротив, могут подслушать, так что выбирайте выражения осмотрительнее, при необходимости применяйте код. Вызову вас снова сразу после пленарного заседания. Сообщение окончено. Главнокомандующий. Конец связи.

38. ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

В Организацию Объединенных Наций входили 172 государства. В Организации Объединенных Планет — всего семь членов, но и этого подчас было более чем достаточно. В порядке удаленности небесных тел от Солнца семерка выглядела так: Меркурий, Земля, Луна, Марс, Ганимед, Титан и Тритон.

В списке было немало пропусков и неясностей, оставленных, очевидно, по принципу: «Будущее рассудит». Критики не уставали подчеркивать, что большинство в Организации Объединенных Планет составляют отнюдь не планеты, а спутники. И не смехотворно ли, что в список вовсе не попали четыре гиганта: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун?

Но на газовых гигантах никто не жил и, похоже, никогда жить не будет. То же самое относилось и к Венере. Даже самые отпетые энтузиасты реконструкции планет сошлись на том, что на обуздание Венеры уйдут столетия; меркуриане не сводили с нее глаз и, несомненно, вынашивали далеко идущие планы.

Раздельное представительство Земли и Луны также служило яблоком раздора: остальные члены ООП считали, что в одном уголке Солнечной системы сосредоточивается чересчур большая власть. Однако на Луне население было больше, чем на всех других мирах, на считая самой Земли; кроме того, Луну избирали местом встреч членов организации. И, по правде говоря, Земля и Луна не соглашались друг с другом никогда и ни в чем, так что возможность возникновения блока между ними казалась более чем сомнительной.

Марс осуществлял опеку над малыми планетами, за исключением астероидов типа Икара, подведомствен-

ных Меркурию, и горсточки дальних астероидов, с афелием за орбитой Сатурна,— их интересы защищал Титан. В один прекрасный день крупнейшие из астероидов, к примеру Паллада, Веста, Юнона и Церера, быть может, станут настолько значимыми, что удостоятся права иметь собственных представителей в ООП, и число членов организации достигнет двузначной цифры.

Ганимед представлял не только Юпитер, то есть большую массу, чем все другие планеты вместе взятые, но также и остальные пятьдесят с чем-то юпитерианских спутников. Титан взял на себя опеку над Сатурном, его кольцами и спутниками, число которых превышало три десятка.

Любопытным было положение Тритона. Это было самое дальнее тело Солнечной системы, имеющее постоянное население. Посол Тритона представлял также Уран и восемь его необитаемых лун, Нептун с тремя его спутниками, Плутон с его единственной луной и лишенную спутников Персефону. Отыщись за Персефой и другие планеты, они тоже подпали бы под юрисдикцию Тритона.

— Разрешите предоставить слово его превосходительству послу Меркурия...

Меркурианин сидел непосредственно справа от председателя. До самой последней минуты он неотрывно вглядывался в экран своего компьютера; теперь он снял блистающие в лучах синхронизирующие очки, с помощью которых читал сообщения, собрал в стопку записи и поднялся на ноги.

— Господин председатель, уважаемые коллеги, я позволю себе начать с краткой характеристики обстановки, сложившейся на настоящий момент...

— Гигантский космический корабль, получивший название Рама, был впервые обнаружен более года назад еще за орбитой Юпитера. Первое время считалось, что это естественное тело, движущееся по гиперболической орбите, и что оно, обогнув Солнце, вновь уйдет в межзвездное пространство.

Когда была выяснена истинная его природа, кораблю «Индевор» было приказано встретиться с пришельцем. Уверен, что мы от души поздравим капитана Нортон и его экипаж с мастерским выполнением поставленных перед ними уникальных задач...

В свое время многие верили, что Рама мертв, заморожен сотни тысяч лет назад и не способен ожить ни при каких обстоятельствах. Это, быть может, действительно так, но только в строго биологическом смысле. Все, кто изучал этот вопрос, в принципе согласны, что ни один живой организм сколько-нибудь значительной сложности не в состоянии перенести гипотермический сон дольше двух-трех веков. Даже при температуре абсолютного нуля остаточные квантовые эффекты сотрут столь значительную часть внутриклеточной информации, что о воскрешении не может быть и речи. Поэтому казалось, что Рама представляет собой лишь громадную археологическую ценность и не вызывает никаких политических проблем.

Однако и при таком условии можно было считать, что мы наблюдаем результат грандиозного, но неудачного эксперимента. Рама, мол, достиг намеченной цели...

Игра стоила свеч.

Спасибо нашему разуму и нашей технике, мы, когда серьезно хотим, способны одержать победу.

Итак, разрешите сообщить вам, коллеги-делегаты, что Меркурий сделал нечто большее. Исходя из положений статьи 34 космического соглашения 2057 года, уполномочивающих нас на любые шаги для защиты неприкосновенности околосолнечного пространства, мы доставили в район Рамы сверхмощное ядерное устройство. Мы будем очень рады, если нам не придется к нему прибегнуть. Но теперь мы по крайней мере не беспомощны, как раньше.

Нас могут упрекнуть, что мы приняли решение в одностороннем порядке, без проведения предварительных консультаций.

Мы принимаем этот упрек.

Но и подобная точка зрения — простодушное заблуждение, заведомая недооценка интеллекта тех, с кем мы имеем дело.

Мы не приняли во внимание одного — возможности небиологической жизни. Если согласиться с весьма убедительной теорией доктора Переры, которая, безусловно, удовлетворяет всем наблюдаемым фактам, создания, населяющие сегодня Раму, до недавнего времени просто не существовали. Их чертежи или схемы были заложены в какое-то центральное хранилище, а когда пробил час, они были изготовлены из подручных материалов. Подобный замысел далеко превосходит наш нынешний уровень технологии, однако не представляет теоретических трудностей. Ведь печатные схемы, не в пример живой материи, способны хранить информацию без потерь в течение практически неограниченного времени.

Рама сейчас переведен в рабочий режим и выполняет волю своих создателей, кто бы он.. ни были. Нам сейчас безразлично — погибли ли сами рамане миллионы лет назад или они в свою очередь будут воссозданы и присоединятся к своим слугам в определенный момент. С участием или без участия раман их воля будет выполнена, более того, она уже выполняется.

Доказано со всей очевидностью, что на Раме есть работоспособный двигатель. Через несколько дней корабль достигнет перигелия, где по логике вещей перейдет на другую орбиту. Возможно, мы вскоре приобретем новую планету, обращающуюся в околосолнечном пространстве, которое находится под юрисдикцией моего правительства. Или, что тоже не исключается, после дополнительных маневров Рама выйдет на иную орбиту на любом расстоянии от Солнца. Быть может, даже станет спутником одной из крупных планет, например, Земли...

Следовательно, коллеги-делегаты, мы сталкиваемся с богатым ассортиментом возможностей, и некоторые из них весьма неблагоприятны. Непростительной глупо-

стью было бы считать, что рамане непременно окажутся доброжелательными и неспособными повредить нам. Если они явились к нам в Солнечную систему, значит, им здесь что-то нужно. Даже если им нужны знания и только знания, то кто поручится, что эти знания не будут использованы нам во вред?..

Нам противостоит техника, обогнавшая нашу на тысячи лет, и культура, с которой у нас, возможно, вообще не найдется точек соприкосновения. Мы тщательно изучили поведение раманских биологических роботов по пленкам, снятым капитаном Нортон, и пришли к определенным выводам, которыми мне и хотелось бы с вами поделиться.

Нам, меркурианам, в известном смысле не повезло — у нас нет местных форм жизни. Но мы, разумеется, располагаем самыми полными представлениями о земной зоологии, и мы нашли в этих представлениях одну пугающую параллель.

Я говорю о колонии термитов. Как и Рама, такая колония есть искусственный мир, контролирующий внешнюю среду. Как и на Раме, жизнеспособность этого мира зависит от множества специализированных биологических инструментов: от рабочих, строителей, крестьян и воинов. Нам неизвестно, существует ли в колонии раман королева, но разрешите высказать догадку, что остров, названный Нью-Йорком, играет аналогичную роль.

Очевидным абсурдом было бы продолжать эту аналогию слишком далеко, она не выдерживает критики во многих отношениях. Но я все же решил провести ее, и вот почему.

Возможно ли сотрудничество и взаимопонимание между людьми и термитами? Пока наши интересы не сталкиваются, мы относимся друг к другу терпимо. Но если нам или им понадобится территория или ресурсы другой стороны, пощады не жди.

39. ОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

«Ну вот, чего-то в этом роде и следовало ожидать»,— сказал себе Нортон. Для Бориса вся эта история с бомбой должна была оказаться тяжким ударом, но он и не подумал замкнуться в покорности.

— У вас сложился какой-то план?

— Да, командир. План, по существу, очень прост. Надо обезвредить бомбу.

Будь это кто угодно другой, Нортон решил бы, что собеседник шутит. Но Борис Родриго шутить не умел.

— Постойте! Ракета вся оцетинилась телекамерами. Уж не рассчитываете ли вы, что меркуриане будут ждать, когда вы совладаете с ними?

— Вот именно. Больше им ничего не останется. Когда радиосигнал дойдет до Меркурия, будет уже слишком поздно. Я управлюсь за десять минут.

— Понимаю. И они будут грызть себе локти от гнева. А вы не боитесь, что бомба оснащена автоподрывом и ваше вмешательство попросту спустит курок?

— Это крайне маловероятно. Зачем ей такое устройство? Бомба была изготовлена специально для посылки в глубокий космос. Напротив, ракета, вероятно, битком набита предохранителями, гарантирующими, что она не взорвется без прямой команды из центра. А если риск и существует, то я иду на него — можно устроить так, чтобы «Индевор» был вне опасности.

— Не сомневаюсь, что вы действительно все обдумали,— только и ответил Нортон.

Идея была соблазнительной; особенно прельщала капитана мысль о том, как взбесятся меркуриане, и он дорого дал бы, чтобы увидеть их лица в момент, когда они осознают, что случилось с их игрушкой.

Однако у медали была и обратная сторона, и она, оказалось, все разрасталась по мере того, как Нортон углублялся в раздумья. Он был поставлен перед не-

обходимостью принять самое трудное решение во всей своей жизни. Но сказать так — значило уменьшить до смешного. Решение, которое предстояло принять, было самым трудным из всех, с какими когда-либо доводилось сталкиваться любому командиру: от этого решения, возможно, зависело будущее человечества. Что, если меркуриане — допустим на мгновение — хоть отчасти правы?..

Посоветоваться с Землей не представлялось возможным: его уже предупреждали, что любое сообщение будет непременно перехвачено, хотя бы при помощи радиоаппаратуры, обслуживающей бомбу. Вся полнота ответственности ложилась на его плечи.

Он мог бы ничего не предпринимать, просто ждать, пока меркуриане не предложат уносить ноги. Однако как бы это выглядело в глазах потомков? Нортон не столь уж заботила проблема посмертной славы или бесчестья, но тем не менее ему не улыбалось прослыть в веках соучастником космического преступления, которое он был в силах предотвратить.

А Борис подготовил безупречный план. Как и предполагал капитан, Родриго обдумал все детали, предусмотрел любые возможности вплоть до той, что бомба взорвется при первом прикосновении. Даже в этом случае «Индевор» не пострадает, прикрытый Рамой, словно щитом. Что касается самого лейтенанта Родриго, перспектива мгновенного причисления к лику святых не смущала его ни в малейшей степени.

Но и в том случае, если бомбу удастся благополучно обезвредить, это, пожалуй, еще далеко не конец. Меркуриане могут сделать новую попытку, если никто не изыщет способа остановить их. И все же будет выиграно две-три недели, и Рама минует перигелий, прежде чем его настигнет новая ракета. К тому времени, надо надеяться, опасения паникеров окажутся несостоятельными. Или наоборот...

Что толку уповать на логику, бесконечно перебирать взаимоисключающие варианты будущего? Так можно ходить по кругу до скончания веков. Пришло время

прислушаться к внутреннему голосу.

— Ты прав, капитан,— прошептал он.— Человечество должно сберечь чистую совесть. Что бы ни говорили меркуриане, выжить — это еще не все...

По селектору Нортон вызвал лейтенанта Родриго.

40. «ДИВЕРСАНТ»

Со скутера сняли все, без чего можно было обойтись, осталась голая рама, связывающая двигатели, рули и систему жизнеобеспечения. Выбросили даже сиденье второго пилота — ведь за каждый килограмм лишнего веса пришлось бы расплачиваться драгоценными секундами полетного времени.

Это была одна из причин, хотя и не главная, почему Родриго настаивал на том, чтобы идти в одиночку. Дело, говорил он, такое несложное, что помощники просто не нужны, а полет с пассажиром займет на две-три минуты больше. Облегченный скутер мог развить ускорение свыше одной трети; следовательно, расстояние от «Индевора» до бомбы можно покрыть за четыре минуты. В распоряжении «диверсанта» останется шесть — их хватит с избытком.

Отчалив от корабля, он оглянулся всего только раз, чтобы удостовериться, что «Индевор» снялся с центральной оси и тихо перемещается к краю северного торца цилиндра. К моменту, когда он доберется до бомбы, между нею и кораблем встанет толща Рамы.

Над полярным диском Родриго летел не торопясь. Спешить пока не было нужды: телекамеры, установленные на бомбе, не могли засечь его здесь, и следовало поберечь горючее. Затем он перевалил за изогнутую кромку цилиндра и увидел ракету.

Программу автоштурману он рассчитал заранее. Осталось лишь ввести ее в действие; скутер стремитель-

но развернулся и через несколько секунд уже шел полным ходом. На миг померещилось, что обретенный заново вес раздробит все кости, но не прошло и минуты, как Родриго привык к нему.

Сто секунд с начала полета; пройдено почти полпути. До бомбы оставалось еще слишком далеко, чтобы различить детали, просто она все ярче горела на фоне черного неба. Небо было непривычным — ни одной звезды, ни блестящей Земли, ни ослепительной Венеры: их гасили темные светофильтры, защищавшие глаза от убийственного солнечного сияния.

Через две минуты десять секунд на контрольной панели зарделся мигающий огонек, тяга упала до нуля, и скутер перевернулся на 180 градусов. Двигатели вновь включились на полную мощность, но уже не разгоняя, а тормозя суденышко в том же сумасшедшем темпе. До бомбы двадцать пять километров — это еще две минуты. Он развил скорость до полутора тысяч километров в час — цифра для космического скутера рекордная. Но и выпавшая на долю Родриго миссия — не какая-нибудь заурядная рекогносцировка, в этом сомневаться не приходилось.

Бомба росла на глазах; он уже видел главную антенну, неотрывно следящую за неразличимой звездочкой Меркурия. Три минуты назад эта антенна со скоростью света послала своим хозяевам изображение приближающегося скутера. Но пройдет еще две минуты, прежде чем изображение достигнет цели.

Что же, спрашивается, предпримут меркуриане, завидя скутер? Разумеется, оцепенеют от ужаса, поняв, что он приблизился к бомбе на несколько минут раньше, чем они узнали о его существовании. Наблюдатель у экрана, вероятно, прежде всего свяжется с властями — на это уйдет еще какое-то время. Но даже в худшем случае, если дежурный офицер уполномочен дать команду на взрыв и нажмет на кнопку тотчас же — понадобится еще пять минут, чтобы сигнал вернулся сюда.

Родриго не стал бы заключать пари, но внутренне

он был совершенно уверен, что такой незамедлительной реакции не последует. Меркуриане трижды подумают, прежде чем решиться уничтожить разведчика, посланного «Индевором», даже если догадаться о его намерениях. Вначале они попытаются вступить в переговоры — и это означает новую отсрочку.

Для колебаний есть и другая, еще более веская причина: вряд ли меркуриане захотят извести гигантскую бомбу на какой-то скутер. Взорванная так далеко от Рамы, она не причинит ему ни малейшего вреда. Значит, меркуриане обязательно попытаются пододвинуть ее поближе. Право же, у него, у Родриго, уйма времени... Но рассчитывать все равно следует на самое худшее. Он должен действовать так, словно сигнал к взрыву придет в кратчайший возможный срок — ровно через пять минут.

Бомба представляла собой цилиндр длиной метров десять и диаметром примерно три метра. С ракетой-носителем бомбу связывало переплетение коротких двутавровых балок. Все балки отходили от носителя под прямым углом, и бомба зловеще напоминала молот, поднятый для удара. С обоих концов бомбы свисали связки экранированных кабелей; они убегали под ее корпус и исчезали где-то в недрах носителя. Значит, все управление и контроль осуществлялись оттуда — на самой бомбе не было никаких антенн. Оставалось лишь перерезать эти две связки — и она превратилась в безобидную грудку мертвого металла.

В общем-то именно этого он и ожидал, и все-таки задача выглядела слишком уж простой. Бросил взгляды на часы — пройдет еще тридцать секунд, прежде чем меркуриане узнают о его существовании, даже если они не отрывают глаз от экрана и заметят его в тот самый момент, когда он обогнул торец Рамы. В течение целых пяти минут никто в целом мире не в силах ему помешать — и можно ручаться, что времени в запасе гораздо больше...

Как только скутер окончательно остановился, Родриго прикрепил его к ближайшей балке. На это ушло

всего несколько секунд, инструменты давно были наготове, и он выбросился из кресла пилота.

Тяжелые кусачки рассекали кабель без труда. Отделяя первые проволочные пряди, Родриго не задумывался о геенне огненной, запертой в считанных сантиметрах от его рук: если ему суждено выпустить силы ада на волю, он не успеет и узнать об этом...

Он опять взглянул на часы — вся операция заняла меньше минуты, он вполне укладывался в график. Теперь хвостовой кабель — и можно отправляться домой на виду у обескураженных и разгневанных меркуриан.

Но едва он притронулся ко второму пучку кабелей, как ощутил пальцами слабую вибрацию металла. Озадаченный, он оглянулся и ощупал глазами тело ракеты. Один из вспомогательных двигателей, ведающих ее ориентацией в пространстве, был окружен характерным сине-фиолетовым ореолом раскаленной плазмы. Бомба собралась двинуться в путь.

Радиограмма с Меркурия была лаконичной и непрекаемой. Пришла она через две минуты после того, как Родриго скрылся за кромкой цилиндра Рамы.

Командиру корабля «Индевор». Меркурий-Инферно-Уэст предлагает вам с получением настоящей радиограммы покинуть окрестности Рамы. В вашем распоряжении один час. Рекомендуем взлет с максимальным ускорением в направлении оси вращения. Подтвердите прием. Конец.

Вначале Нортон просто не поверил своим глазам, потом рассердился. Он поймал себя на ребяческом побуждении радировать в ответ, что весь экипаж работает внутри Рамы и что на эвакуацию потребуются часы и часы. Но этим он, конечно, ничего бы не добился, разве что проверил бы, сильна ли воля и крепки ли нервы у меркуриан.

Но почему они решили перейти рубикон за несколько дней до перигелия? Быть может, давление общественного мнения возросло настолько, что они предпочли поставить остальную часть человечества пе-

ред свершившимся фактором? Маловероятно; подобная чувствительность не в их натуре...

Отозвать Родриго он не мог, даже если захотел бы: скутер находится в радиотени Рамы, и связи с ним не будет до тех пор, пока не восстановится прямая видимость. А этого не случится до самого завершения «диверсии» — или до ее провала.

Первым чувством Родриго, когда бомба пришла в движение, был не физический страх, а нечто большее. До сих пор он верил, что Вселенная повинуетя строгим законам, перед которыми склоняется все и вся, даже бог, а тем паче какие-то меркуриане. Ни один приказ нельзя передать быстрее скорости света; скутер заведомо обогнал на целых пять минут любую встречную акцию, любое решение. Значит, это все-таки совпадение — фантастическое, смертельно опасное, но только совпадение.

А может, это автоматическая коррекция для устранения, какой-нибудь местный перегрев? Температура поверхностных слоев металла местами приближалась к полутора тысячам градусов, и Родриго старался держаться в тени...

Но вслед за первым двигателем заработал и второй, уравновешивая возникшее было вращение. Бомба нацеливалась точно на Раму. Бессмысленно вопрошать, почему это случилось именно в данный момент. Одно обстоятельство играло ему на руку: бомба разгонялась с невысоким ускорением.

Родриго проверил захваты, крепящие скутер к опорным балкам, и собственный страховочный пояс. Означает ли этот маневр, что меркуриане намерены взорвать бомбу без предупреждения, не дав «Индевору» времени на спасение? Это казалось невероятным: совершеннейшее безумие, сознательный вызов всей Солнечной системе. Что заставило их преступить клятву, данную их полномочным послом?

Вторая радиограмма с Меркурия появилась на десять минут позднее: они продлили срок ультиматума — в распоряжении Нортон по-прежнему оставался

один час. И очевидно, что они, прежде чем повторить свой приказ, дали «Индевору» время на ответ.

Однако теперь в их расчеты вмешался новый фактор: теперь они уже заметили Родриго и, вероятно, предприняли какие-то решительные действия. Надо думать, их директивы уже в пути. С секунды на секунду радиоволны достигнут ракеты...

Придется готовиться к старту. В любую секунду заполняющая небо громада Рамы может раскалиться по краям и вспыхнуть недолгим яростным сиянием, затмевающим самое Солнце.

Когда заговорил главный двигатель, Родриго был привязан вполне надежно. Двигатель проработал всего двадцать секунд — и смолк. Родриго проделал в уме быстрый подсчет: приращение скорости не могло оказаться больше пятнадцати километров в час. Понадобится час с лишним, чтобы бомба подошла к Раме вплотную; пожалуй, меркуриане просто решили пододвинуть ее поближе, чтобы при необходимости быстрее поразить цель. Если так, то это разумная предосторожность. Разумная, но слишком запоздалая.

Родриго вновь взглянул на часы, хотя за последние минуты чувство времени обострилось у него настолько, что почти не нуждалось в проверке. На Меркурии уже увидели, что он целеустремленно подбирается к бомбе, что их разделяют какие-то полтора-два километра. Насчет его намерений у них наверняка не возникло и тени сомнения; скорее всего там сейчас гадают, осуществил он их или еще не успел...

Второй пучок кабелей подался так же легко, как и первый. Он обезвредил бомбу, чтобы ее нельзя было взорвать дистанционным приказом. Но оставалась иная возможность, которой тоже не следовало пренебрегать. Отсутствие на бомбе внешних взрывателей еще не означало, что нет и взрывателей встроенных, способных на детонацию при ударе.

Пройдет пять минут — и в центре управления, скрытом где-то на Меркурии, увидят, как он сползает по балкам обратно к ракете, сжимая в руке скромных

размеров кусачки, обезвредившие мощное оружие. Родриго с трудом преодолевал искушение помахать ими перед телекамерой, но решил, что это ниже его достоинства; в конце концов, он делает историю, и в грядущие годы эту сцену будут наблюдать миллионы и миллионы людей. Если, конечно, меркуриане не уничтожат запись в припадке бессильной злобы, однако он лично вряд ли вправе осуждать их.

Добравшись до антенны дальнего действия, он перебирал руками по стойкам, пока не подплыл к самой ее чаше. Его верные кусачки шутя справлялись со сложной подводкой, с легкостью перерезая кабели и волноводы. Едва он рассек последнюю из стальных нитей, антенна принялась медленно вращаться на оси; вращение испугало его своей неожиданностью, но потом он понял, что нарушил систему автоматической ориентации на Меркурий.

Родриго вернулся на скутер, отпустил захваты и, развернув суденышко, уперся передним бампером в корпус ракеты, ближе к предполагаемому центру массы. Затем дал полную тягу и поддерживал ее добрых двадцать секунд. Потом Родриго сбросил тягу до нуля и замерил параметры движения бомбы. Она, бесспорно, разминется с Рамой, и разминется далеко.

41. ГЕРОЙ

— Дорогая,— начал диктовать Нортон,— вся эта чепуха задержала нас на сутки с лишним, зато наконец-то дала мне возможность потолковать с тобой... Я все еще на корабле, но он уже возвращается к своей стоянке у полярной оси. Час назад мы подобрали Бориса, вид у него был такой, словно он просто вернулся с дежурства после спокойной вахты. Ду-

маю, что на Меркурии ни мне, ни ему теперь никогда не бывать, и могу только гадать, как нас встретит Земля — как героев или как негодяев. Совесть моя чиста: я уверен, что мы поступили правильно. Интересно, дождемся ли мы хоть когда-нибудь благодарности от самих раман?..

Задерживаться здесь мы можем теперь не дольше, чем на два дня: у нас нет километровой брони, оберегающей нас от Солнца. Корпус корабля местами уже раскален до опасных пределов, и нам пришлось выставить защитные экраны. Извини, не хочу докучать тебе своими заботами...

Времени осталось как раз на один последний поход в глубь Рамы, и я намерен выжать из этого похода максимум. Не волнуйся — я ничем не рискую...

Он остановил запись. По правде сказать, такое заявление можно было принять разве что с натяжкой. В пределах Рамы опасность и неуверенность неизбежно сопровождали каждый шаг, перед лицом недоступных пониманию сил ни один человек не смел чувствовать себя, как дома. А в этом последнем походе он решил рискнуть чуть больше, чем прежде.

— Через сорок восемь часов наша миссия будет завершена. Что потом, до сих пор неясно: на пути сюда мы сожгли фактически все свое топливо. Я не знаю, успеет ли танкер встретиться с нами вовремя, чтобы мы сумели вернуться на Землю, или нам придется садиться на Марс. Так или иначе, к Новому году буду с вами. Передай малышу, что не могу, к сожалению, привезти ему детеныша биота — таких, увы, в природе не существует...

Чувствуем себя хорошо, только очень устали. Я заслужил продолжительный отпуск, и мы с тобой стараемся наверстать потерянное время. Можешь смело считать, что вышла замуж за героя. Многие ли жены вправе утверждать, что их мужьям довелось спасти целый мир?..

Как всегда, прежде чем снимать с пленки копию, он внимательно прослушал ее и удостоверился, что

текст приемлем для обеих семей. Он даже приблизительно не знал, какую из них увидит первой: обычно его личное расписание составлялось по крайней мере на год вперед в соответствии с неумолимым движением самих планет.

42. ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

— А ты совсем-совсем не боишься,— задумчиво спросил Карл Мерсер,— что Биоты потребуют остановить нас?

— Не исключено. Собственно, это один из вопросов, на которые я хотел бы найти ответ. Слушай, что ты на меня так уставился?..

Мерсер смотрел на Нортон с затаенной усмешкой: такая усмешка появлялась у Карла на лице всякий раз, когда ему на ум приходило какое-то острое словцо,— иногда он изрекал это словцо, а иногда и нет...

— Уж не вообразил ли ты, шкипер, что стал на Раме владыкой? До сих пор ты категорически пресекал все попытки проникнуть в здание. Чему мы обязаны переменой в твоём настроении? Меркуриане подсказали новую тактику?

Нортон расхохотался, но тут же сдержал себя. Вопрос с подвохом, и он не был уверен, что самый очевидный из ответов окажется самым правильным.

— Это наш последний шанс, если даже нас вынудят к отступлению, мы ничего не теряем... Биоты никогда не проявляли к нам вражды. Если уж придется драпать, кроме пауков, нас никто и не догонит.

— Ты можешь драпать, если хочешь, а я намерен удалиться с достоинством. Я понял, почему биоты ведут себя с нами так вежливо.

— Тебе не кажется, что для новой теории у нас уже нет времени?

— Тем не менее выслушай. Они считают нас ра-

манами. Просто-напросто не видят разницы между одним существом, поглощающим кислород, и другим.

— Может, ты и прав. Но без набега на Лондон этого тоже не выяснить...

Пустынные улицы Лондона казались полными угроз, хотя он прекрасно осознавал, что страхи порождены его собственной совестью. Он не думал, что в строениях без окон прячутся настороженные обитатели, которые хлынут свирепыми ордами, едва пришельцы поднимут руку на их собственность. Всем было ясно, что Лондон — как и остальные «города» — представляет собой лишь своеобразный склад.

Но возникали и страхи иного рода, однако более обоснованные. Резкий запах окиси азота — в луче лазерного ножа горело все — затем пронзительное шипение, как только огненное лезвие коснулось металла. За минуты нож вырезал плиту в рост человека.

Майрон повременил, но плита не шелохнулась; постучал по ней сначала легонько, потом сильнее, наконец ударил изо всех сил. Плита рухнула внутрь с гулким раскатистым звоном. И вновь, как и в первые дни знакомства с Рамой, Нортон представил себя археологом, вскрывающим древнеегипетскую гробницу. Он не ждал увидеть груды золота, но ему не терпелось шагнуть в отверстие с фонарем в руке.

Хрустальный замок — таково было первое впечатление. Ряды прозрачных вертикальных колонн, толщиной около метра каждая, а высотой от пола до потолка, убегали от него в темноту, куда не мог проникнуть луч фонаря. Нортон подошел к ближайшей колонне и посветил в ее глубину.

— Очень красиво, — заявил практичный Мерсер, — но кому нужен лес стеклянных столбов?

Добравшись до соседней колонны, которая выглядела точно так же, как и предыдущая, он услышал удивленное восклицание Мерсера:

— Колонна была пуста, а теперь там что-то есть...

Нортон стремительно обернулся.

— Где? Ничего не вижу...

Он смотрел в направлении, куда указывал Мерсер, но по-прежнему видел только совершенно прозрачную колонну.

— Не видишь?— недоверчиво спросил Мерсер.— Обойди с этой стороны. Дьявол, теперь и я потерял его из виду...

— Что здесь происходит?— осведомился Колверт. Прошло несколько минут, прежде чем что-то для них прояснилось.

Колонны казались прозрачными не при любом освещении и не под всяким углом. Стоило, не торопясь, обойти любую из них, и перед вашим взором возникали странные предметы, утопленные, словно насекомые в янтаре,— они появлялись и тут же исчезали опять. Там было множество разных предметов. Выглядели они вполне реальными и вещественными, но порой занимали, казалось, одно и то же место в пространстве.

— Голограммы,— догадался Колверт.— В точности как в земных музеях.

Объяснение представлялось вполне приемлемым, но Нортон отнесся к нему с подозрением. Сомнения крепили по мере того, как капитан осматривал колонну за колонной и сопоставлял образцы, замурованные в их недрах.

Инструменты /для рук огромной величины и диковинной формы/, сосуды, какие-то маленькие машинки с клавиатурой, требующей не пяти, а гораздо большего числа пальцев, научные приборы и предметы домашнего обихода, до неправдоподобия заурядные, например, ножи и тарелки, вполне уместные, если бы не их размеры, в любой земной квартире,— там было все и еще сотни вещей менее понятного назначения, чаще всего сваленные вместе, в одной куче.

Они принялись ряд за рядом фотографировать ускользающие образы в хрустальных колоннах, и тогда полнейшая разнородность предметов наконец навела Нортон на догадку. Что, если это не коллекция, а каталог, составленный в соответствии с внешне про-

извольной, но по-своему логичной системой? Он подумал о том, какие дикие сочетания рядом стоящих понятий встречаются в словаре или в алфавитном инвентаризационном списке, и поделился своей идеей с товарищами.

— Мысль понятна,— ответил Мерсер.— Рамане пришли бы в не меньшее удивление, обнаружив, что мы ставим рядом, ну, скажем, кинжал с кинокамерой.

— Именно,— подтвердил Нортон.— Перед нами что-то вроде каталога стереоизображений, вернее пространственных лекал или трехмерных схем, если вам так больше нравится.

— Итак,— произнес Мерсер задумчиво,— если раманину понадобилась какая-нибудь редкостная безделушка, он набирает определенный кодовый номер, и она изготавливается по припасенному здесь шаблону?

— Что-то в этом роде.

Колонны, среди которых они шли, все увеличивались в размерах и теперь диаметр их превышал два метра. Изображения стали соответственно крупнее — не составляло труда догадаться, что по каким-то, несомненно, серьезным причинам рамане неукоснительно придерживались масштаба один к одному. «Но если так,— заинтересовался Нортон,— как же они хранят что-то по-настоящему громоздкое?..»

Чтобы охватить как можно большую площадь, четверо людей рассыпались среди хрустальных колонн и снимали, едва успевая наводить свои камеры на образы-привидения. «Нам удивительно повезло,— твердил себе Нортон, хотя и чувствовал, что заслужил удачу,— даже имея выбор, мы не могли бы представить себе ничего лучшего, чем этот иллюстрированный каталог раманских изделий». И в то же время трудно было вообразить себе что-нибудь более досадное. Ведь там, в толще колонн, не было ничего, кроме неосязаемой игры света и тени: предметы, такие реальные на вид, в действительности не существовали...

Он снимал какое-то, по-видимому, оптическое ус-

тройство, когда громкий зов Колвера заставил его броситься сквозь строй хрустальных колонн.

— Шкипер! Карл! Уилл! Взгляните-ка вот на это...

Внутри одной из двухметровых колонн прятались замысловатые доспехи — или мундир, — созданные, вне всякого сомнения, для прямоходящего существа ростом значительно выше человека. От узкого металлического пояса, предназначенного для талии, торса или чего-то вовсе неведомого земной анатомии, сверху отходили три легких стержня, на которых держался внушительный обруч метрового диаметра и идеально круглой формы. Вдоль обруча равномерно размещались петли, предназначенные явно для верхних конечностей — для рук. Для трех рук... И еще на обрубке были бесчисленные кармашки, хомутики, подsumки с торчащими из них инструментами /или оружием?/, патрубки, контакты и даже маленькие черные коробочки, которые вполне пришились бы ко двору в любой электронной лаборатории на Земле. Доспехи по сложности конструкции напоминали космический скафандр, хотя и защищали своего хозяина только частично.

«Каков же этот хозяин? — спросил себя Нортон. — Этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но кто бы он ни был, он наделен разумом — иначе не справиться с такой сложной аппаратурой...»

— Метра два с половиной, — произнес вслух Мерсер, — это без головы. Интересно, на что она похожа? Рук три, ног, должно быть, тоже три. Вроде пауков, только много массивнее. Ты думаешь, совпадение?

— Может, и нет. Мы конструируем роботов по собственному образу и подобию. Почему не допустить, что рамане поступают так же?

Джо Колверт взирал на доспехи с почти благоговейным выражением.

— Знают ли они, что мы здесь? Как вы считаете? — прошептал он.

— Сомневаюсь, — ответил Мерсер. — Мы не проник-

ли даже на порог их сознания. Правда, меркуриане на этот счет другого мнения.

Они все еще толпились у колонны, не в силах отойти от нее, когда рация донесла встревоженный голос Питера:

— Шкипер, выбирайтесь скорее наружу!.. Рама гасит огни...

43. ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда Нортон в спешке выбрался из вырезанной лазером дыры, ему сначала показалось, что шесть солнц Рамы светят, как прежде. «Ну конечно,— подумал он,— Питер ошибся... Хотя это на него вовсе не похоже...»

— Свет ослабевает так постепенно,— объяснял Питер,— что я сам не сразу заметил разницу. Но ослабевает несомненно — я замерил. Уровень освещенности упал на сорок процентов...

Нортон и сам заметил это, как только глаза заново привыкли к свету. Долгий раманский день близился к концу.

— Ну вот,— сказал он хмуро.— Возвращаемся домой. Оставьте все снаряжение здесь, больше оно нам не понадобится...

Они пустились в путь быстрыми размеренными прыжками. Нортон предложил темп, который, по его расчету, выведет их на край равнины без переутомления, но в минимальный срок. Капитан без особой радости представил себе восьмикилометровый подъем, который ждет их на Бете, но ему, решил он, станет много спокойнее, когда они начнут восхождение. Первый толчок нагнал их почти у самого основания лестницы. Толчок был очень легким, и Нортон инстинктивно повернулся к югу, думая увидеть новый ог-

ненный спектакль в районе рогов. Но если над вершинами гор и скапливались электрические заряды, то на сей раз они были слабы.

— На корабле,— вызвал он по радио,— вы что-нибудь заметили?

— А как же, шкипер, небольшое сотрясение. Возможно, новое изменение ориентации. Следим за гироскопасом — стрелка движется! Еле заметно, меньше микрорадиана в секунду, но определенно движется!..

— Угловая скорость нарастает — пять микрорад. Алло, алло, а новый толчок вы заметили?

— Конечно. Переведите все системы корабля на рабочий режим. Не исключена возможность экстренного старта.

— Группа наблюдения!— вызвал Нортон.— Проектор действует? Он может нам срочно понадобиться...

— Так точно, шкипер. Включаем.

Высоко над головами вспыхнула успокоительно светлая искорка. По сравнению с блекнущим раманским днем она выглядела на удивление немощной, но она уже сослужила им хорошую службу раньше, и если возникнет нужда, сослужит опять.

Через час они добрались до четвертого пролета лестницы, примерно в трех километрах над равниной. Дальше дела, надо надеяться, пойдут лучше — притяжение уже составляло менее трети земного.

На четвертой площадке они сделали передышку. И тут раздался свист, исходящий, казалось, отовсюду. Вначале еле слышный, он стал громким, затем пронзительным, затем быстро ослаб и прекратился вовсе. Через несколько секунд все повторилось в той же последовательности. Создалось впечатление, что свист — некий сигнал, причем предназначенный не для людей, но и они его поняли. Затем сигнал со звукового стал световым: по узким долинам, освещавшим этот мир, понеслись ослепительные нити. Они бежали от обоих полюсов к морю в синхронном, гипнотическом ритме, который мог иметь одно-единствен-

ное значение: «В море!.. — звали огни.— В море!..» Призыву было трудно противиться: среди космонавтов не нашлось человека, который не испытал бы побуждения вернуться и искать спасения в водах Рамы.

— Группа наблюдения!— повелительно произнес Нортон.— Вам видно, что происходит?

Голос Питера, донесшийся в ответ, звучал прямо-таки испуганно:

— Так точно, шкипер. Я как раз смотрю на Южный континент. Там до сих пор полным-полно биотов, включая самых больших. И все они несутся к морю с такой скоростью, какой я у них никогда не видел. Вон кран подкатился к краю утеса и — бух через край! Прямо как Джимми, только летит быстрее..., ударился о воду — сноп брызг... и, откуда ни возьмись, акулы, вцепились в него и рвут на куски..., хм, зрелище не из приятных...

Рама задраивал люки. Таково было ощущение, владевшее Нортонем, хотя он и не сумел бы его логически обосновать. Он уже не мог бы поручиться за свой рассудок — душу раздирали два противоположных стремления: необходимость спастись и острое желание подчиниться зову молний, вспыхивающих в небе и приказывающих присоединиться к биотам в их движении к морю.

Еще один пролет лестницы — еще одна передышка, чтобы мышцы освободились от яда усталости. Потом снова в путь.

От свиста, беспрерывно меняющего частоту, можно было сойти с ума — и вдруг его не стало. В то же мгновение огненные четки, пылавшие в прорезях Прямых долин, прекратили свой бег к морю, шесть линейных солнц Рамы вновь превратились в сплошные полосы света. Однако эти полосы быстро меркли, временами мигая, словно энергетические источники, питающие исполинские лампы, почти истощились. Изредка под ногами ощущалась легкая дрожь, с «Индегора» докладывали, что Рама по-прежнему разворачивается с неуловимой медлительностью, как игла

компаса в слабом магнитном поле. Это, пожалуй, был обнадеживающий признак — вот если бы Рама уже закончил разворот, Нортон всполошился бы не на шутку.

Как доложил Питер, биоты исчезли все до одного. Во всем пространстве Рамы не осталось ничего живого, за исключением людей, с мучительной нерасторопностью карабкающихся по вогнутой чаше северного купола.

Нортон давным-давно забыл о головокружении, испытанном тогда, во время первого восхождения, зато теперь в сознание начали закрадываться страхи иного рода. Здесь, на бесконечном подъеме от равнины к шлюзам, они были так уязвимы! Что, если Рама, завершив маневр, без промедления начнет разгон?

Усилие, очевидно, будет направлено вдоль оси. Если на юг, то это не составит проблемы: их просто прижмет к склону, по которому они поднимаются, немного сильнее. А если на север? Тогда их, чего доброго, выбросит в пространство и рано или поздно они свалятся на равнину далеко внизу...

Он старался успокоить себя тем, что вероятное ускорение очень и очень невелико. Вычисления доктора Переры крайне убедительны: Рама не может разогнаться с ускорением, большим чем одна пятидесятая g , иначе Цилиндрическое море выплеснется через южный утес и затопит целый континент. Но Перера сидел у себя на Земле, в уютном кабинете и не знал, что такое километры металла, угрожающе нависшего над головой. И кто сказал, что Рама не приспособлен для периодических наводнений?..

Наконец лестница кончилась. Впереди остались лишь считанные сотни метров вертикального, врезанного в плоскость трапа. Трапа, по которому на сей раз даже карабкаться не придется: наблюдатель, перебирая канат, с легкостью вытянет их одного за другим. Притяжение уже не помеха — даже у основания трапа человек весит менее пяти килограммов, а наверху и вовсе ничего не весит.

Видимость сохранялась такой, как на Земле в полнолуние: общая картина вполне отчетлива, хотя деталей не разглядеть. Южный полюс был частично затянут каким-то светящимся туманом, сквозь который виднелся только Большой рог, но он со стороны вершины казался маленькой черной точкой. Тщательно нанесенный на карты, но по-прежнему неведомый континент за морем выглядел таким же хаосом лоскутков, как и всегда. Перспектива была слишком искажена, а картина слишком сложна для исследования невооруженным глазом, и Нортон почти не удостоил ее вниманием.

44. ГИПЕРДВИГАТЕЛЬ ВКЛЮЧЕН

Рама продолжал разворачиваться, направление его оси изменилось уже почти на пятнадцать градусов, и с каждым градусом, по логике вещей, близился переход на новую орбиту. В Организации Объединенных Планет возбуждение достигло степени истерии, однако до «Индевора» доходили лишь слабые его отзвуки. Экипаж был измотан и физически и эмоционально — и, не считая вахтенных, число которых было сокращено до минимума, проспал после взлета с Северной базы полных двенадцать часов. Нортон включил аппарат электросна, и все равно ему мерещилось, что он взбирается по бесконечной лестнице.

На второй день после возвращения на корабль все вошло в нормальную колею, исследования внутри Рамы уже представлялись частью какой-то другой жизни. Меркурий хранил молчание, и Генеральная Ассамблея прервала свою сессию.

Через тридцать часов после старта с Рамы, едва Нортон впервые заснул здоровым сном, его жестоко встряхнули за плечо. Он выругался, приоткрыл глаза,

узнал Карла Мерсера и мгновенно полностью очнулся.

Весь «Индевор» был уже на ногах, даже шимпанзе поняли, что происходит нечто необычное, и тревожно пищали, пока сержант Макэндрюс не успокоил их. И все же Нортон, устраиваясь в кресле и затягивая ремни, поймал себя на мысли, не очередная ли это ложная тревога.

Цилиндр Рама как бы укоротился, из-за края его выглядывал палящий солнечный ободок. Огромный протуберанец, высотой по крайней мере полмиллиона километров, выбросился так далеко в пространство, что верхние его языки казались ветвями темно-красного огненного дерева.

— Шкипер! — вызвал его взволнованный Колверт из штурманской. — Мы вращаемся, взгляните на звезды! Но ни один прибор не показывает ничего...

Звездное небо, несомненно, смещалось — вон по экрану левого борта медленно проплыл Сириус. Одно из двух: или Вселенная решила вернуться к докоперниковой космологии и вдруг принялась вращаться вокруг «Индевора», или звезды пребывали на своих местах, а вращался корабль.

Рама наконец-то уходил с прежней орбиты, уходил со скромным ускорением. «Индевор» держался в кильватере удаляющегося исполина и его закрутило позади, как обломок кораблекрушения...

Час за часом ускорение оставалось постоянным; Рама улетал от «Индевора» с непрерывно возрастающей скоростью. По мере удаления цилиндра противоестественное поведение самого «Индевора» мало-помалу прекратилось. Можно было лишь гадать о чудовищных силах, приведших Раму в движение, если их завихрения вызвали такой эффект, и Нортон возблагодарил судьбу, что успел отвести «Индевор» на безопасное расстояние, прежде чем Рама включил свой гипердвигатель.

Что касается природы этого двигателя, несомненным было одно: Рама перешел на новую орбиту без помощи газовых струй, ионных лучей или потоков

плазмы. Никто не сумел выразить свои чувства лучше, чем сержант — он же профессор — Майрон, который произнес потрясенно:

— Прости-прощай, третий закон Ньютона!..

Однако сам «Индевор» находился в прямой зависимости именно от третьего закона Ньютона, когда на следующий день сжигал последние остатки топлива, пытаясь отклонить собственную свою орбиту как можно дальше от Солнца. Большого отклонения достигнуть не удалось, и все же расстояние от Солнца в перигелии увеличилось на десять миллионов километров. Такова была дистанция между необходимостью выжать из систем охлаждения 95 процентов мощности и стопроцентной уверенностью в огненной смерти.

Когда корабль завершил свой маневр, Рама ушел от «Индевора» на двести тысяч километров и на фоне пылающего Солнца стал почти невидимым. Однако локаторы вели измерения новой орбиты цилиндра — и чем больше данных получали люди, тем сильнее недоумевали.

«Что за вселенская ирония,— сказал себе Нортон, разглядывая листок с расчетами,— миллионы лет компьютеры Рамы благополучно вели его к цели и вдруг совершили единственную пустяковую ошибку, скорее всего заменили в каком-нибудь уравнении знак плюс на минус...»

Все были так уверены, что Рама затормозит и, пойманный притяжением Солнца, станет новой планетой Солнечной системы. На деле произошло нечто диаметрально противоположное.

Рама набирал скорость — в худшем из всех возможных направлений. Рама падал на Солнце, и с каждым мгновением все быстрее.

45. ПТИЦА ФЕНИКС

Когда параметры новой орбиты звездного гостя определились с окончательной четкостью, никто не взялся бы утверждать, что корабль избежит катастрофы. В перигелии Раму от пылающего водородного ада будут отделять едва ли полмиллиона километров. Никакое твердое вещество не способно противостоять царящим здесь температурам; сверхпрочный сплав, из которого изготовлен корпус Рамы, начнет плавиться на расстоянии, раз в десять большем... Но вот примерно в пяти миллионах километров от Солнца Рама, все ускоряя свой бег, принялся свивать себе кокон. До сих пор в телескопы «Индевора» он был виден при максимальном увеличении как крохотная яркая полоска — и вдруг полоска начала мерцать, как звезда над самым горизонтом. Прежде всего подумалось, что Рама разрушается, и Нортон, уловивший необычную прерывистость изображения, испытал острую внутреннюю боль при мысли о безвозвратной утрате такого чуда. Потом он понял, что Рама цел, но окружен мерцающим ореолом.

И тут цилиндр исчез. На его месте возникла ослепительная точка — звездочка без какого бы то ни было видимого диска, словно Рама внезапно сжался в крохотный комок.

Прошло немало времени, прежде чем они догадались, что случилось. Рама действительно исчез — он был теперь окружен идеально отражающей сферой диаметром примерно в сто километров.

В примыкающей к Раме зоне с солнечным магнитным полем происходило что-то странное. Силовые линии в миллионы километров длиной, пронизывающие корону, отбрасывающие жгуты ионизированного газа с такой скоростью, что его подчас не могло удержать даже сокрушительное притяжение, — эти силовые линии закручивались вокруг блестящего эллипсоида. Тоннель слегка изгибался, словно предваряя орбиту Ра-

мы, и сам Рама — а быть может, защитный кокон вокруг него — казался яркой бусиной, летящей все быстрее и быстрее по призрачной трубе сквозь корону.

Ведь пришелец по-прежнему набирал скорость: теперь он делал более двухсот тысяч километров в секунду, и никто уже не рискнул бы пророчить, что он останется пленником Солнца. Наконец-то люди поняли стратегию раман: они подошли так близко к светилу просто ради того, чтобы почерпнуть энергию прямо из первоисточника и с еще большей скоростью двинуться дальше.

Все стремительнее и стремительнее обращался Рама вокруг Солнца, двигаясь теперь быстрее, чем любое тело, когда-нибудь попадавшее в Солнечную систему.

Корабль выскользнул из эклиптики в глубины южного неба, намного ниже плоскости движения планет. Разумеется, и это не было его конечной целью, но курс он взял точно на Большое Магелланово облако, на пустынные бездны вне Млечного пути.

46. ПРОЛОГ

Мысли Нортонa, казалось, витали где-то очень далеко. Он лежал с полужакрытыми глазами, заложив руки за голову и притушив свет, — не то чтобы в самом деле дремал, но отдался во власть раздумий. К действительности его вернули слова Лауры.

— Какие новости?

— Не уверяй меня, что ты забыл!..

— Перестань. В последние дни мне, право же, было над чем подумать...

Старший корабельный врач Эрнст взялась за передвижной стул и, подтолкнув его по направляющим,

села рядом с капитаном.

— Межпланетные кризисы приходят и уходят, а бюрократические колеса скрежещут с неизменным постоянством. Но, наверное, Рама все-таки подтолкнул их. Хорошо еще, что тебе не пришлось спрашивать разрешения у меркуриан...

— Значит, Порт-Лоуэлл наконец дал добро?..

— Более того, разрешение уже вступило в силу.— Лаура взглянула на полоску бумаги, которую принесла с собой.— Можешь убедиться, внеочередное. Не исключено, что приговор уже приведен в исполнение. Поздравляю.

— Спасибо. Надеюсь, мой наследник не рассердился на меня за эту волокиту...

Как и всем космонавтам, Нортону перед поступлением на флот сделали операцию: годы и годы, проведенные в пространстве, были чреваты даже не опасностью, а стопроцентной уверенностью в возникновении мутаций, вызванных радиацией. Набор генов, только что доставленный за двести миллионов километров на Марс, ждал своей судьбы в замороженном состоянии в течение тридцати лет.

Оставалось лишь гадать, успеет ли он домой к рождению сына. Он заслужил отдых, заслужил покой в лоне семьи. Теперь, когда его миссия была в основном завершена, он начинал понемногу расслабляться, начинал вновь задумываться над своим будущим — и над будущим обеих своих семей. Да, это будет славно погостить дома...

— Слушай,— запротестовала Лаура,— я пришла к тебе сугубо по долгу службы...

— За столько-то лет знакомства,— отвечал Нортон,— можно бы изобрести что-нибудь поостроумнее. Ты же сейчас не на вахте...

— О чем ты думаешь? — осведомилась Лаура Эрнст немалое время спустя.— Уж не становишься ли ты сентиментальным?

— Да я вовсе не о нас с тобой. Я о Раме. Знаешь, мне его, пожалуй, недостает...

— Премного признательна за комплимент.

Нортон сжал ее в объятиях. Ему и раньше приходило в голову, что у невесомости есть свои преимущества, и одно из них — вот оно: можно не разнимать рук хоть всю ночь, не рискуя затруднить кровообращение. Недаром кое-кто утверждал, что любовь при малой силе тяжести настолько утомительна, что уже не доставляет радости.

— Это общеизвестный факт, Лаура, что мужчины, не в пример женщинам, способны думать о двух вещах сразу. Но если серьезно, мною владеет чувство потери.

— Могу понять.

— Да не держись ты так сухо — тут не одна причина, а много. Впрочем, какая разница...

Он добился успеха. Открытий, сделанных людьми «Индевора» на Раме, ученым хватит на десятилетия. Но если разобраться, то он также и потерпел поражение. Можно строить бесконечные догадки, но природа раман и цель их путешествия так и останутся неизвестными. Они использовали Солнечную систему как заправочную станцию, а затем презрительно отвернулись от нее, продолжая свой путь к иной, более важной цели. Вероятно, они никогда и не узнают о существовании человечества; такое величавое безразличие было хуже намеренного оскорбления.

Когда Нортон увидел Раму в последний раз, тот казался крохотной звездочкой рядом с Венерой, и капитан понял, что с этой звездочкой улетает часть его жизни. Какие бы победы и почести ни готовило ему будущее, на протяжении многих и многих лет ему не избавиться от чувства, что главное позади.

На далекой Земле доктор Карлайл не успел еще никому рассказать, как он очнулся от беспокойного сна, пораженный внезапной догадкой. Однажды возникнув, эта мысль уже не давала ему покоя, стучала в голову как набат:

Все, что бы они ни делали, повторяется.

ПОСЛЕ

ЖИЗНИ

Слепящий свет фар мчащегося на нас автомобиля, жуткий скрежет, пронзительный крик, удар и...

Мне показалось, что я несусь через темное замкнутое пространство. Вот я уже парю метрах в пяти над машиной. Вижу: пешеходы вытаскивают из салона моего приятеля, судя по всему, в шоке. Среди обломков автомобиля виднеется мое изувеченное тело, перекрученные ноги, повсюду кровь. Кто-то произносит: "Этот отдал Богу душу!"

Так рассказывает о своей смерти один из тех, кто побывал "на том свете", но воскрес.

Способен ли умерший слышать и воспринимать окружающее? Существует ли, кроме нашего, земного, иной, "потусторонний", мир? Правда ли, что человек много раз живет на Земле?

На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы сборника "Жизнь после жизни". Взяв интервью у людей, побывавших в стадии клинической смерти, ученые сделали сенсационные открытия.

СОДЕРЖАНИЕ

Город и звезды Пер. А.Кубичев.....	9
Свидание с Рамой Пер.О.Битов.....	219

Литературно-художественное издание

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Фантастические романы

Составители и авторы предисловия

С.В.Солодовников, Г.Г.Ануфриев.

Редактор В.С.Гигевич

Набор и верстка произведены на настольно-издательской системе предприятия "Вид"

Сдано в набор 5.12.91 г. Подписано к печати 25.12.91 г. Формат 60×90¹/₁₆:
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 300 000 экз. Заказ № 3279.
Цена договорная.

Белорусско-австралийское агентство "Дайджест"
220034, Минск, ул.Фрунзе,5.

Смоленской полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством диапозитивов.

